

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

ДЕКАБРЬ 12
1937 г.

Редакция:
Москва, Пушкинская, д. 15а

12 декабря

12 декабря 1937 года — день выборов в Верховный Совет СССР — войдет в историю как один из самых замечательных дней в борьбе трудящихся за социализм.

12 декабря 1937 года — это день, когда великий советский народ выразит свою державную волю, выбрав свой новый верховный законодательный орган, Верховный Совет Союза ССР.

Необычайный подъем, сверкающий огнем советского патриотизма и социалистического энтузиазма, охватил многомиллионные массы нашего народа, выдвигающего в депутаты Верховного Совета СССР лучших людей страны во главе с великим вождем и организатором наших социалистических побед, гениальным продолжателем великого дела Маркса — Энгельса — Ленина, величайшим из учителей трудящегося человечества Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

Избирательная кампания по выборам в Верховный Совет СССР вступает в свою решающую стадию. Все более и более крепнет моральное и политическое единство рабочих, крестьян и интеллигенции нашей страны, слившихся в одном, невиданном еще порыве любви и преданности своей родине, к своей партии, своему подлинно народному правительству, своему великому учителю товарищу Сталину.

Двадцать лет Октябрьской социалистической революции превратили нашу страну в самую могучую и передовую социалистическую державу. За эти годы выросла гигантская социалистическая индустрия, выросла новая, колхозная деревня, выросла новая, советская культура и новые замечательные люди великой Сталинской эпохи, изменился весь облик нашей страны.

Более чем лучше и красноречивее всего говорят о том состав кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, выдвинутых нашим народом, сияющих цветом нового, советского социалистического общества. В этом нашла свое отражение черта, отличающая страну Советов от всех стран мира, новую Сталинскую Конституцию всех конституций других стран, выборы в Верховный Совет СССР от выборов в самый «передовой» и «демократический» парламент мира.

В августе 1918 года в «Письме к американским рабочим» Ленин писал: «... Новый мир,

мир социализма, — вот что встает перед нами в своем очертании, как Советская Республика. И неудивительно, что этот мир не рождается готовым, не выходит сразу, как Минерва из головы Юпитера»¹.

Двадцать лет советской власти — это великое двадцатилетие борьбы и героических трудов, создавших новый мир, мир социализма, новое общество самого последовательного демократизма.

Двадцать лет назад рабочие и крестьяне свергли власть помещиков и капиталистов в стране, изнемогавшей под игом эксплуататоров, истекавшей кровью в войне, навязанной ей хищниками империализма.

Первые слова нового рабоче-крестьянского правительства были — о мире, о земле, о социализме.

«Отныне наступает, — говорил Ленин в исторический день 7 ноября 1917 года на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, — новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма...»².

С тех пор прошло двадцать лет — срок ничтожный в масштабах истории человечества. Но этот срок оказался достаточным, чтобы смести до основания старое, буржуазно-помещичье государство дворян, купцов и фабрикантов и на его месте построить новое, социалистическое государство рабочих и крестьян.

Двадцатилетний путь Великой социалистической революции трудящиеся массы нашей страны прошли под руководством партии большевиков в жестоких и упорных боях со своими классовыми врагами.

Все силы старого мира ополчились против молодой советской республики. Капиталисты и помещики, банкиры и биржевики, генералы и юнкера, попы и монахи, меньшевики и эсеры, анархисты и обыкновенные бандиты — все, кто пылал лютот ненавистью к социализму, объединились в непримиримой борьбе против советской власти, сбросившей иго эксплуататоров. На сторону врага то и дело перелезали изменники, подлые трусы и предатели, штрейкбрехеры социалистической революции.

Рабочий класс и трудящееся крестьянство

¹ Ленин, т. XXIII, стр. 187—198.

² Ленин, т. XXII, стр. 4.

нашей страны с презрением выбросили на мусорную свалку истории отжившие, разгромленные и пущенные ко дну эксплуататорские классы со всей их подлой челядью, со всем их охвостом из эсеров, меньшевиков, троцкистов, бухаринцев и т. д.

Несмотря на все трудности, которые нагромодила история на пути нашей социалистической революции, советская власть победила. В огне и буре гражданской войны рабочие и крестьяне обучались искусству бороться и побеждать своих врагов. Чем ожесточеннее сопротивлялись Великой социалистической революции эксплуататорские классы, тем беспощаднее, тем более метко обрушивал рабочий класс на их головы свои удары.

Ленин с первых же шагов революции предвидел не только неизбежность жестокого и при том все возрастающего сопротивления делу социализма со стороны эксплуататорских классов, но и указал рабочему классу, как и какими методами научиться побеждать врага.

Полный глубиной и непоколебимой веры в торжество социалистической революции Ленин говорил: «Победа будет на стороне эксплуатируемых, ибо за них жизнь, за них сила числа, сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, просыпающегося к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого «просто народа», рабочих и крестьян. За ними победа»¹.

Вещие, пророческие слова! Победа осталась за нами. Победа социализма, закрепленная навечно в великой Сталинской Конституции.

В своем историческом докладе на чрезвычайном VIII съезде советов о проекте новой Конституции товарищ Сталин говорил: «Наше советское общество добилося того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или нижней фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм (продолжительные аплодисменты). Основным принципом этой фазы коммунизма является, как известно, формула: «от каждого по его способностям, каждому по его труду». Должна ли наша Конституция отразить этот факт, факт завоевания социализма? Должна ли она базироваться на этом завоевании? Безусловно должна. Должна, так как социализм для СССР есть то, что уже добыто и завоевано»².

Сталинская Конституция — первая в мире Конституция победившего социализма. В этом ее гигантское всемирно-историческое значение. Просто и сжато, почти в протокольном стиле записаны в ней величайшие победы социализма, ставшие незыблемыми основами жизни нашего общества.

В нашей стране на долю общественной, социалистической собственности приходится 98,7% всех производственных фондов в СССР. Всенародная (государственная) собственность охватывает 90% этих фондов. Личная собственность колхозников, исключая эксплуатацию чужого труда и являющаяся подсобным

элементом к социалистической колхозной собственности, — 1,1%; мелкая частная собственность единоличника-крестьянина и кустаря, основанная на личном труде и являющаяся основным источником его существования, — 0,2%.

Удельный вес социалистического хозяйства во всем народном доходе составляет 99,1%, в валовой продукции промышленности — 99,8%, а в валовой продукции сельского хозяйства — 97,7%, в розничном обороте торговых предприятий социалистической системы охватывает все 100%.

Эта краткая справка может служить убедительнейшей иллюстрацией к словам, сказанным товарищем Сталиным в докладе на чрезвычайном VIII съезде советов: «Главную основу проекта новой Конституции СССР составляют принципы социализма, его основные устои, уже завоеванные и осуществленные; социалистическая собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства; ликвидация эксплуатации и эксплуататорских классов; ликвидация нищеты большинства и роскоши меньшинства; ликвидация безработицы; труд, как обязанность и долг чести каждого работоспособного гражданина по формуле: «кто не работает, тот не ест»; право на труд, то есть право каждого гражданина на получение гарантированной работы; право на отдых; право на образование; и т. д. и т. п. Проект новой Конституции опирается на эти и подобные им устои социализма. Он их отражает, он их закрепляет в законодательном порядке»³.

В этих словах товарища Сталина выражена основная особенность новой Конституции СССР — конституции окончательно и бесповоротно победившего социализма. Новая Конституция исходит из отсутствия в СССР антагонистических классов, из факта наличия в советском обществе только двух дружественных друг другу классов — рабочих и крестьян, из того факта, что вся власть в СССР принадлежит именно этим классам, что «государственное руководство обществом (диктатура) принадлежит рабочему классу, как передовому классу общества»⁴.

Сталинская Конституция закрепляет общественные порядки, удобные и выгодные трудящимся. В этом заключается одна из величайших исторических особенностей нашей Конституции, принципиальное отличие нашей Конституции от конституций капиталистических стран, закрепляющих порядки, выгодные и удобные буржуазии.

Первая Конституция РСФСР 1918 г. и первая Конституция СССР 1924 г. закрепили в законодательном порядке участие трудящихся в управлении государством. Уже в этих конституциях нашел свое воплощение великий принцип ленинизма — союз рабочих и крестьян, великий принцип ленинско-сталинской национальной политики — братский союз всех национальностей СССР в борьбе за социализм. Уже первые наши конституции обеспечили расцвет неиссякаемой творческой энергии трудящихся масс. Они заложили основу для исторических сталинских пятилеток, обеспечивших окончательную победу социализма в нашей стране.

¹ Ленин, том XXII, стр. 157.

² Сталин, О проекте Конституции Союза ССР.

³ Сталин, О проекте Конституции СССР.

⁴ Там же.

В основу Конституции 1918 года легла созданная Лениным и Сталиным «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа». Эта «Декларация» подтверждала переход всей власти в центре и на местах к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и говорила о Советской Российской республике как о союзе свободных наций, как о федерации советских республик. Другим важнейшим источником первой Конституции является постановление III всероссийского съезда советов «О федеральных учреждениях Российской республики», принятое по докладу товарища Сталина о федеративном устройстве республики.

В этой связи необходимо особо отметить ту исключительную роль, какую сыграл в создании первой советской Конституции творец Конституции 1936 года — товарищ Сталин. С именем товарища Сталина связана не только нынешняя наша Конституция, но и ее славные предшественницы. Именно товарищ Сталин дал исторические тезисы «О типе федерации Российской социалистической республики» (12 апреля 1918 года). Именно товарищ Сталин предложил восемнадцать лет назад свой проект «Общих положений Конституции Российской социалистической федеративной республики» (19 апреля 1919 г.), изложив здесь основную характеристику задач и принципов советского государства. Этот сталинский проект «Общих положений» целиком вошел во второй раздел Конституции РСФСР 1918 года.

На I съезде советов СССР 30 декабря 1922 г. товарищ Сталин огласил проект «Декларации об образовании Союза советских социалистических республик» и «Договор об образовании Союза советских социалистических республик».

Декларация об образовании Союза советских социалистических республик подчеркивала невозможность восстановления народного хозяйства республик при их раздельном существовании, ибо «разоренные поля, остановившиеся заводы, разрушенные производительные силы и истощенные хозяйственные ресурсы, оставшиеся в наследство от войны, делают недостаточным отдельные усилия отдельных республик по хозяйственному строительству». Декларация указывала на настоятельную необходимость создания прочного Союза советских республик перед лицом капиталистического окружения.

День образования Союза ССР товарищ Сталин в своем докладе назвал «днем торжества новой России над старой, над Россией — жандармом Европы, над Россией — палачом Азии».

***

В Сталинской Конституции проведен со всей исключительной последовательностью и до конца принцип советского, социалистического демократизма. Буржуазные филистеры из всех выбываются, чтобы доказать несовместимость пролетарской диктатуры и пролетарской демократии. Они всячески замалчивали ту истину, что подлинная демократия только и возможна в условиях победы рабочего класса, в результате установления диктатуры рабочего класса.

В 1918 году в статье «О «демократии» и «диктатуре» Ленин писал: «Только диктатура пролетариата в состоянии освободить человека от гнета капитала, от лжи, фальши,

лицемерия буржуазной демократии. этой демократии для богатых, в состоянии установить демократию для бедных, т. е. сделать блага демократии доступными фактически для рабочих и беднейших крестьян, тогда как теперь (даже и при самой демократической — буржуазной — республике) эти блага демократии фактически недоступны громадному большинству трудящихся»¹.

Только советская власть создает условия для демократии, которая служит массам, решающим свою собственную судьбу. Только при советском строе возможно такое гигантское расширение демократии, которое превращает ее в демократию для всех честных тружеников.

Основное отличие социалистической демократии от «демократии угнетательской» (Ленин), т. е. буржуазной состоит именно в том, что социалистическая демократия обеспечивает подлинное участие самых широких народных масс во всех сферах государственного управления.

Сталинская Конституция небывалым расцветом социалистического демократизма гигантски расширила базу диктатуры рабочего класса, умножила ее мощь и силу, ее авторитет среди самых широких масс трудящихся.

Товарищ Сталин в своем докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов подчеркнул, что демократия в СССР — «есть демократия для трудящихся, т. е. демократия для всех».

Такой исключительный расцвет советского, т. е. подлинного демократизма оказался возможным лишь на основе блестящих социалистических побед, окончательно и бесповоротно закрепивших в нашей стране победу социалистического общества.

***

Празднично и торжественно готовится наш народ ко дню 12 декабря 1937 года.

Каждый гражданин СССР ждет этого великого дня, как великого праздника.

В этот день одна мысль, одно желание объединит всех подлинных патриотов нашего отечества, всех честных людей нашей страны, партийных и беспартийных большевиков, это — мысль, это — желание отдать свой голос за вдохновителя и организатора, основоположника и творца самой демократической в мире Конституции, за великого Сталина.

Пусть имя товарища Сталина значится в бюллетенях только одного избирательного округа, счастливейшего из всех избирательных округов — Сталинского избирательного округа, — каждый избиратель, каждый гражданин СССР, голосуя в своих избирательных округах за верных сподвижников, соратников великого Сталина, за лучших людей нашей страны, одновременно голосует за великого Сталина, воспитавшего новых строителей социалистического общества, вдохновляющего миллионы и миллионы трудящихся на борьбу, ведущую наш народ от одной победы к другой.

Вместе со всем народом в этот незабываемый торжественный день мы восклицаем: «Да здравствует Великая Сталинская Конституция, да здравствует великий вдохновитель Новой Конституции, наш любимый вождь и учитель товарищ Сталин!».

¹ Ленин, т. XXIII, стр. 442.

К 20-летию Октябрьской революции

Доклад В. М. Молотова на торжественном заседании в Большом театре
6 ноября 1937 г.

I. ЗНАЧЕНИЕ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

Товарищи!

Сегодня трудящиеся Советского Союза с сознанием великой гордости празднуют двадцатилетие Октябрьской революции. (Бурные аплодисменты.)

Те из нас, кто начал свою сознательную жизнь до 1917 года, представляют по собственному опыту вызванные Октябрьской революцией коренные изменения в нашей жизни. Поколение, выросшее в последние двадцать лет, участвовало в окончательном разгроме сил старой, буржуазно-помещичьей России и в создании нового, социалистического строя. В эти дни во всех наших городах и деревнях, в каждом живом уголке страны, мысли трудящихся прикованы к событиям великого двадцатилетия социалистической революции, к ее славным завоеваниям и к раскрывшемуся перед нами светлому будущему.

Не только рабочие и крестьяне Советского Союза, но также трудящиеся капиталистических стран и колоний переживают в эти дни радостное чувство по случаю победы Октябрьской революции. (Бурные аплодисменты.) В неуклонном росте сил Советского Союза, в происходящем на их глазах расцвете этих сил, они видят, чего могут достигнуть трудящиеся, овладев государственной властью. Что бы ни делали наши враги, враги Октябрьской революции, что бы они ни выдумывали для умаления ее значения, правда о нашей революции, — безыскусная, неприкрашенная правда о Советском Союзе, — проникает всюду, проникает далеко за пределы СССР и завоевывает на свою сторону все сознательное, все способное к борьбе против капитализма (Бурные аплодисменты.)

Великая сила и международное значение Октябрьской революции заключаются в том, что она осуществила сокровенные мечты трудящихся об освобождении от гнета эксплуататоров и от рабского труда у капиталистов и помещиков. Она осуществила то, о чем мечтали лучшие люди человечества на протяжении многих, многих веков.

Прошло не одно тысячелетие до так называемой «новой эры». Прошло еще свыше 1900 лет «новой эры», когда, наконец, нашлась сила, нашлась революционная организация, которая повела трудящихся в бой против капитала, против власти буржуазии и помещиков. В 1917 году рабочие вместе с крестьянами разгромили своих угнетателей, захватив власть в свои руки, установив диктатуру пролетариата в нашей стране.

Ускорила социалистическую революцию первая всемирная империалистическая война. Она довела до отчаяния рабочих и народные массы не только России. Однако наиболее слабым звеном мирового капитализма оказалась в это время старая, царская, буржуазно-помещичья Россия. С другой стороны, наиболее революционным классом во всем мире оказался рабо-

чий класс нашей страны, создавший большевистскую партию под руководством великого Ленина. (Аплодисменты.)

Затянувшаяся империалистическая война сначала привела к гибели царизма. Она настолько истощила силы России, что государству стал угрожать полный крах, развал. Весь народ требовал мира, передышки. Стоявшие же у власти кадеты, эсеры и меньшевики, которых поддерживали российская буржуазия и англо-французские империалисты, вопили о продолжении войны «во что бы то ни стало». Эта власть хотела сохранить капитализм и господствующее положение буржуазных классов. Она не считалась с тем, что многомиллионная масса крестьянства свержала царизм для того, чтобы обеспечить переход помещичьей земли в свои руки. Вместо передачи земли крестьянам кадетско-эсеровско-меньшевистская власть кормила их пустыми обещаниями. Положение рабочих и других трудовых слоев города ухудшалось с каждым днем, а правительство Керенского все больше обнаруживало свою полную неспособность изменить положение. Вопрос о свержении буржуазной власти встал ребром. Тогда большевистская партия обратилась к рабочим и крестьянской бедноте с призывом встать на путь революции, которая, по выражению Ленина,

«даст победу над эксплуататорами, даст землю крестьянам, даст мир народам, откроет верный путь к победоносной революции всемирного социалистического пролетариата».

Так определял Ленин цели революции перед Октябрьским восстанием. Эти цели делали нашу революцию непохожей на другие революции.

В силу всей внутренней и внешней обстановки Октябрьская революция приобрела особый характер, отличный от других революций. Подводя первые итоги Октябрьской революции на Всероссийском съезде Советов в январе 1918 года, Ленин говорил:

«Все великие революции стремились всегда смести до основания старый капиталистический строй, стремились не только завоевать политические права, но и вырвать самое управление государством из рук господствовавших классов, всяких эксплуататоров и угнетателей трудящихся, чтобы раз навсегда положить предел всякой эксплуатации и всякому угнетению. Великие революции именно и стремились сломить этот старый эксплуататорский государственный аппарат, но до сих пор это не удавалось завершить до конца. И вот Россия, в силу особенностей своего хозяйственного и политического положения, теперь первая достигла этого перехода государственного правления в руки самих трудящихся. Теперь мы, на расчищенном от исторического хлама пути, будем строить мощное, светлое здание социалистического общества, создается новый, невиданный в истории, тип государственной

власти, волей революции призванной очистить землю от всякой эксплуатации, насилия и рабства». (Взрыв аплодисментов.)

В этих словах Лениным указано решающее отличие нашей революции от всех других революций.

Все другие революции, даже в лучшем случае, дальше некоторого расширения политических прав и временного облегчения положения трудящихся не шли, если исключить Парижскую Коммуну с ее кратковременным успехом, когда власть находилась в руках трудящихся. Все эти революции оставляли власть в руках эксплуататоров и угнетателей трудящихся. Одних эксплуататоров сменяли у власти другие, но привилегированные классы не лишались своего господствующего положения. При всех этих революциях буржуазия удавалось сохранять свою, буржуазную, диктатуру, свою власть.

Все это не могло не привести к известному разочарованию трудящихся, участвовавших в буржуазных революциях. Трудящиеся участвовали в этих революциях со своими целями, со своими стремлениями и надеждами освободиться, наконец, от гнета власти имущих классов. Но все буржуазные революции приводили к тому, что эти стремления и надежды разбивались о сопротивление эксплуататорских классов, сохранявших власть за собой. Все эти революции кончались тем, что народ чувствовал себя неудовлетворенным, не достигшим цели. Это порождало в массах разочарование в революции, недоверие трудящихся к своим силам, что было на-руку угнетательским классам.

В октябре 1917 года произошел всемирно-исторический поворот от прежних революций, от революций буржуазного типа к революции нового, социалистического, типа. Впервые в истории власть эксплуататоров была свергнута, победила диктатура рабочего класса, государственное управление перешло в руки трудящихся. Из рабов, из угнетенных, из эксплуатируемых трудящиеся превратились в свободных людей и в полных хозяев своей судьбы. Рабочие и трудящиеся крестьяне, став у власти, впервые получили возможность устроить жизнь так, как они сами хотят. Решив коренной вопрос, вопрос о власти, рабочий класс вместе с крестьянством начал новую жизнь, приступил к строительству «светлого здания социалистического общества».

С победой Октябрьской революции сбылись мечты трудящихся и всех лучших представителей человечества. С этого времени началось соревнование двух миров, основанных на противоположных принципах, соревнование нового общества со старым, соревнование социализма с капитализмом. К этому соревнованию приковано внимание во всех странах.

Основой старого общества была частная собственность, когда все средства производства принадлежали капиталистам, богачам. На этом держалась власть капиталистов, на могуществе капитала. Советская власть ликвидировала капиталистическую систему хозяйства и отменила частную собственность на орудия и средства производства, установив социалистическую систему хозяйства и социалистиче-

скую собственность. Средства и орудия производства стали принадлежать либо социалистическому государству, либо нашим, социалистическим колхозам и кооперации. В том и другом случае они стали служить не интересам наживы отдельных лиц за счет других, а интересам народа, интересам трудящихся. Это не маленькое изменение, а коренное переустройство общества, коренная переделка его экономической основы.

Отмена частной собственности на землю, отмена частной собственности на фабрики и заводы, отмена частной собственности на железные дороги и жилые дома в городах и другие меры такого рода привели к полной ликвидации капиталистических классов и всех паразитических, нетрудовых элементов в нашей стране. У нас не стало ни капиталистов, ни помещиков, ни кулаков, ни купцов, ни других захребетников народа. Наши законы не стали допускать их существования и нового появления каких-либо паразитов. Наш общественный строй основан на дружественных отношениях рабочих и крестьян, которые через советы трудящихся управляют страной и строят свою новую жизнь.

Не в этом ли и заключались основные цели Октябрьской революции? Безусловно, в этом. Значит, рабочий класс вместе с трудящимися крестьянами, взяв власть в свои руки, действительно воспользовался ею, чтобы осуществить основные цели Октябрьской революции. С какими громадными успехами осуществлялись эти цели, что уже нами завоевано, а теперь уже и записано в нашем основном законе,—обо всем этом простыми, но огненно-яркими словами говорит принятая Советским Союзом Сталинская Конституция. (Аплодисменты.) Сталинская Конституция говорит о победоносном успехе Октябрьской революции, о том, что наша революция на деле добилась основной своей цели и расчистила себе путь к новым великим завоеваниям.

Отсюда рост международного значения Октябрьской революции и созданного ею нового строя.

Основой нового строя является участие трудящихся масс в государственном управлении. Без этого ни о каких успехах советской власти не могло бы быть и речи. Только благодаря тому, что в нашей стране победила диктатура пролетариата и осуществлен демократизм высшего типа, демократизм социалистический, открывающий неограниченные возможности для участия всех трудящихся в государственном управлении, только благодаря этому существует и неуклонно крепнет советское государство. (Аплодисменты.)

Этот демократизм не похож на демократизм буржуазных государств. Кто этого не понял, тот—не социалист, не пролетарский революционер, тот не может быть сознательным сторонником освобождения трудящихся от гнета капитала.

В буржуазных государствах демократического типа провозглашают формальное равенство прав граждан, но одни из них как были, так и остаются эксплуатируемыми и угнетенными, а другие—эксплуататорами и угнетателями своего народа! Даже в самой демократической буржуазной стране демократия для трудящихся ограничена узкими рамками и

терпится лишь постольку, поскольку это не нарушает господствующего положения эксплуататорских классов. В буржуазных странах демократизм используется господами положения в своих интересах, а всякое расширение политических прав трудящихся натывается на упорное сопротивление.

Наш строй основан на другом. Наш строй становится тем крепче, чем активнее и всестороннее трудящиеся участвуют в государственном управлении.

Сталинская Конституция дала новое доказательство тому, что мы стоим на почве всестороннего развития демократизма трудящихся, что мы идем по пути всемерного усиления участия трудящихся в делах государства и во всей нашей общественной жизни. Демократизм нашего строя характеризуется не только устранением всяких ограничений в избирательных правах для всех граждан Советского Союза, не только полным равноправием женщины с мужчиной, не только полным равноправием всех народов СССР и усиленной государственной помощью отсталым национальностям. Демократизм нашего строя характеризуется, кроме того, тем, что наша Конституция говорит о таких правах трудящихся, как право на труд, право на отдых, право на бесплатное образование, вплоть до высшего для всех трудящихся. (Аплодисменты.) Ни о чем подобном не знают конституции буржуазных государств, включая и самые демократические из них. О таких правах трудящихся говорит только Сталинская Конституция, Конституция победившего социализма, Конституция социалистического демократизма. (Аплодисменты.)

Посмотрите не только на Конституцию. Возьмите простые факты. Возьмите такой факт, как общественное отношение к простым людям труда, хотя бы к тем, кого мы называем стахановцами фабрик, заводов, колхозов. В нашей стране простые рабочие и работницы, простые колхозники и колхозницы, давшие хорошие образцы работы на производстве, получают всеобщую известность и почет. В какой стране возможно, чтобы вчера еще никому не известные стахановцы из простых рабочих и крестьян, только потому, что они дали хорошие образцы труда на фабрике или в другом, общественном хозяйстве, становятся известнейшими именами и любимцами народа? (Аплодисменты.) Разве что-нибудь подобное возможно в буржуазных странах, где самым трудом рабочего собственно никто не интересуется, а хозяин, на которого работает рабочий, интересуется только одним — прибылью, получаемой от этого труда.

Ни в одной буржуазной стране невозможно представить такого положения, чтобы простые люди труда, за свою хорошую работу, стали известны всему народу. А у нас это вошло в обыкновение. Всем нам известно, что это происходит не в ущерб людям науки и искусства, не в ущерб строителям хозяйства и культуры. Выдающиеся представители всех отраслей нашего строительства и всех видов творческой деятельности, вся наша трудовая интеллигенция, окружены вниманием общества и активной поддержкой государства! Работая для народа, честно руководя той или иной отраслью дела, наши руководители имеют все основа-

ния пользоваться доверием и любовью народа», как указал на это товарищ Сталин. (Аплодисменты.) Такой строй, где трудящиеся стоят у власти и где человеку труда принадлежит почетное место в обществе, не может не привлекать сочувствия трудящихся всех стран. Международное значение нового советского строя растет на наших глазах.

Дальше. Известна также роль советского государства в международных отношениях. Основанный на великой дружбе народов СССР занимает особое положение среди других государств в крупнейших международных событиях.

Достаточно сказать о позиции Советского Союза по отношению к борющемуся за свои демократические права и свободу испанскому народу. Советский Союз не только не прятал своего сочувственного отношения к республиканской Испании, но открыто заявил, что считает дело Испанской демократической республики близким себе делом, делом всего прогрессивного человечества. (Аплодисменты. Возглас: «Виват камрад Сталин!» Бурные аплодисменты. Возгласы: «Да здравствует республиканская Испания! Ура!») Насколько же далеки от этой честной позиции поддержки испанской демократии правительства тех государств, которые, однако, не прочь выдавать себя за демократические страны.

Или возьмите события в Китае. Свое сочувствие китайскому народу и отношение к японской агрессии Советский Союз выразил уже заключением советско-китайского пакта о ненападении. (Аплодисменты.) Но еще не известно ни одного шага, который бы сделали другие государства для противодействия неслыханной агрессии против китайского народа. И здесь Советский Союз выделяется из хора держав своей особой позицией, своим честным отношением и искренними симпатиями к народу, подвергнутому иностранной агрессии. (Аплодисменты.)

Международная политика Советского Союза была неизменной за все эти годы. Более верного и последовательного сторонника мира никто не укажет. Будет правильно, если сказать, что в последовательном проведении политики мира и в стремлении к укреплению мирных международных отношений находит свое выражение уверенность нашей страны в своих силах. (Аплодисменты.) У нас идет неуклонный рост народного хозяйства, неуклонный подъем культурного строительства и у нас нет никакой нужды во внешних авантюрах. Пусть этим занимаются другие, если уж у них так горит под ногами. (Смех, аплодисменты.) Но не скрою, мы заботимся о Красной Армии и ее мощи (бурные аплодисменты) и не забываем о возможности авантюры, особенно со стороны фашистов.

Но самое важное, в чем сказывается сейчас международное значение СССР, это особое политическое влияние Советского Союза на умы и настроения трудящихся других стран.

Если прежние революции порождали у трудящихся разочарование в революционной борьбе, порождали неверие в свои силы, то наша революция и ее славное двадцатилетие имеют другое, прямо обратное влияние. Теперь уже не нужно доказывать, что трудящиеся

могут обойтись без капиталистов и помещиков, что власть трудящихся самая великая сила в наше время. (Аплодисменты.) Сомневающиеся в этом могут теперь своими руками пощупать новый строй и его завоевания под властью советов. Найдена жизненная форма власти трудящихся, раскрыто и ее социалистическое содержание. Много сделали буржуазные революции для того, чтобы подорвать доверие в свои силы у трудящихся. Но, спросим мы, разве мало сделала Октябрьская революция и наш советский строй для того, чтобы разбить это недоверие и поднять дух трудящихся во всем мире?

Могло иногда казаться, что у трудящихся мало сил, что этих сил нехватит для того, чтобы вырваться из плена капитализма. Буржуазия все сделала для того, чтобы привить такого рода предрассудки, чтобы привить это неверие в свои силы и для этого набрала себя в услужение всякого рода «социалистов» с фальшиво-социалистическим билетом в кармане. Между тем дело, конечно, не в недостатке сил у трудящихся. Дело только в недостатке организации масс, а главное — в недостатке классовой сознательности.

Советский Союз с его великими социалистическими завоеваниями бьет по всем этим предрассудкам, внушая веру в свои силы рабочим и крестьянским массам. Не будем заниматься пророчествами, а напомним лишь один факт. Много ли было людей в нашей стране, уверенных в победе Октября, хотя бы всего за несколько месяцев до октябрьского восстания? Не так уж много. Положение с тех пор сильно изменилось. Нечего и говорить о том, что победа социализма в СССР подрывает корни неверия в свои силы среди трудящихся всего мира. Она во многих отношениях облегчает положение трудящихся, мечтающих об освобождении от капиталистического гнета. Нельзя сомневаться, что эта мысль быстро зреет среди трудящихся многих стран. Недоверие трудящихся к своим силам будет теперь исчезать все быстрее и быстрее. Вспомним же, как Ленин учил нас еще в предоктябрьские дни, что «самое главное внушить угнетенным и трудящимся доверие в свои силы».

На опыте двух десятилетий Октябрьской революции миллионы рабочих и крестьян научились новому, начали по-другому относиться к своим силам, стали расставаться с предрассудками недоверия в возможность своей победы — в этом главное, и действительно международное, значение нашей победы.

II. СОРЕВНОВАНИЕ С КАПИТАЛИЗМОМ

Чтобы понять успехи социализма в нашей стране, надо сравнить Советский Союз наших дней с дореволюционной Россией. Чем была наша страна и чем она стала?

В дореволюционной России у власти стояли капиталисты и помещики во главе с царем, которого в народе звали «первым помещиком России». Россия была отсталой страной, по преимуществу земледельческой. Промышленность была развита слабо и во многом отстала от промышленности других государств. Ленин сказал о тогдашней России, что она

была «невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой, оборудованной современными орудиями производства вчетверть хуже Англии, вдесятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки». Особенно отставала тяжелая промышленность, которая дает такую нужную продукцию, как уголь, нефть, руда, железо, машины, химические продукты. Богатейшие недра земли разрабатывались плохо. И при всем этом в крупнейших отраслях промышленности главными хозяевами были нерусские, а иностранные капиталисты. Оборудование для своих фабрик и заводов в большинстве случаев закупалось за границей. Во всем сказывалась промышленная отсталость страны.

В деревне полностью господствовали помещики и кулаки, урядники и земские начальники. Говоря словами Ленина, мы имели следующее:

«Около 70 миллионов десятин земли у 30.000 крупнейших помещиков и приблизительно столько же у 10 миллионов крестьянских дворов — таков основной фон картины».

Несколько миллионов крестьян оставалось вовсе без земли и без посева. Большинство крестьян страдало от малоземелья. Две трети деревни состояли из голодной бедноты. Подавляющая масса бедноты и середняков обрабатывала клочки своей и арендованной у помещика земли стародавними способами при помощи сохи. Во многих местах в деревне была распространена барщинная система, т. е. обработка помещичьей земли крестьянами их же скудным инвентарем.

Октябрьская революция произошла на четвертый год империалистической войны, которая разорила народное хозяйство и довела тягость положения народных масс до крайности. К этому вскоре добавились новые бедствия, так как помещики и капиталисты, при поддержке иностранных интервентов, навязали нам длительную гражданскую войну, которая тоже отняла три с лишним года. Гражданская война потребовала от нас громадных жертв. К концу гражданской войны упадок промышленности, железных дорог и сельского хозяйства дошел до последнего предела. Сельское хозяйство давало каких-нибудь две трети довоенной продукции. Промышленность упала еще ниже и давала в 1920 году меньше одной шестой от довоенной продукции.

При такой разрухе советская власть приступила к восстановлению народного хозяйства, к подъему сельского хозяйства и промышленности, транспорта и торговли. Казалось, нужны будут долгие годы. Враги большевиков злорадствовали. А что в конце концов вышло? Вышло так, что трудящиеся нашей страны победоносно справились с этой задачей в короткий срок.

Если продукция всей крупной промышленности (в ценах 1926/27 г.) составляла в 1913 г. 11 миллиардов рублей, а в 1920 году скатилась до 1,7 миллиарда рублей, то в текущем 1937 году она достигнет свыше 90 миллиардов рублей. Это значит, что против довоенного уровня промышленная продукция увеличилась уже больше чем в 8 раз. Добавьте к этому еще одно — указанного довоенного уровня промышленной продукции мы достигли только

в 1926 году. Таким образом, увеличение промышленной продукции больше чем в восемь раз против довоенного уровня произошло лишь за последние 11 лет. Во всех отраслях промышленности теперь развернута работа полным ходом. Во многих отраслях проведена коренная реконструкция на основе современной передовой техники. Ряд крупнейших промышленных отраслей создан заново: по машиностроению, химии, металлургии и т. д. Промышленность дореволюционной России стояла на пятом месте среди других стран, на четвертом — в Европе. Теперь только Соединенные Штаты Америки по валовой продукции промышленности стоят впереди СССР. Промышленность Советского Союза вышла на первое место в Европе. (Аплодисменты.)

В бытовых условиях рабочих произошла крутая перемена. Еще 10 лет тому назад мы насчитывали полтора миллиона безработных. Но вот уже несколько лет, как у нас нет безработицы, нет безработных. И это в то время, когда в Соединенных Штатах Америки 9—10 миллионов безработных, в Германии больше 3 миллионов безработных, в Англии — 2 миллиона безработных. К десятилетию Октябрьской революции советская власть провозгласила переход промышленных рабочих на семичасовой рабочий день, и это решение было проведено в жизнь, не говоря уже о том, что на подземных и некоторых других трудных работах у нас всегда был шестичасовой рабочий день. Ни в одной стране рабочие не могут при капитализме мечтать о таком коротком рабочем дне. Число занятых в промышленности рабочих и их заработная плата в нашей стране неуклонно растут. Еще в 1928 г. общий фонд заработной платы составлял немого больше 8 миллиардов рублей, а в текущем 1937 г. он составит свыше 80 миллиардов рублей, т. е. увеличился примерно в 10 раз. (Аплодисменты.)

Вы знаете о том, что в связи с двадцатой годовщиной Октябрьской революции опубликован декрет правительства о повышении заработной платы низкооплачиваемых рабочих, для чего специально ассигновано 100 миллионов рублей на последние 2 месяца этого года и 600 миллионов рублей на 1938 год. (Аплодисменты.) Между тем, во всех странах капитализма: и в Германии, и в Италии, и в Японии, и в Соединенных Штатах, и в Англии за последние годы произошло не увеличение, а снижение заработной платы рабочих.

Все это красноречиво говорит о том, что успехи роста промышленности Советского Союза, как и другие успехи социализма, ведут к коренному улучшению положения рабочих масс.

В нашем сельском хозяйстве произошла настоящая революция в технике и в организации дела. За последние несколько лет сельское хозяйство перестроилось, как крупное социалистическое хозяйство, на основе колхозов и совхозов. Окончательно победил колхозный строй. Машинотракторные станции обслуживают своими машинами все колхозы, за малым исключением. Количество тракторов в колхозном и совхозном хозяйстве достигло 450 тысяч, а мощность их составляет теперь больше 8 миллионов лошадиных сил. Комбайнов на полях уже свыше 120 тысяч. Кроме

того, до 120 тысяч грузовых автомобилей работает в колхозах и совхозах.

Сверх тех земель, которые раньше находились в руках крестьян, советская власть передала крестьянам больше 150 миллионов гектар бывших помещичьих, казенных и монастырских земель. Растет урожайность колхозных и совхозных полей. В этом году мы собрали около 7 миллиардов пудов зерна (аплодисменты), чего еще наша страна никогда не знала. Значительно поднялась урожайность хлопка и свеклы. По всему сельскохозяйственному фронту идет борьба за повышение урожайности, за увеличение производительности сельскохозяйственного труда.

В дореволюционной России большинство крестьянства состояло из голодной бедноты. Еще 10 лет тому назад мы считали, что меньше одной трети деревни составляет беднота. Теперь у нас уже нет больше бедноты в деревне. Бедняки вместе со всей трудящейся деревней строят в колхозах новую, действительно зажиточную и действительно культурную, жизнь. (Аплодисменты.)

Забота советской власти о колхозном крестьянстве в этом году выразилась в ряде новых специальных мер. Не говоря уже о недавно опубликованных льготах для колхозников по сдаче молока государству, в этом году сильно понижены нормы сдачи государству по зернопоставкам и по натуроплате работы МТС. Это снижение норм достигает свыше 20 проц. против прошлого года. Спущены также ссуды по хлебу, оказанные государством колхозам в прошлые годы. Все эти льготы по зерну в одном только этом году составляют около 600 миллионов пудов, которые остались теперь у самих колхозов и колхозников. Что-то мы не слыхали, чтобы в капиталистических странах проявлялась такая же забота о благополучии крестьянства.

Пусть же крестьяне и рабочие сравнивают, на чьей стороне правда в соревновании, идущем между социализмом и капитализмом. Пусть рабочие и крестьяне делают из этого свои выводы. Должно быть, эти выводы будут не в пользу капитализма, но зато в пользу нашего строя. (Аплодисменты.)

Общее выражение хозяйственного роста Советского Союза мы видим в росте народного дохода страны. Известно, что в царской России девять десятых населения состояло из малоимущей и неимущей массы, в руки которой поступала примерно одна четверть народного дохода. Иначе говоря, десятая часть населения, состоящая из богатых людей, загребала в свои карманы остальные три четверти народного дохода. С тех пор положение круто изменилось. Теперь весь народный доход поступает в руки трудящихся, причем 99 процентов народного дохода поступает в руки рабочих, служащих и крестьян, занятых в социалистическом хозяйстве, и только одна сотая доходов приходится на долю трудящихся из единоличников и неэксплоатированных кустарей. По сравнению с довоенным временем общий размер народного дохода увеличился в этом году в пять раз. Таковы факты, о которых нужно знать.

Несколько слов о культурном росте нашей страны.

Вот наиболее важные цифры. Общее число учащихся во всех учебных заведениях с 8 миллионов в 1914 году возросло до 38 миллионов в прошлом году. Увеличение, таким образом, в 4,7 раза. В таких республиках, как Узбекская, Таджикская, Туркменская, Киргизская, количество учащихся возросло в десятки раз. Начальной школой теперь охвачены все дети. Количество учащихся в средних школах возросло в 18 раз по сравнению с дореволюционным временем. Количество учащихся в высших учебных заведениях возросло почти в пять раз. Теперь в наших вузах обучается 540 тысяч студентов. Широко развернулись общеобразовательные школы, взрослые, где учится около 9 миллионов человек. Сверх указанных 38 миллионов учащихся на различных специальных курсах для рабочих и колхозников обучалось 6,3 миллиона человек и в дошкольных учреждениях проходило подготовительное обучение 4,3 миллиона детей.

Количество газет, выпуск книг и их тиражи возросли во много раз. Особенно быстро растет тираж газет и издание книг на национальных языках. При советской власти начался настоящий расцвет национальных культур, находившихся раньше в тяжелом, забитом положении. О громадном подъеме культурного строительства говорит рост наших расходов на просвещение. За последние 10 лет расходы на просвещение, взятые в целом, увеличились в 33 раза. (Аплодисменты.) Они достигают в текущем 1937 году свыше 18 миллиардов рублей.

Пусть потянутся с этими фактами буржуазные страны. (Аплодисменты.) Ни одна из этих стран не может противопоставить этим цифрам сколько-нибудь заметного улучшения дела в области культуры, зато найдется немало таких, которые за последние 10—20 лет пошли не вперед, а назад в своем культурном строительстве.

На чем основаны эти успехи советского строя?

На том же, на чем основаны и все другие успехи Октябрьской революции. Они основаны, прежде всего, на правильной политике партии большевиков (аплодисменты), руководящей всем социалистическим строительством. Во всех успехах социализма, во всех наших победах мы видим всепобеждающую силу ленинизма. (Аплодисменты.) Мы победили верностью ленинизму! (Аплодисменты.) Этому учил и учит нас товарищ Сталин. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

Партия Ленина—Сталина вела нас от победы к победе: в дни октябрьского восстания; в период, когда нужно было вырваться из огня империалистической войны; в героические годы гражданской войны и вооруженного отпора интервентам; при переходе к нэпу, когда мы переходили, так сказать, на новые рельсы; при развертывании социалистической индустриализации страны; при переходе крестьянства на путь коллективизации; в годы окончательной победы социализма в нашей стране. Мы прошли через большие трудности и перенесли немало лишений. Мы должны были отбивать позицию за позицией, рассчитывая только на свои собственные силы. Путеводной звездой во всей нашей политике была ленин-

ская идея укрепления пролетарской диктатуры на основе союза с крестьянством. Мы всегда помнили великий завет Ленина в 1921 году.

«10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечена победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут). иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора».

Мы потому с таким успехом проводили в жизнь эти ленинские заветы, что всем нашим делом, всей нашей работой руководил достойный продолжатель дела Ленина, которому принадлежит заслуга развития ленинских идей о социалистической революции, — наш Сталин (Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают. Возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин». «Ура!».)

Успехи нашего дела мы отвоюем в боях с врагами революции, с врагами ленинизма.

Пробравшиеся в партию чужаки и всякие буржуазные пережиденцы, провокаторы и шпионы, вроде Троцкого, Рыкова, Бухарина вели ожесточенные атаки для того, чтобы сбить нас с правильной линии, чтобы привести партию к капитуляции перед трудностями первой пролетарской революции. Таковы были не только троцкисты, но и все эти правые, леваки, зиновьевцы, бухаринцы и другие антиленинские группы.

Прежде чем изгнать их метлой из большевистских рядов, нам пришлось в течение ряда лет вести громадную разъяснительную работу в партии и в рабочем классе, принимать не мало мер для охраны партийного единства и очистки наших рядов от всех этих агентов буржуазии. Революция показала, что в партию залезло не мало таких чужаков, а кое-кто из них был и прямо заслан в наши организации еще царской охранкой, а также иностранными разведками.

Перед нами стояла такая главная задача: сохранить союз рабочего класса с крестьянством, обеспечив при этом такие темпы подъема социалистической индустрии, являющейся ведущей силой всего социалистического строительства, чтобы в кратчайший срок вывести страну из глубокой отсталости, из отсталости экономической, из отсталости технической, из отсталости культурной и военной. Это прямо диктовала нам внутренняя и в особенности международная обстановка. Сегодня, в двадцатую годовщину Октябрьской революции, мы можем твердо, без хвастовства, сказать: в основном эту задачу мы успешно решили. (Аплодисменты.) В противном случае мы не имели бы теперь возможности сказать, что мы уже справились с установленным в свое время планом технической реконструкции в решающих отраслях народного хозяйства. У нас не было бы и победы колхозного строя, представляющей собою самое крупное завоевание второго десятилетия нашей революции.

Это не значит, однако, что вопрос о соревновании с капитализмом для нас уже решен. Этот вопрос не только не решен, — его и нельзя полностью решить без победы социализма в других странах.

Марксизм учит нас тому, что после свержения эксплуататоров классовая борьба не только не ослабляется, а, наоборот, при-

обретает гораздо более острые формы. Тем более это относится к первому государству, строящему социализм во враждебном капиталистическом окружении. Кажется, не трудно понять, что враждебные социализму силы в этом случае питаются всем этим внешним окружением и каждой капиталистической страной в отдельности.

Не только мы сравниваем свое развитие с положением в странах капитализма. Это делают и наши враги из лагеря империализма. Из этого сравнения мы делаем свои практические выводы, а они делают другие выводы, противоположные. Одно ясно: капитализм сам не сложит оружия перед успехами социализма в нашей стране. Эти успехи вызывают в лагере буржуазии бешеную злобу, переходящую в злобу, отчаяния. Мы должны с этим считаться, как с фактом.

Теряя все новые и новые позиции в открытом, так сказать, в мирном соревновании с победоносным социализмом, буржуазия, и особенно ее фашистские громилы, пускаются на все и всякие подкобы, на все и всякие подлости из-за угла. Это наглядно видно на примере троцкизма, превратившегося уже давно в шпионо-троцкизм, в ораву шпионов, вредителей, провокаторов и террористов. Товарищ Сталин блестяще раскрыл сущность теперешнего троцкизма. Это не политическое течение, которое должно иметь свою программу и не прятать своего лица перед массами. Шпионо-троцкизм — это банда разведчиков, убийц и вредителей, с которой надо поступать так, как поступают со злейшими врагами народа. (А подлименты.) Всей этой дрянью, сколько бы ее ни нанимали на службу иностранные разведки, мы, конечно, прижмем хвост...

В этом мы видим одно из условий, от которых зависит спокойная работа и успех нашего соревнования с капитализмом на главных фронтах.

Сегодня главное соревнование с капитализмом идет в хозяйственной области и потому главным критерием (мерилом) в этом соревновании является производительность труда. Мы и здесь помним ленинское указание, что «производительность труда — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя».

Мы не можем еще сказать, что в этом деле мы имеем достаточные успехи, хотя у нас есть заводы и фабрики, образцово справляющиеся со своим делом. В целом ряде важных отраслей промышленности мы еще отстаем от передовых по технике капиталистических стран, особенно от Америки. Мы еще во многом не сумели использовать опыта стахановцев для того, чтобы по-большевистски поднять на ноги заводы и фабрики, целые отрасли промышленности.

Но нельзя пройти мимо первых существенных успехов в этой области, особенно, когда мы сравниваем Советский Союз с другими странами. Вот уже 7—8 лет крупнейшие капиталистические страны, такие, как Америка, Германия, Англия, топчутся почти на одном месте по размерам годовой выработки на одного рабочего. Между тем за этот же период, т. е. с 1929 года, производительность труда рабочего в нашей промышленности увеличилась больше чем в два раза.

За один лишь 1936 год — первый год после начала стахановского движения — производительность труда в нашей крупной промышленности увеличилась на 21 процент. В нашей стране, где отсутствуют кризисы, нет препятствий к постоянному росту производительности труда. Напротив, только теперь мы можем сказать, что кадры рабочих на заводах, построенных в последние годы, уже прошли известный срок технической учебы и теперь могут дать настоящий подъем производительности труда. Эти ожидания вполне оправдаются, если наши хозяйственные, инженерно-технические и профсоюзные кадры по-настоящему поймут свои задачи, сломают тормозящие дело бюрократические препоны и возьмутся всерьез за организацию труда стахановцев.

Велики возможности и нашего сельского хозяйства. Теперь в колхозах не мало людей, хорошо освоивших не только трактор, но и комбайн. Достаточно сказать, что еще четыре года тому назад средне-годовая выработка комбайна в МТС была всего 70 гектар, тогда как уже в прошлом году она достигла 360 гектар, т. е. за 3 года увеличилась в пять раз.

Сделаем из всего этого практические выводы и, прежде всего, признаем, что у нас по-социалистически работает только тот завод, который дает хорошей продукции не меньше, а больше, чем такой же завод за пределами СССР. Наши кадры уже сделали большие успехи в овладении техникой. Эти успехи надо воплотить на фабриках и заводах в высокую производительность труда, достойную социалистического общества. Тогда будет решен исход борьбы на главном фронте соревнования с капитализмом.

По-большевистски развернуть борьбу за высокую производительность труда в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве — такова решающая задача.

III. О ПЕРСПЕКТИВАХ

С самого начала Октябрьской революции не только враги, но и многочисленные фальшивые «друзья» пророчили ей близкую гибель. Особенно часто пускался в ход такой довод, что пролетарская революция в России несвоевременна, что социализм не может победить в одной стране. Этому жалкому буржуазному предрассудку Ленин противопоставил научный, марксистский взгляд на социалистическую революцию, с учетом особенностей империализма. Еще в 1916 году Ленин, в статье «Военная программа пролетарской революции», писал:

«Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными».

Это научно доказанное Лениным теоретическое положение полностью подтверждено и практически, подтверждено миллионами славных строителей социализма в нашей стране.

Мы живем в эпоху общего кризиса капитализма, когда противоречия в капиталистическом лагере уже достигли крайней остроты. Обострением этих противоречий была вызвана первая всемирная империалистическая война. Октябрьская революция знаменовала собой начало разрушения мирового капитализма, иначе говоря, начало международной пролетарской революции.

Итак, мировая революция уже началась. Но она началась не путем крушения сразу всей цепи, а путем распада отдельных звеньев капитализма. Первым таким звеном оказалась буржуазно-помещичья Россия, на смену которой пришло социалистическое государство.

С этих пор пролетарская революция, как самое передовое явление нашего времени, стала опорой всех действительно прогрессивных движений народных масс, хотя бы и не чисто коммунистических. В ней находят теперь опору и борьба за демократические права трудящихся против фашистов и борьба за национальную независимость слабых стран против империалистических агрессоров. Среди капиталистических стран уже нет таких, которые являлись бы надежной опорой прогресса. Прогрессивное делается все более чуждым одряхлевшему капитализму. Виднейшее место в защите интересов всего прогрессивного, в защите интересов культуры и национальной свободы принадлежит теперь первой социалистической революции. (Бурные аплодисменты.) Все прогрессивное, все честно-демократическое тянется в эту сторону, окончательно теряя надежды на капитализм. Так, ходом исторического развития капитализм идет к своему концу, уступая место нарастающей социалистической революции. (Бурные аплодисменты.)

В нашей стране социализм победил полностью в политической области еще в октябрьские дни 1917 года. Об окончательной победе социализма в экономике страны мы можем говорить со времени поворота крестьянских масс на путь колхозов, т. е. уже 7—8 лет. Об окончательной победе социализма в области культуры говорить еще рано. С этим связан тот факт, что у нас еще так много работы по изживанию пережитков капитализма в сознании людей. Их можно успешно изживать только широким подъемом социалистической культуры. Но зато каждый шаг по пути действительно социалистической культуры не только дает свои немедленные результаты, но и создает предпосылки перерастания социализма в коммунизм.

Разбирая значение стахановского движения, товарищ Сталин говорил о том, что «оно подготавливает условия для перехода от социализма к коммунизму». Товарищ Сталин так развивал эту мысль в той же речи:

«Разве не ясно, что стахановцы являются новаторами в нашей промышленности, что стахановское движение представляет будущность нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уни-

чтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим?».

Поэтому задача «подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда», вместе с подъемом культурности всей массы трудящихся, — та основная задача, от решения которой зависят главные наши успехи.

Коммунизм начал проникать в нашу жизнь со времени победы советской власти. С тех пор прошло 20 лет социалистической переделки страны. К чему же мы пришли? Каков общий итог?

Мы создали социалистическое общество, в котором нет места эксплуататорам, нет места эксплуатации. Создано общество нового, высшего типа. В отношениях между двумя классами нашего общества, между рабочими и крестьянами-колхозниками не только нет вражды и непримиримых противоречий, но, наоборот, происходит процесс сближения по условиям жизни, по культурному развитию, по их стремлению к коммунизму.

Наш народ живет по-новому, так как социализм проник во все поры нашего строя. Эта новая жизнь окрыляет трудящихся, рождает в них новые и новые силы. Из молодежи, из наших детей растет то поколение, которое с успехом справится с гигантскими и все растущими задачами социалистического общества.

Мы не можем сказать, что все народное уже стало социалистическим. Но на наших глазах действительно социалистическое становится народным, близким народным массам. С другой стороны, каждый может видеть, что трудящиеся массы нашей страны воспринимают как антинародное, как чуждое народу, все антикоммунистическое, будь то в практических делах или в научно-творческой области. У нас стало привычным, что врагов коммунистической партии и советской власти считают врагами народа. Начавшаяся же недавно политическая кампания по выборам в Верховный Совет превратилась в дело нового мощного сплочения трудящихся вокруг коммунистической партии и советской власти. (Аплодисменты.)

Что все это означает? Это означает, что в нашей стране создалось невиданное раньше внутреннее моральное и политическое единство народа. Моральное и политическое единство социалистического общества. (Аплодисменты.)

Такого единства народа не знала и не знает ни одна капиталистическая страна. Капиталистическое общество раздирается внутренними противоречиями. Там господствующее меньшинство, эксплуататорская верхушка всегда отделена и противостоит народу, противостоит эксплуатируемым массам. Буржуазия обыкновенно широко использует внешнюю опасность для скрепления своего строя. Но и этот кафтан трещит у нее в наше время по всем швам. У всех на глазах капитализм катится в пропасть.

Счастье нашей страны в том, что, не испугавшись трудностей, она вырвалась из капиталистического, гниющего общества. И вот двадцать лет, как мы идем своею новою дорогою, идем к коммунизму, сознавая, что на нашу долю выпало счастье проложить верный путь к светлой жизни всего человечества. Это подни-

мает сознание масс нашей страны и спланивает трудящихся.

Моральное и политическое единство народных масс Советского Союза выковано в испытаниях героической борьбы с буржуазно-помещичьими классами и иностранными интервентами. Оно окрепло на основе союза рабочих и крестьян в деле подъема народного хозяйства. Но только после создания социалистического общества, в котором закрыты все двери для эксплуататоров и для всякой эксплуатации человека человеком, стало сказываться то новое морально-политическое единство народа, которое представляет величайшую силу. Такое моральное и политическое единство, проникнутое глубоким интернационализмом, окончательно сплотит в одно целое народы и народности Советского Союза. В нем будут видеть прообраз своего будущего и народы других стран.

Морально-политическое единство народа в нашей стране имеет и свое живое воплощение. У нас есть имя, которое стало символом побед

социализма. Это имя вместе с тем символ морального и политического единства советского народа. Вы знаете, что это имя — Сталин! (Аплодисменты. Все встают. Возгласы: «Ура товарищу Сталину!».)

Говоря о наших перспективах, мы имеем в виду, прежде всего, мирное развитие нашей страны. Ну, а если мир будет нарушен, если собака сорвется с цепи и бросится на нас, на наш дом, что мы скажем на это? Мы ответим: пусть враг попробует испытать моральное и политическое единство социалистического общества! (Аплодисменты.)

В эти дни наши чувства и мысли лучше всего выразить простыми, понятными трудящимся всех стран словами:

Да здравствует Октябрьская революция!

Выше знамя Маркса — Энгельса — Ленина Сталина!

(Все встают. Бурные аплодисменты. Возгласы: «Ура товарищу Сталину!».)

Открытое письмо окружным избирательным комиссиям

Мы, нижеподписавшиеся, каждый в отдельности, получили телеграммы от различных заводов, колхозов и предвыборных совещаний избирателей различных областей и округов о выдвижении нас в качестве кандидатов в депутаты в Верховный Совет СССР по целому ряду избирательных округов.

Мы приносим свою глубокую благодарность за доверие всем товарищам-избирателям, выставившим наши кандидатуры.

Считаем, однако, нужным заявить, что так как по закону каждый из нас может баллотироваться только в одном из избирательных округов, то мы, как коммунисты и члены ЦК ВКП(б), обратились в ЦК ВКП(б) за указаниями. ЦК ВКП(б) дал нам указание снять свои кандидатуры с других округов и баллотироваться в следующих избирательных округах:

АНДРЕЕВ А. А. — в Совет Союза, Ашхабадский избирательный округ, Туркменская ССР.

БЛЮХЕР В. К. — в Совет Союза, Ворошиловский избирательный округ, Дальне-Восточный край.

БУЛГАНИН Н. А. — в Совет Национальностей, Московский городской избирательный округ, гор. Москва.

БУДЕННЫЙ С. М. — в Совет Союза, Шепетовский избирательный округ, Украинская ССР.

ВОРОШИЛОВ К. Е. — в Совет Союза, Минский городской избирательный округ, Белоруссия.

ЕЖОВ Н. И. — в Совет Союза, Горьковский — Ленинский избирательный округ, гор. Горький.

ЖДАНОВ А. А. — в Совет Союза, Володарский избирательный округ, гор. Ленинград.

КАГАНОВИЧ Л. М. — в Совет Союза, Ташкентский — Ленинский избирательный округ, Узбекская ССР.

КАЛИНИН М. И. — в Совет Национальностей, Ленинградский городской избирательный округ, гор. Ленинград.

КОСИОР С. В. — в Совет Союза, Ленинский избирательный округ, гор. Киев.

КОСАРЕВ А. В. — в Совет Союза, Орджоникидзевский избирательный округ, Украинская ССР.

КРУПСКАЯ Н. К. — в Совет Союза, Серпуховский избирательный округ, Московская область.

ЛИТВИНОВ М. М. — в Совет Союза, Петроградский избирательный округ, гор. Ленинград.

МОЛОТОВ В. М. — в Совет Союза, Молотовский избирательный округ, гор. Москва.

МИКОЯН А. И. — в Совет Национальностей, Ереванский — Сталинский избирательный округ, Армянская ССР.

МАНУИЛЬСКИЙ Д. З. — в Совет Союза, Акмолинский избирательный округ, Казахская ССР.

МЕХЛИС Л. З. — в Совет Союза, Кушчевский избирательный округ, Московская область.

ПЕТРОВСКИЙ Г. И. — в Совет Национальностей, Днепропетровский избирательный округ, Украинская ССР.

СТАЛИН И. В. — в Совет Союза, Сталинский избирательный округ, гор. Москва.

ХРУЩЕВ Н. С. — в Совет Союза, Краснопресненский избирательный округ, гор. Москва.

ЧУБАРЬ В. Я. — в Совет Союза, Харьковский сельский избирательный округ, Украинская ССР.

ШВЕРНИК Н. М. — в Совет Национальностей, Свердловский избирательный округ, Свердловская область.

ЭЙХЕ Р. И. — в Совет Союза, Новосибирский избирательный округ, гор. Новосибирск.

Само собою разумеется, что мы приняли к исполнению эти указания ЦК ВКП(б).

Просим соответствующие избирательные комиссии принять к сведению настоящее наше заявление и рассматривать его как документ при регистрации кандидатов в депутаты.

АНДРЕЕВ А. А.	ЛИТВИНОВ М. М.
ВЛЮХЕР В. К.	МОЛОТОВ В. М.
БУЛГАНИН Н. А.	МИКОЯН А. И.
БУДЕННЫЙ С. М.	МАНУИЛЬСКИЙ Д. З.
ВОРОШИЛОВ К. Е.	МЕХЛИС Л. З.
ЕЖОВ Н. И.	ПЕТРОВСКИЙ Г. И.
ЖДАНОВ А. А.	СТАЛИН И. В.
КАГАНОВИЧ Л. М.	ХРУЩЕВ Н. С.
КАЛИНИН М. И.	ЧУБАРЬ В. Я.
КОСИОР С. В.	ШВЕРНИК Н. М.
КОСАРЕВ А. В.	ЭЙХЕ Р. И.
КРУПСКАЯ Н. К.	

И. КРАСТИН

Избирательное право гражданина

Полнота избирательных прав всегда являлась лучшим показателем степени демократичности данного государственного строя.

По мере того как сменялось господство одного класса другим, менялись и формы демократии и ее характер.

«Формы демократии неизбежно сменялись в течение тысячелетий, начиная с зачатков ее в древности, по мере смены одного господствующего класса другим. В древних республиках Греции, в городах средневековья, в передовых капиталистических странах демократия имеет различные формы и различную степень применения»¹.

Само понятие избирательного права и народного представительства в современном смысле этого слова появилось в эпоху первых буржуазных революций.

В античной древности, насколько об этом можно судить по дошедшим до нас историческим памятникам, не существовало выборных законодательных палат, и сама идея народного представительства была чужда духу того времени.

Законы в республиках того времени издавались сходами граждан. Право участия в этих сходах, право подачи голосов в них, право участия в выборах тех или иных должностных лиц на этих собраниях — вот, в чем выражалось «избирательное право» республик античной древности.

Тогдашнее *jus suffragii* — право голосования в древности, по крайней мере, в Афинах и Риме, было связано с занесением в списки граждан с достижением ими определенного возраста, с несением военной службы.

Это право было классовым, ибо оно принадлежало только свободным лицам, причем

далеко не всем: его были лишены, например, женщины, вольноотпущенники.

Известно, что в Карфагене и Риме «обладание избирательным правом» было связано с имущественным цензом. В Римской республике эти привилегии долгое время распространялись только на членов знатных богатых родов — патрициев. Полноправное гражданство, составным элементом которого являлось право подачи голоса, принадлежало далеко не всем гражданам, а меньшинству. Согласно римским законам имелись две категории ограничений прав гражданства: естественные (пол, возраст, некоторые психические болезни) и имущественные (отсутствие имущественного ценза, арест за долги и т. д.).

Потребовались сотни лет упорных классовых боев, восстаний, чтобы в 89 году до нашей эры некоторые политические права получили покоренные племена, сохранившие самостоятельное политическое управление. Однако и после этого они практически не могли участвовать в римских выборах и плебисцитах, так как последние производились только в самом Риме, куда большинство из них не могло приезжать.

История борьбы за своеобразное избирательное право античного государства — это история кровавых столкновений, интриг и борьбы. В античном государстве «избирательные права» неизменно оставались привилегией знатных и богатых. Идею отстранения от государственного управления представителей «низших» сословий классически выразил в своей «Политике» Аристотель: «В Карфагене считают, — писал Аристотель, — что магистраты (чиновники) должны быть избираемы на должность не только на основании их благородного происхождения, но также и по их имущественному цензу, так как невозможно необес-

¹ Ленин, т. XXIV, стр. 12.

нечеловеческому человеку управлять хорошо делами и иметь для этого достаточно досуга»¹.

Нужно сказать, что буржуазия, когда ей понадобилось мотивировать лишение избирательных прав громадного большинства трудящихся, воспользовалась почти той же формулировкой.

Так, Сийэс — один из членов французского Национального собрания 1790 года — писал: «Во всех странах закон устанавливает известные признаки, без которых нельзя быть ни избирателем, ни избираемым. Слуга и всякий, кто находится в зависимости от какого-нибудь хозяина, — можно ли допустить, чтобы он фигурировал среди представителей нации?»².

При этом Сийэс с исключительным цинизмом ставил вопрос о бесправии трудящихся.

Избирательный закон, являясь неотъемлемой частью основных законов государства, там, где он существовал, носил такой же классовый характер, как и само государство и все его законодательство.

Происходившие во Франции в эпоху феодализма выборы в Генеральные штаты дают нам классический образец того, как избирательное право, в том виде, в каком оно существовало тогда, было господствовавшим классом использовано в своих интересах.

На первых Генеральных штатах высшее дворянство и духовенство являлось по личному праву. Что касается третьего сословия, то представители туда выбирались. «Нужно признаться, что явиться к королю и заседать с высшим дворянством не перевешивало трудности пути, неизбежных опасностей, долгого отсутствия и риска возвратиться лишь навлекая на себя раздражение избирателей, узнающих о новых налогах, которые они должны были платить. Повидимому в ряде случаев избирание представлялось скорее повинностью, а не правом».

Так характеризует один из крупнейших историков французского средневековья Пикэ «избирательное право» третьего сословия французского феодализма.

Ненависть к избранным, приносящим вести о новых тяготах, о новых формах эксплуатации, — вот что было неизбежным спутником тех немногих представителей третьего сословия, которые оказывались избранными. И тем не менее идея избирательного права прочно вошла в арсенал политических требований, которые выдвигались в эпоху буржуазных революций.

Требование всеобщего избирательного права было одним из главнейших политических лозунгов буржуазной демократии, которое еще в XVII веке выдвигалось в Англии, во Франции в XVIII веке, особенно резко это требование ставилось в революциях 1848 г. во Франции, в Германии, в Австрии и т. д.

Однако как только буржуазия овладевала государственной машиной, она стремилась ограничивать пределы избирательного права, стремилась сосредоточивать это право в руках имущих классов, пользуясь для этого иму-

щественным цензом и другими «законными» основаниями.

Если Руссо считал, что всякая власть должна избираться народом, нацией, каждый член которой должен иметь право участвовать в выборах, то уже его современник Монтескье, признавая идею народного суверенитета, считает, что народ в целом законодательствовать не способен и что он должен быть заменен специальным, ограниченным представительством.

Руссо писал: «Для того, чтобы воля была общей, не всегда необходимо, чтобы она составлялась из единого решения. Необходимо, чтобы все голоса принимались в расчет (разрядка моя.—И. К.). Всякое формальное отношение нарушает общность»³. И далее: «Право подавать голос при каждом акте верховной власти — право, которого никто не может лишить граждан»⁴.

В то же время Монтескье писал: «Великое преимущество представителей и избираемых состоит в том, что они способны обсуждать дела. Народ для этого совсем не пригоден, что и составляет одну из слабейших сторон демократии»⁵.

Однако Монтескье считал, что «право подавать голос в своем округе для выборов представителей должны иметь все граждане, исключая тех, положение которых так низко, что на них смотрят, как на людей, неспособных иметь свою собственную власть»⁶. И вот по мере того как буржуазия забирала в свои руки власть, она все больше и больше расширяла круг тех, кто с ее точки зрения «стоит так низко, что не имеет права на свою собственную власть».

В целях ограничения избирателей, в целях лишения громадного большинства народа избирательных прав, в целях сосредоточивания власти в руках буржуазии, деятель французской революции Сийэс выдвинул идею разделения граждан на активных и пассивных, т. е. имеющих и не имеющих избирательного права.

Это разделение было с точностью формулировано законом 22 декабря 1789 года, который находится в резком противоречии с «Декларацией прав человека и гражданина», принятой 22 августа 1789 года.

В число граждан, лишенных избирательных прав, попали, во-первых, женщины, во-вторых—лица, не имеющие оседлости, в-третьих—лица, не располагающие определенным имуществом цензом. Сюда относились все лица, не имеющие «независимого» положения.

Таким образом избирательное право стало монополией буржуазии и народное представительство было подменено представительством имущих классов.

Выступая против деления на активных и пассивных граждан, Робеспьер в своей речи в Национальном собрании 25 октября 1790 года говорил: «Чем станет ваша декларация, если

¹ Общественный договор, кн. 2, гл. II, стр. 44.

² Там же, кн. 4, гл. II, стр. 160.

³ Монтескье, О духе законов, кн. II, гл. VI, стр. 159.

⁴ Там же.

⁵ Аристотель, «Политика», стр. 86.
⁶ Сийэс, Что такое третье сословие, стр. 37—38, франц. изд.

эти декреты (14 и 22 декабря 1789 г.) останутся в силе? Пустой формулой. Чем станет нация? Рабыней. Чем станет наше общественное устройство? Аристократией... И какой аристократией? Самой невыносимой из всех, аристократией богатых».

Это утверждение Робеспьера нашло свое полное подтверждение в истории развития буржуазного избирательного права. Все декреты и декларации прав о всеобщем избирательном праве, об избирательном праве гражданина, стали пустой формулой.

«Капиталистическая демократия эксплуататорского меньшинства, покоящаяся на ограничении права эксплуатируемого большинства и направленная против этого большинства»¹, — вот что означает всеобщее избирательное право в условиях капитализма.

Эта же мысль была выражена и Лениным: «Всеобщее избирательное право, пока сохраняется собственность капиталистов, есть одно из орудий буржуазного государства»².

В период, когда обострение противоречий между отдельными группами буржуазии и между буржуазией отдельных стран вынуждало буржуазию на отдельные уступки в вопросе об избирательных правах, эти уступки были обманом, иллюзией, фикцией. Так было во Франции в 1851 году при перевороте Луи Бонапарта, так было в 1869 году в Северо-Германском союзе, было в 1907 году в Австрии, в 1905 году в России и т. д.

Во Франции в эпоху реставрации при 30-миллионном населении было меньше 100 000 избирателей; в Бельгии в 30-х годах XIX века при населении в 4 миллиона было около 45 000 избирателей.

И в настоящее время из 42 миллионов населения Франции только 11½ миллионов имеют избирательные права. Совершенно лишены избирательных прав 60 миллионов населения колоний.

Помимо этого избирательных прав лишены женщины, солдаты, матросы, часть взрослых мужчин по признакам оседлости и проч.

Еще сейчас восемь европейских государств не признают избирательного права за женщинами.

Из 22 государств Америки признают избирательное право за женщинами только 6 (Канада, США, Мексика, Бразилия, Эквадор, Уругвай).

Имущественный ценз, формально отмененный, искусственно заменяется цензом грамотности почти во всей Южной Америке и значительной части США цензом оседлости (от 6 месяцев до 2 лет). Во Франции и в Польше ценз оседлости отменен только для домовладельцев и налогоплательщиков.

Равенство избирательного права нарушается предоставлением дополнительных голосов лицам, имеющим оседлость и место занятий в различных округах, имеющим университетский диплом (Англия).

В Англии, в которой, по выражению Ленина, действует формально «почти всеобщее» избирательное право, искусственными махинациями при организации выборов от участия в

выборах отстраняется громадное большинство населения.

Мошеннический характер избирательных кампаний буржуазных стран не скрывается даже буржуазной печатью. Широко известный писатель Франк Фокс, характеризуя избирательную систему Англии, пишет, что исход ее решается «вопросами денег, организации и шарлатанства»³.

Орган английских либералов «Манчестер Гардиан», характеризуя избирательную кампанию в 1931 году, называет ее «самой короткой, самой острой и самой мошеннической избирательной кампанией нашего времени».

В самом деле чем, как не мошенничеством можно объяснить то положение, что при 11 миллионах фабричного населения Англии на 45 миллионов всего населения в английском парламенте на 615 депутатов приходится: 5 рабочих, 86 представителей интеллигенции, 525 представителей буржуазии, среди них 301 капиталист и помещик. Одна четверть английского населения, имеющего право голосовать, представлена в правительстве 0,8 процента своих представителей.

До настоящего времени абсолютно верным является блестящее положение Энгельса, высказанное им в 40-х годах прошлого века, что Англией «правит собственность»⁴.

Реальность избирательного права определяется не только количеством участвующих в выборах граждан, — реальность избирательного права определяется и итогами выборов. И там, где в результате выборов избранным оказывается правительство, на избрание которого не было воли народа, там нет реального избирательного права.

Ни в одной из буржуазных стран в результате выборов не было избрано правительство, выражающее интересы всего народа.

Это положение нетрудно подтвердить, если привести данные о составе политических деятелей — членов палат различных буржуазных стран.

Даже во Франции, где состав французской палаты 1936 г. выражает победу партий народного фронта, которым принадлежит 380 депутатов из 626, даже там мы имеем состав палаты, который не оставляет сомнения в том, что соотношение партий в парламенте не отражает соотношения классовых сил в стране.

Социальный состав французской палаты в 1936 году характеризуется следующими данными:⁵

Адвокатов	119
Рабочих и служащих	63
Журналистов	56
Коммерсантов и судовладельцев	45
Профессоров	43
Землевладельцев	42
Сельских хозяев (крестьян, фермеров)	42
Фабрикантов	35
Врачей	33
Чиновников	30
Народных учителей	22

¹ Е. Фокс, Parliamentary Colrumentu failure. p. 32.

² Английская конституция, Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. II.

³ Списки сообщены по запросу Всесоюзной правовой академии Марселем Капеном.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, X изд., стр. 29.

² Ленин, т. XXIII, стр. 497.

Издателей и типографов
Инженеров
Ремесленников
Механиков
Профсоюзных секретарей
Нотариусов
Стряпчих (авуэ)
Ветеринаров
Аптекарей
Страховых агентов
Офицеров отставных
Духовных лиц
Дантистов
Страховщиков
Управл. торг. товариществом
Арбитр-экспертов
Часовщиков
Подрядчиков по транспорту
Послов
Директоров кооперации
Архитекторов
Летчиков
Художников
Рантье
Без профессии

Состав английской палаты общин по выборам 14 ноября 1935 г. характеризуется следующими данными:

Капиталистов, помещиков и других представителей буржуазии	505
Интеллигенции	85
Рабочих	5

Так обстоит дело с составом парламентов наиболее демократических буржуазных стран.

Нечего говорить, что состав парламентов в других странах еще более показателен, а в фашистских и фашизирующихся странах представители народа совсем не допускаются к управлению.

Ленин писал, что «сведения о личном составе выдающихся политических деятелей, членов палат, высших должностных лиц и т. д. обнаруживают неразрывную связь господства экономического с господством политическим»¹.

Там, где экономически господствует буржуазия, там она господствует и политически, а следовательно там и не может быть реально осуществимого избирательного права гражданина.

После того как для большинства рабочих, для большинства трудящихся капиталистических стран становится очевидной фиктивность формально провозглашенного института всеобщего избирательного права и после того как ими понята механика этого избирательного права, все чаще и чаще даже в буржуазно-демократических странах раздаются возгласы представителей буржуазии о том, что институт избирательного права становится вредным институтом, могущим привести к неблагоприятным для буржуазии последствиям.

Буржуазия открыто выступает против тех даже формальных возможностей участвовать в избрании правительства, которые законом предоставлены трудящимся.

В свое время еще Бенжамен Констан, выражая чаяния буржуазии, направленные к ограничению избирательных прав трудящихся, пи-

сал: «Постоянная цель людей, не имеющих собственности, заключается в том, чтобы приобрести эту собственность. Все средства, которые вы предоставляете им, они будут употреблять с этой целью».

Если к свободе имущественной и промышленной, которую вы обязаны им дать, вы присоединяете еще необязательные с вашей стороны права политические, в руках большинства права эти поведут неизбежно к захвату собственности. Большинство будет следовать по этому неправильному пути, вместо того чтобы держаться пути естественного, который заключается в труде. Для него будет что источником порчи, а для государства источником беспорядка»¹.

Здесь особенно ярко и совершенно открыто выражена мысль собственника, опасющегося, что избирательное право может привести к беспорядкам, может явиться причиной нарушения священного принципа частной собственности.

В своей работе «Демократия и финансовая олигархия во Франции» Делези пишет: «Финансовая буржуазия управляет Францией... Суверенитет народов — фикция, демократия — ложь, а завоевание власти путем избирательного бюллетеня — ловушка для простаков»².

Характеризуя отношение рабочих к выборам, Делези пишет: «Однако последние годы г-н Дюран³ обнаруживает некоторое беспокойство. В нем уже нет прежней уверенности в своем могуществе. Он уже не задается больше вопросом, за кого голосовать, но вопросом — следует ли вообще голосовать?» И Делези несомненно прав, ибо в фашистских странах, в тех случаях, когда выборы не отменены, они настолько нагло свидетельствуют о господстве буржуазии, они настолько грубо исключают возможность проявить волю голосующего в отношении состава правительства, что рабочие отказываются от участия в голосовании. Так это имело место на последних выборах в Польше, где народные массы выдвинули лозунг бойкота выборов.

«Рабочие волнуются... рабочие начинают понимать, что над ними издеваются», восклицает Делези⁴.

Это обстоятельство начинает пугать буржуазию. Она открыто начинает обсуждать вопрос о том, в чем состоит вред избирательного права. Она открыто ведет борьбу с избирательным правом, упорно работает над созданием всякого рода теорий, оправдывающих народное бесправие.

Эти настроения буржуазии особенно ярко выражены в одном из выступлений французского министра труда и общественных работ Вивиани, имевшем место в палате в 1934 году. Вивиани сказал: «Истина в том, что всеобщее избирательное право создало затруднения, на которые я должен обратить ваше внимание. Тот день, когда избирательный бюлле-

¹ Констан, Введение в курс конституционной политики, стр. 55.

² Делези, Демократия и финансовая олигархия во Франции, русск. перев. Маркельс, 1924 г., стр. 124.

³ Наричательная фамилия во Франции, вроде русской «Иванов».

⁴ Там же, стр. 135.

¹ Ленин, т. XVI, стр. 504.

тень был предоставлен всем гражданам, даже совершенно немущим, возник устрашающий контраст между человеком вотирующим и человеком рабочим. Перед урной рабочий — суверен. На фабрике он — раб. Он невольно сравнивает свой политический суверенитет со своей экономической зависимостью, и это сравнение вызывает все смуты и все вспышки». В этом выступлении Вивиани не только выражает испуг буржуазии перед разоблачением механики избирательного права, но в нем ярко показано, что является причиной того, что в условиях капиталистического общества не может существовать реального избирательного права. Его не может быть там, где существует разрыв между человеком голосующим и человеком рабочим. Там, где голосующий гражданин провозглашен сувереном, в то время как он на фабрике остается рабом, — не может быть подлинного избирательного права. Экономическая зависимость несовместима с политическим суверенитетом. И до тех пор, пока не будет преодолен этот разрыв, не может быть действительного избирательного права.

О значении этих саморазоблачений в свое время писал Ленин.

«Английская рабочая печать продолжает свои разоблачения о связи финансовых «операций» с высшей политикой. Эти разоблачения заслуживают внимания рабочих всех стран, ибо вскрывается здесь самая основа управления государством в капиталистическом обществе. Слова К. Маркса, что правительство есть комиссия управляющих делами капиталистов, находят себе самое полное подтверждение»¹.

Сейчас уже совершенно ясно, что «не бывает и не может быть при капитализме действительного участия эксплуатируемых масс в управлении страной, хотя бы потому, что при самых демократических порядках в условиях капитализма правительства ставятся не народом, а Ротшильдами, Стиннесами, Рокфеллерами и Морганями. Демократия при капитализме есть демократия капиталистическая, демократия эксплуататорского меньшинства, покоящаяся на ограничении прав эксплуатируемого большинства и направленная против этого большинства»².

Однако несмотря на то, что институт избирательного права в буржуазных государствах не является фактически реальным средством установления народоправства, несмотря на то, что всеобщее, равное избирательное право в буржуазных странах носит формальный характер, оно все же является прогрессивным фактором, революционизирующее значение которого на определенных этапах недооценивать нельзя. Здесь надо всегда помнить указания Ленина о том, что «демократическая республика и всеобщее избирательное право, по сравнению с крепостническим строем, были громадным прогрессом: они дали возможность пролетариату достигнуть того объединения, того сплочения, которое он имеет»³...

Мы прекрасно понимаем, что даже в самых

демократических республиках различного рода ограничениями трудящиеся фактически отстраняются от политики. Они фактически лишены избирательного права, при помощи которого можно было бы реально воздействовать на политику.

Но мы не можем игнорировать и то положительное прогрессивное, что имеется в буржуазном избирательном праве, которое может быть использовано для облегчения борьбы пролетариата против буржуазии.

Наличие избирательного права означает сплочение пролетариата, оно является средством для «срывания маски с буржуазии»⁴. Оно позволяет рабочим выразить свое отношение к правительству путем голосования против негодных кандидатов, проведением хотя бы части своих собственных представителей.

Вот почему фашистские бандиты, попирающие всякие права человека и провозглашающие произвол ведущим и единственным принципом фашистской диктатуры, ликвидируют избирательное право как проявление демократизма.

В Германии формально избирательное право остается прежним, но с 1934 года «неарийцы» лишены политических прав, следовательно и избирательных прав (декреты о гражданстве). На практике фашисты все чаще заменяют выборы назначением. Так, на освобожденные в рейхстаге места по приказу Гитлера или его заместителя назначаются удобные им бандиты. Таким образом назначено 18 депутатов от Саара и т. д.

В Италии по закону 17 мая 1928 года Большой фашистский совет, назначаемый Муссолини, отбирает 400 кандидатов в парламент из 1000 рекомендуемых различными учеными учреждениями и 22 «корпорациями». Отобранные 400 кандидатов ставятся на одобрение избирателей, иначе говоря, весь институт избирания сводится к тому, чтобы под давлением фашистов «народ» одобрил эти кандидатуры фашистов.

В Польше применяется процедура отсеивания кандидатов. Согласно конституции 1935 года, принятой накануне смерти Пилсудского, выдвижение кандидатов производится исключительно выборными коллегиями, которыми заранее гарантируется большинство представителям буржуазии, помещиков и фашистским агентам.

Эти коллегии состояются из представителей фашизированных самоуправлений, торговых и промышленных палат, кулацко-помещичьих организаций и лишь для вида в них оставлено ничтожное место представителям рабочих организаций.

Но даже и эти коллегии ограничены в выборах кандидатов, в конечном счете утверждающихся назначенным сверху комиссаром, который может отвести выставленных кандидатов.

Вся сущность «избирательного права» в Польше сводится к тому, что имеющим право голоса предоставляется вотировать за двух из четырех фашистов, выделенных кандидатами в каждом округе.

Понятно, что народные массы Польши на последних выборах отказались от участия в

¹ Ленин, том XVI, стр. 503.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. X, стр.

³ Ленин, том XXIV, стр. 375.

⁴ Маркс, 18 брюмера Луи Бонапарта.

голосовании. В обстановке насилия, обмана и террора, сопровождавших выборы, голосовало только 30% избирателей, причем в таких промышленных округах, как Лодзь, голосовало 14% избирателей, и тем не менее выборы признали состоявшимися.

Чтобы оправдать такое отношение к выборам и лишить трудящихся каких-либо претензий в отношении осуществления действительных избирательных прав, буржуазные ученые создали теорию о том, что никаких вообще избирательных прав не существует, что существует не избирательное право гражданина, а лишь его функция, его обязанность.

В этом отношении сходятся и французская и германская теории, объясняющие юридическую природу избирательного права. Уже после Французской революции, когда буржуазия захотела оправдать лишение избирательных прав значительного числа трудящегося населения, ее идеологи пропагандировали, что избиратель не имеет никаких прав, что он исполняет лишь публичную функцию.

Так, в заседании 11 августа 1791 года Бернав, один из деятелей французской революции, заявил: «Качество избирателя есть только публичная функция, на которую никто не имеет права и общество располагает ею так, как ему предписывает интерес; функции избирателя не являются правом»¹.

Как известно, позже французский юрист Дюги, фразеологию которого во многом заимствовали фашистские деятели, более подробно развил эту теорию, заявив, что избирательное право есть лишь объективное легальное положение человека, есть его обязанность, но не есть его право.

Фашисты охотно ухватились за эту теорию, так как она позволяет им оправдывать лишение избирательных прав, отмену избирательного права, ибо если никто не имеет избирательного права, то никто и не имеет права на него претендовать. Если избирательное право есть лишь обязанность гражданина, то естественно, что легко понуждать к голосованию отказывающихся от этого. Нужно сказать, что в некоторых странах, как например, в Швейцарии, Чехословакии, Бельгии, в законодательном порядке осуществляются принципы этой теории, так как в этих странах установлена обязанность являться на выборы и подавать голос.

Эти законы замечательны тем, что они показывают, каких пределов падения достигло избирательное буржуазное право, если к осуществлению его нужно понуждать законом и если даже в условиях этого вынужденного голосования в выборах принимает участие лишь незначительная часть населения.

Буржуазия уже неоднократно признавалась, что «избранные» депутаты не представляют народ и что избиратели этих депутатов не имеют никаких прав по отношению к своим избранникам.

Так, например, Лабанд, говоря о политике германской империи, очень ясно изложил то положение, что между членами рейхстага и народом нет никакой правовой связи. «Название народных представителей, даваемое чле-

нам рейхстага, не имеет положительного юридического значения; в юридическом смысле члены рейхстага никого не представляют; их полномочия не исходят ни от какого другого субъекта права, а прямо покоятся на конституции империи»¹.

Понятно, что если нет никакой связи между парламентом и нацией, то власть не принадлежит народу. Если народ не имеет права на избрание и он в правовом смысле не имеет связи со своими избранниками, то понятно, что нет никакого избирательного права и подобного рода теории есть только «теоретическое» признание фактического бесправия гражданина в условиях господства буржуазии.

Реальное избирательное право народа существует лишь в одной стране мира — в СССР. Советское избирательное право, избирательное право социалистического государства рабочих и крестьян выступает как реальная сила, как новая высшая ступень демократии, которую не знали и не могли знать буржуазные государства.

Реальность советского избирательного права покоится на победе социалистического уклада в нашем хозяйстве, на ликвидации эксплуататорских классов, на том, что у нас упразднена эксплуатация человека человеком, упразднено различие между экономическим и политическим положением человека. Свободный от эксплуатации гражданин нашей родины вместе с тем является полноправным политически. У нас не может быть такого положения, когда поработенный экономический человек обладал бы или стремился бы к обладанию политическими свободами, ибо у нас нет экономически поработенных, эксплуатируемых, и политическое право каждого является его неотъемлемым правом, вытекающим из нашего социального строя.

Это положение блестяще выражено товарищем Сталиным, сказавшим: «Буржуазные конституции обычно ограничиваются фиксированием формальных прав граждан, не заботясь об условиях осуществления этих прав, возможности их осуществления. Говорят о равенстве граждан, но забывают, что не может быть действительного равенства между хозяином и рабочим, между помещиком и крестьянином, если у первых имеются богатство и политический вес в обществе, а вторые лишены и того, и другого, если первые являются эксплуататорами, а вторые эксплуатируемыми»².

Естественно, что там, где одни эксплуатируют, другие эксплуатируются, где большинство угнетено меньшинством, не может быть равенства, не может быть равного избирательного права, не может быть реально осуществимого избирательного права вообще. «Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы увидим везде и повсюду и «в мелких», якобы мелких подробностях избирательного права (цеседлости, исключение женщин и т. д.), и в технике представительных учреждений, и в фактических преполах праву собраний (общ-

¹ *Traité de droit constitutionnel*, tome II, Paris, 1923 г., p. 444.

¹ Лабанд, Государственное право, французское изд., 1900 г., стр. 443.

² Сталин, Доклад на Чрезвычайном V съезде советов, стр. 21.

ственные здания не для «нищих»), и в чисто капиталистической организации ежедневной прессы и так далее, и так далее, мы увидим ограничения, да ограничения демократизма...

В сумме взятые, эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии¹.

Только там, где сама беднота, где сами трудящиеся не только голосуют, но и руководят голосованием, организуют это голосование, наделяют правом голосования, — только там существует действительное избирательное право гражданина.

И даже тогда, когда правом выбора в советы пользовалось у нас «все взрослое население СССР, начиная с 18-летнего возраста, без различия пола и национальности, минус буржуазные элементы, эксплуатирующие чужой труд и лишенные избирательных прав», даже тогда наше избирательное право было во много крат более всеобщим, чем в любой демократической, в буржуазном смысле слова, стране, так как у нас и тогда в голосовании принимало участие громадное большинство населения нашей страны, и тогда в результате наших выборов создавалось правительство, угодное всем трудящимся нашей страны, выражающее их волю и интересы.

Из года в год в нашей стране росло количество лиц, участвующих в избрании своего правительства, из года в год повышался процент избирателей, принимавших участие в голосовании.

В 1925—1926 годах в городах принимало участие в голосовании 52% избирателей, в деревнях — 48,9% избирателей.

В 1934—1935 годах принимало участие в голосовании: в городах 91% избирателей, в деревнях — 83,3% избирателей.

Именно ростом сознательности, осознанием того, что участие в выборах есть осуществление одного из величайших прав, предоставленных гражданину социалистического государства революцией, объясняется такой рост активности избирателей, принимающих участие в голосовании.

Избирательное право для нас есть право, принадлежащее каждому гражданину СССР, за исключением малолетних, сумасшедших, а равно осужденных судом с лишением избирательных прав. Никаких других изъятий советское законодательство не знает. Наше избирательное право обеспечивает действительный суверенитет трудового народа.

У нас все граждане равны в своих правах: «Не имущественное положение, не национальное происхождение, не пол, не служебное по-

ложение, а... личный труд каждого гражданина определяет его положение в обществе»¹.

Избирательное право каждого гражданина — это право, а не обязанность. Это одно из величайших прав, завоеванных конституцией, и то обстоятельство, что это есть право, а не обязанность, у нас выражается еще и в том, что советский гражданин имеет право не только избирать своих депутатов, но и отзывать их. Это есть проявление подлинного демократизма. В свое время Ленин особенно подчеркивал это положение. Он писал:

«Демократическое правительство существует и признано везде, где есть парламентский строй, но это право представительства ограничено тем, что народ имеет право раз в два года голосовать, но часто оказывается, что его голосами прошли те, кто помогает его же подавлять, а демократического права сместить, принять действительные меры пресечения — не имеет.

В странах же, где уцелели старые традиции революционного времени, когда они образовались, — как, например, в некоторых кантонах Швейцарии и в некоторых штатах Америки — уцелело и демократическое право отзыва»².

Формально сохранившееся лишь в отдельных кантонах Швейцарии и в некоторых штатах Америки право отзыва, однако в капиталистических странах фактически неосуществимо. Только в нашей стране, где существует реальное право выбора, осуществляется столь же реальное право отзыва.

Реальность нашего избирательного права лучше всего подтверждается тем, что в результате его осуществления мы всегда имеем правительство, действительно представляющее советский народ. Достаточно просмотреть социальный состав избираемых в нашей стране представителей, чтобы убедиться, что это действительно избранники народа, представляющие этот народ.

Острые избирательного права гражданина социалистического государства направляется не на то, чтобы вытолкнуть трудящегося из политики, а на то, чтобы избранными оказались лучшие представители народа.

Различные формы привлечения поголовного большинства нашего населения к отправлению государственных функций гарантируют то, что у нас избирательное право, право на участие в политике своих избранников осуществляется не только в день выборов, а повседневно.

Аристотель писал: «Гражданин тот, кто может быть судьей и должностным лицом». У нас это право принадлежит всем, наделенным избирательным правом. У нас впервые появляется полноценная фигура гражданина, носителя социалистических прав и обязанностей.

¹ Ленин, т. XXI, стр. 430.

² Сталин, Беседа с 1-ой американской делегацией, 1927.

¹ Сталин, Доклад на Чрезвычайном VII съезде советов, стр. 20—21.

² Ленин, т. XXII, стр. 96—97.

Преступные посягательства на избирательную систему социалистического государства

Одной из замечательнейших особенностей Сталинской Конституции, вводящей впервые в истории человечества действительное всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании, является последовательный и до конца выдержанный социалистический демократизм, не ограничивающийся провозглашением формальных прав граждан СССР, но, как сказал товарищ Сталин, обеспечивающий фактическое осуществление этих прав «законодательным закреплением факта ликвидации режима эксплуатации, факта освобождения граждан от всякой эксплуатации»¹.

Новый советский избирательный закон — Положение о выборах в Верховный Совет СССР, выработанный на основе Сталинской Конституции и утвержденный 4-й сессией ЦИК СССР VII созыва 9 июля 1937 года, представляет собой, как и сама Конституция, документ подлинной, до конца последовательной демократии. В отличие от буржуазных избирательных законов, обычно преследующих цель не закрепления и обеспечения конституционных прав, а наоборот, цель ограничения и прямого отступления от них, советский избирательный закон ни на iota не отступает от принципов Конституции СССР и не изменяет этим принципам. В весьма четких и предельно ясных статьях Положения о выборах в Верховный Совет СССР обеспечены и действительно гарантированы свобода выборов, действительное участие в этих выборах всего советского народа. Правильность и неприкосновенность установленного Конституцией СССР и советским избирательным законом порядка выборов обеспечивается прежде всего политической сознательностью и политической дисциплиной самих советских избирателей. Выборы вызовут новый прилив творческой активности масс и развитие стахановского движения, выборы будут содействовать всемерному укреплению диктатуры рабочего класса.

Вместе с тем выборы вызовут и новый прилив звериной ненависти и злобы врагов социалистического государства рабочих и крестьян. Враги народа, как правильно указывает тов. Вышинский, «не преминут воспользоваться предстоящей избирательной кампанией, чтобы продолжать борьбу против пролетарской диктатуры, против СССР»². Все враждебно настроенные против советской власти элементы: троцкистско-бухаринские фашистские бандиты, осколки уничтоженных эксплуататорских классов, всякие церковники и сектанты без сомнения попытаются использовать выборы в своих контрреволюционных целях. Все эти лица будут пытаться мобилизовать на вы-

борах самые отсталые элементы нашего населения против кандидатов, выставляемых общественными организациями, попробуют срывать в той или иной форме выборы, будут противодействовать участию граждан в выборах, будут стараться всеми способами проникать в избирательные комиссии и пытаться выставлять своих кандидатов и т. п. В нашей печати¹ уже появились сообщения об этих попытках классовых врагов. Так в Челябинской области в участковую комиссию пролезла некая Смольникова, выдвинутая якобы профсоюзом школьных работников, кандидатура которой на самом деле никем не обсуждалась. Смольникова же оказалась всеми способами противодействовать участию граждан в выборах, брат ее — убийца колхозника — отбывает в настоящее время за это преступление наказание в тюрьме. В Васильковском районе на Киевщине в члены избирательной комиссии проник некий Прокоп Скрипка — бывший активный петлюровец. В Ярославской области в отдельных участковых избирательных комиссиях оказались бывшие белогвардейские офицеры. В Старобельском районе Донецкой области среди кандидатов в председатели участковой избирательной комиссии оказался человек, только что отбывший пятилетнее тюремное заключение за хищение колхозного имущества. В этом же районе был намечен кандидатом в участковую избирательную комиссию субъект, осужденный судом на 10 лет тюремного заключения и бежавший из места лишения свободы².

Вражеские элементы постарались приложить свою руку и к такому делу, как изготовление избирательных ящиков. Так в Марийской АССР избирательные ящики пытались окрасить в черный, траурный цвет.

Не без влияния классово враждебных сил в Харьковском горсовете Донецкой области в списки лишенных избирательных прав были включены все глухие, немые и глухонемые, а в Васильевском сельсовете Артемовского района лишили избирательных прав всех инвалидов³.

Можно с уверенностью сказать, что классово враждебные элементы, а также и всякие иные противобщественные и хулиганствующие элементы будут пытаться совершать не малое количество всяких преступлений, направленных на советскую избирательную систему.

Вот почему для обеспечения правильности и неприкосновенности установленного Конституцией СССР и советским избирательным законом порядка выборов призван и советский уголовный закон. Советский уголовный закон устанавливает строгое наказание для всякого,

¹ Сталин, О проекте Конституции СССР, доклад на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов.

² Вышинский, Самый демократический избирательный закон, Соцэкгиз, 1937 г., стр. 42.

¹ «Известия ЦИК СССР» от 27 октября 1937 г.

² «Правда» от 28 октября 1937 г.

³ «Известия ЦИК СССР» от 27 октября 1937 г.

кто посягает в той или иной форме на существующую на основе Конституции СССР избирательную систему социалистического государства.

В самом новом избирательном законе — в Положении о выборах в Верховный Совет СССР — предусмотрены два вида посягательств на советскую избирательную систему, караемые жесткими наказаниями: 1) воспрепятствование осуществлению гражданами СССР прав по выборам в Верховный Совет СССР (ст. 111 Положения о выборах) и 2) подделка должностными лицами совета или членами избирательной комиссии избирательных документов и производство заведомо неправильного подсчета голосов (ст. 112 Положения о выборах). К этим видам посягательств на советскую избирательную систему следует присоединить и еще один вид, предусмотренный непосредственно уголовными кодексами союзных республик, — это незаконное участие в выборах. Данный состав преступления, включенный в ст. 91 УК РСФСР и в соответствующие статьи УК других союзных республик, в настоящее время, в связи с принятием Сталинской Конституции и избирательного закона, не только не потерял своего значения, а наоборот, должен играть весьма существенную роль, как средство охраны правильности и неприкосновенности порядка выборов, установленного Положением о выборах в Верховный Совет СССР¹. В целом все посягательства на советскую избирательную систему, предусмотренные действующим советским законодательством, представляются в следующем виде:

1) незаконное участие в выборах в советы депутатов трудящихся (ст. 91 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик),

2) воспрепятствование осуществлению гражданами СССР прав по выборам в Верховный Совет СССР (ст. 111 Положения о выборах) и

3) подделка должностными лицами совета или членами избирательной комиссии избирательных документов и производство заведомо неправильного подсчета голосов (ст. 112 Положения о выборах).

Поскольку указанные преступления в настоящее время, в связи с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР, приобретают особенно важное значение, а также исходя из того, что в советской юридической литературе вопрос о новых составах посягательств на советскую избирательную систему, предусмотренных Положением о выборах, не освещен вовсе, мы считаем целесообразным дать краткий юридический анализ преступлений, непосредственно направленных против избирательной системы социалистического государства.

¹ Преступление, предусмотренное ст. 91¹ УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик и заключающееся в воспрепятствовании со стороны нанимателя в сельских местностях осуществлению лицами наемного труда принадлежащих им избирательных прав, в настоящее время фактически поглощается составом воспрепятствования осуществлению гражданами СССР их избирательных прав, включенным в статью 111 Положения о выборах в Верховный Совет СССР.

НЕЗАКОННОЕ УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ В СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Одним из видов посягательств на советскую избирательную систему является незаконное участие в выборах в советы депутатов трудящихся. Выборы во все советы депутатов трудящихся производятся на основании и в соответствии с главой IX Конституции СССР. Выборы в Верховный Совет СССР кроме того регулируются специальным избирательным законом — Положением о выборах в Верховный Совет СССР. Всякое незаконное участие в выборах, т. е. участие в выборах с нарушением правил, предусмотренных Конституцией и избирательным законом, является посягательством на самый процесс образования органов советской власти. Незаконное участие в выборах вносит серьезную дезорганизацию в дело создания советов депутатов трудящихся, являющихся политической основой СССР. В силу этого незаконное участие в выборах в советы депутатов трудящихся и в частности в выборах в Верховный Совет СССР должно рассматриваться как преступление, преследуемое по ст. 91 УК РСФСР, ст. 85 УК УССР, ст. 132 УК БССР, ст. 75 УК Туркменской ССР, ст. 114 УК Таджикской ССР, ст. 117 УК Узбекской ССР, ст. 92 УК Грузинской ССР, ст. 126 УК Азербайджанской ССР и ст. 116 УК Армянской ССР.

К советам депутатов трудящихся Конституция СССР относит: Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик, краевые и областные советы депутатов трудящихся, Верховные Советы автономных республик, советы депутатов трудящихся автономных областей, окружные, районные, городские и сельские (станции, деревни, хутора, кишлака, аула) советы депутатов трудящихся. Незаконное участие в выборах в любой из перечисленных советов депутатов трудящихся и дает состав рассматриваемого преступления. Правда, существующий в настоящее время текст ст. 91 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик предусматривает незаконное участие в выборах «в советы и их съезды». Однако в связи с принятием и введением Сталинской Конституции существующий текст этих статей должен быть подвергнут изменению: вместо слов «в советы и их съезды», должно быть поставлено «в советы депутатов трудящихся». Совершенно ясно, конечно, что и до изменения текста этих статей незаконное участие в выборах в советы депутатов трудящихся, а в том числе и в Верховный Совет СССР, должно преследоваться по ст. 91 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Объективные свойства рассматриваемого преступления заключаются в незаконном участии в выборах в советы депутатов трудящихся. Незаконное участие в выборах может выражаться в самых разнообразных формах. Прежде всего незаконное участие в выборах состоит в участии в выборах лиц, лишенных избирательных прав. В этом отношении особенно четкая формулировка состава рассматриваемого преступления содержится в УК БССР, где в ст. 132 говорится об участии в выборах лиц, лишенных прав выбирать в советы.

Согласно ст. 135 Конституции СССР не имеют права участвовать в выборах и быть избранными лица умалишенные и лица, осужденные судом с лишением избирательных прав, а ст. 9 Положения о выборах специально указывается, что эти две категории лиц не вносятся в списки избирателей.

В отношении умалишенных следует иметь в виду, что согласно ст. 9 Положения о выборах отнесение психически больных к лицам, не имеющим избирательных прав, может быть произведено лишь в установленном законом порядке. Порядок этот предусмотрен специальным постановлением ЦИК СССР от 23 октября 1937 г. «О порядке невнесения в списки избирателей лиц, признанных умалишенными».

Осужденные судом лишаются избирательных прав лишь в тех случаях, когда суд в приговоре специально оговаривает лишение избирательных прав на определенный срок. Лишь в течение этого срока, как указывает ст. 9 Положения о выборах, осужденные не имеют права участвовать в выборах и быть избранными.

На основании постановления ЦИК СССР от 16 октября 1937 года в избирательные списки не вносятся, а тем самым и не имеют права участвовать в выборах, также лица, отбывающие наказание по суду, хотя и без порожения в избирательных правах, но находящиеся в местах заключения, а также лица, находящиеся под следствием и содержащиеся под стражей.

Участие в выборах в советы депутатов трудящихся всех перечисленных лиц и образует состав рассматриваемого преступления.

Было бы однако совершенно неправильным ограничивать состав рассматриваемого преступления лишь участием в выборах лиц, лишенных избирательных прав.

Незаконным участием в выборах может быть и участие в выборах лиц, пользующихся избирательными правами. Сюда прежде всего подойдут случаи нарушения каким-либо лицом ст. 136 Конституции СССР и ст. 3 Положения о выборах, предоставляющих каждому гражданину при выборах лишь один голос. Участие в выборах лица, уже осуществившего свое избирательное право (голосование второй раз и большее количество раз) дает также состав рассматриваемого преступления.

Как незаконное участие в выборах должно рассцениваться и нарушение ст. 76 Положения о выборах, устанавливающей личное голосование. Голосование одного лица вместо другого безусловно также дает состав рассматриваемого преступления.

Незаконное участие в выборах в советы депутатов трудящихся может сопровождаться учинением подлога (например, незаконное участие в выборах путем использования чужого паспорта или чужой профсоюзной книжки, или путем подделки избирательного бюллетеня), а также совершением хулиганских действий (например, учинение ругательных надписей на избирательных бюллетенях и т. п.). В таких случаях должна наступать уголовная ответственность по совокупности преступлений: за незаконное участие в выборах (ст. 91 УК РСФСР) и за подлог (ст. 72 УК РСФСР) или хулиганство (ст. 74 УК РСФСР).

Субъектом рассматриваемого преступления могут быть как лица, лишенные избирательных прав, так и лица, не лишенные избирательных прав.

С субъективной стороны незаконное участие в выборах предполагает деятельность исключительно умышленную. Это особенно выпукло подчеркивается в Украинском УК и в Узбекском УК, где говорится об участии в выборах в советы лица, заведомо для него не имеющего на то права. Содержанием умысла является: 1) сознание лица, что оно незаконно, т. е. с нарушением установленных Конституцией СССР правил, участвует в выборах в советы депутатов трудящихся и 2) желание, несмотря на это, участвовать в выборах.

Карается незаконное участие в выборах УК РСФСР, УК УССР, УК Таджикской ССР, УК Туркменской ССР и УК Грузинской ССР исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев или штрафом до 500 рублей.

По Белорусскому УК незаконное участие в выборах наказывается только штрафом до 500 рублей. По Узбекскому УК за незаконное участие предусмотрены исправительно-трудовые работы и штраф до 1000 рублей. Необходимо, как нам кажется, установление единого наказания за незаконное участие в выборах по всем союзным республикам.

ВОСПРЕпятСТВОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ГРАЖДАНАМИ СССР ПРАВ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Другим, еще более опасным, чем рассмотренное выше, посягательством на советскую избирательную систему, является воспрепятствование осуществлению гражданами СССР прав по выборам в Верховный Совет СССР.

Указанное преступление специально предусмотрено ст. 111 Положения о выборах в Верховный Совет СССР. (Этот новый состав посягательства на советскую избирательную систему пока еще не включен в уголовные кодексы союзных республик). Ст. 111 Положения о выборах так формулирует состав воспрепятствования осуществлению гражданами СССР прав по выборам:

«Всякий, кто путем насилия, обмана или подкупа будет препятствовать гражданину СССР в осуществлении его права избирать и быть избранным в Верховный Совет СССР, — карается лишением свободы на срок до 2 лет».

Приведенная статья Положения о выборах является одной из многочисленных гарантий, обеспечивающих действительную свободу выборов, действительное участие в этих выборах всего советского народа. Вместе с этим статья эта грозит обрушиться тяжестью своего наказания на всякого, кто в той или иной форме посягнет на правильность и неприкосновенность установленного Конституцией и Положением о выборах порядка выборов.

Опасность рассматриваемого преступления определяется прежде всего тем, что воспрепятствование осуществлению гражданами СССР избирательных прав является грубейшим посягательством на гарантированные Конституцией СССР основные права и, в частности, избирательные права граждан СССР, зафиксированные главой IX Сталинской Конституции.

Вместе с тем воспрепятствование осуществлению гражданами СССР их избирательных прав посягает также и на самый процесс образования высшего органа государственной власти СССР — Верховного Совета СССР.

В ст. 111 Положения о выборах говорится о воспрепятствовании осуществлению гражданами СССР их избирательных прав по выборам в Верховный Совет СССР. Однако, как нам кажется, воспрепятствование осуществлению гражданами СССР их избирательных прав по выборам и в другие советы депутатов трудящихся (например, в Верховный Совет союзной республики, или в краевой и областной или в районный советы депутатов трудящихся) должно также влечь уголовную ответственность (хотя бы и по аналогии) по ст. 111 Положения о выборах. Это вытекает из самой Сталинской Конституции, гарантирующей и обеспечивающей в одинаковой мере как порядок выборов в Верховный Совет СССР, так и порядок выборов во всякие иные советы депутатов трудящихся.

Объективные свойства рассматриваемого преступления заключаются в воспрепятствовании гражданину СССР в осуществлении его права избирать и быть избранным в Верховный Совет СССР. Для состава преступления необходимо, чтобы имело место воспрепятствование законному осуществлению гражданином его избирательного права. Законным осуществлением избирательного права следует считать осуществление избирательного права в строгом соответствии с Конституцией СССР и Положением о выборах.

Воспрепятствование незаконному осуществлению гражданами избирательного права (например, воспрепятствование голосованию лица, лишенного избирательного права, или воспрепятствование вторичному голосованию одного и того же лица и т. д.) не может, конечно, быть составом преступления. Такое воспрепятствование не только не является опасным, а наоборот, социально-полезным, поскольку им предупреждаются нарушения советского избирательного закона.

Воспрепятствование осуществлению гражданином его избирательного права может относиться к любым его действиям, в той или иной мере связанным с выборами. Состав воспрепятствования поэтому будет не только там, где учиняется препятствие явке избирателя в помещение для голосования, но и там, где, например, оказывается препятствие свободному, т. е. по личному усмотрению, голосованию или где чинится препятствие тайному голосованию и т. д.

Воспрепятствование гражданину в осуществлении им своего избирательного права может касаться как права избирать, так и права быть избранным. Например, воспрепятствование кандидату дать согласие баллотироваться — также дает состав рассматриваемого преступления.

Ст. 111 Положения о выборах предусматривает воспрепятствование как путем физического, так и путем психического насилия.

Под физическим насилием здесь следует понимать всякое физическое воздействие на гражданина, которое может воспрепятствовать ему осуществить свое избирательное право. Например, насильственное отобрание паспор-

та или профсоюзного билета или удостоверение на право голосования с целью лишить кого-либо из избирателей возможности участия в голосовании и т. п.

Воспрепятствование может быть связано и с посягательством на жизнь, здоровье и свободу гражданина. Например, нанесение телесных повреждений, чтобы воспрепятствовать избирателю явиться в назначенный для выборов день в помещение для голосования. Или незаконное лишение свободы лица, чтобы воспрепятствовать таким образом участию в голосовании. В таких случаях налицо будет совокупность преступлений: воспрепятствование гражданину в осуществлении его избирательного права и преступление против личности (в приведенных примерах нанесение телесных повреждений, незаконное лишение свободы).

Под психическим насилием, применяемым в целях воспрепятствования гражданину осуществить его избирательное право, следует понимать угрозу и обман, на которые прямо указывается в ст. 111 Положения о выборах.

Например, угроза избирателю избием с целью заставить его отказаться от голосования, или с целью заставить его голосовать за определенного кандидата вопреки желанию избирателя. Угроза в таких случаях должна быть действительной, т. е. такой, которая способна была бы оказать достаточно мотивирующее воздействие на лицо в смысле воспрепятствования ему осуществить избирательное право. К такого рода угрозам следует отнести 1) угрозу учинения насилия над личностью, 2) угрозу истребления имущества и 3) угрозу оглашения позорящих сведений.

Воспрепятствование осуществлению гражданином его избирательного права путем обмана будет иметь место в тех случаях, когда путем введения кем-либо в заблуждение избирателя, последний фактически лишается возможности осуществить свое избирательное право или возможности осуществить его по своему личному усмотрению. Например, путем введения в заблуждение избирателя относительно порядка заполнения избирательного бюллетеня избиратель фактически лишается участия в голосовании. Или, например, пользуясь неграмотностью избирателя, какое-либо лицо заполняет бюллетень за неграмотного избирателя не в соответствии с желанием последнего.

Воспрепятствование, наконец, может быть совершено и путем подкупа. На этот способ воспрепятствования также указывает ст. 111 Положения о выборах. Например, за определенное материальное вознаграждение какое-либо лицо склоняет избирателя отказаться от участия в выборах, или склоняет голосовать за определенного кандидата, или склоняет снять свою кандидатуру.

Для состава рассматриваемого преступления требуется самый факт учинения препятствий осуществлению гражданином его избирательного права. Вопрос о том, лишился ли фактически в результате воспрепятствования гражданин своего избирательного права или не лишился, не имеет значения для состава преступления. Результаты воспрепятствования могут влиять лишь на определение наказания за рассматриваемое преступление.

Субъектом рассматриваемого преступления может быть всякое физическое лицо. В тех случаях, когда субъектом воспрепятствования в осуществлении гражданином его избирательного права является должностное лицо совета или член избирательной комиссии, уголовная ответственность должна наступать за должностное преступление.

С субъективной стороны воспрепятствование предполагает деятельность исключительно умышленную. В содержание умысла входит: 1) сознание лица, что им учиняется препятствование в осуществлении гражданином его законного избирательного права и 2) желание учинить такое препятствие.

Мотивы, по которым учиняется препятствие, не имеют значения для состава преступления.

Неосторожное воспрепятствование гражданину в осуществлении им избирательного права не может дать состава рассматриваемого преступления.

Согласно ст. 111 Положения о выборах воспрепятствование осуществлению гражданином его избирательных прав карается лишением свободы на срок до 2 лет.

ПОДДЕЛКА ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ СОВЕТА ИЛИ ЧЛЕНАМИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ И ПРОИЗВОДСТВО ЗАВЕДОМО НЕПРАВИЛЬНОГО ПОДСЧЕТА ГОЛОСОВ.

Если незаконное участие в выборах, а также воспрепятствование гражданину СССР в осуществлении его избирательного права вносят серьезную дезорганизацию в процесс создания советов депутатов трудящихся и в частности в процесс создания Верховного Совета СССР, то еще больший ущерб этому может быть нанесен незаконными действиями должностными лицами совета или членами избирательной комиссии. Незаконно используя при производстве выборов свои огромные права и полномочия, предоставленные Положением о выборах, должностные лица совета или члены избирательной комиссии могут причинить значительный вред всей избирательной кампании. Вот почему Положение о выборах в Верховный Совет СССР выделяет специальный состав о злоупотреблениях должностными лицами совета или членами избирательной комиссии предоставленными им правами при выборах, устанавливая за этот вид посягательства на советскую избирательную систему жесткое наказание.

Ст. 112 Положения о выборах в Верховный Совет СССР гласит: «Должностное лицо совета или член избирательной комиссии, совершившие подделку избирательных документов или заведомо неправильный подсчет голосов, караются лишением свободы на срок до 3 лет».

С объективной стороны состав рассматриваемого преступления заключается в совершении подделки избирательных документов или неправильном подсчете голосов.

Под избирательными документами, о подделке которых говорится в ст. 112 Положения о выборах, следует понимать документы, перечисленные в п. «в» ст. 36 Положения о выборах. Эти документы следующие: 1) удостоверения на право голосования, выдаваемые со-

гласно ст. 15 Положения о выборах избирателям при перемене ими места своего пребывания; 2) избирательные бюллетени и конверты, получаемые избирателями в день выборов и опускаемые ими при голосовании в избирательные ящики; 3) списки избирателей, составляемые советами депутатов трудящихся и выдаваемые для всеобщего обозрения; 4) протоколы по подсчету голосов, составляемые избирательными комиссиями в соответствии со ст.ст. 92, 93, 100 и 101 Положения о выборах и 5) удостоверения об избрании, выдаваемые избранным в депутаты Совета Союза или в депутаты Совета Национальностей на основании ст.ст. 105 и 106 Положения о выборах. Формы всех перечисленных документов устанавливаются единые для всего Советского Союза Центральной избирательной комиссией по выборам в Верховный Совет СССР. К избирательным документам следует также отнести и счетные листы, составляемые согласно ст. 89 Положения о выборах избирательными комиссиями на каждого кандидата в Совет Союза и Совет Национальностей. Подделка любого из указанных документов и будет давать состав рассматриваемого преступления.

Подделка избирательных документов может заключаться в полном изготовлении фальшивого избирательного документа, сходного с соответствующим законным избирательным документом. Сюда подойдут, например, случаи изготовления подложных удостоверений на право голосования, изготовления подложных избирательных бюллетеней и конвертов, изготовления подложных удостоверений об избрании и т. д.

Подделка избирательных документов может состоять также и в фальсификации избирательных документов, т. е. во внесении в законный избирательный документ заведомо ложных сведений или в изменении содержания и характера избирательного документа путем подчистки, подделки или всякими иными способами. Сюда, например, подойдут случаи вписания в удостоверение на право голосования фамилии лица, лишенного избирательного права. Или случаи вписания фамилии лишенного избирательного права или лица, за баллотированного при голосовании, в удостоверение об избрании. Сюда же подойдут и случаи внесения путем подлога в избирательные списки лиц, лишенных избирательных прав, или внесение одного и того же избирателя в два или большее количество избирательных списков. Сюда же, наконец, подойдут и все случаи фальсификации протоколов голосования: внесение ложных сведений о числе избирателей, подавших голоса, о результатах подсчета голосов по каждому кандидату и т. п.

Нами указывается, конечно, лишь примерный перечень возможных случаев подделки избирательных документов, предусмотренный ст. 112 Положения о выборах.

Советский закон считает подделку избирательных документов настолько опасным деянием, что для полного и окончательного состава рассматриваемого преступления достаточно одного лишь факта подделки избирательных документов, независимо от тех последствий, которые наступили или которые могли наступить.

пить. Поэтому для состава преступления является безразличным, например, вопрос о том, успело ли должностное лицо совета выдать кому-либо подделанный им избирательный документ или не успело, или воспользовалось ли лицо полученным подделанным документом или нет. Вопрос о последствиях подделки избирательных документов может иметь лишь значение при определении наказания за рассматриваемое преступление.

Неправильным подсчетом голосов, о котором также говорится в ст. 112 Положения о выборах, следует считать подсчет голосов не в соответствии с фактическим количеством поданных голосов. Неправильность подсчета голосов может состоять как в преуменьшении при счете количества фактически поданных голосов, так и в преувеличении этого количества. Неправильный подсчет голосов может относиться как к количеству голосов, поданных за каждого кандидата, так и к общему количеству голосов, поданных по избирательному участку или округу. Для состава преступления не имеет значения, был ли учинен неправильный подсчет голосов по выборам в Совет Союза или же по выборам в Совет Национальностей.

С субъективной стороны рассматриваемое преступление предполагает деятельное исключительное умышленную. Последнее в одинаковой степени относится как к подделке избирательных документов, так и к неправильному подсчету голосов. В ст. 112 Положения о выборах специально указывается на заведомо (разрядка наша. — В. М.) неправильный подсчет голосов, т. е. предполагается наличие сознания у должностного лица или члена избирательной комиссии, что ими производится неправильный подсчет голосов. Поэтому ошибочно произведенный неправильный подсчет голосов не может дать состава рассматриваемого преступления. Точно так же и при подделке избирательных документов предполагается наличие сознания у должностного лица, что им изготовляется подложный избирательный документ, или фальсифицируется законный избирательный документ.

В ст. 112 Положения о выборах нет указания на цели, преследуемые подделкой избирательных документов или неправильным подсчетом голосов. Поэтому для состава преступления не имеют значения мотивы, по которым должностное лицо или член избирательной комиссии подделывал избирательный документ или производил неправильный подсчет голосов. Мотивы подделки или неправильного подсчета голосов должны иметь лишь значение при определении наказания за рассматриваемое преступление.

Субъектом преступления являются должностные лица совета и члены избирательной комиссии. На эти две категории субъектов преступления прямо указывается в ст. 112 Положения о выборах. Под должностными лицами совета следует понимать, применительно к рассматриваемому преступлению, не только председателей и членов совета, но и всех лиц, занимающих то или иное служебное положение в совете, связанное с наличием определенных прав и полномочий.

К членам избирательной комиссии, о которых говорится в ст. 112 Положения о выборах, относятся члены любой из перечисленных в главе V Положения о выборах избирательных комиссий (Центральной, республиканской, окружной, участковой и т. д.).

Частные лица, оказывающие то или иное содействие должностным лицам совета или членам избирательной комиссии в совершении последними подделки избирательных документов или же подстрекающие к совершению преступлений, предусмотренных ст. 112 Положения о выборах, должны привлекаться как соучастники рассматриваемого преступления.

Карается подделка должностными лицами совета или членами избирательной комиссии избирательных документов так же, как и заведомо неправильный подсчет голосов, доводibly суровым наказанием — лишением свободы на срок до 3 лет.

Анализируя состав преступления, предусмотренный ст. 112 Положения о выборах, следует иметь в виду, что уголовная ответственность должностных лиц совета или членов избирательной комиссии за возможные при выборах с их стороны преступные злоупотребления отнюдь не исчерпывается только что рассмотренным составом преступления. Ст. 112 Положения о выборах говорит лишь о частных и специальных случаях злоупотребления должностными лицами совета и членами избирательной комиссии предоставленными им при выборах полномочиями. Это, однако, ни в коей мере не исключает, а наоборот, предполагает возможность конструирования уголовной ответственности должностных лиц совета и членов избирательной комиссии и по статьям о должностных преступлениях уголовных кодексов союзных республик в случае совершения этими лицами каких-либо должностных преступлений, связанных с выборами и не охватываемых ст. 112 Положения о выборах. Так, например, такие действия, как невключение председателем совета в избирательные списки всех глухих, немых и инвалидов или назначение особых «уполномоченных» по подбору кандидатов, которые, минуя советские общественные организации, сами «выбирают» кандидатов в Верховный Совет СССР¹, и т. п., должны квалифицироваться по ст. 109 или ст. 110 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, как типичные и весьма при этом опасные должностные преступления.

Таково действующее советское уголовное законодательство по охране правильности и неприкосновенности установленного Конституцией СССР и советским избирательным законом порядка выборов.

Органы суда и прокуратуры, памятуя исторические слова тов. Сталина о том, что «стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было», должны твердо, точно и неуклонно применять законы, направленные против всех тех, кто в той или иной форме осмелится посягать на избирательную систему социалистического государства.

¹ «Известия ЦИК СССР» от 27 октября 1937 г.

Социалистическая демократия и советы

Сталинской Конституцией победившего социализма и новым избирательным законом социалистического государства перед всеми организациями трудящихся как государственными, так и общественными, поставлены в высшей степени ответственные задачи. Новая эпоха советской социалистической демократии означает, что диктатура пролетариата стала более мощной и более гибкой системой государственного руководства обществом со стороны рабочего класса. База пролетарской диктатуры расширяется, ее основа становится более прочной, СССР стал неприступной крепостью социализма, великой государственной, политической, экономической и культурной силой, усиливается политическая активность масс, в управление государством вовлекаются все новые и новые силы трудящихся, повысилась авторитет коммунистической партии, усилилась ее руководящая роль.

* * *

Советская государственность в широком смысле — это система массовых общественных организаций, приводимых в движение и направляемых единой руководящей силой — великой партией Ленина—Сталина.

Товарищ Сталин пишет: «Теперь нам нужно поговорить о диктатуре пролетариата с точки зрения ее строения, с точки зрения ее «механизма», с точки зрения роли и значения тех «приводов», «рычагов» и «направляющей силы», совокупность которых составляет «систему диктатуры пролетариата» (Ленин) и при помощи которых осуществляется повседневная работа диктатуры пролетариата»¹.

Систему или механизм диктатуры пролетариата товарищ Сталин рисует в следующем виде: «Итак, — говорит он, — профсоюзы, как массовая организация пролетариата, связывающая партию с классом, прежде всего по линии производственной; советы, как массовая организация трудящихся, связывающая партию с этими последними, прежде всего по линии государственной; кооперация, как массовая организация, главным образом, крестьянства, связывающая партию с крестьянскими массами, прежде всего, по линии хозяйственной, по линии вовлечения крестьянства в социалистическое строительство; союз молодежи, как массовая организация рабочей и крестьянской молодежи, призванная облегчить авангарду пролетариата социалистическое воспитание нового поколения и выработку молодых резервов; и, наконец, партия, как основная направляющая сила в системе диктатуры пролетариата, призванная руководить всеми этими массовыми организациями, — такובה, в общем, картина «механизма» диктатуры, картина «системы диктатуры пролетариата»².

Партия в системе диктатуры пролетариата является направляющей силой, партия приво-

дит в движение весь механизм диктатуры пролетариата, охватывает все приводы, все рычаги и направляет движение масс по необходимому пути. Без партии Ленина—Сталина как основной руководящей силы была бы немислима победа трудящихся и торжество социализма в нашей стране. Отъявленные враги народа, злейшие враги советской власти и социализма выступали не раз против руководящей роли коммунистической партии. Так было в дни кронштадтского мятежа в 1921 г., когда вокруг лозунга «Советы без коммунистов» собиралась контрреволюционная нечисть старого мира, выброшенная пролетарской революцией за порог советского государства. Подлейшие враги народа контрреволюционеры троцкисты и их правооппортунистические сообщники, реставраторы капитализма, шпионы и вредители пытались с разных сторон раздаться направляющую силу коммунистической партии и подорвать этим диктатуру пролетариата и, действуя самыми подлыми методами двурушничества, шпионажа и вредительства, по прямым указаниям фашистской агентуры и белогвардейщины пытаются ослабить руководящую роль нашей партии. Великая партия Ленина—Сталина несокрушима. Руководимое ею советское государство способно на-смерть сразить врагов народа.

В Сталинской Конституции СССР направляющая и руководящая роль коммунистической партии выражена в статье 126.

О руководящей, направляющей роли нашей партии Ленин еще в 1905 г. писал: «Новоискровцы могут сносно описывать и объяснять процесс происходящей у них на глазах борьбы, но совершенно не могут дать правильного лозунга в этой борьбе. Усердно маршируя, но плохо руководя, они принижают материалистическое понимание истории своим игнорированием действительной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии сознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов»¹.

Наша партия — это ум, честь и совесть всей эпохи. Все лучшее, что имеется в советском обществе, концентрируется в партии Ленина — Сталина. Наша партия, опирающаяся на самые широкие слои трудящихся масс, пользуется безграничным авторитетом и неиссякаемой любовью всего народа. Еще более тесное объединение трудящихся масс вокруг любимейшего вождя нашей партии — гения современного человечества, творца новой Конституции, великого Сталина, — результат наших всемирно-исторических побед, безграничного авторитета нашей партии и ее сталинского Центрального комитета, неиссякаемой любви и заботы о людях. Широкий размах энтузиазма, героизм и творчество многомиллионных трудящихся масс, высокий подъем уровня социалистического сознания, расцвет социалистического гуманизма и беспредельной любви к своей родине, глубокое чувство советского

¹ Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. X, стр. 113—114.

² Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 116.

¹ Ленин, т. VIII, стр. 52.

патриотизма, говорят о великой революционной творческой, направляющей и руководящей роли коммунистической партии.

Партия умело руководит всеми органами рабочего класса и трудящихся масс. Она определяет линию работы всех организаций трудящихся, всей системы диктатуры рабочего класса.

В связи с принятием Сталинской Конституции и поворотом в политической жизни нашей страны пленум ЦК ВКП(б) (февраль—март 1937 г.) указал конкретные пути и методы перестройки партийно-политической работы. «Что требуется от партии для того, чтобы она могла стать во главе этого поворота, во главе новых, до конца демократических выборов? Для этого требуется, чтобы партия сама проводила последовательно демократическую практику, чтобы она проводила до конца во внутрипартийной жизни основы демократического централизма, как этого требует устав партии, чтобы она сама имела необходимые условия, в силу которых все органы партии являлись бы выборными, чтобы критика и самокритика развивались в полной мере, чтобы ответственность партийных органов перед партийной массой была полная и чтобы сама партийная масса была полностью активизирована»¹.

Существенно должна перестроиться работа всех рычагов и приводов в системе диктатуры рабочего класса.

* * *

Советы — государственная форма диктатуры пролетариата. Советы — это непосредственные органы диктатуры пролетариата и в то же время самые широкие массовые организации трудящихся. Советы депутатов трудящихся — политическая основа СССР. Советы как социалистическая форма политической организации рабочего класса являются самой широкой массовой организацией. В работе советов могут принимать участие все трудящиеся. А это означает самую широкую, небывалую в истории демократию, при которой весь народ поголовно может принимать участие в управлении государством.

Особенностью нашего государственного аппарата является то, что между советским государственным аппаратом и трудящейся массой нет противоположности, нет непреодолимого барьера. Советский государственный аппарат теснейшим образом связан с массой, и эта связь выражается в таком положении, когда они и непосредственные органы государственной власти и в то же время самые широкие массовые организации трудящихся.

Ленин так определил характерные особенности советов как нового типа государственного аппарата: «Советы суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, причем эта сила не оторвана от народа, как сила постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ни-

чем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверяемую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различные реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т. е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части угнетенных классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитывать, обучать и вести за собой всю гигантскую массу этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение»¹.

Ленинское учение о советах конкретизировано, обогащено и развито товарищем Сталиным.

«Советы, — говорит товарищ Сталин, — есть массовая организация всех трудящихся города и деревни. Это есть организация не партийная... Через советы проходят все и всякие мероприятия по укреплению диктатуры и строительству социализма. Через советы осуществляется государственное руководство крестьянством со стороны пролетариата. Советы соединяют миллионные массы трудящихся с авангардом пролетариата»².

Возникает вопрос, все ли указания Ленина и Сталина нами осуществляются в конкретной работе советов, все ли решения партии по вопросам развития и укрепления работы советами проводятся в жизнь?

Необходимо отметить, что многое из прекрасных указаний Ленина и Сталина и замечательных решений нашей партии и правительства не выполняется, искажается, передается забвению, заслоняется преступным благодушием отдельных работников советского государственного аппарата.

Часто в практической жизни великие принципы советского социалистического демократизма нарушаются.

Важнейшим условием советского демократизма является привлечение широких масс трудящихся к управлению государством. На деле, несмотря на все возрастающую активность трудящихся масс во время избирательных кампаний, мы все еще далеки от полного осуществления этой великой задачи. Не все трудящиеся еще принимают участие в управ-

¹ Ленин, т. XXI, стр. 258.

² Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 114—115.

¹ Резолюция пленума ЦК ВКП(б) по докладу тов. Жданова.

лении государством. Для осуществления этой задачи необходимы конкретные условия и большая активная воспитательная работа. Делу управления государством необходимо учиться и учить других.

Ленин писал:

«Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту»¹.

Ведь не напрасно Ленин с исключительной настойчивостью требовал учиться, учиться и еще раз учиться. А это у нас часто забывают, полагая, что трудящиеся сами по себе, стихийно, самостою, без всякого руководства могут стать активными и сознательными строителями социализма, активными деятелями социалистического государства.

Советская Конституция всегда предусматривала и предусматривает тесную связь между избирателями и депутатами. Но не всегда избиратели интересуются работой избранных ими депутатов, а депутаты не всегда считают своей обязанностью отчитываться перед избирателями. Самокритика в этом отношении не всегда имеет место и не всегда достаточно развернута. Отчеты депутатов во многих случаях носят формальный характер. Избиратели не всегда самокритику доводят до конца и лишь в редких случаях применяют право отзыва депутатов. Формализм и отсутствие широко развернутой самокритики приводят к отрыву депутата от избирателей, казенному благодушию и притуплению классовой бдительности.

Советский государственный аппарат, построенный на основе широкого участия трудящихся в управлении, выборности и сменяемости депутатов и большевистской самокритики, не может быть бюрократическим. Тем не менее, на практике мы часто встречаемся с бюрократическими извращениями. Борьба с пережитками бюрократизма является одной из серьезнейших и неотложных задач.

«Задача, — говорил Сталин, — состоит в том, чтобы разбить бюрократизм в наших учреждениях и организациях, ликвидировать бюрократические «нравы» и «обычаи» и расчистить дорогу для использования резервов нашего строя, для развертывания творческой инициативы и самостоятельности масс».

«Задача эта, — предупреждал Сталин, — нелегкая. Ее не разрешить «в два счета». Но ее нужно разрешить во что бы то ни стало..

В борьбе с бюрократизмом работа партии идет по четырем линиям: по линии развертывания самокритики, по линии организации дела проверки исполнения, по линии чистки аппарата, и, наконец, по линии выдвижения снизу в аппарат преданных работников из людей рабочего класса»².

В высшей степени ответственные задачи возложены на советских служащих, работников советского государственного аппарата. Советский государственный работник за годы существования советской власти многому научился. Кадры советских работников пополнились молодыми людьми нового поколения сталин

ской эпохи. Советские люди почувствовали себя творцами новой жизни, ее хозяевами. Сломав тяжелые преграды, разбив рутину и перестроили и укрепили наш государственный строй, воплощенный в Сталинской Конституции победившего социализма. Советское учреждение — их любимое рабочее место для инициативы, творчества и беспредельного проявления своих сил и способностей. Интересы государства для них превыше всего.

Но несмотря на все это, в советских учреждениях часто можно встретить серьезные недостатки и извращения. А дело ведь в людях. Политическая отсталость, зазнайство, беспечность и благодушие, невнимание к подчиненным, пренебрежение к посетителям, грубость и «казенщина» в обращении — вот черты, характеризующие кое-кого из работников наших учреждений. Понятно, что подобные «работники» широко используются классово враждебными элементами, шпионами и диверсантами для осуществления за их спиной, при их попустительстве и халатности контрреволюционной деятельности против партии и советской власти.

Вот почему важнейшей задачей, лозунгом дня, звеном, ухватившись за которое можно вытащить всю цепь, служит овладение большевизмом, воспитание политической бдительности, умение раскрыть притаившегося врага.

Товарищ Сталин нас учит:

«Ошибка наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили этой глубокой разницы между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем».

«Ошибка, — говорит он, — некоторых наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили, не поняли всей этой разницы между старыми и новыми вредителями, между шахтинцами и троцкистами и, не заметив этого, не сумели во-время перестроиться для того, чтобы повести борьбу с новыми вредителями по-новому»¹.

Задача советского работника заключается в том, чтобы, воспитывая других, учиться самому у масс. Прекрасным примером в этом отношении, величайшим достижением сталинской эпохи и новой формой советской демократии являются многочисленные беседы и совещания руководителей партии и правительства, во главе с товарищем Сталиным, с представителями национальных республик и областей, самых разнообразных отраслей социалистического строительства и советской общественности.

Эта форма демократии, поднимаемая на небывалые высоты политического значения инициативу и лучшие достижения передовых людей нашей страны, героев труда, бесстрашных патриотов социалистической родины, строителей и организаторов социалистического общества, дает им стимул к дальнейшей работе и указывает ясные перспективы дальнейшей борьбы за новые всемирно-исторические победы.

Руководители же партии и правительства, непосредственно общаясь с лучшими людьми своей родины, сами многому учатся.

¹ Ленин, т. XXI, стр. 266.

² Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 402.

¹ Сталин, Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г., Партиздат 1937 г., стр. 14 и 16.

Эта взаимная учеба в классической форме выражена словами великого Сталина на I всесоюзном совещании стахановцев.

«Стало быть, — говорил он, — мы, руководители партии и правительства, должны не только учить рабочих, но и учиться у них. Что вы, члены настоящего совещания, кое-чему поучились здесь, на совещании, у руководителей нашего правительства, — этого я не стану отрицать. Но нельзя отрицать и того, что и мы, руководители правительства, многому поучились у вас, у стахановцев, у членов настоящего совещания. Так вот, спасибо вам, товарищи, за учебу, большое спасибо!»¹

Только у нас, в нашем государстве существуют неиссякаемая любовь, взаимное доверие и взаимная учеба между руководителями партии и правительства и представителями народа.

Этот сталинский принцип взаимной учебы должен служить непреложным залогом во взаимоотношениях между советскими работниками и массой трудящихся, между старшими и младшими, высшими и низшими работниками советского государственного аппарата.

Ленин и Сталин учили и неоднократно подчеркивали необходимость соблюдения и осуществления твердой социалистической законности. Права и обязанности граждан советского государства закреплены в Великой Сталинской Конституции. Сталинской Конституцией СССР закреплена более высокая ступень проведения революционной законности во всей системе построения и деятельности органов советской власти. На новую, более высокую ступень своего развития поднята революционная законность. В своей беседе с Уэлсом товарищ Сталин, характеризуя отличительные черты пролетарской революции, указывал, что новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком»².

Ленин обращал особое внимание на осуществление революционной законности, требуя принятия самых решительных мер по отношению к нарушителям нового, социалистического правопорядка. Ленин считал, что «основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности является попустительство исконно-русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность казачьей, желавших сохранить законность казанской»³, между тем как законность должна быть одна.

Острые революционной законности направлено на борьбу с расхитителями социалистической собственности, нерушимой основы советского государства. Одновременно с этим необходимо вести решительную борьбу против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности. Необходимо со всей строгостью революционной законности беспощадно поражать подлых предателей и врагов народа, белобандитские охоты троцкистско-зиновьевских вредителей — контрреволюционеров и их правооппортунистических приспешников, заклятых врагов завоеваний Великой

социалистической революции и советского строя, гнуснейших агентов фашизма, реставраторов капитализма, шпионов и диверсантов, карающая измену социалистической родине по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние.

Революционная законность, охраняющая права личной собственности трудящихся, их культурную и жилищную жизнь, неприкосновенность личности и жилища, героический труд и отдых, служит одним из средств перевоспитания, преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей.

Необходимо помнить слова Ленина, что «диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества»⁴.

Нарушения революционной законности, искажения принципов советской демократии приводят к самым возмутительным последствиям в практической работе советов.

Наиболее часто в советской работе встречаются следующие ненормальности, искажения советской демократии и нарушения социалистической законности.

1. Формально-бюрократическое понимание единоначалия в управлении, отрицающее живую связь с массой трудящихся, превращающее советского работника в бюрократа — вельможу.
2. Недостаточная активность секций советов и исполкомов, недостаточное развитие самокритики.
3. Подмена коллегиальности решений системой опроса.
4. Подмена демократических выборов практикой кооптации.
5. Формально-бюрократическое отношение к посетителям, недостаточная борьба за ликвидацию очередей.
6. Передоверие своих функций подчиненным, помощникам, секретарям и т. д. и переложение на них ответственности.
7. Недостаточное внимание вопросам учета, контроля и проверки исполнения.
8. Бездушно-формальное отношение к жалобам и отдельным замечаниям, сигнализирующим часто о неблагополучии, ошибках и т. д.
9. Превращение циркуляров, директив и законов в формальные бумажки для подшивки «к делу» или бюрократической отписки.
10. Отсутствие или недостаточность учета, изучения и воспитания кадров, индивидуального подхода к отдельным работникам.
11. Семейственность, подбор «своих людей», групповщина, взаимное покровительство и замазывание ошибок вместо здоровой больше-

¹ Сталин, Речь на I всесоюзном совещании стахановцев, стр. 29—30.

² Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 611.

Ленин, т. XXVII, стр. 299.

⁴ Ленин, т. XXV, стр. 190.

вистской самокритики, разоблачения ошибок и воспитания кадров на живых примерах.

12. Необоснованные частые смещения, перемещения и переводы советских работников с места на место.

Вот в кратких чертах наиболее часто встречающиеся недостатки во многих наших советских учреждениях

Задача заключается в том, чтобы на основе Великой Сталинской Конституции СССР и нового социалистического избирательного закона, руководствуясь мудрыми указаниями товарища Сталина и решениями нашей партии, имеющиеся в советской работе недочеты изжить.

Б. БОРИСОВ

Гражданский процесс за 20 лет революции

Вопросы гражданского процесса подняты в свете Сталинской Конституции на огромную высоту.

Перестройка гражданского процесса действительно диктуется задачами, стоящими перед нами в области борьбы за неприкосновенность общественной, социалистической собственности, за укрепление социалистической системы хозяйства, за охрану и защиту гарантированных Конституцией прав граждан СССР в области имущественных и бытовых отношений.

На очереди перед нами стоит задача подготовки социалистического гражданско-процессуального кодекса Союза ССР. Чрезвычайно интересно поэтому проследить вкратце путь, пройденный советским гражданским процессом за годы революции, посмотреть, как на нем отражались особенности и специфические черты, характерные для отдельных этапов социалистического строительства.

Великая Октябрьская революция сдала на слом всю старую буржуазную государственную машину.

Задачи пролетарской революции по отношению к буржуазному государственному аппарату определялись т. Лениным следующим образом: «Овладеть» государственным аппаратом и «привести его в движение» пролетариат не может, но он может разбить все, что есть угнетательского, рутинного, неисправимо-буржуазного в старом государственном аппарате, поставив на его место свой новый аппарат»¹.

В дореволюционном аппарате государственной власти одна из главных ролей несомненно принадлежала судебной системе — одному из основных орудий классового господства буржуазии. Совершенно естественно, что пролетарская революция не могла остановиться перед буржуазным судом. Она сдала его на слом так же, как и все буржуазные законы, которыми суд руководствовался в своей деятельности.

24 ноября 1917 года был опубликован исторический декрет о суде № 1.

Вот как П. И. Стучка его характеризует: «Развенчана Фемида. Низложена и объявлена вне пролетарского закона эта продажная богиня буржуазного правосудия. Из ее рук пролетариатом вырван жестокий меч, и ее фальшивые весы сданы в музей революции. А на

костре горят ее законы и сенатские разъяснения. Таково было краткое содержание коротенького декрета № 1»¹. Этим декретом были уничтожены все общие суды, прокуратура, адвокатура и приостановлена деятельность мирового суда; последний заменялся местным судом в составе постоянного судьи и двух очередных заседателей.

В этом же декрете мы имеем уже первые процессуальные нормы; апелляционная инстанция уничтожена. Необходимо отметить, что эта принципиальная установка не подвергалась ревизии на протяжении всех последующих лет революции. И на сегодняшний день советский процесс отстаивает целесообразность существования лишь одной инстанции, рассматривающей дело по существу. Декрет установил подсудность местному суду гражданских дел до 3 тысяч рублей. Что касается законов, которыми суд должен был руководствоваться, то декрет устанавливал, что законами свергнутых правительств можно руководствоваться лишь постольку, поскольку таковые «не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». До 1923 года, т. е. до первых лет новой экономической политики, гражданско-процессуальные нормы не были самостоятельно документированы. Судебные и процессуальные нормы (как уголовные, так и гражданские) фиксировались в единых законодательных актах. Для периода военного коммунизма такими документами служили «Положения о народном суде» 1918–1920 г.г. (если не считать специальных законов, регламентировавших деятельность трибуналов юстиции).

Если по линии уголовных дел имели место дополнительные инструкции и разъяснения, то в отношении гражданских дел действовало исключительно «Положение о народном суде» с его немногочисленным нормативным материалом.

Совершенно естественно, что в период военного коммунизма, когда все силы страны были мобилизованы на борьбу с капиталистической интервенцией и внутренней контрреволюцией, когда с оружием в руках приходилось отстаивать самое существование первого в мире советского государства, — центром

¹ Ленин, т. XXI, стр. 257.

¹ Стучка, Годовщина 1 декрета о суде. «Правда» 1918 г., № 266.

внимания в суде были уголовные, а не гражданские дела.

Удельный вес гражданских дел в этот период объяснительная записка к проекту ГПК, направленная в 1923 г. НКЮ РСФСР в президиум ВЦИК, характеризует следующим образом: «Если жизнь такой громадной страны, как наша, с первого же момента революции не позволяла приостанавливать уголовной репрессии и аппарат уголовного судопроизводства не остановил вследствие этого своей работы ни на один день, то того же нельзя сказать о деятельности советского суда в области гражданских дел на протяжении первых трех лет нашей власти, когда в обстановке, так называемого, военного коммунизма имущественный оборот почти отсутствовал и для гражданских споров оставался незначительный простор. Они сводились или к незначительным по размерам и простым по своей обстановке претензиям между отдельными гражданами по спорам об уплате содержания нетрудоспособным членам семьи, по разделу семейного имущества, по уплате вознаграждения за мелкую ремесленную работу и т. п. искам, не выходящим из круга домашнего обихода».

В другом месте этой же записки говорится, что «Положение о народном суде» было расценено «на простоту имущественных отношений». В этой связи необходимо напомнить, что троцкистской клеветой является утверждение, будто период военного коммунизма вообще не знал гражданского права. Для этого достаточно вспомнить хотя бы те ответственные законодательные акты, которые были посвящены вопросам гражданского права. Вспомним первый кодекс законов о труде, кодекс об актах гражданского состояния, декрет об отмене наследования, земельные законы и др. Да и народные суды были завалены гражданскими делами.

Таким образом, речь идет не о том, — существовало или нет гражданское право в период военного коммунизма; речь идет лишь об относительном удельном весе и характере этой категории правоотношений в те годы.

Несмотря на лаконичский характер «Положения о народном суде», оно уже в себе содержало ряд принципиальных процессуальных положений, выдержавших «испытание» всех дальнейших лет революции. Эти положения несколькими годами позже были положены в основу ГПК (1923 г.). В первую очередь обращает на себя внимание то обстоятельство, что, как и декрет о суде № 1, «Положение о народном суде» 1920 г. устанавливало коллегияльный состав суда для разбора гражданских дел, кроме дел так называемого «бесспорного производства».

Так, согласно ст. 8 «народный суд в составе постоянного народного судьи и двух народных народных заседателей рассматривает все остальные уголовные и гражданские дела»; «Положение» объявляет источником решения «социалистическое правосознание».

В ст. 22 говорится: «При решении дел народный суд применяет декреты рабоче-крестьянского правительства, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового, — руководствуется социалистическим правосознанием».

Этот критерий, впервые выдвинутый декретом о суде № 1 и повторенный в «Положении», продолжает быть по существу одним из основных источников судебного решения и по сей день. На смену буржуазно-юридическому мировоззрению пришло социалистическое правосознание, способное обеспечить правильное толкование закона, верную оценку судебных доказательств и успешную борьбу за социалистическую законность в стране.

Из общих начал судопроизводства, зафиксированных в «Положении», отметим те из них, которые уже тогда прокламировали активную роль суда в гражданском процессе, скорость последнего и необходимость последовательной борьбы с формализмом.

В силу ст. 24 «народный суд не ограничен никакими формальными доказательствами и от него зависит по обстоятельствам дела допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для чего такое требование обязательно»; согласно ст. 25 «не допускаются формальные отводы по гражданским делам о смешении и дроблении исков», в силу ст. 26 «тяжущимся разрешается во все время производства дел как изменять основания иска (главного и встречного), так и расширять иски новыми требованиями и привлекать к делу на сторону истца или ответчика новых лиц»; согласно ст. 59 «неявка сторон, обвиняемого или свидетелей без уважительных причин, не останавливает разбор дела, если явка их в суд не будет признана судом обязательной»; и, наконец, ст. 61 устанавливает, что «заочные приговоры и решения могут быть обжалованы лишь в кассационном порядке на общем основании».

Содержание всех перечисленных статей почти полностью было перенесено в будущий ГПК.

Это — знакомые нам ст.ст. 2, 98 и 118—129 ГПК.

Ст. 61 «Положения» установила отрицательное отношение к институту отзывать на заочные решения, воспринятое впоследствии и ГПК. И по линии института обжалования «Положение» выставило такие принципы, которые вошли в «железный инвентарь» советского гражданского процесса.

Так, в «Положении» подтверждается уничтожение апелляционной инстанции.

Согласно ст. 76 «приговоры и решения народного суда являются окончательными и могут быть обжалованы в кассационном порядке в совет народного суда заинтересованными в деле лицами и учреждениями».

Согласно ст. 92 «совет народных судей при рассмотрении дела не связан пределами кассационной жалобы и поводами, в ней указанными».

Согласно ст. 94 «указания, сделанные советом народных судов, в мотивах к отмене приговора или решения обязательны для суда, рассматривающего дело». Отметим еще две статьи, правильно разрешавшие вопрос о национальном языке судоговорения и борьбе с недобросовестностью стороны в процессе.

Согласно ст. 21 «в Российской социалистической федеративной советской республике допускается судоговорение на всех местных языках».

В силу ст. 96 «народный суд имеет право подвергать стороны за недобросовестный иск и спор штрафу в доход республики». Рамки единого процессуального документа, регламентировавшего деятельность суда одновременно по уголовным и гражданским делам, не могли не повлиять на «специфику» гражданского процесса. Термины и принципы, применимые к уголовному процессу, оказались искусственно «павязанными» и гражданскому процессу. Так, согласно ст. 73 «по выслушании последнего слова» суд удаляется в совещательную комнату для постановления приговора (по уголовному делу) или решения (по гражданскому делу).

Надо ли доказывать, что объяснения ответчика ничего общего не имеют по содержанию своему и характеру с «последним словом обвиняемого»?

«Положение о народном суде» действовало до января 1923 г., т. е. до опубликования Наркомюстом инструкции «об основных нормах гражданского процесса».

В первые годы нэпа гражданский оборот в стране значительно вырос; удельный вес гражданских дел в судах стал расти и занимать все большее место. Чрезвычайно осложнилась и стала политически более ответственной работа суда по разбору гражданско-правовых конфликтов.

«Это был первый период нэпа, — говорил товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов, — когда советская власть допустила некоторое оживление капитализма при всемерном развитии социализма, когда она рассчитывала на то, чтобы в ходе соревнования двух систем хозяйства, капиталистической и социалистической, организовать перевес социалистической системы над капиталистической. Задача состояла в том, чтобы в ходе этого соревнования укрепить позиции социализма, добиться ликвидации капиталистических элементов и завершить победу социалистической системы, как основной системы народного хозяйства»¹.

В 1922 г. была проведена реформа судостроительства, приведшая, в частности, к созданию гражданских коллегий в губернских и Верховном судах; в том же году был принят и ряд кодексов (уголовный, гражданский, уголовно-процессуальный). НКЮ не успел подготовить проект ГПК и издал временную инструкцию «Об основных нормах гражданского процесса». По поводу этой инструкции необходимо отметить, что это была первая попытка построения самостоятельной системы советского гражданского процесса.

На протяжении всех прошлых лет судопроизводственные нормы излагались в общих и единых документах; здесь впервые дается определение характера дел, подсудных гражданскому суду. «Все дела», — говорится в инструкции, — «для разрешения которых должно быть установлено право истца и по которому могут последовать возражения с чьей-либо стороны, должны непременно разбираться в исковом порядке с вызовом сторон». Специфика гражданского процесса видна также и из п.п. 6 и 7 инструкции, устанавливающих, что «распорядительные заседания по гражданским

делам не устраиваются» и «что прекращение дел вследствие неявки истца не допускается».

Пункт 12 дает уже понятие о повороте судебного решения. К сожалению, содержание этого пункта не вошло впоследствии в ГПК из-за тенденции составителей к «экономии» в количестве статей. Весь 1923 г. проходит в НКЮ под знаком подготовки ГПК РСФСР.

Остановимся ниже на некоторых вопросах, связанных как с подготовкой и прохождением проекта ГПК, так и с принципиальными установками, нашедшими свое отражение в действующем ГПК.

В связи с нынешней подготовкой союзного ГПК не безынтересно будет ознакомиться с некоторыми предложениями, выдвигавшимися первоначальным проектом ГПК 1923 г. и не вошедшими в окончательный вариант. Некоторые из этих предложений имели бы сейчас несомненно актуальное значение. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в проекте фигурировал ряд дефиниций отдельных процессуальных понятий, которые потом в ГПК уже не оказались.

Так, ст. 131 определяла, что «доказательствами по делу признаются те факты и обстоятельства, которые судом могут быть положены в основание решения дела; ст. 222 приводит следующее различие между понятиями «решение» и «определение»; «суд разрешает искивые требования решениями; по частным вопросам, возникающим во время производства дел, требующим разрешения, суд выносит определение».

В последнее время в Институте юридических наук происходила дискуссия о критериях оценки доказательств со стороны советского суда; в действующем ГПК нет прямого ответа на вопрос, чем руководствуется суд при оценке доказательств. Первоначальный же проект ГПК дал совершенно точный ответ на этот вопрос: так, согласно ст. 135 «доказательства оцениваются судом по свободному внутреннему убеждению»; ст. 196 устанавливает, что «заключение экспертов подлежит свободной оценке суда в связи со всеми обстоятельствами дела».

Приведем ниже некоторые предложения, над которыми стоит задуматься и сейчас. Судебная практика сигнализирует нам, что постановления суда об обеспечении исков не всегда правильно исполняются; ст. 56 проекта предусматривала такие случаи; она устанавливала, что «за недобросовестное исполнение постановлений суда о воспреещении в порядке обеспечения иска или доказательств совершить какое-либо действие, сторона подвергается штрафу в размере от 100 до 1000 руб. или принудительным работам на срок до шести месяцев»; самые формы обеспечения иска были там более широкими, чем в действующем ГПК; так, согласно ст. 93 «обеспечение иска состоит в наложении ареста на принадлежащее ответчику, находящееся у него или у третьих лиц имущество, в обращении подписки о невыезде из места, где к ответчику может быть предъявлен иск, в воспреещении распоряжения строением или в воспреещении совершить определенные действия». Действующий же ГПК знает только одну форму обеспечения иска — наложение ареста на имущество.

¹ Сталин, О проекте Конституции, стр. 7.

Интересно был также поставлен вопрос об уголовной санкции за неплатеж алиментов. В настоящее время при злостном уклонении ответчика от алиментных платежей возбуждается уголовное дело. Иначе решала вопрос ст. 228 первоначального проекта: «Постановляя решение, — говорится в этой статье, — по делам о зарплате и алиментах, суд может постановить об аресте на срок не свыше трех месяцев на случай неисполнения решения добровольно».

Остановимся ниже на некоторых моментах, связанных с обсуждением проекта ГПК на 2 сессии ВЦИК X созыва.

Знакомясь с материалами того периода, приходишь к заключению, что составители прежде всего стремились к тому, чтобы ГПК был краток и содержал в себе возможно меньше статей. Эта погоня за малым количеством статей не могла не отразиться и на содержании кодекса. Докладчик на сессии т. Бранденбургский считал нужным даже подчеркнуть, что «наш проект содержит 317 статей, т. е. в пять раз меньше, чем старый устав дореволюционного судопроизводства».

Эта краткость привела к тому, что целый ряд вопросов и институтов не получил вовсе отражения в кодексе или же получил в нем недостаточное отражение.

Для иллюстрации можно привести хотя бы то, что встречному иску посвящено всего лишь одно примечание к ст. 81 ГПК, что не говорится вовсе о таких институтах, как «установительный иск», «договорная подсудность», «отзыв на заочное решение», «поворот решения», «особое мнение», «мировые сделки» и др.

В кодексе нет регламентации судебного заседания, ничего не говорится о совещательной комнате, не сказано ничего о способах оценки доказательств и случаях прекращения дел.

В объяснительной записке НКЮ поэтому говорится, что ГПК «стремится наметить только основные веки прохождения дел в суде», «что практика судов в области гражданского судопроизводства... наметит дальнейшие пути развития процесса, отбросив те нормы, которые будут признаны лишними, и широко развернув те принципы, которые окажутся необходимыми для правильной работы суда».

Тов. Прушицкий в тезисах своего доклада о ГПК, прочитанного в Институте советского права (журнал «Советская юстиция» № 46—47, 1922 г.), писал: «ГПК не является собранием правил, регулирующих каждое действие судьи в процессе, а руководящими началами, указателями общего характера... отдавая предпочтение формуле «суд может» и предоставляя судейскому усмотрению главную роль».

В результате президиуму Верховного суда приходилось впоследствии вносить разъяснение за разъяснением; на практике приходилось прибегать «для консультации» и к УПК. Из материалов дальше видно, что НКЮ занимал неправильную позицию по вопросу так называемой диспозитивности.

Ленин в записке на имя т. Курского Д. И. писал в феврале 1922 г.: «Мы ничего «частно-

го» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государства. Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в «частно-правовые» отношения, расширить право государства отменять «частные договоры», применять не *corpus juris romani* к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание, показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как надо делать с умом и энергией»¹.

Объяснительная же записка НКЮ стояла на другой точке зрения: «Особенности гражданских правоотношений, — говорится в ней, — отличающие область гражданского судопроизводства от уголовного, повелительно требуют, чтобы даже в тех случаях, когда на одной стороне в гражданском споре стоит госучреждение, спор в судебных инстанциях поднимался, тем не менее, не иначе как по инициативе заинтересованного учреждения. Это условие необходимо для прочности и устойчивости гражданского оборота, в котором только непосредственно заинтересованное лицо или учреждение может определить, какой путь лучше избрать для охраны своих прав и интересов».

Еще ярче эту же мысль высказал т. Бранденбургский в своей статье «Роль суда в гражданском процессе» («С. Ю.», № 11, 1923 г.). «Все это вместе взятое, — говорится там, — составляет основное отличие гражданского дела от процесса уголовного, в правильном разрешении которого государство как таковое непосредственно заинтересовано, тогда как в процессе гражданском государство, если это спор о праве между частными лицами, заинтересовано лишь в том, чтобы вопрос был разрешен согласно действительным взаимоотношениям тяжущихся сторон. Нельзя, ведь, в самом деле, сравнивать, в какой мере для государства важно, чтобы в стране не происходило убийств и грабежей, и в какой мере оно заинтересовано в том, чтобы Иванов во время и в срок уплатил квартирную плату Петрову. Отсюда непосредственный и прямой вывод: государство не навязывает защиты частных прав Петрову, когда он сам этого не просит, не ищет».

Интересно отметить, что точка зрения работников НКЮ на гражданское право, как на право «частного порядка», получила оригинальное преломление в ГПК по вопросу о том, чьим именем провозглашать судебные решения.

Принимавший близкое участие в составлении ГПК 1923 г. т. Прушицкий вспоминает в своем докладе «Гражданский и уголовный процесс» (журнал «Революция права», № 3, 1928 г.) этот эпизод: «Я возьму для иллюстрации, — говорит т. Прушицкий, — один пример ст. 338 УПК. Она говорит о том, что приговоры провозглашаются именем РСФСР. Соответствующей статьи в ГПК не имеется. Когда ГПК был опубликован, пошли толки: почему такое расхождение между ГПК и УПК? Одни были склонны усматривать просто пропуск, случайность, другие говорили, что не может

¹ В. И. Ленин, т. XXIX, стр. 412.

быть, чтобы только что опубликованный кодекс содержал такой пропуск, указывали, что это, очевидно, не спроста. В уголовном деле, имеющем публичный характер, надо действовать именем РСФСР, а гражданские дела — дела частного порядка, там не нужно оглашать именем РСФСР. А, между тем, я, как лично принимавший близкое участие в разработке ГПК, могу подтвердить, что в комиссии этот вопрос стоял, были споры, обсуждали и решили, что незачем провозглашать судебные решения именем РСФСР».

Однако тот же т. Бранденбургский уже другим языком заговорил в своем докладе на сессии ВЦИК, после того как СНК раскритиковал позицию НКЮ в этом вопросе. «Считаясь, однако, с той обстановкой, — докладывал он, — в которой мы сейчас живем, СНК внес поправку, которую НКЮ принял всецело». В нашей обстановке легко может случиться, что заинтересованная сторона, имеющая право требовать, по соображениям зависимости или иным, не будет предъявлять своего требования. Если, однако, охрана интересов трудящихся или охрана интересов рабоче-крестьянского правительства диктует это, то в этом случае не только частное лицо может возбудить иск, но дело может быть поставлено прокурором как представителем государственной власти точно так же, как закон разрешает ему вступать в дело в любой его стадии».

Таким образом под непосредственным воздействием СНК и вопреки НКЮ родилась знаменитая ст. 2 ГПК, определившая в основном весь строй и характер советского гражданского процесса.

Необходимо также остановиться и на вопросе о принципиальном отношении к закону со стороны НКЮ и отдельных его работников, поскольку это выявилось при обсуждении ГПК. В первую очередь отметим путаную установку в этом вопросе объяснительной записки НКЮ. В ней говорится: «Необходимо добавить, что наши кодексы, построенные на принципе революционной законности, ни в малейшей степени не исключают применения революционной целесообразности».

Вот где можно найти корни расцветшего впоследствии «правового нигилизма». Озвученное выступление по вопросу об относительном значении советского закона, которому противопоставлялся принцип революционной целесообразности, было сделано на сессии ВЦИК трюкистом Преображенским. Он даже предложил перередактировать ст. 4 ГПК следующим образом: «За недостатком узаконений и распоряжений для решения какого-либо рода дел и, когда формально законное решение может оказаться в противоречии с основными задачами советского суда, как органа рабоче-крестьянского большинства Союза, суд решает, руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой рабоче-крестьянского правительства и интересами трудящегося большинства Союза».

Сессия отвергла эту вылазку, направленную на подрыв и расшатывание революционной законности, и не согласилась оставлять на усмотрение суда вопрос о выполнении или

невыполнении в каждом отдельном случае советского закона.

Это, однако, не помешало Гойхбаргу, выступавшему докладчиком на V всероссийском съезде деятелей советской юстиции (март 1924 года), отстаивать отвергнутую ВЦИК точку зрения Преображенского, продолжая ее произвольно вкладывать в содержание действующей редакции ст. 4 ГПК, которая, однако, не дает никаких оснований для отступления от закона в тех случаях, когда таковой имеется.

Трактуя искаженно и анархически содержание ст. 4 ГПК, Гойхбарг говорит: «4-я статья есть нечто новое, отличающее наш закон от всех остальных, она должна стать «советской» статьей или, как говорят за границей, королевской статьей, которая чаще всего на практике применяется. Эта статья должна быть основной, в каждом решении суд должен к ней обращаться».

Надо сказать, что эта установка Гойхбарга, представляя собой продолжение его теории «о праве как опиуме для народа» и будучи по существу антиправовой пропагандой, не встретила возражений со стороны присутствовавших на съезде работников юстиции. Немало вреда, конечно, принесла эта проповедь делу борьбы за революционную законность.

Отбросив неправильные и политически вредные установки, 2-я сессия ВЦИК X созыва приняла в окончательной редакции ныне действующий ГПК.

Остановимся ниже вкратце на его основных принципах и тех изменениях, которые в него вносились на различных этапах социалистического строительства.

Из принципиальных положений ГПК, сохранивших свое значение и на сегодняшний день, необходимо отметить следующие:

- 1) активная роль суда,
- 2) восполнение принципа диспозитивности правом вмешательства со стороны государства,
- 3) публичность,
- 4) устный характер процесса,
- 5) скорость,
- 6) доступность процесса,
- 7) недопущение злоупотреблений процессуальными правами,
- 8) ленинско-сталинское разрешение вопроса о национальном языке судоговорения.

1. Тезис об активной роли суда в гражданском процессе нашел свое отражение в ряде статей ГПК (5, 16, 84, 103, 118 и др.). Смысл этого положения сводится к тому, что суд не может оставаться пассивным зрителем происходящей перед ним борьбы сторон, а «обязан всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся..., оказывая обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы им во вред» (из ст. 5 ГПК).

Это, однако, не значит, что стороны в какой бы ни было степени стеснены в своих процессуальных правах. Наоборот, кодекс предоставляет им огромный простор для отстаивания своих интересов. В этом смысле наш процесс признает форму состязательности. Мы, однако, против буржуазного толкования последней, согласно которому сторона становится «господином» процесса, а суд пребывает в роли «объективного» зрителя.

2. Отправляясь от ленинского тезиса, что «для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное», ГПК восполняет принцип диспозитивности активным вмешательством государства в лице прокуратуры. Мы не могли согласиться с точкой зрения дореволюционного процессуалиста Гредескула, который в своей статье «К оценке теории состязательного начала в гражданском процессе» писал: «Гражданские права, как частное достояние граждан, подлежат свободному распоряжению их субъектов, входят в сферу так называемой частной их автономии, отсюда вывод, что активная роль в процессе должна всецело принадлежать сторонам, а суд должен быть только пассивным зрителем происходящей перед ним борьбы из-за предмета, до которого никому, кроме спорящих из-за него, нет никакого дела».

Принцип активного вмешательства государства в сферу гражданско-правовых отношений нашел свое отражение в ст.ст. 2 и 179 ГПК. В силу ст. 2 «прокурор вправе как начать дело, так и вступить в дело в любой стадии процесса, если по его мнению этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс».

Согласно ст. 179 «суд, вынося решение по делу в зависимости от выяснившихся на суде обстоятельств, может выйти за пределы заявленных истцом требований».

3. Публичность процесса предусмотрена ст.ст. 94 и 96 ГПК. Публичность, повышая ответственность суда за проделываемую им работу и допуская критику его действий в печати и на собраниях, одновременно служит могучим средством правовой пропаганды и укрепления социалистического правосознания.

4. Устный характер процесса предусмотрен ст. 94 ГПК. Он обеспечивает живую состязательную форму процесса, дает возможность суду получить непосредственное впечатление от участвующих в деле сторон и одновременно облегчает воспитательное воздействие суда на присутствующую в судебном зале аудиторию.

5. Скорость гражданского процесса является в наших условиях одним из наиболее категорических требований трудящихся. Нарушенные имущественные и личные права их должны быть быстрее образом восстанавливаемы.

В ГПК принцип скорости обеспечивается рядом статей. В этой связи необходимо отметить: отсутствие апелляционной инстанции, существование коротких сроков для подачи кассационных и частных жалоб, отсутствие института отзовов на заочные решения, недопущение пререканий о подсудности, представление материалов к первому судебному заседа-

нию, право суда в ряде случаев давать немедленное исполнение решения.

6. Доступность процесса для трудящихся является одним из решающих элементов судебной демократии. Доступность по ГПК обеспечивается: правом стороны подавать в народный суд устное исковое заявление, правом стороны выступать в суде лично или через своего представителя, правом истцов по ряду категорий дел (алиментным, увечным) предъявлять иски по своему местожительству, а не по месту нахождения ответчика, правом истцов в ряде случаев на освобождение, отсрочку или рассрочку государственной пошлины, правом стороны изъясняться на своем родном языке.

7. ГПК, допускающий широкое и свободное использование сторонами процессуальных прав, вместе с тем предусматривает ряд мероприятий, направленных на устранение злоупотреблений этими правами. Так, согласно ст. 6 ГПК, «стороны обязаны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Всякие злоупотребления и заявления, имеющие целью затянуть или затормозить процесс, немедленно пресекаются судом».

Согласно примечанию 2 к ст. 46 ГПК «на сторону, недобросовестно заявившую неосновательный иск или спор против иска, или противодействовавшую скорому и правильному разрешению дела, суд может возложить уплату в пользу другой стороны вознаграждения за фактическую потерю рабочего времени».

8. Ленинско-сталинское разрешение вопроса о языке процесса получило свое отражение в ст. 9 ГПК, согласно которой «производство ведется на языке большинства населения данной местности. Когда стороны, свидетели или эксперты не владеют языком, на котором ведется производство по данному делу, суд обязан пригласить переводчиков и ставить заинтересованных лиц в известность о каждом производимом судом действии через переводчика».

Таковы основные принципы ГПК, которые полностью оправдали себя на практике и от которых нет оснований отказываться и при составлении проекта союзного ГПК. Потребности судебной практики и особенности отдельных этапов социалистического строительства вызвали отдельные изменения и дополнения ГПК.

Для восстановительного периода характерны такие изменения, которые по содержанию своему направлены были на уточнение компетенции суда и более детальную регламентацию отдельных стадий гражданского процесса.

Для этого периода необходимо подчеркнуть следующие 4 пункта.

1. Введение предварительной подготовки гражданских дел. Этому вопросу посвящены статьи 80, 80-а, 80-б, 80-в.

До введения в кодекс этого порядка подготовка гражданского дела начиналась, как правило, в первом судебном заседании, что неизбежно влекло за собой бесконечное откладывание дел.

Для борьбы с волокитой и обеспечения первого судебного заседания разработанным материалом по делу ст. 80 ГПК обязывает судью единолично, по принятии искового заявления, принимать целый ряд подготовительных мер (разрешать вопрос о вызове свидетелей, произвести местный осмотр и экспертизу, истребовать от ответчика либо от третьих лиц документы или справки и т. д.).

2. Изъятие из компетенции суда ряда особых производств и передача их соответствующим органам (например, депозит и судебный приказ нотариату, расторжение брака—загсу). Этим самым суд становится исключительно органом для разрешения спора о праве гражданском.

3. Значительное расширение подсудности народного суда. В 1923 г. народному суду подсудны были дела только до 500 рублей. В настоящее время положение таково, что основная масса гражданских дел проходит через народный суд.

Отмечая положительный характер этой «перемешки» подсудности, необходимо, однако, высказаться против допущенных крайностей и добиваться расширения подсудности средних звеньев судебной системы за счет отнесения к их компетенции наиболее сложных по характеру своему гражданских споров.

4. Значительное расширение порядка надзора. В 1923 г. исключительно Верховный суд мог отменить в порядке надзора решение по гражданскому делу. Впоследствии это право было предоставлено также пленумам и президиумам краевых (областных) судов.

В реконструктивный период и в последующие годы ГПК обогатился рядом норм, направленных на рационализацию, упрощение и ускорение процесса.

Для иллюстрации характера изменений ГПК этого периода приведем следующие пункты.

1) недопущение кассационного обжалования по некоторым категориям дел;

2) установление порядка, при котором свидетель обязательно допрашивается в первом судебном заседании, независимо от рассмотрения дела по существу, причем вторичный вызов тех же свидетелей при отложении дела к слушанию допускается лишь в особых исключительных случаях;

3) право суда вынести решение и без назначения экспертов, если в составе суда имеются лица, обладающие достаточными познаниями для разъяснения специального вопроса;

4) установление порядка единоличного (вместо коллегиального) рассмотрения некоторых гражданских дел.

В этот период среди многих практических работников советской юстиции был популярен лозунг «о минимуме формы и максимуме классового существа». Для этого периода чрезвычайно характерно выступление т. Лисицына в правовой секции Комакадемии по докладу т. Прушинского «Гражданский и уголовный процесс» (журнал «Революция права», № 3, 1928 г.). Лисицын договорился до утвержде-

ния, что «если откровенно говорить, для народного судьи процессуальный кодекс — это путаница. Вместо того чтобы помочь судье лучше разобраться, научить его, как ему быть профессионалом в этой области, процесс судью запутывает».

К сожалению, подобного рода «точка зрения» была в те времена довольно распространенной.

Перед нами стоит задача переработки ГПК на основе Сталинской Конституции.

Необходимо использовать все те нормы действующего ГПК, которые выдержали испытание истекших лет революции, придав нашему процессу характер гибкого и четкого орудия суда в деле раскрытия материальной истины и защиты законных гражданско-правовых интересов государства и трудящихся.

В целом ряде, однако, других вопросов ГПК на сегодняшний день отстает от требований, предъявляемых Сталинской Конституцией. В этой связи нужно отметить необходимость: 1) дальнейшей демократизации гражданского процесса, 2) создания условий для обеспечения максимальной стабильности судебного решения, 3) значительного расширения компетенции гражданского суда (главным образом, за счет административных органов).

1. Действующий ГПК знает сейчас немало норм, идущих вразрез с требованиями развитой судебной демократии. Можно привести для иллюстрации этого положения хотя бы следующие статьи: 235-а и 235-б (перечень случаев, когда решения по трудовым и гражданским делам не подлежат кассационному обжалованию и вступают в законную силу немедленно), 254-б (порядок рассмотрения протестов, приносимых в порядке надзора президиумами краевых (областных) и верховных судов, то есть в закрытых судебных заседаниях), 24-а (перечисление случаев, когда гражданские дела разрешаются не коллегиальным составом суда, а народным судьей единолично), 242 (порядок, при котором стороны не извещаются о дне рассмотрения дела в кассационной коллегии Верховного РСФСР).

2. Товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде советов дважды высказался по вопросу о необходимости стабильности наших законов.

Возражая против предоставления Президиуму Верховного Совета права на издание временных законодательных актов, товарищ Сталин говорит: «Каждо, наконец, окончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было»¹. В другом месте, возражая против предложения об изъятии из Конституции перечисления административно-территориального деления союзных республик на края и области, товарищ Сталин говорит: «В СССР имеются люди, которые готовы с большой охотой и безудалости перекраивать края и области, внося этим путаницу и неуверенность в работе. Проект Конституции создает для этих

¹ Сталин, О проекте Конституции, стр. 41.

людей узду. И это очень хорошо, потому что здесь, как и во многом другом, требуется у нас атмосфера уверенности, требуется стабильность, ясность»¹.

Из этих директив товарища Сталина необходимо сделать соответствующие выводы и по линии судебного процесса. Остро стоит вопрос об обеспечении стабильности судебного решения, вступившего в законную силу. Между тем, в действующем ГПК имеются отдельные нормы, препятствующие борьбе за устойчивость судебного решения. Достаточно для этого вспомнить существующий раздел о порядке надзора по гражданским делам (ст. 254), вместо того чтобы оставаться порядком, применяемым в исключительных случаях, когда этого требует особо существенное нарушение закона или явное нарушение интересов го-

течение последнего года был опубликован ряд правительственных постановлений, направленных на подобное расширение компетенции суда. В этой связи необходимо отметить: постановление правительства от 27 августа 1937 г. о передаче судам всех споров между колхозами и учреждениями и предприятиями общественного хозяйства независимо от цены иска, постановление ЦИК и СНК СССР от 19 октября 1936 г. о передаче судам всех дел по взысканию с колхозов денежных штрафов за несдачу ими в срок натуроплаты за работу машинно-тракторных станций. Будущий ГПК Союза должен отразить в себе все требования, предъявляемые к судебному процессу Сталинской Конституцией (подробнее по этому вопросу см. статью «Гражданский процесс и прокуратура», «Соцзакононость» № 7, 1937 г.).

Одновременно, в порядке текущей работы, не ожидая нового кодекса, нужно ставить вопрос об изменении тех разделов ГПК, несоответствие коих Сталинской Конституции не вызывает никаких сомнений.

В течение последнего года уже были внесены правительством два таких постановления. 7 марта 1937 г. опубликовано постановление ЦИК и СНК СССР «Об изменении размера единой государственной пошлины с исковых заявлений по делам, производимым в судебных учреждениях». Этим законом упразднено деление индивидуальных плательщиков единой государственной пошлины на 2 категории (трудящиеся и прочие лица) и значительно снижены ставки государственной пошлины, что делает гражданский процесс более доступным для трудящихся. Второе постановление (принято Президиумом ЦИК в октябре с. г.) касается упразднения статей ГПК и МПК, запрещающих обжалование решений и приговоров по некоторым категориям уголовных и гражданских дел.

Однако главные наши усилия необходимо направить на подготовку такого социалистического гражданского процессуального кодекса Союза ССР, который был бы достойным детищем Великой Сталинской Конституции.

Е. ДОМБРОВСКИЙ

Право застройки

I

В числе институтов вещного права римского права было известно и право застройки под названием superficies. Понятие superficies определялось как вещное, полное, наследственное и отчуждаемое право пользования и извлечения доходов на здание, принадлежащее навсегда или на условленное продолжительное время тому, кто возвел это здание на чужом участке с согласия собственника.

Superficies устанавливался, как правило, путем договора суперфициария с собственником

земельного участка. Суперфициарий обязан был нести повинности и платить налоги за здание, а также вносить собственнику земельной участка обусловленную договором наемную плату, solarium, pensio (плата за наем участка). Зато суперфициарий получал отчуждаемое и наследственное право пользования зданием и земельным участком и право извлечения плодов.

Superficies (застройка) мог возникнуть также путем легата, т. е. отказа, назначенного собственником участка в распоряжении на случай смерти (mortis causa), а также путем судебного установления. Спорным являлся вопрос, может ли superficies возникнуть по давности владения. Заметим, что развитому рим-

¹ Сталин, О проекте конституции, стр. 39.

скому праву не чуждо было установление права застройки путем судебного решения.

Суперфициарию принадлежали все средства защиты собственника, в частности он мог защищать свое право застройки путем *rei vindicatio actio negatoria, confessoria, publiciana in rem actio* (разновидности исков собственника о защите права собственности и владения). Ему также принадлежало право защиты путем специального интердикта о защите застройки (*interdictum de superficiesibus*).

Этим интердиктом владелец *superficies* защищался против всякого нарушителя его права. Это был *interdictum retinendae possessionis* и защитить право застройки этим интердиктом было значительно легче, чем посредством интердикта, направленного на установление права — *interdictum recuperandae possessionis*.

В историческом введении к главе 4 выпуска II «Системы римского гражданского права», посвященной *superficies*, профессор Ю. Барон так объясняет возникновение этого института: «Нуждающемуся в жилище предоставляются два пути: или нанять чужой дом (или часть его), или же нанять чужую площадь, выговорив себе вместе с тем право построить на площади на свои средства дом; по следнее выгодно только в том случае, если договор найма заключен навсегда или на весьма продолжительное время.

Этот второй путь был нередко избираем в Риме по отношению к тем строительным площадям, которые находились в собственности государства; этому способствовало еще то обстоятельство, что римское государство соглашалось на полное отчуждение (продажу) принадлежащего ему участка только по особым причинам, но охотно отдавало участки за немую плату.

Городские общины и частные лица следовали примеру государства, а преторский эдикт регулировал новое правоотношение и защищал строителя дома — суперфициаря — владельца — интердиктом — *interdictum de superficiebus* (интердикт о защите права застройки) и вещным иском»¹.

Проф. Барон указывает, что в Германии суперфиций не особенно распространен, — он очень распространен в Англии. О праве застройки в Англии подробнее речь будет впереди.

Спорным в науке права является вопрос о праве собственности на дом, возведенный застройщиком — суперфициарием. Одни полагают, что право собственности принадлежит застройщику, другие — собственнику земельного участка.

Поскольку *superficies* является ограниченным правом, относящимся к категории вещных прав на чужие вещи, *Iura in re aliena*, и заключается, согласно указанному выше определению, в наследственном и отчуждаемом праве пользования зданием, возведенным на чужом участке, римское право последовательно решает вопрос о собственности в пользу собственника земельного участка: «*superficiarías aedes appellamus, quae in conducto solo posita sunt, quarum proprietates et civili et naturali jure ejus est, cujus et solum.*»

(застройкой — *superficies* — называем такие здания, которые построены на арендованной земле и право собственности на которые по гражданскому и естественному праву принадлежит тому, кому принадлежит земля). Иначе римские юристы это положение определяли краткой формулой — *superficies solo cedit* — т. е. застройка разделяет судьбу земли. Ясно, что право владельца земельного участка, построенного суперфициарием, и право последнего на выстроенный дом на чужом участке были взаимно ограничены.

Дореволюционное русское законодательство, как будет указано ниже, отрицательно относилось к ограничениям прав землевладельцев в пользу наследственных бессрочных пользователей. До 1912 года русское дореволюционное право не знало права застройки.

Суперфиций устанавливался по договору аренды — *locatio-conductio* с собственником земельного участка, или же мог оформляться также в виде договора купли-продажи — *emptio-venditio*. Поэтому в правоотношениях между суперфициарием, т. е. застройщиком, и установителем суперфиция на своем участке возникали также личные иски обязательственного характера, различные, смотря по основаниям возникновения суперфиция, например, иск об арендной плате — *actio locati-conducti*, *actio empti-venditi* и т. д.

В основе защиты прав собственника земельного участка и распространения на него права собственности на возведенный застройщиком *superficies* лежала сугубая охрана господствующим классом его права на основные средства и орудия производства, к которым относилась земля, как предмет частной собственности.

Римское право знало и другие виды институтов гражданского права, предоставлявших застройщику бессрочное, полное, наследственное право пользования зданием, возведенным на чужом земельном участке. Они в законодательстве Юстиниана именуются эмфитевзисом — *ager emphyteuticarius*. В классическую эпоху римского права различались самостоятельные институты — *ager vectigalis*, т. е. сдача в аренду на весьма продолжительное время или навсегда — в наследственную аренду земельного участка за арендную плату (*vectigal*). К таким сделкам часто прибегали итальянские города.

Институт эмфитевзиса — *ager emphyteuticarius* представлял собою «одну из многих попыток римских государственных людей создать среднее крестьянское землевладение» (Ю. Барон). Для этой цели, начиная с III века до нашей эры, часто пустопорожные земли в провинциях, принадлежавшие к коронному и императорскому частному имуществу, отдавались для обработки в наследственную аренду. Эта форма аренды была затем применена к земельным участкам церкви, провинциальных городов, вельмож. Владелец эмфитевзиса возводил на этих участках и необходимые ему жилые и хозяйственные постройки. Поэтому эмфитевзис определялся как вещное, наследственное и отчуждаемое полное право пользования и извлечения плодов, установленное на чужой сельский участок, и на здание, за оп-

¹ Ю. Барон, Система римского гражданского права, вып. II, изд. 3, 1908 г., стр. 128.

ределенную арендную плату и без всяких ограничений, кроме лишь того, чтобы участок не был приведен в худшее против прежнего состояние.

Эмфитевизс, как и superficies, возникал путем договора с собственником земельного участка, путем отказа (легата), а также путем судебного установления. Также спорным является вопрос об установлении эмфитевизса по давности владения. Из источников прямо указывается, что usucapio (приобретение по давности владения) здесь не допускается¹.

Профессор Н. Боголепов в своем учебнике истории римского права также относит superficies и эмфитевизс к числу распространенных в классический период римского права институтов вещного права.

Аналогичный эмфитевизсу римского права институт был очень распространенным явлением в поземельных отношениях средневекового общества. Он известен под названием чиншевого права. Сложился этот институт под большим влиянием римского права. Самое название чиншевого права происходит от искореняемого латинского слова census, немецкого Zins — процент, арендная плата. Проф. Г. Ф. Шершеневич так объясняет происхождение этого института, объектом которого являлась как сельская, так и городская недвижимость.

«Крупная поземельная собственность сосредоточилась в руках немногих фамилий, принадлежавших к высшему классу. Это обстоятельство вызвало, как и всегда, потребность в рабочей силе. Привлечение рабочих возможно было только на условиях наследственного пользования, потому что такой способ эксплуатации земли представлял обоюдные выгоды. Чиншевику обеспечивалась постоянная оседлость, возбуждался интерес к лучшей обработке земли, к созданию сельскохозяйственных строений, так как он знал, что все это достояние перейдет не к чужому, а к собственным детям. Для собственника выгода состояла в том, что земля не истощалась, как это бывает при временном арендном пользовании, а, напротив, удобрялась, лес берегся, строения не разрушались, а поддерживались»².

Чиншевые отношения складываются в Польше и Литве с XIV столетия. Продолжаясь в течение нескольких веков, отношения чиншевого пользования особенно окрепли в конце XVIII столетия. Под именем чиншевого права понимается право наследственного пользования чужою землею под условием взноса платы — чинша — в определенном размере. Оно существенно отличается от права арендного пользования тем, что оно, во-первых, бессрочно и, во-вторых, имеет вещный характер. Объектом чиншевого права является как сельская, так и городская недвижимость. Известно, например, что в Польше целые города застраивались по чиншевому праву на землях крупных земельных магнатов (Любомирских, Потоцких и др.). Ясно, что во всех случаях собственник земельного участка получал от застройщика-чиншевика ренту в виде аренд-

ной платы — чинша, застройщик же переламывал ее, в свою очередь, на снимающих жилые помещения трудящихся и получал достаточные проценты на вложенный в строительство капитал. Чиншевые отношения в Польше были сохранены и после распространения на бывшие западные губернии общих законов царской империи¹.

Чиншевые отношения устанавливались по письменным и словесным сделкам. Поэтому доказательствами чиншевого права могли служить не только документы (учредительные акты, расписки в получении чинша, акты о переходе права и проч.), но и свидетельские показания, дознания через околных людей и т. п. Право чиншевика заключалось в пользовании землею или домом, в распоряжении ими на случай смерти и в передаче их по сделке другому лицу, например, на основании договора купли-продажи. Обязанности чиншевика сводились к уплате периодически известной суммы — чинша — собственнику земли. Чинш уплачивался или деньгами, или исполнением натуральных повинностей, или тем и другим вместе. Прекращение чиншевого права наступало в случаях: 1) отказа чиншевика, 2) неплатежа чинша и 3) за отсутствием законных наследников у чиншевика, не оставившего завещания.

Русское дореволюционное право отрицательно относилось к сервитутам и всякого рода ограничениям права частной собственности на землю. Оно запрещало бессрочную аренду земли. Положением от 9 июня 1886 г. преследовалась цель прекращения чиншевых отношений в губерниях западных и белорусских, как спутывающих и обесценивающих поземельную собственность.

В течение трех лет — до 1889 года — чиншевикам и собственникам предоставлялось добровольно согласиться о прекращении чиншевого пользования посредством: а) выкупа собственником земельного участка чиншевого права, или б) приобретения чиншевиком в собственность чиншевого участка, или же в) заменой чиншевого пользования арендою. Как известно, этот закон не устранил в поземельных отношениях вопроса о чиншевом праве. Во-первых, он касался только сельских чиншевиков, в то время как городские чиншевики представляли весьма значительную группу пользователей домов на чужих землях. Во-вторых, чиншевые отношения возникали вновь (например, Новороссийский край). Право застройки как вещно-правовой институт срочного и уменьшенного в объеме права

¹ В польских источниках отмечается, что чиншевые отношения не являются характерными для поземельных отношений феодальной эпохи коренных польских земель над Вислой. Так, например, в старопольской энциклопедии С. Глогера в статье «Феодализм в Польше» отмечается, что «след различия двух общественно-экономических устройств — коренного национального над Вислой и варяго-феодалного над Днепром — сохранился до настоящего времени особенно заметно в положении мелкопоместного дворянства (шляхты), которое в Конгрессовке владеет 40 000 наследственных имений, а в западных губерниях — равным количеством чиншевых хозяйств».

¹ Ю. Барон, Система римского гражданского права, Вещные права, стр. 126.
² Г. Ф. Шершеневич, Русское гражданское право, стр. 240—241.

пользования чужим земельным участком под постройку здания, введено законом от 23 июня 1912 г.¹

По этому закону право застройки есть вещное право срочного (наследственного) владения чужой землей, как строительной площадью, за вознаграждение, право не свободно обременяемое, но свободно отчуждаемое. Обременение права застройки правами участия частного сервитутами допускалось только в том случае, когда в самом договоре содержалось на это разрешение (ст. 542-3). Но закон не требовал согласия собственника земельного участка ни для залога, ни для отчуждения права застройки (ст. 542-2, ч. 1, т. X Св. зак.).

Возникновение и прекращение права застройки подробно регламентировалось законом в качестве юридической недвижимости. Право застройки по закону от 23 июня 1912 г. возникает единственно на основании договора. Безусловно требовалось, чтобы договор о праве застройки был совершен крепостным порядком, с открытием для каждого права застройки особого листа в реестре крепостных дел, как на отдельное имение. Это означает, что право застройки было приравнено в русском дореволюционном праве к земельной недвижимости.

Для совершения договора требовалась особая правоспособность сторон. Договор мог совершить только собственник земельного участка, с одной стороны, и лицо, имеющее право приобретать недвижимые имущества в данной местности, — с другой (ст. 542-5). Этим дореволюционный закон исключал возможность установления права застройки в пользу лиц, ограниченных в правоспособности по полу, расе, национальности, вероисповеданию. Право застройки не могло возникнуть ни по закону, ни по суду, ни по завещанию, ни тем более по давности владения. Единственным основанием права застройки являлся договор в форме крепостного акта. Право застройки могло устанавливаться на срок не менее 36 лет и не более 99 лет (ст. 542-3). В пределах устанавливаемых сторонами сроков оно переходило по наследству, как по закону, так и по завещанию. Застройщик обязан уплачивать собственнику земельного участка обусловленное договором вознаграждение. Оно могло быть изменено, если в договоре было условие об изменении вознаграждения (ст. 542-13).

Закон крепко обеспечивал собственника земли в получении вознаграждения: а) солидарной ответственностью всех владельцев права застройки, б) признанием за собственником права на преимущественное удовлетворение платежей из права застройки и возведенных построек (ст. 542-17), в) признанием за оброк — периодическим вознаграждением — вещного характера. Это означает, что за пе-
доимки по оброку (платежам) в пользу собственника земельного участка отвечает и приобретатель права застройки, а не только контрагент по договору.

В праве застройки по указанному закону русская либеральная буржуазия пыталась видеть новую социальную роль законодательства в смысле облегчения экономического положения малоимущих классов. Проф. Синайский пишет: «Такие черты права застройки говорят, с одной стороны, за стремление законодателя сохранить по возможности свободу и содержание частной собственности, сделать ее менее обремененной и голой, чем при бессрочном, вечном владении (сравним эфитевиз, чиншевое право. — Е. Д.), с другой — достигнуть определенной социальной цели — облегчить жилищную нужду. Это облегчение достигается таким образом, что малообеспеченные люди могут воздвигнуть постройки на чужой земле на продолжительный срок, на праве вечном, обеспечивающем прочность их права владения. Для этой цели могут быть использованы земельные участки казны, городов и т. д., как не подлежащие отчуждению в силу закона, так и земли тех собственников, которые почему-либо не желают продать свои земли. Ясно, что социальная цель закона о праве застройки громадна, так как жилищная нужда, с ростом городов в особенности, становится все более и более острой».

На деле право застройки служило, на пользу помещикам и капиталистам. Прежде всего, это достигалось соответствующей организацией ипотечного кредита, доступного только лицам, достаточно обеспеченным. Малоимущие слои населения ипотечного кредита в качестве застройщиков получить не могли. И при проведении в жизнь этого института все выгоды от него получали буржуазия, помещики и капиталисты. Затем, по закону, для заключения договора требовалась особая правоспособность сторон, о чем речь была выше. Наконец, закон был построен так по своему содержанию, что права собственника земли больше принимались во внимание, чем права застройщика.

Собственник освобождался от всех сборов и повинностей, перелавшихся на застройщика за занимаемый им земельный участок. Собственник земли имел право с окончанием срока права застройки оставить строения за собой по чрезвычайно низкой их оценке как строений на снос. Явное благоволение землевладельцам. Собственник получал ренту в виде вознаграждения, обеспеченного солидарной ответственностью владельцев права застройки и правом преимущественного удовлетворения. Собственнику земли принадлежало также право досрочного прекращения права застройки в случае разработки (разведки) ископаемых и т. д.

Собственник также мог обусловить в договоре прекращение права застройки выселением застройщика за невзнос платы (ст.ст. 542-17 и 542-26). Право собственника земли потребовать от застройщика оставления строений в собственности землевладельца за ничтожное вознаграждение, по самой низкой оценке, на снос, — убивало стимулы к поддержанию строений в надлежащем виде, а это, в свою очередь, отражалось крайне неблагоприятно на условиях ипотечного кредита для застрой-

¹ В. И. Синайский, Русское гражданское право, вып. I, § 29, Срочное право отдельного владения, стр. 205.

¹ В. И. Синайский, Русское гражданское право, вып. I, стр. 205—206.

щика. В результате и землевладелец и застройщик-капиталист обирали нанимателей жилищ — трудящихся.

«Социальная роль закона» оказалась призраком, который в розовом свете изображала только либеральная буржуазная профессура. На деле и здесь закон оказался, как всегда, «выражением воли классов, которые одержали победу и держат в своих руках государственную власть» (Ленин).

Облегчения жилищной нужды трудящиеся от этого закона не получили и получить не могли.

II

Коммунистическая программа в отношении разрешения жилищного вопроса, в отношении права собственности на дома и права застройки изложена в гениальных работах основоположников марксизма-ленинизма. В манифесте коммунистической партии Маркса и Энгельса указаны в числе «деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные производственные отношения»... организованного в господствующий класс пролетариата — «экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов». Энгельс в «Жилищном вопросе» указывает, что жилищная нужда, испытываемая рабочими и частью мелкой буржуазии современных больших городов, «представляет собою одно из бесчисленных мелких второстепенных зол, вытекающих из современного капиталистического способа производства»¹. Это зло «будет уничтожено социальной революцией, устраняющей капиталистический способ производства»².

Критикуя прудонистские планы «разрешения» жилищного вопроса рабочего класса в рамках капиталистического общества, Энгельс блестяще доказывает, как эти планы проводятся во всех странах «компаниями спекулянтов, которые таким путем повышая наемную плату, заставляют уплачивать себе двойную и тройную стоимость дома. Г-н Дольфус и другие крупные фабриканты северо-восточной Франции осуществили эту систему не только с целью набить себе карманы, но кроме того еще с задней политической мыслью. Умнейшие вожди господствующих классов свои деньги всегда направляли на то, чтобы увеличить число мелких собственников, чтобы создать себе армию для борьбы против пролетариата»³. «Г-н Дольфус с компанией, продавая своим рабочим маленькие домики, путем ежегодных взносов стремился задуматься в рабочих всякое проявление революционного духа и в то же время приковать их этой земельной собственностью к фабрике, раз они начали на ней работать; план Прудона, таким образом, не только не облегчает положения рабочего класса, — он как раз направлен прямо против него»⁴.

Критикуя немецких прудонистов — Закса, д-ра Мюльбергера и др., Энгельс неоднократно

подчеркивает, что «лишь после решения социального вопроса, т. е. после уничтожения капиталистического способа производства, сделается возможным одновременное решение жилищного вопроса». Энгельс указывает, что в начале революции пролетариат разрешает жилищный вопрос путем экспроприации домовладельцев.

«Несомненно только, что уже и теперь в крупных городах достаточно зданий для жилья, чтобы при разумном использовании их тотчас облегчить всякую действительную «жилищную нужду»... Для этого нужно, конечно, экспроприровать нынешних владельцев, иначе сказать — заселить их дома бесприютными или живущими слишком скучно рабочими»¹...

Энгельс с глубочайшим знанием дела посылает на опыте английских фабрикантов и горнозаводчиков, каким издевательством над рабочими, надувательством их является продажа им в рассрочку маленьких скверных домиков — коттеджей — в собственность, как фабриканты на этих сделках набивают себе карманы за счет рабочих и прибирают их к рукам.

В 1872 году, во время напечатания статей Ф. Энгельса по жилищному вопросу в лейпцигском «Volksstaat», автор указывает, что «в одной восточной части Лондона миллион рабочих живет в ужаснейших жилищных условиях». Выстраиваемые по праву застройки рабочие домики — коттеджи — настолько скверно сделаны, что они нередко разваливаются, причиняя рабочим смерть и увечья. Энгельс пишет: «В Англии строят так дешево, что дома дрожат при проезде повозки, так что ежедневно происходят обвалы. Еще вчера, 25 октября 1872 г., в Манчестере развалились шесть домов, причем шесть рабочих были тяжело ранены»². В этой замечательной работе Энгельс указывает, как фабриканты и капиталисты в силу законов, присущих капиталистическому способу производства, не могут и не желают разрешить жилищный вопрос трудящихся.

Анализируя сделку найма рабочим жилища в буржуазном обществе, Энгельс пишет: «Здесь перед нами совершенно обычная товарная сделка между двумя гражданами, и эта сделка происходит сообразно законам экономики, регулирующим продажу товаров вообще и продажу товара «землеустройство» в частности».

«Прежде всего принимаются в расчет издержки постройки и содержание дома или данной его части, затем ценность земли, обусловленная более или менее удобным местоположением дома; наконец, окончательное решение принадлежит соотношению между спросом и предложением в данный момент»³.

В другом месте работы, анализируя так называемый наемный процент (Miethzins) или наемную цену за жилище, Энгельс показывает, что она складывается из: 1) доли земельной ренты, 2) доли процента на строительный капитал, включая прибыль подрядчика, 3) доли

¹ Ф. Энгельс. Жилищный вопрос, изд. 1932 г., стр. 16.

² Там же.

³ Там же, стр. 28 и 47.

⁴ Там же.

¹ Ф. Энгельс, Жилищный вопрос, изд. 1932 г., стр. 28 и 47.

² Там же, стр. 29.

³ Там же, стр. 59.

издержек ремонта и страховки и 4) доли на амортизацию строительного капитала, включая и прибыль, годичными частями, по мере того, как дом постепенно приходит в негодность»¹.

Мы привели подробно этот замечательный политико-экономический и юридический анализ сделки — аренды жилого помещения, приведенный в статьях Ф. Энгельса по жилищному вопросу, для того чтобы в дальнейшем легче проследить сущность взаимоотношений сторон при разборе института права застройки по действующему законодательству СССР и изменения этого института в ходе развития нашего права.

Мы видели уже, как Энгельс ставит вопрос об отношении коммунизма к жилищному вопросу, к праву частной собственности на дома и к буржуазной застройке, к устранению жилищной нужды пролетариата: «Прекратить эту жилищную нужду в состоянии лишь одно средство — устранение вообще эксплуатации и угнетения трудящегося класса классом господствующим»².

Известно, что уже Парижская Коммуна пошла именно по этому пути.

Среди главнейших декретов и постановлений Коммуны К. Маркс приводит содержание декрета о льготах для квартиронанимателей от 29 марта 1871 г. и декрет о передаче нуждающимся пустующих квартир от 25 апреля 1871 г.³. Правда, Парижская коммуна осуществила в направлении разрешения жилищного вопроса пролетариата лишь первые, весьма нерешительные шаги. «Деспотическое вторжение» в буржуазную собственность на дома и право застройки и экспроприация экспроприаторов Коммуной совершены не были.

Наша Великая пролетарская революция в этом вопросе пошла решительно по пути указаний основоположников научного социализма. С первого же дня Октябрьской революции ликвидирована была капиталистическая собственность на дома и буржуазное право застройки.

В декрете Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» в первых статьях постановлено: «Отменяется право частной собственности на все без исключения участки как застроенные, так и не застроенные, как принадлежащие частным лицам и промышленным предприятиям, так и ведомствам и учреждениям, находящиеся в пределах всех городских поселений» (ст. 1) (С. У. 1918 г. № 62, ст. 674). «В городских поселениях с числом жителей свыше 10 000 отменяется право частной собственности на все строения, которые вместе с находящейся под ними землей имеют стоимость или доходность свыше предела, установленного органами местной власти» (ст. 2). Известно, что постановления местных органов власти о передаче городских недвижимостей в распоряжение местного совета рабочих и крестьянских депутатов нередко шли значительно дальше в деле ликвидации права частной

собственности на дома и права застройки. Бывшие собственники недвижимости по указанному декрету рабоче-крестьянского правительства «уравниваются во всех отношениях с прочими нанимателями и обязаны на одинаковых с ними основаниях вносить наемную плату за занимаемые ими помещения» (ст. 10 декрета).

В отмене права застройки декрет содержит специальное указание в ст. 6: «В городах с числом жителей свыше 10 000 право застройки принадлежит исключительно органам местной власти. В городах с меньшим числом жителей такое право может быть предоставлено органам местной власти и частным лицам».

Ликвидировав капиталистическое домовладение в городах как в форме права частной собственности, так и права застройки, и заселив буржуазные дома рабочими, пролетарское государство с первых же дней Великой Октябрьской революции начало осуществлять программу жилищного строительства, коммунистическую программу разрешения жилищного вопроса трудящихся.

«Стремясь к разрешению жилищного вопроса, особенно обостренного в период войны, советская власть экспроприировала полностью все дома капиталистических домовладельцев и передала их городским советам; произвела массовое вселение рабочих из окраин в буржуазные дома; передала лучшие из них рабочим организациям, приняв содержание этих зданий на счет государства; приступила к обеспечению рабочих семей мебелью и т. п.»⁴.

Но экспроприация капиталистических домовладельцев является лишь частью вопроса, началом его разрешения. «Задача РКП состоит в том, чтобы, идя по вышеуказанному пути и отнюдь не задевая интересов некапиталистического домовладения, всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс; к уничтожению скученности и антисанитарности старых кварталов, к уничтожению негодных жилищ; к перестройке старых, постройке новых, соответствующих новым условиям жизни рабочих масс, к рациональному расселению трудящихся»⁵.

Грандиозное жилищное и коммунальное строительство в СССР в годы первой и второй пятилеток блестяще подтверждает выполнение программных задач в области жилищного вопроса, под руководством ВКП(б) и великого вождя народов СССР товарища Сталина.

В беседе с Рой Говардом товарищ Сталин указал: «Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищеты, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб. Только в таком обществе возможна настоящая, а не бумажная, личная и всякая другая свобода».

Мы счастливы, что живем в великой стране, где нет эксплуатации, безработицы, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб.

¹ Ф. Энгельс, Жилищный вопрос, изд. 1932 г., стр. 32—33.

² Там же, стр. 15.

³ К. Маркс, Гражданская война во Франции в 1871 г., приложение II.

⁴ В. И. Ленин, Программа ВКП(б), собр. соч., т. XVI, изд. 1.

⁵ Там же, стр. 491.

Тысячи и тысячи квадратных метров жилищной площади для трудящихся созданы вновь за годы великого строительства в нашей стране.

«Осуществляя жилищную политику в целях неуклонного подъема материально-бытового уровня трудящихся, советское государство из года в год увеличивает вложения государственных средств в новое жилищное строительство. На 1 января 1937 г. построено 54 миллиона квадратных метров жилой площади стоимостью в двенадцать с половиной миллиардов рублей. Весь этот новый жилищный фонд, вместе с домами, конфискованными Октябрьской революцией у капиталистических домовладельцев, является согласно ст. 6 Конституции Союза ССР государственной собственностью, т. е. всенародным достоянием» (из постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 года «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах»).

Построены целые города в районах размещения новых промышленных центров социалистического государства рабочих и крестьян. Построены дворцы труда, культуры, дворцы пролетарской науки и техники, дворцы пионеров и октябрят. Незнаемые стали столицы братских союзных республик. С настоящим большевистским упорством совершается на наших глазах грандиозная реконструкция столицы Союза ССР — нашей Москвы. Уже сейчас Москва стала красавицей среди наших пролетарских городов со своим замечательным метро, с каналом Москва—Волга. Почти ежедневно заселяются трудящимися — строителями социализма и коммунизма, стахановцами и стахановками новые прекрасные жилые дома, построенные советской властью, обладающие всеми удобствами для культурного жилья, построенные по последнему слову строительного искусства и техники. Трудящиеся нашей родины рвутся на деле слова великого вождя товарища Сталина: «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее». Они забывают уже кошмары прошлого, когда им и их отцам приходилось жить в зловонных капиталистических трущобах. Проклятым кошмаром отдаленного прошлого дореволюционной эпохи проходят картины жилищных условий рабочих, когда читаешь страницы замечательной работы Ф. Энгельса по жилищному вопросу и «Положение рабочего класса в Англии».

Известно сообщение Ф. Энгельса о заметке в газете радикальных манчестерских буржуа «Weekly Times» от 20 июля 1872 г. о наводнении в рабочих кварталах Чальзстрита и Брукстрита.

«Двор Сквайера лежит еще ниже, чем улицы подвала домов на Брукстрите..., двадцатью футами ниже улицы, и зараженная вода, поднявшаяся из выгребных ям, в субботу достигла до крыш. Мы знали это и были уверены, что или этот двор необитаем, или надеялись заставить в нем только служащих санитарного комитета, занятых очисткой волюнхических степ и дезинфекцией». В этих кошмарных подвалах жили люди.

«В этой отвратительной дыре жила семья из семи лиц, которые в четверг вечером (день начала наводнения) все спали дома, но, вер-

нее, как пояснила женщина, не спали, так как ее и ее мужа большую часть ночи рвало от вони. В субботу они принуждены были по грудь в воде вынести своих детей. Она тоже того мнения, что дыра эта не годится даже для свиней, но она наняла ее ввиду дешевизны—полтора шиллинга в неделю (около 75 коп. — Е. Д.), так как муж ее по болезни в последнее время часто лишен заработка. Этот двор и погребенные в нем, как в преждевременной могиле, жильцы производят впечатление самой крайней беспомощности»¹.

Не следует думать, что дворы Сквайера уже ликвидированы в капиталистических городах, что это лишь мрачная картина рабочего квартала Манчестера 1872 года. Дворы Сквайера представляют собою привычную картину рабочих окраин капиталистических промышленных центров, являясь повседневым укором и доказательством преступлений буржуазии и капиталистов в отношении рабочего класса.

Капиталистическая собственность на домовладения и буржуазное право застройки в нашей стране ликвидированы навсегда.

Революционной волей рабочих и крестьян в первые дни пролетарской революции частная собственность на землю уничтожена. Преступному эксплуататорскому домовладению буржуазии и капиталистов положен конец.

Право застройки, провозглашенное законами пролетарской диктатуры, как один из институтов социалистического гражданского права, не имеет ничего общего с правом застройки буржуазии и капиталистов. Но и этот институт претерпел ряд изменений в процессе развития нашего права. Обсуждение проблем гражданского права социалистического государства рабочих и крестьян, в связи с большевистской критикой вредительских «теорий» Пашуканиса, показало, что наше гражданское право с первых же дней Октябрьской революции является социалистическим правом диктатуры рабочего класса, принципиально отличным по форме и по содержанию от эксплуататорского права свергнутых классов. Осталось прежним название института — право застройки. Содержание его и практика применения законов о праве застройки показывают, что оно ничего общего не имеет с эксплуататорским капиталистическим институтом права застройки, с капиталистическим домовладением. В развернутом виде право застройки регламентировано в гражданских кодексах союзных республик. В Гражданском кодексе РСФСР ему посвящены ст.ст. 71—84-й главы II раздела «Вещное право». Наряду с правом собственности и правом залога, право застройки исчерпывает институты вещного права, предусмотренные Гражданским кодексом РСФСР и соответственно гражданскими кодексами других союзных республик. Как видно из дальнейшего изложения, институт застройки существенно изменен постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» («Правда» от 18 октября 1937 г.).

¹ Ф. Энгельс, Жилищный вопрос, стр. 66—67.

Договоры о предоставлении городских участков под застройку заключаются коммунальными отделами с юридическими и физическими лицами на сроки: для каменных (кирпичных) и железобетонных строений до 65 лет, для смешанных строений до 60 лет и для деревянных строений до 50 лет.

В случаях, когда земельные участки предоставляются под застройку рабочими жилищами и строения возводятся вновь, договоры о праве застройки должны быть заключаемы на вышеуказанные предельные сроки; в тех случаях, когда по договору о праве застройки производится восстановление, достройка, надстройка, пристройка или перестройка существующих строений под рабочие жилища, договоры о праве застройки не могут быть заключены менее, чем на две трети предельных сроков (т. е. не менее, чем на 43 года, на 40 лет и на 33 года). Правила ст.ст. 71—84 Гражданского кодекса о праве застройки применяются также к договорам, заключаемым на земельные участки во внегородских местностях (ст. 71 ГК РСФСР).

До 1932 года положения Гражданского кодекса о праве застройки применялись также и к организациям и учреждениям социалистического хозяйства, возводившим новые дома на городских и внегородских земельных участках. Законодательной новеллой 1932 г. установлен особый правовой режим для домовладений, выстроенных последними.

Государственным учреждениям, предприятиям и организациям, состоящим как на государственном или местном бюджете, так и на хозяйственном расчете, кооперативным центрам и объединениям, а равно первичным кооперативам, входящим в кооперативную систему, земельные участки для возведения на них строений предоставляются на праве бессрочного пользования на условиях и в порядке, предусмотренных специальным законом (С. У. 1932 г. № 66, ст. 295), а рабочим и общегражданским жилищно-строительным и кооперативным товариществам, по их выбору, либо на срок по договорам о праве застройки, либо на бессрочное пользование (прим. 3 к ст. 71 ГК РСФСР).

На основании постановления Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» («Правда» от 18 октября 1937 г.) существенно меняется правовое положение строений, возведенных жилищно-строительными кооперативами по праву застройки, если соответствующие дома построены в основном за счет государственных средств.

Согласно ст. 3 указанного закона «дома, построенные и строящиеся жилищно-строительной кооперацией в основном за счет государственных средств», подлежат передаче в ведение местных советов, если строительство их финансировалось по прямым кредитам Цеккомбанка и местных коммунальных банков за счет спецкапиталов, или в ведение соответствующих организаций, учреждений и предприятий, если строительство финансировалось за счет их средств.

Ясно, что в случае передачи домов жилищно-строительной кооперации, построенных по праву застройки, в ведение местных советов или организаций, учреждений и предприятий, в порядке закона от 17 октября 1937 г., право застройки на соответствующие домовладения заменяется правом бессрочного пользования, о чем делаются соответствующие отметки в реестрах подлежащих коммунальным отделам.

В дальнейшем право застройки на домовладения жилищно-строительной кооперации, получающей земельные участки для строительства на срок по договорам о праве застройки (если участок не отведен в бессрочное пользование), возможно лишь на условиях, предусмотренных законом от 17 октября 1937 г.

Ст. 4 этого закона постановляет: «В изъятии из ст. 3 настоящего постановления, оставив в распоряжении жилищно-строительных кооперативов построенные ими дома, если в течение 6 месяцев с момента издания настоящего постановления эти жилищно-строительные кооперативы полностью погасят полученную от государства ссуду.

Установить, что строительство домов и дач жилищно-строительными кооперативами впредь может осуществляться лишь за счет их собственных средств.

Воспретить государственным учреждениям и предприятиям в какой бы то ни было форме вкладывать финансовые и материальные средства, принадлежащие им, в строительство домов и дач, осуществляемое жилищно-строительными кооперативами».

Только при строжайшем соблюдении требований закона от 17 октября 1937 г. жилищно-строительная кооперация сможет впредь владеть домами по праву застройки, если по желанию кооператива участок предоставлен на срок по договору о праве застройки, а не в бессрочное пользование.

Уже начальные положения Гражданского кодекса РСФСР о праве застройки (и соответствующие положения гражданских кодексов других союзных республик) свидетельствуют о том, что государство пролетарской диктатуры, устанавливая этот институт в гражданском праве, преследовало цели и задачи, изложенные в программе ВКП(б) по жилищному вопросу: обеспечение жилищами рабочих и других трудящихся, расширение жилищного фонда. Об этом убедительно говорит предоставление всех льгот и преимуществ в случае возведения строений под рабочие жилища на земле, принадлежащей пролетарскому государству по праву государственной социалистической собственности, исключаящей эксплуатацию трудящегося домовладельцем.

Попытки частных капиталистов, торгашей, спекулянтов первого периода нэпа использовать институт застройки для своих эксплуататорских целей были пресечены всей практикой применения нашего закона о праве застройки. Привычные методы хищнических капиталистических домовладельцев, воспроизводимые новорожденными «застройщиками» начале нэпа, встретили ожесточенный отпор в судебно-прокурорской практике по гражданским делам того периода. Закон от 27 августа 1928 г. о предельных сроках действия

договоров застройки на участки, предоставляемые для возведения крупных жилых домов за счет частного капитала (С. У. № 121, ст. 753), получил на практике весьма ограниченное применение. Возведенные крупные дома по праву застройки за счет частного капитала вскоре перешли в собственность городских советов.

Договор о праве застройки под страхом недействительности должен быть совершен в нотариальном порядке. Согласно постановлению ВЦИК и СНК от 10 апреля 1932 г. (С. У. № 35, ст. 165) нотариальное удостоверение договора заменено оформлением его в местном исполнительном комитете или горсовете по линии коммунальных отделов, ведущих реестр всех домовладений. С изданием закона от 10 июля 1936 г. об улучшении работы государственного нотариата и с упразднением нотариальных функций горсоветов и местных исполкомов договоры о праве застройки подлежат удостоверению в нотариальном порядке, как это было до издания закона от 10 апреля 1932 г. Несоблюдение нотариальной формы договора о праве застройки влечет за собой недействительность договора, согласно ст.ст. 29 и 72 ГК РСФСР и соответствующим статьям гражданских кодексов других союзных республик.

Ст. 73 ГК РСФСР подробно перечисляет все реквизиты договора о праве застройки, подлежащие обязательному включению в договор: наименование сторон; срок действия договора; точное определение сдаваемого под застройку участка; размер и срок взноса арендной платы, характер и размер строений, которые застройщик обязуется возвести; срок приступить к строительству; условия содержания строения, страхования и восстановления в случае гибели; неустойка на случай нарушений договора застройщиком и пр. Застройщик обязан соблюдать установленные строительные нормы, санитарные и противопожарные правила, обязан страховать от огня все находящиеся на предоставленном ему земельном участке строения в полной сумме их действительной стоимости (ст.ст. 74 и 75 ГК).

Застройщик вправе пользоваться для возведения и хозяйственного обслуживания строений находящимися на участке строительными материалами в пределах, указанных договором. Он вправе также пользоваться имеющейся на участке водою, устраивать колодцы и обдывать родники и источники (ст.ст. 77—78 ГК).

Право застройки может быть отчуждено и обременено залогом. Удостоверение договоров об отчуждении и залоге права застройки совершается в той же форме, как и удостоверение договора о праве застройки: в нотариальном порядке. Допускается по закону отчуждение права застройки по долям без выдела в натуре, т. е. допускается отчуждение идеальных долей права застройки. В этих случаях первоначальный застройщик и приобретатели долей несут по всем обязательствам, вытекающим из договора о праве застройки, солидарную ответственность (ст. 79 ГК).

Указание закона о недопустимости дробления права застройки в натуре, совершенно

правильное с точки зрения коммунальной политики, направленное на борьбу с дроблением земельных участков под владениями и созданием карликовых домохозяйств, нередко ошибочно трактуется в судебной практике в смысле недопустимости установления судебным решением совместного участия нескольких лиц в едином общем праве застройки. Речь идет о том, допустимо ли исправление судебным решением договора о праве застройки, заключенного с одним лицом, признанием по суду права участия в общем праве застройки по долям за несколькими лицами, когда судебными доказательствами бесспорно установлено совместное возведение ими дома вложением общего труда и средств. Такие случаи возникают нередко в судебной практике по спорам между ближайшими родственниками: братьями, сестрами или между супругами, когда договор о праве застройки оформлен на одно лицо, а дом фактически построен ими совместно для общего пользования, что легко удостоверяется проверкой судебных доказательств.

Суд иногда отвергает признание общего участия в известных долях в едином праве застройки, присуждая заинтересованным лицам лишь денежное вознаграждение в части вложенного ими труда и средств в создание застройки. При этом суд ссылается на недопустимость по закону дробления права застройки.

Надзорная практика Прокуратуры Союза строго проводит в подобных делах восстановление законности, заключающейся в том, что закон не воспрещает судебного признания участия нескольких лиц (например, ближайших родственников) в общем, неделимом в натуре, праве застройки, принадлежащем им в определенных долях, в зависимости от представленных суду доказательств. Верховный суд РСФСР по ряду конкретных дел согласился с протестами Прокуратуры Союза, признав принципиально возможным установление судебным решением долевого участия нескольких лиц (например, близких родственников) в общем, неделимом в натуре, праве застройки (см. дело Носковых, Сидорова, Ловкиной и др.). И это безусловно правильно. Принципиальную допустимость признания судебным решением в отдельных случаях совместного права застройки признал и пленум Верховного суда СССР (см. постановление 58 пленума по делу Шитовой-Бобылевой).

Когда застройщик не приступил к застройке или хотя и приступил, но выполнил менее 30% обусловленного договором объема строительства, отчуждение права застройки деликом или в части может производиться лишь с согласия органа, предоставившего застройщику земельный участок под застройку (прим. к ст. 79 ГК).

Следует отметить, что регулирование коммунальными органами допустимости отчуждения права застройки в случае выполнения застройщиком определенной части договорных обязательств (не менее 30% программы строительства) — правильно и целесообразно. Но совершенно недопустимо разрешение продажи

«п. ава застройки», когда застройщик вовсе не приступил к постройке и желает продать по существу отведенный ему по договору земельный участок, в нарушение закона о национализации земли. Судебно-прокурорская практика неуклонно борется против подобных случаев допущения отчуждения «права застройки», встречающихся иногда в практике. Нет сомнения в том, что указание закона на возможность такой сделки, хотя и с разрешения органа, предоставившего застройщику земельный участок под застройку, должно быть отменено.

Право застройки и строения, принадлежащие рабочим жилищно-строительным кооперативным товариществам на праве собственности, могут быть ими отчуждаемы только другим РЖСКТ или государственным органам. Те же правила применяются и в случаях отчуждения с публичных торгов права застройки или строений РЖСКТ (ст. 79-а ГК).

Ясно, что это указание закона направлено на недопущение приобретения частными лицами крупных домовладений и недопущения, таким образом, восстановления капиталистического домовладения. Те же правила строго применяются и в отношении залога строений и права застройки (ст. 89-б ГК). Частными лицами не могут быть обращаемы взыскания по обязательствам рабочих или общегражданских жилищно-строительных кооперативных товариществ ни на строения, ни на право застройки, принадлежащие этим товариществам (ст. 81-а ГК). Все эти указания закона от 27 апреля 1927 г., включенные в Гражданский кодекс в виде литерных статей, были направлены в то время на недопущение перехода в руки частных лиц крупных домовладений под видом «легальных форм» приобретения строений и права застройки. В настоящее время подобное приобретение частными лицами крупных домовладений в свою собственность или по праву застройки исключается всем строем нашей общественно-политической жизни. В нашей судебно-прокурорской практике мы не видим дел, в которых бы участвовали в качестве стороны в процессе владельцы крупных домовладений по праву застройки.

Право застройки прекращается истечением срока договора. Оно может быть также прекращено судебным решением в случае бесхозяйственного содержания застройщиком принадлежащих ему строений, а также в случае отчуждения земельного участка для государственных надобностей, в порядке закона о реквизиции (ст. 69 ГК).

Право застройки может быть ликвидировано также в порядке союзного закона от 21 июля 1936 г. о реконструкции городов Москвы, Ленинграда и Киева. Право застройки может быть конфисковано за преступление, по приговору суда. Право застройки переходит также к коммунальному отделу в случае, когда продажа права застройки с публичных торгов не состоялась (ст. 82 ГК).

При переходе права застройки в порядке ст. 82 ГК, а также в случае прекращения права застройки за истечением срока догово-

ра все строения должны быть сданы застройщиком в исправном состоянии коммунальному отделу, который уплачивает застройщику действительную стоимость построек к моменту сдачи их, с зачетом причитающихся коммунальному отделу долгов. Стоимость построек устанавливается оценочной комиссией в составе представителей коммунального отдела. В случае несогласия с оценкой застройщику предоставляется право в общеисковом порядке требовать по суду увеличения оценки строений (ст. 83 ГК). Такое указание закона стимулирует сохранение жилых домов в полной исправности до конца срока договора о праве застройки.

Мы видели выше, что капиталистическая застройка, наоборот, убивает эти стимулы, предоставляя землевладельцу право выкупить строения за ничтожное вознаграждение, по оценке строений «на снос», буквально за гроши.

По договору застройки могут сдаваться городские и внегородские участки со строениями недостроенными — для достройки, разрушенными — для восстановления; допускающими надстройку новых этажей; допускающими пристройку и пр. Для распространения права застройки на перечисленные случаи необходимо, чтобы стоимость обусловленных строительных работ составляла не менее 30% первоначальной стоимости существующих строений (ст.ст. 84, 84-а ГК).

В этих случаях принадлежавшие ранее застройщику права на взимание квартирной платы по соглашению и на выселение нанимателя по окончании срока договора найма распространялись только на лиц, поселившихся на вновь возведенной застройщиком площади (ст. 84-б, прим. 2 к ст. 156 и прим. к ст. 166 ГК). Наниматели же, проживающие в строениях, существовавших до заключения договора застройки (о надстройке, пристройке, перестройке, восстановлении строений и пр.), не лишались прав, предоставленных им ст.ст. 156 и 166 ГК, на автоматическое возобновление договора найма и на внесение квартирной платы в размере установленных законом ставок.

Здесь мы подошли к вопросам, наиболее животрепещущим в нашей судебно-прокурорской практике до издания закона от 17 октября 1937 г. Они возникали в каждом конкретном деле по иску застройщика к трудящемуся нанимателю жилой площади о выселении вследствие окончания срока договора найма.

Как сказано выше, право на автоматическое возобновление договора найма на прежних условиях (ст. 156 ГК) на нанимателей площади в домах застройщиков не распространялось. В случае нежелания наймодателя продлить договор и отказа нанимателя от освобождения помещений, выселение происходило в судебном порядке (прим. 2 к ст. 156 ГК). Таким образом, трудящиеся, проживающие в доме застройщика хотя бы и десять лет и более, формально могли быть выселены по требованию застройщика в судебном порядке. Это положение было тем более тяжелым для нанимателя жилплощади в домах застройщиков.

что они по закону уплачивали застройщику квартирную плату по соглашению, в размерах, значительно превышающих ставки, установленные законом для трудящихся (прим. к ст. 166 ГК). Кроме того, застройщики, как правило, получали с трудящихся при сдаче им в наем жилплощади единовременные платежи (въездные).

Мы имели целый ряд случаев в нашей судебно-прокурорской практике, когда столкновения интересов застройщика и трудящегося нанимателя жилой площади в конкретных спорах о выселении принимали острые формы и ставили во весь рост вопрос об изживших себя на сегодняшний день нормах права застройки. Случаи эти восходили до высших звеньев судебно-прокурорской системы (дело инженера Дорфа с застройщиком Поповым и др.). В этих делах, как в капле воды, отражалось все развитие института застройки за время его существования в нашем социалистическом праве.

Живая практика судебно-прокурорских органов убедительно свидетельствовала о том, что право застройки в том виде, как оно изложено в нормах гражданских кодексов союзных республик, изжило себя, как не созвучное эпохе Сталинской Конституции.

Практика показывает, что частных застройщиков, владельцев крупных домовладений, у нас более не существует. Капиталистов в этой области наша действительность не знает. Но мелкие застройщики, дерущие шкуру с нанимателей жилплощади в их домах, эксплуатирующие трудящихся при всяком удобном случае, еще не выкорчеваны до конца. Они-то и представляли собой нередко истцов в судебных спорах о выселении на основании прим. 2 к ст. 156 ГК.

Ст. 10 Сталинской Конституции закрепляет охрану законом личной собственности граждан на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство и право наследования этой личной собственности. Согласно ст. 12 Сталинской Конституции труд в СССР является обязанностью каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест». В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способностям, каждому — по его труду». Стало быть, для эксплуататорских капиталистических отношений застройщика к нанимателям жилплощади нет и не может быть места в условиях общественного устройства Союза ССР в эпоху Великой Сталинской Конституции. И суд и прокуратура в конкретных случаях не допускали выселения трудящихся по спорам их с застройщиками, в отношении которых доказаны были эксплуататорские действия и побуждения. По прямым ука-

заниям Прокурора Союза тов. А. Я. Вышинского мы научились неплохо применять наши законы о застройке в условиях живой действительности и политических задач сегодняшнего дня, помня о том, что наш советский закон есть выражение политики рабочего класса в лице его авангарда — великой коммунистической партии большевиков.

В нашей повседневной практике мы все более и более убеждались в том, что право застройки в условиях нашей действительности должно быть коренным образом пересмотрено.

Коренное изменение института застройки внесено законом от 17 октября 1937 г.

«Действующие законы о праве застройки — ст.ст. 156 и 166 Гражданского кодекса РСФСР от 31 декабря 1922 года и постановление СНК Союза ССР от 17 апреля 1928 года «О мерах поощрения строительства жилищ за счет частного капитала» — используются владельцами домов на праве застройки, особенно в дачных местностях, в целях взимания не ограниченной законом квартирной платы и для спекуляции жилой площадью» (из постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г.).

В целях прекращения спекуляции жилой площадью ст. 35 закона от 17 октября 1937 г. постановляет:

«Отменить льготы и преимущества застройщикам, как-то: право взимания квартирной платы, не ограниченной нормами; право взимания, помимо периодических платежей, также и единовременных при сдаче в наем (въездные); право сдачи жилой площади без ограничения какими-либо нормами и право выселения жильцов по истечении договора о сдаче в наем жилого помещения (ст.ст. 156 и 166 Гражданского кодекса РСФСР и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик и постановление СНК СССР от 17 апреля 1928 г. «О мерах поощрения строительства жилищ за счет частного капитала»).

В отношении норм оплаты жилых помещений закон от 17 октября 1937 г. устанавливает для застройщиков строгий режим, исключаящий возможность спекуляции жилой площадью.

Ст. 36 закона постановляет:

«Разрешить в домах, принадлежащих отдельным гражданам на праве застройки и праве личной собственности, или в домах, арендованных ими у местных советов, взимать надбавки к установленным законом ставкам квартирной платы в размере не свыше 20%».

О прекращении уголовных дел

После речи товарища Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г. требование бережного отношения к человеку при решении вопроса о предании его суду было со всей четкостью поставлено как в директивах центральных органов прокуратуры и суда, так и в выступлениях руководящих работников органов, осуществляющих уголовное правосудие в нашей стране.

«Надо десятки раз подумать, прежде чем привлечь к ответственности, — говорит т. Вышинский, — десять раз добросовестно проверить основания, по которым принимается решение о привлечении к уголовной ответственности»¹.

Резолюция 54 пленума Верховного суда СССР признает стадию предания суду «одной из важнейших стадий процесса, гарантирующей наиболее тщательную проверку и подготовку дела и обеспечивающей обоснованное предание суду». Число таких выдержек можно было бы значительно умножить, но в этом нет надобности. Требование вдумчивого, осторожного подхода к преданию суду хорошо известно всем практическим работникам. Но при обсуждении вопроса о гарантии прав советских граждан в стадии предания суду упор обычно делается только на одну сторону вопроса: на недопустимость неосновательного предания суду. Это вполне понятно. Именно в допущении необоснованного предания суду заключалась главная опасность, именно с этой стороны права гражданина нашего социалистического государства могли потерпеть наибольший ущерб.

Вопрос о прекращении дел ставится у нас обычно только с точки зрения недопустимости оставления безнаказанными враждебных вылазок и дезорганизаторских поступков со стороны врагов народа или разложившихся и недисциплинированных элементов среди самих грудящихся. Эта точка зрения ясна. Необходимость самой беспощадной борьбы с троцкистско-бухаринскими агентами фашистских разведок, с бандитами и хулиганами, с расхитителями общественной собственности очевидна для всех. Существующий у нас порядок прекращения дел, при условии, конечно, правильного осуществления всеми работниками прокуратуры своих обязанностей по надзору за органами расследования, вполне гарантирует от неосновательного прекращения дел, по которым выявлены преступления такого рода. Что такие дела прекращать нельзя, — истина настолько очевидная, что доказывать ее значило бы ломиться в открытую дверь. Прекращение дела, по которому установлено событие преступления и есть возможность выявить лицо, совершившее это преступление, возможно в нашем процессе только в резуль-

тате бездействия или халатности со стороны того или иного прокурора и работников органов расследования. Известно, например, что при расследовании дела об убийстве делегата VII всесоюзного съезда советов т. Прониной было вскрыто недопустимо халатное отношение к делу со стороны прокуратуры и органов расследования Мелекесского района Куйбышевской области, совершенно неосновательно прекращавших дела об убийствах, об изнасиловании, о злостных случаях хулиганства и т. п.

Для устранения подобных случаев нужны меры дисциплинарного или судебного воздействия на конкретных виновников, с одной стороны, и поднятие идейно-политического уровня и технической подготовленности работников прокуратуры и органов расследования — с другой.

Но могут быть и нередко бывают такие случаи, когда прекращение уголовного дела очень болезненно затрагивает интересы граждан даже тогда, когда должностное лицо, принимающее решение прекратить дело, обладает достаточной подготовкой и субъективно действует вполне добросовестно.

От прекращения дела может пострадать лицо, по заявлению которого было возбуждено дело. Прекращение дела может создать этому лицу репутацию клеузлика, может повести к преследованию его со стороны тех, против кого было направлено возбужденное по его заявлению дело.

От прекращения дела может пострадать и лицо, действия которого были предметом расследования по этому делу. Представим себе, например, что возбуждается дело по заявлению о том, что Х. занимался контрреволюционной агитацией, или взял взятку, или растратил вверенные ему ценности и т. д.

Предположим, что начатое по этому заявлению дело будет прекращено «за недостаточностью улик».

Разве после этого гр-н Х. останется тем же безупречным человеком, человеком с безукоризненной репутацией, которым он был раньше?

Разве необходимость писать в анкетах: «Находился под следствием по обвинению в том-то, дело прекращено за недостаточностью улик» — не будет висеть на нем тяжелым грузом неопределенно долгое время?

Конечно, лучше всего можно предотвратить такие последствия путем бережного отношения к человеку не только при предании его суду, но и при возбуждении против него уголовного дела. О необходимости величайшей осторожности при возбуждении уголовных дел у нас тоже достаточно говорилось и писалось. Но есть случаи, когда, при самом осторожном отношении к возбуждению уголовного дела нельзя не начать следствия и когда, тем не менее, к концу следствия создается положение, при котором дело прекращается «за недостаточностью улик».

¹ Речь товарища Сталина 4 мая и задачи органов юстиции. «Советская юстиция» за 1935 г. № 18, стр. 4.

Наконец, нередко прекращение дела в отношении того лица, против которого расследование было первоначально направлено, должно влечь за собой возбуждение нового дела по ст. 95 УК РСФСР и по соответствующим статьям УК других союзных республик против лиц, по заявлению которых было возбуждено прекращенное дело.

Если обвиняемый по ст. 95 УК не признает себя виновным и будет настаивать на том, что его заявления или показания были правдивы, суду неизбежно придется проверять это заявление или показание по существу. А такая проверка превратит суд над лжедоносителем или лжесвидетелем в суд над тем лицом, против которого были направлены ложный донос или ложное показание, т. е. над тем лицом, против которого велось первое прекращенное дело. Формально это лицо не будет предано суду в данном процессе и будет фигурировать в нем в качестве свидетеля, но фактически его действия будут обсуждаться и оцениваться судом, и от этой оценки будет зависеть приговор суда.

Создается очень нечеткое процессуальное положение, крайне невыгодное для того человека, в защиту которого было начато дело по ст. 95 УК. Ему фактически придется оправдываться от обвинения, которое ему формально не предъявлено, придется опровергать это обвинение, не имея никаких процессуальных прав, не имея возможности допрашивать свидетелей, заявлять ходатайства, давать объяснения и т. п.

Представим себе, что против какого-нибудь должностного лица кем-нибудь было выдвинуто обвинение во взяточничестве. При расследовании этого дела органы расследования пришли к убеждению, что это обвинение не обосновано, и возбудили против заявителей уголовное преследование по ст. 95 УК.

Совершенно очевидно, что когда это дело будет рассматриваться в суде, основным содержанием процесса будет выяснение вопроса о том, была ли дана взятка или не была. Суд будет меньше интересоваться действиями обвиняемых по делу, чем действиями потерпевшего.

Все эти соображения связаны с тем обстоятельством, что прекращение уголовных дел может быть основано не только на правовых основаниях (ст. 4 УПК РСФСР), но и на фактических основаниях (пункт «б», ст. 204 УПК РСФСР).

Когда дело прекращается по правовым основаниям, например за отсутствием в действиях, приписываемых обвиняемому, состава преступления, вопрос ясен.

Здесь возможны споры только по поводу того или иного толкования закона. Но когда дело прекращается «за недостаточностью улики», положение существенно меняется.

Что такое «недостаточность улики»?

Какие улики могут быть признаны достаточными для предания человека суду?

Где критерий для решения этого вопроса?

Исчерпывающий ответ на этот вопрос дан в той дискуссии о принципах оценки доказательств в советском уголовном процессе, которая имела место в прошлом году.¹

Единственным критерием для решения этого вопроса может быть только внутреннее убеждение лица или лиц, принимающих то или иное решение по делу. Но внутреннее убеждение, если не становиться на точку зрения профессора Строговича об «объективизме» при оценке доказательств, всегда субъективно. Оценка доказательств, произведенная по внутреннему убеждению судей, может оказаться иной, чем оценка тех же доказательств по убеждению следователя.

Как видно из приведенных выше соображений, прекращение дела «за недостаточностью улики» даже в тех случаях, когда при этом не проявлено ни халатности, ни вообще какой бы то ни было небрежности со стороны лица, прекратившего дело, может очень чувствительно затронуть интересы целого ряда лиц, так или иначе связанных с прекращенным делом.

Таким образом, вопрос можно рассматривать с трех точек зрения.

Во-первых, с точки зрения права обвиняемого на полную реабилитацию, которая не всегда гарантируется постановлением о прекращении дел.

В заключительном слове по докладу о натуральном налоге на X съезде РКП(б) 15 марта 1921 г. Ленин говорил: «Прежде всего, по вопросу о сибирских продовольственниках. Ярославский и Данишевский меня просили сделать следующее сообщение. Если Дрожжин предан суду, то это сделано именно для того, чтобы показать, что он не виновен. Я слышу тут замечания скептические, но во всяком случае надо сказать, что это — точка зрения правильная. Нарекания и сплетни бывают не редко и показать таким путем их лживость — прием вполне правильный».¹

Совершенно очевидно, что постановление о прекращении уголовного дела, вынесенное в тиши камеры следователя или прокурора и даже в подготовительном заседании суда, при отсутствии гласного судебного процесса, далеко не всегда может показать лживость сплетен и нареканий.

Наоборот, при определенных обстоятельствах прекращение дела таким способом может дать почву для новых сплетен, для шушукания о том, что дело смазано, что обвиняемый и здесь воспользовался всякими темными путями, чтобы выйти сухим из воды, и т. д.

Только гласный судебный процесс может в таких случаях раз и навсегда положить конец подобным сплетням и шушуканиям.

Во-вторых, тот же вопрос можно рассматривать и с точки зрения права потерпевшего добиваться судебного рассмотрения дела. Тогда возможно представить себе такое положение, при котором потерпевший может утверждать:

«Да, по письменным материалам предварительного расследования (особенно, если это расследование проведено плохо), мои слова представляются мало обоснованными. Но я говорю правду, на суде я это докажу, и я не желаю, чтобы за мной оставалась репутация склочника и клеветника даже в том случае, если меня и не привлекут к ответственности по 95 статье УК».

¹ Итоги этой дискуссии освещены в ряде статей, опубликованных в 4 вып. Проблем уголовной политики.

¹ Ленин, т. XXVI, стр. 249.

Наконец, рассматриваемый нами вопрос, как уже было указано выше, представляет интерес и с точки зрения порядка привлечения к ответственности за ложный донос или ложное показание.

Можно ли судить человека за одно из этих преступлений до тех пор, пока приговором суда самый факт ложности его показаний не будет установлен?

Не правильнее ли было бы создать такую процессуальную конструкцию, при которой суд над человеком, обвиняемым по ст. 95 УК РСФСР, должен был бы выяснять не вопрос о том, были ли его показания или заявления ложными по существу, а только вопрос о том, были ли они заведомо ложными.

При такой конструкции устраняется указанное выше неудобство: превращение лица, формально являющегося потерпевшим по делу, по существу — в обвиняемого. Для этого надо было бы признать, что разрешение вступившим в законную силу приговором суда вопроса о ложности заявления или показания по существу является преюдициальным вопросом для возбуждения всякого дела по ст. 95 УК.

Наш уголовный процесс знает такую преюдицию в отношении возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

Ст. 375 УПК РСФСР допускает возможность возобновления дела по мотивам наличия преступных злоупотреблений судьей или ложности показаний свидетелей или экспертов только тогда, когда эти обстоятельства будут установлены вступившим в законную силу приговором суда.

Такого правила в отношении привлечения к ответственности по ст. 95 УК не существует, но это не устраняет вопроса о том, не должно ли оно существовать.

Процессуальный порядок прекращения уголовных дел должен быть таков, чтобы он обеспечивал наилучшее разрешение этих трех вопросов.

Проанализируем с этой точки зрения порядок прекращения дел в уголовных процессах буржуазных государств и в нашем уголовном процессе.

Во Франции, когда там под непосредственным руководством Наполеона вырабатывалось процессуальное законодательство, первое кодифицированное законодательство буржуазного государства, вопрос о порядке прекращения уголовных дел привлекал к себе очень большое внимание со стороны законодательных учреждений. Прения, которые развертывались в государственном совете по вопросу о предании суду, в очень значительной части касались именно вопроса о порядке прекращения дел. Но эти прения, активное участие в которых принимал сам Наполеон, исходили отнюдь не из изложенных выше соображений о том, в каких случаях и каким образом прекращение дел может затронуть права граждан.

Такой классик буржуазной процессуальной науки, как К. Миттермайер, характеризует те тенденции, которые преобладали при выработке французского процессуального кодекса, как «решительное стремление придать полную энергию публичному обвинению и основать

новую сильную власть (прокуратуру), которая зависела бы от правительства и подавляла бы местное влияние... при сем не было и речи о защите против неосновательных обвинений».

Установленные первоначальной редакцией уголовного процессуального кодекса Франции правила о порядке направления уголовных дел по окончании предварительного расследования преследовали, главным образом, цель не допустить прекращения дела, которое не должно было быть прекращено.

Закон не доверял даже прокурору.

Для того чтобы дело о серьезном преступлении могло быть прекращено, требовалось не только согласие прокурора на прекращение этого дела, не только вывод самого следователя о том, что дело надо прекратить, но и согласие на прекращение дела со стороны двух судей, входивших вместе со следователем в состав так называемой камеры совета.

Достаточно было одному из этих лиц высказаться против прекращения дела, чтобы все дело было передано на рассмотрение обвинительной камеры апелляционного суда.

Только в 1856 г., когда французская прокуратура вполне доказала, что буржуазия может на нее полагаться как на верную защитницу буржуазных классовых интересов, этот порядок был изменен и для прекращения дела было признано достаточным единогласное мнение по этому поводу следователя и прокурора.

Когда обвинительная камера апелляционного суда — орган предания суду по делам о наиболее серьезных преступлениях — оценивает разбираемый нами вопрос о достаточности собранных по делу доказательств для предания обвиняемого суду, то она исходит отнюдь не из заботы об ограждении обвиняемого от неосновательного предания суду, а, главным образом, из соображений о том, можно ли рассчитывать, что удастся добиться от присяжных обвинительного вердикта. Если на такой вердикт рассчитывать нельзя, то обвинительная камера нередко прибегает к так называемой коррекционализации. Этот юридический фокус заключается в том, что обвинительная камера искусственно изменяет квалификацию преступления таким образом, чтобы изменить подсудность дела и направить его вместо суда присяжных, где нельзя рассчитывать на «благоприятный» исход процесса, в судебно-исправительную полицию, состоящую, как известно, из трех постоянных судей, гораздо более покладистых, чем присяжные заседатели. Этот прием очень часто позволяет обвинительной камере избежать необходимости прекратить дело «за недостаточностью улик». Улики, недостаточные для присяжных, окажутся достаточными для судей трибунала исправительной полиции.

Один из новейших французских процессуалистов Ру пытается объяснить практику коррекционализации чрезмерной строгостью материального уголовного права. Объяснение это, конечно, явно неосновательно. В распоряжении суда присяжных есть достаточно

¹ Законодательство и юридическая практика. Перевод В. Бартецева, С. Петербург, 1864 г. стр. 324.

средств для того, чтобы смягчить наказание, если суд найдет это нужным. Действительная причина, вызвавшая широкое развитие этой практики, заключается в другом.

Тот же Ру проговаривается об этой причине в подстрочном примечании, указывая, что применение коррекционализации ведет к избежанию «скандальных оправданий, произносимых присяжными».¹

Таким образом, во французском уголовном процессе, послужившем, как известно, образцом для большинства буржуазных стран, в частности для царской России, порядок прекращения уголовных дел приспособлен исключительно к тому, чтобы обеспечить наиболее широкое применение репрессий.

Вопросов, поставленных в начале настоящей статьи, этот порядок не разрешает и даже не пытается решить.

Законодательство большинства других буржуазных стран идет по пути французского уголовного процесса, и отдельные частные различия, встречающиеся в том или ином законодательстве, не имеют принципиального значения.

Германское до-фашистское законодательство проявляет некоторую заботу об интересах потерпевшего.

Ст. 170 устава уголовного судопроизводства дает потерпевшему право, в случае прекращения прокуратурой дознания, обжаловать это прекращение сначала вышестоящему прокурору, а затем в верхний земский суд; последний может принудить прокуратуру пересмотреть свое решение и поддерживать обвинение даже вопреки ее убеждению.

На вопросе о гарантии прав обвиняемого, в связи с прекращением дела, особо останавливаются только законодательства государств, не относящихся к числу так называемых «великих держав».

Так, например, испанский кодекс 1882 г. предусматривает вынесение судом особого определения о том, что прекращенное дело «не должно ничем вредить репутации обвиняемого».

Ст. 217 УПК швейцарского кантона Сольтурн приравнивает определение о прекращении дел к оправдательному приговору.

Ст. 96 уголовно-процессуального кодекса другого швейцарского кантона Гларус устанавливает, что при совершенной необоснованности возбужденного уголовного преследования, в случае прекращения дела, обвиняемому выдается особое письменное удостоверение о его невинности.

Подобных правил мы не найдем в процессуальном законодательстве ни одной из так называемых «великих держав».

Самой собой разумеется, что нечего даже пытаться искать их в законодательстве стран фашистской диктатуры.

Вопрос о порядке прекращения уголовных дел в советском уголовном процессе первоначально решался различно, в зависимости от того, шла ли речь о прекращении дознания или предварительного следствия.

По УПК РСФСР 1922 г. и по первоначальной редакции УПК 1923 г. прекращение дознания производилось постановлением прокурора (после 1924 г. — следователем), а предварительное следствие могло быть прекращено только по определению распорядительного заседания суда.

Этот порядок был изменен известным законом 29 октября 1929 г., упразднившим распорядительные заседания суда.

В этом законе характерно, что для передачи суду устанавливается иной порядок, чем для прекращения дела: прекращение дела допускается по постановлению того самого органа, который это дело расследовал, тогда как на решение вопроса о предании суду правомочен только наблюдающий орган: следователь — в отношении органов дознания и прокурор — в отношении следователя.

Интересно сопоставить этот подход к решению этого вопроса с описанными выше тенденциями французского буржуазного процесса, в котором, наоборот, забота о предотвращении неправильного прекращения дела преобладает над заботой о предотвращении неосновательного предания суду.

Права потерпевшего и обвиняемого по закону 29 октября 1929 г. защищены тем, что каждый из них вправе требовать выдачи ему копии постановления о прекращении дел и может обжаловать это постановление по линии прокуратуры до прокурора Союза ССР включительно. ¹

Порядок предания суду, установившийся в нашем процессе после издания упомянутого выше закона, подвергся, как известно, резкой критике на первом всесоюзном совещании работников юстиции в 1934 г.

Всем известны решения этого совещания об обязательности рассмотрения вопроса о предании суду в подготовительных заседаниях суда, а также те директивы центральных органов юстиции, которые были изданы в развитие этих решений. Порядок и условия прекращения дел, установленные законом 29 октября 1929 г., остались до сих пор без всяких изменений.

Ст. 96 проекта УПК СССР предусматривает сохранение такого же порядка и впрямь.

Как уже было указано выше, в большинстве случаев этот порядок, при условии правильной работы органов прокуратуры, вполне гарантирует как от неосновательного прекращения уголовных дел, так и от каких-либо нарушений прав отдельных граждан при прекращении дела. Широкая возможность обжаловать всякое постановление о прекращении уголовного дела в принципе гарантирует права как потерпевшего, так и обвиняемого.

Но могут быть и нередко бывают такие случаи, при которых соблюдение обычного порядка прекращения уголовных дел приводит к неприемлемым результатам.

Возьмем несколько примеров из практики.

Несколько человек, осужденных за кражу, подали заявление о том, что ими в несколько приемов была дана взятка следователю Т., расследовавшему их дело. Заявители утверждали, что следователь их обманул, что, принимая взятку, он обещал, что дело о них будет прекращено, а на самом деле предал их суду. При допросе все эти лица

¹ Курс французского уголовного права; второе изд., Париж, 1927 г., т. 2, стр. 362—363, подстрочное примечание 7-е.

подробно рассказали о том, при каких обстоятельствах они давали взятку следователю. Никаких непримиримых противоречий между показаниями различных заявителей не было. Более того, в некоторой части эти показания подтверждались другими доказательствами. Так, например, один из заявителей Н. показал, что передал деньги следователю завернутыми в белый платок и что по выходе из дома следователь ему этот платок вернул. Нашелся свидетель Х., не причастный к делу о конокрадстве, который показал, что он видел, как следователь Т. вместе с Н. выходил из дома и как Т. передал Н. что-то белое, возможно, платок. Однако при дальнейшем расследовании дела был установлен ряд обстоятельств, возбуждавших сильное сомнение в правдивости показаний заявителей: была установлена ложность объяснений некоторых заявителей относительно тех источников, откуда они почерпнули средства для дачи взятки. Между показаниями свидетеля Х. и Н. оказались противоречия относительно того места, где Т. будто бы передал платок Н. Было установлено, что Т. безупречно работает в органах прокуратуры в течение 12 лет.

С другой стороны, было выявлено, что заявители действительно являются профессиональными конокрадами и что они и ранее несколько раз возбуждали неосновательные обвинения против различных должностных лиц. Было также установлено, что свидетель Х., хотя и не имеет отношения к делу о конокрадстве, но был привлечен следователем Т. к ответственности по другому делу.

Проверка действий Т. по расследуемому делу о конокрадстве выявила, что он расследовал это дело в 10-дневный срок и совершенно правильно предал суд по этому делу именно тех лиц, кого и следовало предать.

Более того, после того как суд вынес по этому делу чрезмерно мягкий приговор, Т., заменявший в этот момент районного прокурора, истребовал дело для опротестования этого приговора за мягкостью.

Т. категорически отрицал не только получение им каких бы то ни было взяток, но даже и всякие разговоры на эту тему с кем-либо из заявителей.

Однако, несмотря на все это, все заявители (общим числом 4) продолжали категорически утверждать, что взятка была ими дана, и повторили эти показания на очной ставке с Т. Родственники заявителей также вполне категорически показали, что последние в свое время рассказали им о даче взятки следователю.

Как должна была поступить прокуратура по делу обвинения Т. во взяточничестве?

Бесспорно, что улики против Т. более, чем сомнительны и что формально данный случай вполне подходит под понятие «недостаточности улики», установленное пунктом «б» ст. 204 УПК РСФСР.

Однако, если бы прекратить это дело по этому мотиву, то прежде всего для следователя Т. вряд ли было бы возможно продолжать работать в органах прокуратуры.

Далее, по этому делу неизбежно встает такая альтернатива: либо следователь Т. взял взятку, либо лица, возбуждившие это дело по взаимному соглашению между собой и с рядом близких им свидетелей, искусственно со-

здали ложное обвинение против честного работника советской прокуратуры»

Оставлять подобные явления безнаказанными значило бы давать враждебным элементам в руки оружие для того, чтобы безнаказанно шельмовать лучших советских работников.

Следовательно, прекращая дело в отношении Т., необходимо было одновременно возбудить уголовное преследование по части 2 ст. 95 УК РСФСР против заявителей.

Однако в этом случае создалось бы как раз то самое положение, о котором говорилось в начале настоящей статьи. Суд над ними неизбежно превратился бы в суд над Т. Суду пришлось бы заниматься выяснением вопроса о том, взял Т. взятку или не взял, правильны ли показания свидетеля Х. (а следователю и заявителя Н.) о том, что Т. передал Н. платок, или не правильны и т. д.

Если бы суд вынес по этому делу оправдательный приговор, этот оправдательный приговор имел бы значение обвинительного приговора для Т.

Нет никакого сомнения, что по этому делу, несмотря на то, что улики против Т. были безусловно недостаточны, наиболее правильным решением вопроса является предание Т. суду даже по этим недостаточным уликам.

Оправдательный приговор суда, вынесенный после гласного судебного разбирательства, — единственное средство для того, чтобы обеспечить, с одной стороны, возможность для Т. сохранить свою незапятнанную репутацию, а с другой стороны — для того, чтобы привлечь к уголовной ответственности клеветников, возбуждавших против Т. неосновательное обвинение.

В данном случае имеет место положение, вполне аналогичное тому, о котором говорил Ленин в приведенной выше цитате, т. е. такое положение, при котором нельзя рассеять клеветы иначе, как путем предания оклеветанного человека суду.

Однако приведенный выше пример отнюдь нельзя обобщать и делать из него такой вывод, что вообще следует отказываться от прекращения дел «за недостаточностью улики» и предоставлять во всех случаях суду решение вопроса о том, являются ли улики достаточными или не достаточными.

Бесспорно, что очень часто бывает и такое стечение обстоятельств, при котором предание суду человека по недостаточным уликам явно недопустимо.

Вот пример случаев такого рода.

Молодой селькор 15 лет отроду вышел однажды пешком из районного центра, направляясь к себе домой, в селение, расположенное от этого центра на расстоянии, примерно, 30 километров. Домой он не вернулся, и его больше никто не видел. Произведенное по заявлению отца исчезнувшего мальчика расследование не привело ни к каким результатам.

Несколько месяцев спустя, уже летом, труп этого селькора был обнаружен в глухом месте, в стороне от той дороги, по которой он должен был идти, на расстоянии, примерно, 15 км от районного центра.

Судебно-медицинская экспертиза дала заключение о том, что хотя далеко зашедшее

разложение трупа и затрудняет точное определение причин смерти, однако, судя по позе, в которой лежал труп, и по ряду других данных, можно предположить с наибольшей вероятностью, что смерть последовала от охлаждения тела; другими словами, это означало, что мальчик по пути домой сбился с дороги, выбыл из сил и замерз.

На основании этого заключения экспертов дело было прекращено.

Однако через некоторое время нашелся свидетель К., колхозник того самого колхоза, на территории которого был найден труп, который рассказал, что мальчик был убит и что убийство это происходило на его глазах.

По показаниям К., картина убийства представлялась в следующем виде.

Мальчик будто бы приехал на полевой станции колхозной бригады, в которой работал К., с обозом этой бригады, возвращавшимся в этот день из районного центра. За ужином он рассказал колхозникам, что он селькор и что на следующее утро он посмотрит, как бригада готовится к посевной кампании. Мальчик лег спать в комнате, где спали К. и ряд других колхозников. Ночью К. проснулся от сильного шума и увидел, как четверо колхозников, во главе с бригадиром, душили мальчика. К. очень подробно описал, как происходило убийство: один из убийц будто бы стоял коленями на груди жертвы и душил его руками за горло, другой навалился мальчику на живот, третий бил его сапогами в бок, и т. д. Мальчик довольно долго хрипел и отбивался, но в конце концов затих. Тогда убийцы вынесли его из дома, положили в сани и куда-то отвезли. К. объяснил, что он до сих пор молчал потому, что боялся мести со стороны убийц. Показания К. подтвердили его жена и сын.

Эта версия убийства с самого начала представлялась мало вероятной.

Прежде всего, колхозники, которых К. обвинял в убийстве мальчика, принадлежали к разным бригадам и были мало знакомы между собой. Убитый мальчик никогда не был в том колхозе, где будто бы произошло убийство, никогда ни одной заметки про этот колхоз не писал и никаких личных счетов ни с одним из предполагаемых убийц не имел. Бригада, о которой шла речь, являлась передовой, к ее уху подготовилась хорошо, если не считать некоторых второстепенных неполадок, и опасаться каких-либо разоблачений со стороны селькора ни бригадир, ни, тем более, рядовым работникам бригады не было никаких оснований. Допросом всех колхозников, работавших в бригаде, было установлено, что К. и его семья никогда не спали в той комнате, в которой, по словам К., произошло убийство. Наконец, представлялось совершенно невероятным, чтобы убийцы бросили труп убитого ими человека на участке своей же бригады, на совершенно открытом месте, где рано или поздно его неизбежно должны были найти, и оставили его там в течение нескольких месяцев, тогда как скрыть этот труп в близлежащем овраге не представляло никаких затруднений. В деле имеется еще ряд обстоятельств, вызвавших сомнение в правдивости показаний К. Вследствие этого была произве-

дена повторная судебно-медицинская экспертиза. Эксперту были предъявлены протоколы допроса К. и членов его семьи и протоколы осмотра и судебно-медицинского вскрытия трупа и поставлен вопрос: соответствуют ли те судебно-медицинские признаки, которые были обнаружены при осмотре и при вскрытии трупа, тому способу убийства, который был описан в показаниях К.

Эксперт дал по этому вопросу совершенно категорическое заключение о том, что при таком способе убийства у убитого, в особенности у пятнадцатилетнего мальчика, неизбежно должны были бы быть переломы ребер, повреждения хрящей гортани и ряд других повреждений, которых на трупе не было.

В таком виде было дело, когда надо было решать вопрос о предании суду тех лиц, которых К. изобличал в убийстве мальчика. Между областной прокуратурой, расследовавшей это дело, и органами военной прокуратуры, которые должны были окончательно решать вопрос о предании суду (поскольку обвинение квалифицировалось как террористический акт), возникли разногласия по этому вопросу. Дело было затребовано в прокуратуру Союза ССР, где, на основании изложенных выше соображений, было принято решение о прекращении дела. Нет никакого сомнения, что это решение было правильно, что предавать суду заведомо невиновных людей было бы явно недопустимо.

Где же лежит граница между случаями первого и второго рода? В каких случаях пришаткости и сомнительности доказательственного материала, собранного на предварительном следствии, следует предоставлять оценку этого материала суду, а в каких случаях эту оценку надо производить без судебного рассмотрения, путем вынесения постановления о прекращении дела «за недостаточностью улик»?

Очень соблазнительно попытаться найти для ответа на этот вопрос какой-то объективный, раз навсегда действительный, критерий вроде хотя бы следующего:

В тех случаях, когда обвинение опровергается бесспорными объективными доказательствами (вещественными доказательствами, экспертизой, документальными данными и т. п.), вопрос может быть разрешен путем прекращения дела.

В тех случаях, когда то или иное решение вопроса зависит от оценки субъективных данных, противоречивых свидетельских показаний, объяснений обвиняемых и т. д., такую оценку надо предоставлять суду.

Однако подобное решение вопроса было бы в корне неверно.

Решать вопрос таким образом значило бы контрабандой протаскивать в теорию нашего уголовного процесса теоретически совершенно неверное деление доказательств на объективные и субъективные, вводить в нашу процессуальную теорию элементы феррианизма, или формальной системы оценки доказательств. Найти решение указанного вопроса раз и навсегда для всех без исключения случаев нельзя. Такое решение можно найти только в каждом отдельном случае, с учетом всех особенностей данного конкретного дела. Однако

можно установить некоторые руководящие принципы, которыми следует руководствоваться в подобных случаях. Правильное решение этого вопроса упирается в вопрос о соотношении между предварительным и судебным следствием. При смешанной форме процесса это соотношение может быть двояко.

Можно рассматривать судебное рассмотрение дела только как проверку материала предварительного следствия и можно рассматривать его как самостоятельное исследование дела, при котором материалы предварительного следствия играют роль только исходного материала. Если становиться на первую из этих двух точек зрения, то придется признать, что судебное рассмотрение дела никаких новых возможностей не открывает, что все то, что может быть выяснено на суде, может быть выяснено и на предварительном следствии. А из этого неизбежно следует вывод, что если улики, собранные предварительным следствием, при завершении этого следствия представляются недостаточными, то они будут недостаточными и на суде.

Ясно, что сколько ни проверять недостаточный материал, он все-таки останется недостаточным. Но если смотреть на судебное следствие не только как на проверку материалов предварительного следствия, но как на самостоятельное исследование дела в полном объеме, то получатся совершенно другие выводы.

— Дело в том, что суд располагает такими возможностями исследования, которыми не располагает предварительное следствие. Прежде всего на предварительном следствии отдельные следственные действия неизбежно отделены друг от друга более или менее значительными промежутками времени.

Какой бы памятью ни обладал следователь, как бы он ни владел техникой протоколирования показаний, он никогда не сможет отразить в протоколе допроса или сохранить в своей памяти все мельчайшие оттенки показаний допрашиваемого им лица.

— Так, например, если следователь допрашивает свидетеля А, допустим, 1 августа, а свидетеля Б, который дает показания по тем же вопросам, 1 сентября, легко может случиться, что целый ряд мелких расхождений и противоречий между показаниями этих свидетелей останется незамеченным. А всякому практическому работнику юстиции хорошо известно, что очень часто именно мелкие противоречия в показаниях являются той исходной точкой, отправляясь от которой можно прийти к выяснению основных и важнейших вопросов дела.

На суде все участники процесса допрашиваются непрерывно друг за другом, и всякое, даже мельчайшее расхождение в их показаниях, всякое различие в освещении того или иного факта может быть немедленно замечено и сразу же использовано для уточнения и проверки соответствующих показаний.

На предварительном следствии все участники процесса проходят перед следователем поодиночке. За исключением сравнительно редких случаев очных ставок, различные участники процесса никогда не оказываются лицом к лицу друг с другом.

На суде, наоборот, все лица, так или иначе имеющие отношение к делу, оказываются собранными в одно время и в одном месте.

Это открывает перед судом и сторонами такие возможности исследования дела, которые совершенно недоступны для следователя в обстановке предварительного следствия.

Достаточно вспомнить метод последовательной постановки одного и того же вопроса (или ряда вытекающих один из другого вопросов) нескольким подсудимым, примененный т. Вышинским на процессах объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра и антисоветского троцкистского центра, чтобы понять, какие громадные возможности для выяснения истины дает такое сосредоточение в одно время и в одном месте всех участников процесса. Применить такой метод на предварительном следствии было бы невозможно.

Даже если заменить его проведением ряда последовательных очных ставок, все же не удастся достигнуть того поразительного эффекта, который давало применение этого метода на суде. Между отдельными очными ставками неизбежно проходило бы сравнительно продолжительное время. Вызванные на допрос лица, при желании дать ложные показания, имели бы возможность обдумать эти показания и на каждой последующей очной ставке приспособлять свои показания к тому, что имело место на предыдущей.

Наконец, на суде допрос свидетелей, потерпевших и т. д. впервые происходит в присутствии обвиняемого. Обвиняемый впервые получает возможность ставить всем этим лицам вопросы и сразу же давать объяснения по поводу каждого утверждения допрашиваемых. Это далеко не то же самое, что ознакомление с протоколами допросов на предварительном следствии.

Нечего и говорить о громадном значении гласности судебного рассмотрения дела не только для обеспечения массового политического эффекта процесса, но и для самого исследования дела, для обеспечения полноты и всесторонности этого исследования.

Все эти отличия между условиями исследования дела на суде и на предварительном следствии необходимо принимать во внимание при решении вопроса о прекращении дела.

— Если есть основания предполагать, что в силу указанных преимуществ судебного исследования доказательственный материал может представиться на суде в ином виде, чем он представляется на предварительном следствии, дела прекращать нельзя даже в том случае, если собранные на предварительном следствии улики и кажутся не вполне достаточными. Если не собрано никаких улик и обвинение представляется абсолютно голословным или в том случае, когда улики хотя и собраны, но явно недостаточны и нет никаких оснований рассчитывать, что рассмотрение дела на суде может внести что-либо новое в оценку собранного материала, дело должно быть прекращено до суда. Само собой разумеется, что в обоих случаях предполагается, что предварительное расследование исчерпало все пути для

выяснения дела и что возможности доследовать дело не остается.

Таким образом, никакой формальной критерия, никакой «объективной» мерки для определения достаточности или недостаточности улик для передачи суду быть не может.

Только высокий идейно-политический уровень прокурора и следователя, принимающих решение о направлении дела, хорошее знание ими процессуального права, в частности учения о доказательствах, знание ими тактики и методики расследования — служат гарантией для правильного определения достаточности или недостаточности собранных доказательств в каждом отдельном случае. Совершенно недопустимо игнорировать при этом значение судебного исследования дела, упускать из виду возможность выявления на суде новых обстоятельств.

В тех случаях, когда, с учетом всех этих соображений, органы прокуратуры все же приходят к выводу о необходимости прекращения дела, оформление этого акта должно быть произведено таким образом, чтобы при этом была исключена всякая возможность нарушения прав кого-либо из затронутых данным процессом лиц.

Прежде всего надо признать, что прекращение дела «за недостаточностью улик» недопустимо вовсе в тех случаях, когда обвиняемый требует передачи его дела в суд.

Наша практика уже твердо встала на такую точку зрения в отношении прекращения дел по амнистии. Эта точка зрения получила подтверждение и в ряде законодательных актов об общей амнистии (например об амнистии к 5-й годовщине Октябрьской революции и др.). Нет никаких оснований не распространять того же порядка и на случай прекращения дел «за недостаточностью улик».

Большое значение при прекращении дела имеет также вопрос о том, будет ли в связи с данным делом возбуждено против кого-либо уголовное преследование по ст. 95 УК или не будет.

Так как наш закон не устанавливает обязательного требования преюдициального разрешения вопроса о ложности заявления или показания, нельзя вводить такого требования помимо закона.

Однако нельзя упускать из виду и приведенных выше соображений о том, в каких условиях будет протекать процесс по обвинению лжесвидетелей или лжедоносчиков. Если самый факт ложности заявления или показания не оставляет сомнения (например в случае подтвержденного рядом доказательств признания ложности этого факта самим лицом, подавшим заявление или давшим ложное показание), если перед судом, которому придется разбирать дело по ст. 95 УК РСФСР, будут стоять в основном лишь вопросы о том, были ли эти показания заведомо ложными, и о том, какова степень общественной опасности этих действий, тогда можно возбудить дело по ст. 95 УК и при отсутствии судебного приговора по тому делу, в связи с которым было сделано ложное заявление или даны ложные показания. Если же основное положение о том, являются ли данное заявление или показания ложными, поддается оспариванию, то, по

общему правилу, возбуждать уголовное дело по ст. 95 УК не следует до тех пор, пока это основное положение не будет бесспорно установлено приговором суда.

Постановление о прекращении дел даже в том случае, когда мотивом для этого прекращения является недостаточность улик, должно полностью реабилитировать обвиняемого.

Понятие «недостаточность улик» должно толковаться только в том смысле, что приписанное данному лицу преступление не доказано, а не в том смысле, что не хватает формальных оснований для передачи его суду.

Нередко приходится встречать такие постановления о прекращении дел по пункту «б» ст. 204 УПК РСФСР и по соответственным статьям УПК других союзных республик, в которых описательная часть постановления более напоминает описательную часть обвинительного заключения, чем мотивировку постановления о прекращении дела.

Нередко встречаются также уклончивые, двусмысленные формулировки постановлений о прекращении дела.

Двусмысленные формулировки в подобного рода случаях совершенно недопустимы.

Постановление о прекращении дел должно быть вполне категоричным и не набрасывать тени подозрений на личность того, кого это постановление касается.

Следовало бы установить также правило о том, что требование сообщать о нахождении под следствием в анкетах и т. п. документах относится только к настоящему, но не к прошедшему времени. Вполне понятно, что лицо, состоящее под следствием, которое еще не кончено, должно указать об этом в своей анкете. У такого лица есть определенные перспективы: либо его дело будет передано в суд и получит там окончательное разрешение, либо оно будет прекращено.

Но предъявлять аналогичное требование к лицам, в отношении которых когда-то велось следствие, которое было впоследствии прекращено, нет никаких оснований. Предъявлять такое требование это значит обречь данное лицо на роль «пожизненно подследственного». Дело о нем прекращено. Никаких новых перспектив по этому делу нет. Нет даже возможности ходатайствовать «о снятии подследственности» наподобие того, как это делается в отношении снятия судимости.

Вообще нет никакого средства избавиться от неприятной необходимости всю свою жизнь писать в анкетах:

«Находился под следствием по статье такой-то УК. Дело прекращено за недостаточностью улик».

Прекращение дела должно полностью реабилитировать советского гражданина, обвинявшегося по этому делу, и не оставлять за ним никаких «хвостов».

Существующий у нас порядок прекращения уголовных дел вполне гарантирует соблюдение всех указанных выше требований.

Наше процессуальное законодательство даст вполне достаточные гарантии каждому советскому гражданину против всякого нарушения его прав, против всякого необоснованного запятывания его репутации. Необходимо только

преодолеть взгляд на прекращение дела, как на какой-то второстепенный, не имеющий значения, процессуальный акт, взгляд, который все еще держится среди многих работников прокуратуры и судов. Надо твердо усвоить, что прекращение уголовного дела

есть политический акт, имеющий столь же важное значение, как и акт предания суду, и что к выполнению этого акта надо подходить с не меньшей осторожностью, чем к решению вопроса о передаче дела на судебное рассмотрение.

А. ЕЛИСЕЕВ

Пыль и грязь как улика

Работник, производящий расследование, не всегда обладает достаточным опытом и знанием жизни, чтобы правильно объяснить какую-либо специфическую особенность предмета, который употребляется в нашем обиходе при той или иной работе.

При расследовании преступлений работник следствия не всегда может точно выявить влияние какой-либо привычки или навыка, определяющих своеобразие применяемых преступником методов при совершении преступления.

Эти соображения заставляют нас обратить внимание на то, что является чрезвычайно важным для органов расследования: не оставлять без самой тщательной проверки самые обыкновенные предметы, выявляемые в процессе расследования и могущие иметь значение серьезных доказательств по делу. В этом отношении заслуживают внимания пыль, грязь, мелкие частицы в виде волокон и т. п., которые могут быть использованы в различных случаях.

1. Если на подозреваемом лице имеются пыль или грязь, сходные с пылью или грязью места совершения преступления, то по ним иногда можно выявить преступника из числа подозреваемых лиц.

2. Если на месте преступления остались одежда или какие-либо предметы преступника, это дает возможность судить о профессии преступника и тем самым способствует его обнаружению.

3. Исследование обнаруженной на платье или обуви заподозренного лица грязи или пыли иногда может дать ценный материал для проверки его указаний на то, где он был в момент совершения преступления.

4. В отдельных случаях, при убийствах, пыль или грязь на одежде убитого могут указать, где был перед смертью убитый.

5. Нахождение на том или ином инструменте грязи может указать, где и на какой работе он применялся.

Конечно, всех случаев, когда пыль или грязь могут быть использованы для изобличения преступника, заранее предусмотреть нельзя.

Работник расследования должен помнить, что при совершении преступлений путем различного рода взломов стен, несгораемых касс и т. п., высверливания или выпиливания преград, на платье взломщика попадает кирпичная пыль, инфузорная земля, стружки, опилки и проч. На обуви, одежде и на теле преступника может быть обнаружена грязь или пыль с места совершения преступления. Пыль или

грязь с места преступления могут быть обнаружены и в тех случаях, когда действия взломов непосредственно не производились, например: если преступление совершено в помещении, где много пыли,—на мельнице, в складе сыпучих товаров, в комнате, в которой производится побелка, и пр., где имеющаяся пыль пристает к обуви преступника и оседает на его одежде. Если на месте совершения преступления грязь чем-либо отличается от обычной уличной грязи, например: болото, торф, угольная пыль и пр., — то нахождение ее на обуви подозреваемого может с некоторой вероятностью доказать его пребывание на месте совершения преступления. Могут быть случаи, когда преступник наступит на какое-либо вещество, находящееся по близости от места совершения преступления, например: на известь, на какую-либо краску, на разлитый керосин или нефть, в этих случаях на его обуви можно это вещество обнаружить. Бывают случаи, когда на одежде преступника остаются пятна, пыль или грязь, т. е. следы от объектов преступления — краски, угля, крупы, сахара, масла, сала, олифы, зерна или мелкие частицы растительных веществ — хмеля, сена и пр. При внимательном осмотре заподозренного лица, его одежды, обуви, рук, ногтей и т. д. следы могут быть обнаружены и получить большое доказательственное значение, в особенности при кражах со взломом и убийствах, а также и прочих преступлениях. В подтверждение вышеуказанных положений приведем несколько примеров из практики.

В ночь на 16 января 1927 г. в хозяйственной части Рентген-академии в Харькове была взломана несгораемая касса, из которой были похищены деньги в сумме 1100 руб. (как звонкой монетой, так и в бумажных купюрах).

17 января был произведен обыск в квартире подозреваемого гр. Бергмана, у которого было обнаружено свыше 100 руб., из коих в белой тряпке в сенях под лавкой было найдено звонкой монетой на 32 руб. 50 коп. Монеты оказались покрытыми пылью, и среди них были обнаружены кусочки стекла и глины.

В Институт научно-судебной экспертизы были направлены указанные монеты в белой тряпке и образец песка, извлеченного из взломанной кассы.

Микроскопическим исследованием присланных объектов была установлена идентичность песка, находившегося на монетах и взятого из кассы.

Кроме того, в обоих объектах было обнаружено наличие осколков стекла и несколько

кусочков глины, кусочки красной мастики и кусочки черного сплава, а также по одной булавке. Исследованием упомянутых объектов было установлено, что кусочки стекла, красной мастики и черного сплава представляют собою остатки разбитой электрической лампочки, находившейся, как это было установлено впоследствии, в несгораемой кассе, где находилась также коробка с булавками.

Таким образом было доказано, что деньги, обнаруженные у подозреваемого, находились в несгораемой кассе Рентген-академии и были похищены оттуда при взломе кассы.

2. В Западной области при совершении ограбления несгораемой кассы преступники разрушили часть кирпичной стены. Подозрение пало на гр. К., который и был задержан вскоре после совершения преступления. Работник, производивший расследование, обратил внимание на то, что на галошах у К. имеются красно-бурые пятна. Не ограничиваясь этим, он заставил гр. К. высморкаться в носовой платок и направил галоши и платок на исследование вместе с образцами кирпичной пыли с места совершения преступления. Исследованием в научно-техническом отделении уголовного розыска ГУРКМ было установлено, что пыль на носовом платке и гризь на галошах гр. К. тождественны с пылью с места взлома. После предъявления ему результатов исследования гр. К. сознался в совершенном преступлении.

3. В г. Баку из магазина ЦРК была совершена кража мыла посредством пролома стены. По подозрению был задержан гр. Г., у которого при личном обыске на поверхности одежды и в карманах пиджака было обнаружено пылеобразное вещество в общем количестве около 50 г, по цвету напоминающее цемент и состоявшее из разной величины крупинок. Работником расследования пыль эта вместе с образцами пыли, собранной у проломанной стены, была представлена в научно-технический отдел РКМ для экспертизы, на предмет установления тождественности этой пыли с пылью от проломанной стены. Представленные объекты были исследованы под лучами кварцевой лампы и показали полную идентичность флуоресценции, на основании чего было дано заключение об одинаковом химическом составе обоих объектов. После результатов исследования гр. Г. сознался в краже.

4. 17 октября 1927 г. в питомнике Двуречанского лесничества было уничтожено путем покоса 700 тыс. сосновых саженцев.

Подозрение пало на гр. Хоперского, проживавшего на расстоянии одного километра от питомника. При обыске у подозреваемого была обнаружена коса, имевшая на своем лезвии зеленые следы засохшей клейкой жидкости, обычно выделяемой стебельками сосновых саженцев.

По словам Хоперского, эта коса была у него в употреблении приблизительно за месяц до данного происшествия.

В Институт научно-судебной экспертизы были присланы коса и пучок саженцев, взятых на месте происшествия, с просьбой установить, не этой ли косой скошены саженцы.

При микроскопическом исследовании соскоба с косы среди остатков растительных тканей были обнаружены также элементы древесины сосны *Pinus Silvestris*, весьма характерные для нее так называемыми окаймленными порами, расположенными на радиальных стенках трахеид, причем эти трахеиды в перпендикулярном направлении пересекались сердцевидными лучами с характерными для сосны утолщениями стенок клеточных элементов, входящих в состав этих лучей. Кроме того, на другом препарате было констатировано наличие древесины сосны и присутствие зеленой окраски хлорофила, указывающее на то, что обрывок ткани попал на косу с живого объекта.

На препаратах, изготовленных из стеблей присланных саженцев, была установлена аналогичная картина.

На основании полученных результатов было установлено, что данной косой косились сосновые саженцы (свежие).

Интересны и примеры, известные нам из заграничной практики:

1. Во Франции в г. Лионе молодая женщина была найдена задушенной в своей комнате. Подозрение пало на ее возлюбленного, молодого человека, которого арестовали, но он утверждал о своей непричастности к убийству. Д-р Локар исследовал тело задушенной женщины и обнаружил несколько царапин на шее убитой. Это были следы от ногтей убийцы. При осмотре пальцев рук и, особенно, ногтей подозреваемого убийцы была извлечена из-под ногтей тоненькая, темная крошка гризи. Исследованием этого соскоба из-под ногтей под микроскопом были обнаружены не только микроскопические частицы кожи и запекшейся крови, но и крупинки пудры, которую употребляла задушенная женщина (Локар).

Вальтер Ельзе и Джемс Гарроу приводят в качестве примера следующий случай.

В глухом месте, ночью, на проходившую в рощи женщину напал бандит, затащил ее в рощу и пытался задушить, но, услышав приближение двух мужчин, бросил ее и скрылся. Заподозренный утверждал, что он не был в том месте, где было совершено преступление. На его обуви и брюках была замечена грязь. Он объяснил нахождение ее тем, что споткнулся приблизительно в 200 ярдах от места преступления, упал и замазал брюки. Был произведен ряд исследований гризи, взятой с заподозренного, и проб, взятых с места преступления и с того места, где, по словам заподозренного, он упал, а также и из разных мест в окружности радиусом в полмили. Исследования показали:

1. Почва того места, на которое заподозренный указал, как на место своего падения, иная по составу, чем найденная на брюках и на обуви грязь.

2. Совсем иными по составу оказались и пробы почвы, взятые из разных мест указанной выше окружности, на расстоянии в полмилю вокруг места преступления.

3. Грязь на обуви оказалась смешанного состава: одним из элементов ее оказалась почва, совпадающая с пробой, взятой у входа в рошу, а другим — почва на месте преступления.

Грязь на брюках оказалась такого же состава, как и почва места преступления.

Кроме того, на месте преступления были заметны на земле волокна, совпадающие с волокнами ткани на брюках. Все это подтвердило виновность заподозренного.

В г. Тулоне (Франция) у заподозренного в изготовлении фальшивых стофранковых кредиток, которыми оказался наводнен юг Франции, врачом, осматривавшим подозреваемого, был извлечен из уха маленький кусочек ушной серы. Этот кусочек серы был направлен в Лион доктору Эдмонду Локару, который обнаружил микроскопические частицы: типографской краски, типографского камня и характерные кристаллики всевозможных химических составов, которые употребляются при изготовлении многокрасочных клише для кредиток, чем и была доказана причастность подозреваемого к изготовлению фальшивых денег.

Подозреваемый фальшивомонетчик, отрицавший свою виновность во время следствия, не мог предвидеть, что на пальце, которым он почесал у себя в ухе, случайно окажутся эти предательские крупинки. Только на суде он сознался в совершенном преступлении (Локар).

Приведенные примеры со всей очевидностью указывают на то, что случаи, когда на подозреваемом человеке остаются пыль или грязь с места совершения преступления, — довольно значительны. Особенно часто пыль и грязь можно использовать как доказательство при расследовании хищений общественной социалистической собственности, как указано было выше, с мельниц, сыпных пунктов, складов муки, зерна и угля и других продуктов.

Крупинки пыли, осевшие на каком-либо предмете, дают указания на окружение, в котором находился этот преступник.

При расследовании убийств следует обращать внимание на грязь под ногтями подозреваемых лиц, так как в ней иногда можно обнаружить кровь или грязь с места совершения преступления, хотя кровь под ногтями не всегда может служить доказательством изобличения преступника, так как кровь может оказаться там и по другим случайным причинам, например при расчесах и т. п.

Могут быть случаи, когда преступник на месте совершения им преступления оставил частицы своей одежды или орудия, служившие для совершения преступления, или оружие. В таких случаях исследования пыли или иных частиц, изъятых из этих предметов, могут иногда указать на профессию преступника, так как пыль на одежде и инструментах может состоять из частиц материалов, применяющихся при той или иной работе, как-то: краска у маляра, частицы клея или опилки у столяра, свинцовая пыль у наборщиков, мука

у мельников, мелкие частицы бумаги у переплетчиков и т. п. Указание на профессию преступника может помочь обнаружить его при дальнейшем расследовании.

Пыль и грязь преимущественно могут быть на одежде подозреваемого, т. е. на поверхности одежды, в карманах, в швах или в самой материи — ткани, как могут быть также и на вещах и предметах в карманах: в буфалетке, в кошельке, в ноже, в ключах и пр. На обуви грязь чаще всего бывает у каблука, в углублениях каблука и подошвы, на рантах и пр.

Собирание материала для исследования начинается с тщательного осмотра всех предметов как невооруженным глазом, так и с помощью лупы. Если будут обнаружены крупные частицы, они должны тотчас же сниматься при помощи чистого пинцета, а в протоколе осмотра должно указываться, с какой части одежды они сняты.

В случаях, когда необходимо отправить для исследования всю одежду или хотя бы отдельную вещь, как-то: пиджак, брюки, фуражку и т. п., работник расследования должен сначала тщательно осмотреть одежду, извлечь имеющуюся пыль и грязь из всех карманов и упаковать их должным порядком. Затем следует составить надлежащий протокол осмотра и в случае надобности одежду и обувь отобрать у подозреваемого лица и направить на исследование в Институт научно-судебной экспертизы, для того, чтобы пыль и грязь с одежды или обуви не исчезли или чтобы извне не попала какая-либо посторонняя грязь или пыль. При осмотре и при направлении на исследование надо учесть, что предметы должны быть предохранены от загрязнения и потерь. Изъятые и направленные для исследования предметы должны быть завернуты каждый в отдельности, уложены в пакеты из чистой плотной глянцевой бумаги и упакованы в крепкий плотно закрывающийся ящик. В ящике должны быть сделаны прокладки и предметы плотно прижаты, чтобы устранить трение их друг о друга и о стенки ящика. Ящик и прокладки должны быть совершенно чисты.

Иногда в отдельных случаях пыль может быть на самом преступнике, но обнаружение ее представляется довольно затруднительным. В таких случаях подозреваемому лицу надо запретить мыться, направив его немедленно в институт для обнаружения на нем пыли. Если этого сделать нельзя, работнику расследования самому следует искать пыль. Пыль чаще всего бывает в носу, в волосах, под ногтями и в ушах.

В этих случаях нужно из-под ногтей подозреваемого вычистить грязь на чистый глянцевый лист бумаги или в конверт из глянцевой бумаги; из головы чистой мелкой гребенкой счесать пыль на чистый глянцевый лист бумаги; из носа — заставить подозреваемого высморкаться в совершенно чистый носовой платок или тряпочку, а затем уложить в чистый бумажный пакет, и из ушей извлечь ушную серу.

Собирать пыль и грязь в специальную посуду в виде небольших флакончиков не рекомендуется, так как пыль может пристать к краям и углам дна, откуда ее трудно будет извлечь. Если пыли и грязи будет значительное количество, то в таких случаях их можно уложить в какую-либо посуду небольшого размера, запаять в трубочку, уложить в пробирку или маленький флакончик, причем пробка должна быть плотно закрыта, если возможно — даже запечатана сургучом или залита парафином.

На каждой такой упаковке должна быть наклеена этикетка, на конвертах — сделаны надписи с четким указанием, откуда, т. е. из какой именно вещи или с какого места изыята пыль или грязь.

В случае обнаружения пыли или грязи на орудиях преступления, в различных углублениях, в щелях их, как-то: на топоре, стамеске, сверле и пр., когда возникает необходимость произвести исследование их, то такие орудия для пересылки упаковываются так же, как обувь и одежда подозреваемого лица.

Для сравнительного исследования, когда можно предполагать, что на подозреваемом имеется пыль или грязь с места совершения преступления или с объектов преступления, следует присылать образцы вещества (пыли). Образцы упаковываются в чистые пакеты.

В каждом отдельном случае следователь при собирании и направлении пыли и грязи на исследование должен серьезно подумать о том, какую ценность могут иметь для дела эти доказательства и не могли ли попасть случайно эти частицы пыли. Надо иметь в виду, что доказательственное значение обнаруженная на заподозренном человеке грязь будет иметь только тогда, когда эта грязь чем-либо будет отличаться от прочей грязи или пыли, что зависит от того, насколько разнообразна почва в месте преступления и в прилегающих к нему местах. В некоторых случаях различие почвы близко лежащих друг от друга мест настолько велико, что легко различается даже невооруженным глазом. Почва разнообразных мест отличается прежде всего по количеству содержащихся в ней песка и глины, по их цвету и составу. В различных прощелках в почве находится торф, чернозем и пр. Исследование пыли и грязи может дать весьма ценный материал как для уличения обвиняемого, так и для правильной оценки его объяснений при допросе.

Выбивание пыли из одежды для исследования должно производиться экспертом.

Ганс Гросс предлагает помещать выбиваемую одежду в бумажный мешок и в него выбивать. Лучше всего одежду выбивать частями, для чего части одежды следует накладывать на круглые деревянные рамы 15—

20 см в диаметре. Рама помещается над такого же размера хорошо вымытой фарфоровой чашкой (тиглем). Сверху рамы матерью закрывают толстой пергаментной бумагой и ударяют по пергаментной бумаге резиновой палкой. Таким путем можно без больших потерь собрать большое количество пыли.

Бутц и Шварцахер для извлечения металлических частиц (железа, никеля и т. п.) предлагают пользоваться небольшим магнитом или еще лучше маленьким электромагнитом, намагничиваемым от батареи карманного фонаря.

Те же авторы, указывая методику исследования пыли, предлагают собранную платяную пыль складывать на листах ровной белой и черной бумаги, причем должно быть устранено движение воздуха, т. е. закрыты окна и двери. Пыль рассматривается как невооруженным глазом, так и при помощи оптических приборов и кварцевой лампы.

Среди пыли платья бывают очень разнообразные частицы, как-то: частицы материала, из которого сделано платье, а также, особенно в карманах, частицы хлеба, табака, большие и мелкие обломки разных предметов, обрывки и волокна бумаги, кусочки дерева и т. п. Среди частиц пыли различаются частицы органического и неорганического происхождения. Частицы растительного происхождения могут попасть на платье различным путем. Для определения, к какому виду растений они принадлежат, необходимо проводить ботаническое исследование. Наряду с исследованием состава частиц бывает необходимо определить их запах. Для лучшего различения запаха рекомендуется исследуемые частицы помещать в стаканчик и осторожно подогревать в песочной ванне. Открывая крышку стаканчика, легко различить запах.

Исследование неорганических частиц, среди которых могут быть металлические частицы, как-то: опилки токарного станка, сверл, напильников, пилы и т. д., те же авторы предлагают производить путем спектрального анализа.

Частицы минерального происхождения можно определить при помощи поляризационного микроскопа, в котором структура делается легко различимой.

Обнаружение частиц пыли иногда дает возможность сделать выводы, что их носитель имел соприкосновение с определенными предметами.

Во всяком случае работники расследования и суда должны знать, что внимание к различного рода мелочам и предметам, заботливое их сохранение, осторожная и правильная упаковка и отсылка на экспертизу могут много дать для правильного освещения расследуемого события.

Нужен ли коренной пересмотр авторского права¹

В своей статье «К пересмотру законодательства об авторском праве» («Соц. законность» № 9, 1937 г.) Д. Немзер обращает внимание на то, что «проскользнувшие» в последнее время как в общей печати, так и в юридической прессе статьи об авторском праве, отмечая устарелость нашего законодательства об авторском праве, предлагают частично изменить или дополнить действующие законы об авторском праве.

«Мысль о коренном пересмотре всего советского законодательства об авторском праве, — пишет Д. Немзер, — даже не возникает, и создается такое впечатление, будто бы в общем у нас с авторским правом все обстоит благополучно, дефекты имеются лишь в мелочах... Ставится ряд вопросов производных, основной же вопрос о юридической природе советского авторского права и правильности его конструкции не затрагивается».

Выполнение этой ответственной задачи, от правильного разрешения которой зависит развитие социалистической культуры и творческий рост немаловажных двигателей этой культуры — советских авторов, принимает на себя Д. Немзер.

В заключительных строках своей статьи Д. Немзер излагает те основные принципы, на которых, по его мнению, должно быть построено обновленное авторское право. «Теория и исключительности авторского права, — пишет Д. Немзер, — должна быть решительно отброшена».

Мы должны создать социалистическое авторское право, построенное на принципе трудового, а отнюдь не на рентном основании» (разрядка наша — Б. Д.).

Итак, Д. Немзер утверждает:

а) что авторское право будет лучше служить своим целям в социалистическом обществе, если оно будет лишено характера исключительного права, и

б) что действующее в настоящее время советское авторское право не является правом социалистическим, не основано на принципе трудового, а построено на рентном основании. Исследуем эти положения Д. Немзера.

Свое предложение о ликвидации исключительности авторского права Д. Немзер выводит из того, что текущая практика взаимоотношений авторов с издательствами уже отменила исключительность авторского права.

«В самом деле, — пишет Д. Немзер, — по ст. 7 «Основ авторского права» автору принадлежит исключительное право под своим именем, под условным именем (псевдонимом) или анонимно выпустить в свет свое произведение и в течение установленного в законе срока всеми дозволенными законом способами воспроизводить и распространять его, а равно извлекать всеми законными способами имущественные выгоды из названного исключительного права».

Однако права промышленного использования автором своего произведения фактически у нас не существует, и автору, который желает извлекать имущественные выгоды из своего права, остается только одна форма извлечения имущественных выгод из своего исключительного права — это передача советскому издательству права воспроизведения и распространения своего труда и получение авторского гонорара.

Таким образом, говорит Д. Немзер, «из всех имущественных выгод, присвоенных автору по закону об авторском праве, автору принадлежит только право на получение авторского гонорара».

Кроме того, указывает Д. Немзер, характеру исключительности авторского права противоречит распространение на авторское право некоторых элементов права трудового.

Так, взыскание авторского гонорара приравнивается к взысканию зарплаты, закон от 20 октября 1928 г. устанавливает минимальные ставки авторского гонорара, что соответствует понятию государственного минимума зарплаты, содержащемуся в Кодексе законов о труде, иски об авторском гонораре освобождены от взыскания пошлин, а решения судов о взыскании авторского гонорара подлежат немедленному исполнению и т. д.

«При таких условиях, — заключает Д. Немзер, — остается непонятным, каким образом наше авторское право трактуется как право исключительное. Ведь нельзя забывать того, что по ст. 20 «Основ авторского права» и ст. 13 закона РСФСР об авторском праве любое произведение науки, искусства и литературы может быть национализировано правительством Союза ССР или правительствами союзных республик. Ряд ограничений авторского права, указанных в ст. 9 «Основ» (в отношении свободы переводов, свободы публичного исполнения отпечатанных произведений и т. п.), право переиздания произведений, выпуск которых запрещен автором, с разрешения Наркомпроса и, наконец, концентрация всего издательского дела в руках обобщественного сектора сводят исключительное право автора к концу концов к предоставлению права на первую репродукцию, постановку или экспозицию произведений».

Это недоумение Д. Немзера может быть разрешено, если мы установим содержание понятия исключительного права автора и осведомимся от того смещения понятия, которое привело Д. Немзера к его неправильному толкованию, являющемуся огромной угрозой тем интересам, ради которых советское государство создало и охраняет авторское право.

Если мы обратимся к анализу действующего законодательства об авторском праве, то мы увидим, что исключительное право автора складывается из следующих элементов:

а) Авторское право распространяется не только на произведение, появившееся в свет на территории СССР, но и находящееся на

¹ В порядке обсуждения.

территории СССР в виде рукописи, эскиза или в иной объективной форме.

Автору принадлежит исключительное право первой публикации своего произведения, т. е. иначе говоря, только автор признается судьей в вопросе о том, созрело ли его произведение для литературного оборота или нет (ст.ст. 1 и 7 «Основ авторского права»).

б) Автору принадлежит исключительное право определять, под чьим именем должно быть выпущено произведение: под своим именем, под условным именем (псевдонимом) или без обозначения имени (анонимно) (ст. 7 «Основ авторского права»).

в) Автору принадлежит исключительное право вносить дополнения, сокращения или вообще изменения как в самое произведение, так и в заглавие и в обозначение на нем имени автора. После смерти автора это право переходит к его наследникам, а по истечении срока действия авторского права указанные изменения могут вноситься с разрешения Наркомпроса РСФСР или подпадающей автономной республики (ст. 18 «Основ авторского права» и ст.ст. 28 и 29 пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г. «Об авторском праве»).

г) Автору принадлежит исключительное право на переделку повествовательных произведений в драматические и киносценарии и наоборот, а равно драматических произведений в киносценарии и наоборот (п. «б» ст. 9 «Основ авторского права»).

д) Автору принадлежит исключительное право допускать использование его текста в музыкальных произведениях (п. «з» ст. 9 «Основ авторского права»).

е) Автору принадлежит исключительное право разрешить снабжение его произведений иллюстрациями (ст. 18 «Основ авторского права»).

ж) Автору принадлежит исключительное право запрещать издательству повторное издание его произведения (п. 11 типового издательского договора).

з) Автору принадлежит исключительное право всеми дозволенными законом способами воспроизводить и распространять свое произведение (п. 7 «Основ авторского права»).

и) Автору принадлежит исключительное право извлекать всеми законными способами имущественные выгоды из своего исключительного права (п. 7 «Основ авторского права»).

Если мы обобщим вышеизложенные правовые нормы, то увидим, что содержание исключительного права автора состоит из следующих трех основных элементов:

1. Исключительное право решать вопрос о годности произведения для литературного оборота (право выпустить произведение в свет и право запрещать повторные издания).

2. Исключительное право вносить в произведение любые изменения (право на неприкосновенность объекта авторского права).

3. Исключительное право извлекать имущественную выгоду из авторского права.

Несомненно, что неустраняемыми реквизитами авторского права, составляющими самую сущность его, являются первые два элемента. Вопрос же об исключительном праве на извлечение имущественных выгод не имеет принципиального значения и может быть разрешен

без ущерба для природы авторского права в любых модификациях при условии сохранения за автором права на ту или иную форму вознаграждения.

Необходимо отметить, что Д. Немзер настаивает на сохранении в авторском праве первых двух реквизитов и требует только устранения исключительного права на имущественную выгоду. Но тогда его заключение, выраженное в категорической и всеобъемлющей форме («теория исключительности авторского права должна быть решительно отброшена»), далеко выходит за пределы его послышки и, как видим, не соответствует намерениям самого автора. А если это так, то, очевидно, предложение Д. Немзера относится не к коренному пересмотру авторского права, а к изменению одного из его хотя и важных, но не принципиальных элементов.

Но рассматриваемое даже в этих ограниченных пределах предложение Д. Немзера при анализе легко обнаруживает свою ошибочность и непримлемость.

«Относительно имущественных прав автора,— говорит Д. Немзер,—приходится сказать, что в ходе развития социализма они подверглись весьма существенным изменениям. Издания авторов, не получивших у нас развития, уже с 1931 г. фактически прекратились. Уважающие себя авторы не занимались у нас сбытом своих собственных произведений. Таким образом, право промыслового использования автором своего произведения фактически у нас не существует, и упоминание в законе о праве воспроизводить и распространять свое произведение уже устарело».

Все это рассуждение основано на полном смешении понятий.

1. Д. Немзер, очевидно, полагает, что советский законодатель, издавая в 1928 г. «Основы авторского права», в которых он предоставил автору исключительное право воспроизводить и распространять произведение, исходил из того, что авторы будут сами издавать и распространять свои произведения, т. е. создавал авторское право для авторов-предпринимателей. Совершенно ясно, что такое намерение не имелось в виду законодателем. Организация собственного издательства и книгораспространения требует капиталов, аппарата, коммерческой предприимчивости и т. п., которых у подавляющего большинства авторов не могло быть. Для воспроизведения и распространения своих произведений автор должен обращаться к посредничеству издательского аппарата, которому автор поручает издание своего труда, уступаая издательству право воспроизводить и распространять произведение. Закрепляя за автором исключительное право воспроизведения и распространения произведения, законодатель этим имел в виду установить порядок, при котором ни одно издательство не имеет права воспроизводить и распространять произведения без согласия автора.

Эта правовая норма, закрепляющая исключительные права автора, не только не устарела в ходе развития социализма, — она осталась незаменимой основой прав автора и по сей день.

2. Случаи промыслового использования автором своих прав были по сравнению с огромной массой изданий крайне редки и поэтому

эти случаи вообще нельзя обобщать для характеристики правового положения основной массы авторов.

3. Промысловое использование автором своего права является только одним (и при том очень редким) из способов извлечения имущественной выгоды из авторского права. Способы использования своего имущества или права вообще определяются не только законом, но и техническими и экономическими условиями общества. Если в силу экономических условий нашего общества для автора закрыт способ промыслового использования права, то это значит только, что он ограничен в способах использования своего права. Но это не значит, что он автоматически утрачивает исключительное право пользоваться оставшимися (и притом самыми основными) способами извлечения выгод.

Гражданин, имеющий право личной собственности на жилой дом, не имеет права извлекать из него спекулятивную выгоду. Но из этого вовсе не следует, что он лишен своего исключительного права распоряжаться своей личной собственностью в пределах, установленных законом.

Неверно указание Д. Немзера, что из всех имущественных выгод, присвоенных автору по закону об авторском праве, автору принадлежит только право на получение авторского гонорара.

Автор имеет право не только получать авторский гонорар, а получать его в тех размерах, которые он обусловил в своем договоре с издательством. А эта возможность обеспечить выгодные для себя ставки гонорара и есть следствие его исключительного права.

Автор может извлекать выгоду не только путем получения гонорара по издательскому договору, но и отчуждая свое право иным законным способом (ст. 16 «Основ авторского права»).

Автор извлекает выгоду, используя свое право переделки повествовательных произведений в драматические и киносценарии или сам производя переделку или уступая это право другим.

В связи с вышеизложенными соображениями кажутся крайне надуманными и искусственными рассуждения Д. Немзера о том, что предоставление автору права на извлечение имущественных выгод логически приводит к тому, что автор вправе в случае нарушения его прав потребовать уплаты ему не только авторского гонорара, но в соответствии со ст. 117 Гражданского кодекса и уплаты той издательской и книготорговой прибыли, которые он мог бы получить от использования своего исключительного права.

Однако практика, говорит Д. Немзер, не знает таких исков, «а если бы и нашелся такой автор, который предъявил иск о таких убытках, то можно быть заранее уверенным в том, что советский суд размер этих убытков определит в размерах ставок авторского гонорара». Этот прием аргументации поразителен по своей бессодержательности. Сначала создается гипотетический судебный казус, а затем выражается уверенность, что суд разрешит дело так, как это угодно автору гипотезы. В действительности отсутствие в практике подобных исков объясняется не тем, что авто-

ры осознали «устарелость» ст. 19 «Основ авторского права», а тем, что для таких исков нет юридических оснований. Для того чтобы предъявить иск об упущенной издательской и книготорговой прибыли, истцу надо доказать, что у него есть собственное издательство и что ответчик самовольным изданием помешал истцу извлечь коммерческую прибыль. А так как частных издательств в СССР нет, то, очевидно, не может быть и юридических оснований для таких исков, и этим объясняется отсутствие этих исков в практике. Поэтому автору ничего не остается, как только предъявлять иски об авторском гонораре, так как это и есть та реальная упущенная выгода, которая возможна для автора в данных конкретных условиях оборота. А если, пользуясь методом Д. Немзера, и построить гипотезу об авторе-владельце издательства, то можно быть уверенным, что такой автор в случае контрафакции должен будет предъявить иск о прибыли, а суд обязан будет такой иск удовлетворить. И эта наша уверенность основывается не на шатких и беспочвенных обобщениях, а на точном смысле закона, выраженном в ст. 17 Гражданского кодекса. Столь же неубедительны и прочие выводы Д. Немзера против исключительности авторского права.

Этой исключительности совсем не противоречит тот факт, что авторское право может быть выкуплено правительством СССР или правительствами союзных республик. Неужели Д. Немзер полагает, что право автора только тогда будет исключительным, когда автор будет отстранять от вторжения в свою правовую сферу не только третьих лиц, но и само государство, оберегающее интересы общества и охраняющее самое право автора только постольку, поскольку это нужно в интересах народа? Как бы ни было абсолютно право индивида, оно не может не ограничиваться в необходимых случаях общегосударственными интересами. И если даже в буржуазных странах «священная» частная собственность приносится в жертву, когда этого требуют интересы господствующего класса, и подвергается в необходимых случаях реквизиции, то еще более оправдываются случаи национализации права в социалистическом обществе, где личные интересы совпадают с общественными и находят в них свою силу и свое правовое оправдание. Право выкупа не только не устраняет исключительности авторского права, а наоборот, подтверждает его, показывая, что никто не может лишить автора его права, кроме государства, причем самое лишение права происходит с выплатой эквивалента, что только еще раз подтверждает исключительное имущественное право автора на извлечение выгод из своего права. Кроме того, право выкупа вообще не имеет большого практического значения для разбираемой нами проблемы, так как нам неизвестен ни один случай с момента издания «Основ авторского права», когда бы советское правительство осуществило это право. Точно так же не колеблет принципа исключительности и право издавать запрещенные автором повторные издания со специального разрешения Наркомпроса. Это предоставленное Наркомпросу право установлено не для ограничения исключительных прав автора, а для пресечения попыток злоупотребления автор-

ским правом со стороны автора. В данном случае Наркомпросу присваивается функция арбитра в споре между издателем и автором. Если автор запрещает издателю выпускать в свет повторное издание, он должен представить убедительные мотивы для обоснования этого запрещения, осуществление которого может причинить издательству большие убытки, приостановив реализацию вложенных в издание затрат. И если эти мотивы имеют общественную значимость (груд устарел в научном отношении, вреден в идеологическом отношении и т. п.), то несомненно Наркомпрос станет на сторону автора. В противном случае запрещение автора будет аннулировано авторитетным органом государственной власти.

Вообще из всей аргументации Д. Немзера вытекает, что для него исключительным правом является только то право, которое абсолютно ничем не ограничено. Но такого права история человеческих обществ не знает.

Таким образом, утверждение Д. Немзера о том, что исключительное право автора на извлечение имущественных выгод из своего права отменено самим ходом нашего исторического развития, ничем не доказано.

Исключительное право автора продолжает существовать неизбежно, является пока лучшей и наиболее удобной формой обеспечения автору возможности получать вознаграждение за его труд и оказывается наиболее эффективным средством для отражения соблазнительных попыток плагиаторов и контрафакторов извлекать выгоду из чужого труда. Отмена исключительности авторского права, открывая самую широкую возможность для третьих лиц извлекать выгоду из авторского труда, понизит материальную заинтересованность, которая является немаловажным стимулом авторской деятельности, и создаст необеспеченность литературного труда. В условиях же социалистического общества, в котором господствует принцип «от каждого по его способностям, каждому по его труду», где сочетание личного интереса с общественным является принципом трудовой деятельности, устранение стимула материальной заинтересованности принесет только вред, задерживая рост авторской деятельности и, следовательно, и рост культуры.

Если же Д. Немзер, который признает за автором право на получение гонорара и даже требует его повышения, рекомендует повысить уголовные санкции за плагиат и контрафакции, то это значит, что, устранив из авторского права термин «исключительное право», он полностью признает эффективную сущность принципа исключительности и сохраняет его, хотя и в скрытом виде, в авторском праве.

Поэтому мы думаем, вопреки Д. Немзеру, что принцип исключительности авторских прав не только не противоречит практике социалистического строительства, а полностью совпадает с задачами социалистического строительства, с основными интересами которого являются культурный рост народа, развитие творческой деятельности тружеников социалистического общества и увеличение их материальной обеспеченности и личной зажиточности.

Но совершенно иное освещение получает этот вопрос, когда мы переходим к вопросу об исключительных правах издателя. Здесь мы

действительно наталкиваемся на явление, которое находится в резком и очевидном противоречии с практикой социалистического строительства.

Согласно п. 1 типового издательского договора, автор передает издательству и исключительное право на издание и переиздание своего труда.

Согласно п. 15 того же договора, «автор обязуется в течение срока действия сего договора, считая с момента его заключения, ни сам, ни через другое лицо не выпускать в свет своего труда в целом или в части, хотя бы и под измененным названием, без письменного на то согласия со стороны издательства».

Эти правовые нормы, предоставляя издателю исключительное право на воспроизведение и распространение произведения, дают ему основание для преследования всякого самовольного издания, осуществленного как автором, так и всяким другим издательством.

Какую цель преследуют эти правовые нормы и чьи интересы они защищают?

Для этого посмотрим, чьи интересы защищает исключительное право издателя в капиталистических странах.

В капиталистических странах исключительное право издателя, создавая ему монополию, оберегает его от конкуренции и обеспечивает ему возможность получения высокой нормы прибыли. Распространение литературных произведений является не самодовлеющей целью, а только средством для извлечения прибыли, и поэтому регулируется не ростом народной культуры, а интересами сохранения и повышения возможного в данных рыночных условиях уровня прибыли. Прямо противоположные задачи стоят перед советскими издательствами, основной целью которых является максимальное расширение распространения. И если советские издательства не могут полностью насытить культурные запросы населения в литературе, то это объясняется только тем, что бумажные и типографские ресурсы издательства на данном этапе нашего строительства еще ограничены и, несмотря на неуклонное их возрастание, все же не успевают за бурным культурным ростом стаемидесятимиллионного советского народа. Не является ли при этих условиях предоставление издательству исключительного права на издание прямым противоречием тем интересам, для обеспечения которых создано авторское и издательское право? Опираясь на свое исключительное право, издательство запрещает издание книги другому издательству, которое могло бы издать эту книгу, и в то же время само, ограниченное собственными ему бумажными фондами, не в состоянии выпустить книгу достаточным для удовлетворения спроса тиражом. Совершенно ясно, что предоставление исключительного права советскому издательству становится в противоречие с интересами советской культуры и задачами советского издательства.

В связи с этим нам думается, что при пересмотре авторского права необходимо будет п. 1 типового издательского договора, согласно которому автор передает исключительное право издательству, изложить не в императивной, а в диспозитивной форме, предоставив разрешение этого вопроса усмотрению сторон.

Может быть поставлен вопрос, не сорвет

и подобное положение плановое регулирование книжного рынка в том случае, если несколько издательств предпримут издание одной и той же книги и, не имея сведений о тиражах, намеченных к изданию другими издательствами, выпустят ее тиражом, превышающим рыночный спрос?

Несомненно, что при издании некоторых книг такая опасность может возникнуть. Поэтому для того, чтобы обеспечить издательству, заключающему договор с автором, возможность учета других договоров, заключенных автором, необходимо установить правило, согласно которому автор обязан под страхом уголовной ответственности сообщить сведения об издательствах, о числе заключенных им

договоров и точное количество уступленных по издательским договорам тиражей.

После всех вышеизложенных соображений мы думаем, что на вопрос, поставленный в заголовке настоящей статьи, нужно ответить отрицательно — советское авторское право не нуждается в коренном пересмотре своих основ, а требует только целого ряда изменений и дополнений, отражающих как рост нашей страны, так и опыт применения авторского права, начиная с 1928 г. Исследование прочих высказываний Д. Немзера, касающихся построения авторского права «на принципе трудового, а отнюдь не на рентном основании», должно составить предмет отдельной статьи.

Н. ПОЛЯНСКИЙ

„Законность“ в царских военных судах

Для советского юриста не может не быть интересным и поучительным оглянуться в прошлое, чтобы посмотреть, чем была законность при царском режиме. К соблюдению законов призывали, об уважении законов установленного правопорядка неизменно говорили различные правительственные сообщения. Показывали ли органы царской власти пример соблюдения норм царского законодательства, того законодательства, которое в целом служило задаче обеспечения господства ничтожной горсточки людей над миллионным населением страны? Нет, близорукие приспешники царской власти, внедряя законопослушание, сами бесцеремонно обращались с законом. Мы хотим развернуть здесь перед читателем только одну — не самую яркую — страницу беззакония в дореволюционной России — ту, которая относится к деятельности военных судов, направленной на подавление революционного движения 1905—1907 гг.

Революция 1905 г. сопровождалась колоссальным ростом в 1905 г. и в особенности в последующие годы числа обвиняемых по делам, рассматривавшимся военными судами в порядке чрезвычайной подсудности, на основании положений военного и охранного: если число обвиняемых по такого рода делам, по данным отчетов военного министерства, в 1902, 1903 и 1904 гг. было 15, 43 и 18, то в 1905 г. оно увеличилось до 308, в 1906 г. сразу — до 4698, в 1907 г. несколько уменьшилось — до 4335, но зато в следующем, 1908 году поднимается до максимальной цифры 7016.

Последняя цифра отражает не рост революционного движения в 1908 г., а развитие процесса ликвидации революции мерами репрессии в этом году.

Таким образом, военная юстиция стала регулярным орудием подавления революционного движения.

Настоящая статья не ставит себе иной цели, как только дать ряд примеров злоупотребления и бесцеремонного обращения с законом при возбуждении и производстве дел о государственных преступлениях в военных судах.

Примеры эти — лишь капля в море того беззакония, которое творили и административные власти, когда создавали дела, поступавшие потом на рассмотрение военных судов, и сами эти суды, и главнокомандующие, от которых зависел пропуск кассационной жалобы и утверждение приговора.

Собранные нами примеры в дальнейшем изложении расположены в порядке процессуальных моментов, из которых сложилось производство, начиная с момента его возбуждения.

«Законные поводы» к начатию дела. Военно-судебному уставу 1869 г., которым должны были руководствоваться военные суды, было известно понятие «законных поводов» к начатию дела. Такими поводами признавались: 1) непосредственное усмотрение военного начальства и донесение подчиненных начальников, 2) сообщение полиции и других должностных лиц, объявления и жалобы частных лиц, 4) явка с повинною.

Раз налицо был один из перечисленных моментов, с формальной точки зрения он был законным поводом. Но повод, формально законный, мог в действительности быть в самом корне своем порочным — тогда, когда в основе его лежали совсем незаконные действия тех самых лиц, которые делали сообщение о преступлении или при содействии которых было раскрыто действительное или мнимое преступление. Провокация могла быть и действительно иногда бывала источником политических процессов в военно-уголовных судах, как и в общеуголовных. Конечно, провокация лежала за пределами судебного производства, и самое юстицию она характеризовала лишь постольку, поскольку прокуратура или суд проявляли то или другое к ней отношение.

Обстановка, нужная для того, чтобы дать законный повод для возбуждения политического процесса, могла быть искусственно создана и без провокации в точном смысле слова, например, путем подкидывания «поличного» или подготовки каким-либо иным способом вещественных доказательств преступления.

Трудно представить себе пример более циничной подготовки картины мнимого преступления, чем та, какая, благодаря неладам среди самих жандармов, была обнаружена в Виленском окружном суде в 1907 г. при рассмотрении дела о Петре и Льве Кудрявцевых и других подсудимых — всего в числе одиннадцати, преданных распоряжением генерал-губернатора военному суду за участие в преступном сообществе, имевшем в своем распоряжении склад оружия и поставившем своею целью насильственное изменение установленного ос новными законами образа правления.

Весь процесс был делом рук жандармского офицера Пономарева, состоявшего ко времени слушания дела уже помощником начальника охраны Таврического дворца.

На суде было установлено с помощью свидетеля, офицера пограничной стражи Шестакова, что Пономарев вымогал от братьев Кудрявцевых показания угрозой военно-полевого суда и расстрела.

Затем начальник Вержболовского жандармского управления подполковник Мясоедов удостоверил, что, по собранным им точным сведениям, Пономарев, переодетый в штатское платье, перешел русскую границу и, прибыв в пограничный немецкий город Эйдкунен, купил там в магазине Миллера партию револьверов и патронов к ним, и вошел в соглашение с приказчиком магазина о водворении купленного им оружия контрабандным путем в Россию. Затем, узнав от того же приказчика, что тот уговорил пронести оружие таможенного чиновника Кудрявцева, Пономарев пригласил пограничного офицера и задержал Кудрявцева с полицим. Не довольствуясь этим, Пономарев снова отправился в Эйдкунен в тот же магазин Миллера, заказал еще пятьдесят револьверов и дал задаток, но Миллер, узнав, что Пономарев то самое лицо, которое вовлекло его приказчика в контрабанду, избил Пономарева, разорвав на нем платье. Подполковник Мясоедов свидетельствовал далее, что Пономарев, как он узнал из совершенно достоверного источника, подстрекал одно лицо подложить в автомобиль, на котором он, Мясоедов, часто ездил в Эйдкунен, револьвер и динамит с тем, чтобы, произведя при возвращении его обыск, запутать и его, начальника жандармского управления, в дело о водворении из-за границы оружия для революционных целей.

Бывший защитником по делу присяжный поверенный Грузенберг в воспоминаниях (напечатанных за границею), выдержки из которых перепечатаны в «Красной газете», в номере от 22 июля 1925 г., так передает свой диалог с Мясоедовым в судебном заседании:

— Проходили ли по вашим спискам подсудимые?

— Нет, не проходили, — ответил Мясоедов. — Кое-кто из них в подозрении по контрабанде, но политических среди них — ни одного.

— Вы говорите: ни одного. Однако, нашли же у них тюки с прокламациями, оружие, взрывчатые вещества.

Мясоедов со смешком:

— Нашли. И у меня могли бы найти.

— Ничего не понять. Объясните.

— Игра простая. Кое-кому из подсудимых агенты охраны сдали тюки для тайного провоза, не говоря о содержимом, а другим подбросили оружие и взрывчатые вещества при обыске.

— Кто же это сделал? Ваши люди?

— Мои люди таким делом не занимаются. Здесь работали люди ротмистра Пономарева под его руководством. Он приезжал сюда.

— Вы сказали, что и у вас могли бы найти и взрывчатые вещества и прокламации. Как понять эти слова?

— От скуки мы, вержболовцы, ездим часто в Эйдкунен. Езжу и я. У меня там за многие годы в Вержболове немало знакомых. Раз как-то, возвращаясь поздно вечером из Эйдкунена, я обнаружил в своем автомобиле взрывчатые снаряды и литературу. Это совпало с периодом работы здесь ротмистра Пономарева. Не заметь я во-время, ошельмовали бы и меня.¹

Показание Мясоедова дало повод защитнику, присяжному поверенному Грузенбергу, сказать, что, если в процессе есть что-либо «политическое», так это деятельность жандармского офицера Пономарева и обвинительный акт военно-прокурорского надзора. Между тем помощник военного прокурора все же настаивал на присуждении всех подсудимых к каторжным работам.

Доказательства махинаций Пономарева, приведших одиннадцать человек на скамью подсудимых, исходили из столь для суда авторитетного источника, что суд должен был оправдать их всех.

Приведем еще случай, в котором «вещественное доказательство» преступления, имевшее полицейское происхождение, дало повод для возбуждения дела, слушавшегося в военном окружном суде, — случай, выдававшийся из ряда других аналогичных дел тем, что он послужил основанием для запроса в Думе о провакционной деятельности агентов охранного отделения.

На одном из заводов под Екатеринославом 11 июня 1908 г. местными полицейскими чинами произведен был обыск в квартире рабочего Токарева. Были найдены бомбы, завернутые в газетную бумагу, на которой была написана фамилия рабочего Боборыкина. Выяснилось, что бомбы были доставлены на квартиру Токарева рабочим Хорольским, состоявшим в то же время, как обнаружилось только впоследствии, агентом Екатеринославского охранного отделения. К ответственности были привлечены Токарев, Боборыкин и Хорольский. 16 июня 1909 г. дело о хранении бомб слушалось в Екатеринославе в выездной сессии Одесского военно-окружного суда. На скамье подсудимых были только Боборыкин и Хорольский. О Токареве дело, являя его болезнью, было выделено. Суд Хорольского оправдал, а

¹ Впоследствии, в 1915 г. полковник Мясоедов был осужден и повешен за шпионаж. Был ли он действительно виновен в шпионаже или кому-то в сложной игре бюрократических сил понадобилось принести его в жертву, осталось с полной точностью не выясненным. Последнее предположение отстаивает Элькин в статье «Почему казнили полковника Мясоедова» в «Суд идет», 1925 г., № 19.

Боборыкина приговорил к шести годам каторги, сочтя достаточным доказательством принадлежности ему бомб надпись его фамилии на газетной бумаге, в которую бомбы были завернуты, хотя нелепо было предположить, что владелец бомб будет выставлять на них свою фамилию. Позднее, 25 ноября 1909 г. было рассмотрено дело по обвинению Токарева в хранении бомб с террористическими целями. На этот раз результат был иной: суд вынес Токареву оправдательный приговор, установив в приговоре, что найденные у Токарева бомбы были принесены в квартиру в день обыска агентом охранного отделения Хорольским, чего Токарев даже не знал; при этом с наивным простодушием суд высказал в приговоре, что цель, с какой были принесены агентом охранного отделения бомбы, следствию установить не удалось. Оправдательный приговор по делу Токарева послужил поводом для постановки защитником Боборыкина вопроса о возобновлении дела о нем. Главный военный суд приговор о Боборыкине отменил и предложил Одесскому военно-окружному суду вновь рассмотреть дело, а о действиях военно-прокурорского надзора Одесского военно-окружного суда, которому не могла быть неизвестна роль в деле агента охранного отделения, главный военный суд постановил довести до сведения главного военного прокурора¹.

Подлинная провокация состояла в подстрекательстве к преступлению, но для того, чтобы лучше обеспечить совершение преступления и от себя отвлечь подозрение со стороны жертв провокации, провокатор с разрешения начальства и сам принимал участие в совершении преступления.

Некий Толпекин, приговоренный 6 марта 1907 г. к смертной казни за участие в ограблении ренского погреба и снова судившийся 10 июля того же года в Московском окружном суде по обвинению в участии в разбое, просил на суде огласить данное им 14 марта показание товарищу прокурора московского окружного суда в тюрьме после смертного приговора. Показание было оглашено. В нем Толпекин заявлял, что обе экспроприации он совершал в качестве агента охранного отделения. При рассмотрении дела об ограблении ренского погреба он не заявил суду о своей роли, так как думал, что охранное отделение секретно сообщило об этом суду, чего, однако, не случилось. «Теперь, пока не поздно», Толпекин решил открыть все: Толпекин работал на фабрике Шлихтера; когда на фабрике возникла забастовка, Толпекин принял в ней участие и был представителем от рабочих в качестве выборного; будучи арестован, он, по предложению одного из агентов, поступил на службу в охранное отделение «по выдаче экспроприаторов» за 20 руб. в месяц; после этого Толпекин участвовал в целом ряде экспроприаций, выдавая участников, причем каждый раз докладывал охранному отделению о том, где, кем и когда будет совершена экспроприация; но не застав несколько раз агента, с которым он постоянно имел дело, он решил, что может докладывать и после совершения преступления; партия анархистов-ком-

мунистов, проведая о его связи с охранным отделением, решила его убить, о чем узнала полиция, и для избежания убийства он был арестован; Толпекин думал, что его только охраняют, и был уверен, что если его и будут судить, так «только для видимости».¹

После оглашения показания Толпекина защитники ходатайствовали перед судом о направлении дела к рассмотрению, так как у суда нет оснований не доверять объяснениям Толпекина — его «голосу с виселицы». Суд под председательством генерал-майора Левапева, считавшегося либеральным судьей (впоследствии он был отстранен от должности), удовлетворил ходатайство защиты.²

Однако определение суда было отменено по протесту военной прокуратуры. Дело вновь слушалось без всякого исследования: Толпекин был приговорен к смертной казни и был повешен.

Самый факт отмены определения суда о направлении дела к рассмотрению и последовавший затем исход дела³, конечно, лишь увеличили достоверность показаний Толпекина и не могли не быть расцениваемы иначе, как улика против охранного отделения.

Дознание и предварительное следствие. За возбуждением дела следовала стадия собирания и предварительной проверки доказательств в порядке дознания и предварительного следствия. За исключением тех случаев, когда обвиняемыми по делу были только военнослужащие (из этого исключения были также исключения), дознание производилось жандармскими органами, а предварительное следствие, производившееся лишь по исключению, если прокуратура не находила возможным ограничиться только дознанием, возлагалось на следователей по важнейшим и наиболее важным делам. Поскольку работа по производству дознаний и предварительных следствий по делам о государственных преступлениях выполнялась не военно-судебными органами, она, сама по себе, не характеризовала приемов их деятельности, но свой отпеча-

¹ Что Толпекин имел все основания рассчитывать на благополучный для него исход дела, можно заключить хотя бы из того, что сотрудник департамента полиции Преображенский писал о себе в прошении о назначении ему пособия: «В 1907 г., — сообщал Преображенский, — мною была раскрыта преступная шайка соц.-революционеров, покушавшаяся на жизнь бывшего военного министра генерала от инфантерии А. Ф. Редгера, а также на взрыв военного совета. Наравне с этими преступниками, во избежание всяких со стороны их подозрений о том, что я их выдал в руки правосудия, я также был арестован и осужден в каторжные работы, а затем по высочайшему повелению, состоявшемуся в 8 день мая 1909 года, был помилован и, во избежание преследования со стороны революционеров, мне была пожалована фамилия «Преображенский» вместо прежней «Римша-Бересневич». См. «Былое», 1917 г. № 2, стр. 248.

² «Право», 1907 г., № 29, стлб. 2008—2010.

³ О нем нам сообщил участвовавший в деле при первом рассмотрении его в качестве защитника А. А. Белорусов.

¹ «Право», 1910 г., № 8, стлб. 468—469.

ток на военную юстицию она клала, так как от этой работы зависел тот материал, которым затем приходилось оперировать военно-судебным органам. Этот материал часто бывал плодом небрежности и неумелости производивших дознание лиц, а то и просто преступности приемов их розыскной деятельности.

По делу нижних чинов резервного железнодорожного батальона, судившихся в Чите 18 марта 1906 г., дознание производилось в 10 верстах от Читы в местности «Песчанка», где в то время (в конце января 1906 г.) стоял карательный отряд Ренненкамппа. Дознание производил подпоручик того же батальона С.¹ В дни свободы он не только молчаливо наблюдал падение дисциплины и «проявления разнузданности нижних чинов» (как писалось в официальных отчетах), но и сам заявлял себя сторонником новых веяний; поэтому он мог знать многое, чего не знали офицеры, оберегавшие себя от всякого соприкосновения с неблагонадежной средой. С прибытием Ренненкамппа он «раскаялся» и предложил свои услуги для раскрытия настоящих виновников брожения в батальоне. Ему было поручено произвести дознание. Он повел его способом совсем необычным. На основании имевшихся у него наблюдений он составлял показания обвиняемых и затем требовал от них подписи протоколов. Если обвиняемый протестовал, он грозил его высечь, сажал его под арест и предлагал одуматься.

В деле студентов Яновичского, Шишкова и др., обвинявшихся в 1907 г. в вооруженном сопротивлении, убийстве и поранении членов полиции, околоточным надзирателем было внесено в протокол утверждение, что при Яновичском при его задержании была найдена записная книжка с заметками о том, как надо вести себя в бою и как надо защищаться. Книжка эта была запечатана в конверт и осталась не осмотренной судебным следователем. Утверждение околоточного надзирателя перешло в обвинительный акт. Только на судебном следствии по требованию защиты, конверт был вскрыт, и книжка осмотрена. В ней не обнаружено было ничего относящегося к вопросу, «как надо вести себя в бою».

Но если в приведенном примере можно предположительно отнести не соответствовавшую действительности запись околоточного надзирателя в протоколе на счет его невежества, то, с другой стороны, вовсе не редко бывали случаи, когда лица, ведавшие дело политического сыска или оказывавшие ему услуги, сознательно приносили в жертву своим карьеристским интересам или своей корысти чужую свободу или даже жизнь. Если доказательств, подтверждавших подозрение в отношении того или другого лица, — в особенности, если оно уже было арестовано, — не было в распоряжении органов политического сыска, их (если, конечно, дело было важно, привлекавшее к себе внимание высоко стоявших лиц) надо

было создать. Только одним из многих приемов, которыми это достигалось (подлоги, подбрасывание вещественных доказательств и т. п.) было подсаживание к лицу, содержащемуся под стражей, «наседки», т. е. мнимо или действительно заключенного, который должен был войти в доверие к содержавшемуся с ним в одной камере, чтобы добиться от него признания. Можно себе представить, из каких подонков выходили лица, которые соглашались выполнять функции «наседки». Если «наседке» не удавалось «высидеть» нужное признание, то что стоило, чтобы оправдать доверие начальства, его выдумать, как было, например, в деле об убийстве временного полтавского генерал-губернатора Полковникова и писаря Петрова, которое 12—15 декабря 1907 г. слушалось в Киевском военно-окружном суде?

«Первоначально,—говорилось в обвинительном акте по этому делу,—при расследовании дела не было получено указания относительно личности, совершившей убийство ген. Полковникова и писаря Петрова, но затем был задержан в Кременчуге, Лубнах и Полтаве ряд лиц, о которых добыты были данные, указывающие на прикосновенность их к этому преступлению». Так как в действительности этих данных оказалось совершенно недостаточно для того, чтобы связать задержанных лиц с делом об убийстве ген. Полковникова, киевское жандармское управление прибегло к услугам «наседки». Свои услуги для этого предложил называвший себя в тюрьме болгарским полковником и членом «варшавского анархического революционного комитета» Ковалев. О Ковалеве на суде позднее было выяснено, что еще юношей лет 17 он уехал в Румынию, где проживал под девятью различными именами и под каждым из них обвинялся в каком-либо преступлении; через несколько лет, присвоив себе звание болгарского полковника, он вернулся в Россию, где некоторое время проводил операции по торговле «живым товаром»; потом его суггилшт виае обрывалось до того момента, когда он попал в Кременчугскую тюрьму по обвинению в целом ряде вымогательств. Этот-то член «анархического революционного комитета», не умевший даже удачно выдумать название той революционной организации, к которой он будто бы принадлежал, и был посажен к арестованному, без указания на какое-либо отношение к убийству Полковникова, гимназисту Василию Яроцкому. Вскоре Ковалев сообщил жандармским властям, будто бы Яроцкий, пораженный его осведомленностью относительно обстоятельств убийства ген. Полковникова, сознался ему в своем участии в убийстве. Прокурор на суде требовал применения к Яроцкому и трем другим лицам смертной казни, но защите нетрудно было показать, что сведения, полученные будто бы Ковалевым от Яроцкого относительно обстановки убийства, решительно противоречили тому, что было в действительности. Военный суд, признав Яроцкого и нескольких других лиц виновными в участии в революционном сообществе, отверг обвинение их в участии в убийстве ген. Полковникова или какой-либо прикосновенности к нему.¹

¹ Фамилия офицера не названа и в статье П. Переверзева, из которой мы заимствуем приводимое в тексте сообщение. См. П. Переверзев, «Карательная экспедиция генерал-лейтенанта П. К. Ренненкамппа в Забайкальской области», «Былое», 1917 г., № 5—6, стр. 209—210.

¹ «Право», 1908 г., №№ 8 и 9.

Но подсаживание в качестве «наседки» ведомого уголовного преступника, способного за деньги предать родного отца, еще уступало в своем бесстыдстве, как прием получения доказательств, тому приему, к которому прибегло охранное отделение в Варшаве для обнаружения лиц, покушавшихся на убийство генерал-губернатора Скалона. Хитрость, к которой прибегли в этом случае варшавские охранники, состояла в следующем: к содержащейся в тюрьме Софии Овчарек, вместо присяжного поверенного Патека, которого она выбрала своим защитником, был подослан сотрудник охранного отделения, явившийся к ней во фраке, с университетским значком и с портфелем в руках, назвавший себя помощником Патека и сообщивший, что Патека заболел, и что, он пришел, по поручению своего патрона, предложить ей свои услуги защитника, после чего Овчарек вполне доверилась ему и рассказала ему о своем участии в покушении на убийство ген. Скалона.

О том, как Овчарек вовлекли в ловушку, рассказал совершенно, повидимому, не подозревая предосудительности своего образа действий, допрошенный в качестве свидетеля по делу о покушении на убийство ген. Скалона пом. пристава Климов, прикомандированный к варшавскому охранному отделению. Но так как «трюк» с адвокатом был завершением целого ряда «успешных» розыскных действий пом. пристава Климова, то мы приведем целиком заимствованный нами из подлинного дела о покушении на убийство Скалона рассказ Климова об этих действиях во всей его непосредственной откровенности.

«В начале декабря 1907 г.,—показывал Климов,—один из моих сотрудников сообщил мне, что готовится покушение на взрыв ограды у следственной тюрьмы в целях освобождения содержащихся там троих арестантов из гор. Лодзи, ожидавших суда. Это были Густав Домбровский и два его товарища, впоследствии повешенные.

Ввиду таких сведений, вскоре у следственной тюрьмы удалось действительно задержать девушку, назвавшуюся Галиной Марчевской. Мой сотрудник предупреждал меня, что деятельное участие в покушении этом именно будет принимать названная Марчевская, но что это на самом деле Казимира Островская, член боевой организации Польской социалистической партии, привлеченная уже к следствию по делу об ограблении винных лавок, находившаяся в Творковской лечебнице на испытании и похищенная оттуда.

Задержание Островской состоялось недели за две до арестования Софии Овчарек, следовавшего 28 декабря 1907 г. под гор. Соколовом, где Овчарек участвовала в нападении на почту. Увидев, что по делу о побеге из Творок она уличена и настоящая ее фамилия известна, Островская пошла на откровенность и созналась в том, что она именно была похищена из больницы, что она подготавливала взрыв ограды у следственной тюрьмы, и что она же имела участвовать в предполагавшемся взрыве нашего охранного отделения. Доведя Островскую до решимости давать мне откровенные показания, я познамерился воспользоваться ею как сотрудницей и при помощи ее вытянуть из арестованной под Соколовом и

имевшей прибыть для содержания в X павильоне Софии Овчарек. Мне сообщили в X павильоне, что когда Островская и Овчарек встретились, то чуть ли не бросились одна другой на шею, как старые знакомые. Дня через два после доставления Овчарек в Варшавскую крепость, я отправился на свидание к Островской, причем для Овчарек назывался дядей Островской. Тут мне Островская впервые объявила, что Овчарек принимала участие в покушении на убийство Варшавского генерал-губернатора на Натолинской улице в роли кухарки при Крагельской. Это было первое указание со стороны обвиняемой на указанное дело. Тогда же Островская созналась мне, что и она принимала участие в метании бомб в генерал-губернатора. Мотивом к такому образу действий со стороны Островской послужило стремление спасти себя от петли, так как у меня имелись указания на то, что она доставила бомбы под Соколов, и я обещал ей помилование, если она даст откровенное показание и будет оказывать содействие. Она вручила мне письмо от Овчарек и просила передать такое же присяжному поверенному Патеку. Кроме этого, мною получены были еще два письма Овчарек, одно — инструктору боевой организации Зыху с просьбой доставить адвокату Патеку свидетелей в защиту по делу о покушении на Натолинской улице, а другое начинающееся словами: «Kochana Wokciu». Письмо на имя Зыха я послал по назначению, указав свой фиктивный адрес, но ответа не получил, а задержать Зыха не удалось, так как он скрылся. Должен напомнить, что к Островской я являлся под видом ее дяди; вот почему Овчарек и попала, передав через меня свои письма. По Соколовскому делу сознался во всем и выдал своих товарищей некий Вольгемут, имевший псевдоним «Кацпер», этим сознанием встревожилась Овчарек, и так как, по словам Вольгемута, она говорила ему о своем участии в деле Натолинской улицы, то, очевидно, решила, что Вольгемут «всыпал» ее по этому делу, результатом чего и были вышеупомянутые ее письма.

Затем уже к Овчарек был послан один из чиновников охранного отделения (фамилию которого я не нахожу возможным назвать) под видом помощника присяжного поверенного Патека. Когда этот чиновник имел свидание с Овчарек, я слушал их разговор из соседнего помещения. Должен оговориться, что лицо, являвшееся под видом помощника Патека, не чиновник охранного отделения, а лишь сотрудник этого отделения. В разговоре с названным сотрудником Овчарек излагала довольно подробно обстоятельства своего участия в деле Натолинской улицы, хотя первоначально выгораживала Островскую, утверждая, что бомбы были брошены в отсутствии последней, ею, Овчарек, и Крагельской. Я объяснял это тем, что, по мнению Овчарек, против Островской ничего не было, почему и не было оснований ее впутывать. Позднее Островская уговорила Овчарек сознаться, и тогда уже они обе стали единогласно показывать, что бросали бомбы в генерал-губернатора. Показания Овчарек, как мне удалось их слышать во время разговора ее с мнимым помощником Патека, сводились к следующему: в квартире на Натолинской улице она была за кухарку под фамилией

Вуйдик; квартиру эту занимала Ванда Крагельская, под именем Козловской; обмоблирована квартира была партией, на что израсходовано 600 рублей; проживали они в квартире в течение недели; после того, как они, Овчарек и Крагельская, бросили бомбы, они вышли на Кошиковскую улицу, уселась на извозчика и поехали на Уяздовскую аллею, где Крагельская высела, а она, Овчарек, поехала на Оксуповскую улицу; к тому времени она проживала, будто бы, в доме № 47-а Пенкной ул. с партией Екатериной Бернатович, к которой и написала записку и вручила своему собеседнику для передачи; эту записку агент прочел громко: «Дорогая Хеля, очень прошу тебя объяснить все тому фацету, который к тебе придет; это — адвокат. Ничего не бойся, расскажи ему все. Твоя Зоха». В записке слово «адвокат» написано плохо и похоже на слово «Адам». В конце, когда Овчарек и Островская решили сознаться, они заявили, что Крагельская бомб не бросила, а в последнюю минуту, струсив, бежала, бомбы же брошены ими обеими».¹

История политических процессов в военных судах знает и такие случаи, когда процессы готовились с помощью пыток. Известны истязания, которым подвергались заключенные в рижском застенке. Пытки практиковались и в царстве польском. Когда обвиняемые ссылались на то, что признание от них было получено путем физического принуждения, допрашивались на суде те самые лица, которые производили «допрос с пристрастием». Их, давшие под присягой, свидетельские показания принимались за достаточное опровержение жалоб обвиняемых на истязания. В Лодзи то и дело обвиняемые жаловались на насилие, которым они подвергались со стороны жандармского деятеля Зуева, и всякий раз Зуев под присягой свидетельствовал, что обвиняемый пыткам не подвергался и добровольно сознался в своей вине. Суд, конечно, и сам знал цену этого показания, но для него (речь идет о варшавском военно-окружном суде, выезжавшем в Лодзь на временные сессии) важно было только то, что на скамье подсудимых сидел революционер или лицо, принимавшееся им за революционера, процесс же должен был дать достаточные доказательства, чтобы с революционером можно было разделиться. Как деятели варшавского военно-окружного суда расценивали приемы принудительного получения показаний, видно из следующего случая: когда один из подсудимых рассказывал на суде, как его истязали, прокурор Абдулов спросил, много ли ударов ему досталось, и получив ответ, что два раза по 25 ударов, цинично заметил: «Не много».²

По делу об убийстве работницы фабрики Познанского Ядвиги Гутковской, обвинявшейся товарищами по фабрике в шпионаже, были привлечены к ответственности братья Вольчаки и Новак. При производстве дознания они признались в том, что судили Гутковскую как

шпионку и присутствовали при убийстве. Уже у следователя они от своих показаний, данных на предварительном следствии, бывших в подробностях противоречивыми, отказались, а на суде они нарисовали картину жестоких пыток, которым их подвергали: их держали головами в ведрах с помоями, привязывали к «парашам» с испражнениями, били железными прутьями, вырывали горстями волосы. После нескольких часов таких пыток они признались. На суде Иосиф Колдунский, поговору которого Вольчаки и Новак были арестованы, признал, что он убил Гутковскую по собственной инициативе и без чьего-либо участия. Тем не менее и Новак и Вольчаки были повешены.¹

Бывали, правда, и своего рода «показательные» процессы, в которых к ответственности привлекались полицейские чины, виновные в истязаниях, и которые были рассчитаны на то, чтобы показать беспристрастие суда. В одном деле обвиняемый Феофил Ткачук после того, как была доказана проявленная им нечеловеческая жестокость по отношению к арестованному совершенно случайно прохожему, был приговорен к 2-недельному аресту; по другому совершенно такому же делу городской Пищолка был приговорен к аресту на один месяц.²

Предание военному суду. Предание военному суду, на основании того или другого исключительного положения (усиленной охраны, чрезвычайной охраны, военного), предполагало, что в то время, когда преступление было совершено, местность уже состояла на исключительном положении, так как в противном случае угроза, на основании исключительного положения, смертной казнью за известный круг преступлений получила бы обратную силу, что противоречило основному началу уголовного законодательства. Однако и это, формально признанное царским законодательством, начало нарушалось...

В 1906 г. Рижский временный военный суд приговорил к смертной казни 8 человек, преданных военному суду министром внутренних дел П. И. Дурново для суждения и с применением наказания по законам военного времени, т. е. так, как если бы в Риге действовало военное положение, за преступление, совершенное в октябре 1905 г., тогда как военное положение было объявлено в Риге только 24 декабря того же года, в октябре же Рига не была даже на положении усиленной охраны. Подсудимые подали кассационную жалобу; генерал-губернатор Салогуб, воспользовавшись полномочием, предоставленным ему военным положением, но не принадлежавшим ему в отношении дела о преступлении, совершенном до объявления военного положения, не дал кассационной жалобе движения. Тогда защитник осужденных, Н. Д. Соколов, подал в первый департамент сената как учреждение, надзирающее за законностью действий высших должностных лиц, жалобу на незаконные действия министра внутренних дел Дурново и генерал-губернатора Салогуба. Что министром внутренних дел и генерал-губернатором было учинено беззаконие, в результате которого пет-

¹ Дело Гл. воен. судн. упр., 1908 (Ленинградское отд. Центр. истор. арх., связь 38, д. № 4/31, т. VI, л. д. 32—33).

² 1905 г. в очерках и воспоминаниях участников, сборник I (1928 г.), стр. 152.

¹ 1905 г. в очерках и воспоминаниях участников, сборник I (1928 г.), стр. 162.

² Там же, стр. 175.

ля повисла над 8 человеками; это было ясно и сенаторам; тем не менее в возникших прениях, продолжавшихся около двух часов, большинство сенаторов категорически высказалось за оставление жалобы без рассмотрения, так как незаконное предание военному суду покрыто уже состоявшимся приговором военного суда, а незаконное задержание кассационной жалобы генерал-губернатором относится к его военно-судебным функциям, не подлежащим надзору первого департамента сената, как учреждения чисто административного. Тщетно более совестливые сенаторы (А. А. Нарышкин и Виноградов) указывали, что не должен же блюститель законности, сенат, когда дело идет о жизни людей, остаться безгласным зрителем происшедшего нарушения закона, которое не могло быть исправлено и главным военным судом, так как, по силе военно-судебного устава, ему не предоставлено входить в оценку правильности предания суду.

Понятно, что, если бы сенат признал незаконным действие министра, предавшего обвиняемых военному суду, и генерал-губернатора, не давшего движения кассационной жалобе, то было бы слишком скандальным допустить исполнение смертного приговора, обусловленного незаконным действием одного и оставшегося не проверенным вследствие незаконного действия другого. Поэтому, большинство сенаторов осталось непреклонным; жалоба П. Д. Соколова была оставлена без рассмотрения.¹

Если жалоба на неправильное предание суду должна была быть оставлена без рассмотрения потому, что уже состоялся приговор суда, подлежавший обжалованию в главный военный суд (бессильный, как признавалось в сенате, отменить приговор по мотиву неправильности распоряжения министра о предании военному суду), то с логической и, казалось бы, непреодолимой необходимостью отсюда вытекало, что незаконное распоряжение министра о передаче дела на рассмотрение военного суда подлежит отмене сенатом, если жалоба подана до рассмотрения дела в военном суде. Казалось бы... Но сенат не боялся (выражаясь словами французского юриста-социолога Тарда о необходимости для власти быть последовательной в применении закона) «попасть под лезвие своего собственного суждения».

5 февраля 1906 г. на станции «Алатырь» Московско-Казанской железной дороги были убиты начальник депо и жандармский унтер-офицер. Подозрение в совершении преступления пало на спасского мещанина Мошкина. В то время, когда было совершено преступление, ст. «Алатырь», как и вообще Симбирская губерния, не находились под действием каких-либо исключительных законов. Следовательно, в деле Мошкина не было никаких формальных оснований к отступлению от правил нормальной подсудности. Однако после того, как 7 февраля, т. е. через два дня после совершения преступления и, несомненно, в связи с ним ст. «Алатырь» была объявлена на положении чрезвычайной охраны, дело Мошкина было передано по распоряжению министра внутренних дел в ведение военного суда. Так как никогда раньше не оспаривалось, что дей-

ствие исключительного положения не распространяется на преступления, совершенные до его введения, то не могло — вернее, не должно было возникнуть сомнение в том, что жалоба Мошкина в первый департамент сената на незаконное распоряжение министра, соединенная с просьбой о восстановлении нормальной подсудности, будет уважена. Однако и эта жалоба была оставлена сенатом без рассмотрения на том основании, что она «касается правонарушений судопроизводственного характера, предусмотренных в военно-судебном уставе и разрешаемых порядком, в нем указанным».¹ Между тем в действительности порядок и условия предания суду лиц гражданского ведомства на основании Положения об усиленной и чрезвычайной охране предусматривались в самом Положении, а вовсе не в военно-судебном уставе, да и не мог сенат сомневаться в том, что военный суд был не вправе сам отменить незаконное распоряжение министра внутренних дел. Военный суд, конечно, если бы у судей хватило на это мужества, не должен был бы принимать дело к своему ведению, как переданное ему незаконным распоряжением министра, но и в таком случае аннулирование незаконного распоряжения зависело только от сената, которому считались подчиненными «в гражданском порядке суда, управления и исполнения вообще все места и установления в Империи».

В отношении местностей, не объявленных состоявшими на исключительном положении, действовала ст. 31 Положения о мерах к охранению государственного порядка, согласно которой министру внутренних дел, по соглашению с министром юстиции, предоставлялось передавать на рассмотрение военного суда для суждения по законам военного времени с обязательным присуждением виновных к смертной казни, «дела о государственных преступлениях, а также о вооруженном сопротивлении властям, от правительства установленным, или нападения на чинов войска и полиции и на всех вообще должностных лиц, при исполнении ими обязанностей служб, или же вследствие исполнения сих обязанностей, коль скоро преступления эти сопровождались убийством или покушением на убийство, нанесением ран, увечий, тяжких побоев или поджогом». Не могли быть никакого сомнения в том, что указанное условие передачи, по ст. 31 охранного положения, дела на рассмотрение военного суда с последующим применением смертной казни («коль скоро преступления эти сопровождались убийством» и т. д.) относилось ко всем названным в ст. 31 преступлениям, т. е. что наличность этого условия требовалась для предания военному суду и применения смертной казни не только по делам о сопротивлении властям или нападении на должностных лиц, но также и по делам о государственных преступлениях. Иначе выходило бы, что в местностях, не объявленных в исключительном положении, обвиняемым, преданным суду за государственное преступление, угрожала более тяжкая кара, чем в местностях, состоявших в по-

¹ М. А. М. По поводу двух процессов из практики первого департамента правительствующего сената, «Право», 1936 г., № 43, столб. 3305—3307.

¹ «Право», 1906 г., № 21, столб. 1936.

ложении усиленной или чрезвычайной охраны, где смертная казнь за государственные преступления (если они не были осложнены сопротивлением властям или нападением на должностных лиц) могла быть назначена лишь в тех случаях, в отношении которых она была предусмотрена в самом Уголовном уложении.

Однако сенат «умыл руки» и тогда, когда ему предстояло рассмотреть жалобу на нарушение этого, казалось бы, бесспорного вывода, не находившегося к тому же ни в каком противоречии с буквальным текстом закона.

9 декабря 1906 г. в Твери произошло убийство члена государственного сената графа Игнатьева учеником реального училища Сергеем Николаевичем Ильинским. Вместе с Ильинским были привлечены к ответственности студент Александр Цявловский и ученик реального училища Федор Серебренников. Оба они обвинялись только в принадлежности к сообществу, поставившему целью своей деятельности ниспровержение существовавшего тогда общественного строя.

В декабре 1906 г. Тверь не была на исключительном положении. Тем не менее все трое обвиняемых были министром внутренних дел, по соглашению с министром юстиции, преданы суду для суждения по законам военного времени, на основании только что рассмотренной нами ст. 31 Положения о мерах к охранению государственного порядка. Над всеми обвиняемыми нависла угроза смертной казни.

Защитником обвиняемых, присяжным поверенным Андронниковым, была принесена в первый департамент сената жалоба с просьбой отменить определение министров, как не основанное на законе.

Сенат оставил жалобу без рассмотрения.¹

Сроки процессуальных действий до слушания дела в суде. Главная особенность правил, установленных для производства дел в военном суде в военное время, т. е. для того периода, в котором должны были производиться дела о политических преступлениях, переданные на рассмотрение военных судов, состояла в чрезвычайной краткости сроков, установленных для судебных действий. По получении следствия военный прокурор обязан был препроводить военному начальнику свое заключение не далее, как через сутки. Военный начальник, по получении заключения военно-прокурорского надзора, обязан был дать делу дальнейшее направление в тот же день, а при соглашении на предание суду — немедленно сделать распоряжение о доставлении обвиняемого в предполагаемое для его суждения место; военный прокурор, по получении им дела от военного начальника, предлагал суду обвинительный акт в тот же день. С точки зрения гарантии надлежащей защиты подсудимого, особенно важным и вместе с тем опасным для интересов подсудимого было требование закона, чтобы заявление подсудимого о выборе или назначении защитника, о вызове дополнительных свидетелей и об отводе судей и прокурора было сделано им при самом сообщении ему обвинительного акта, списка свидетелей, которых предполагено вызвать, и состава суда. Это

требование могло поставить в затруднительное положение опытного юриста, а не только часто вовсе неграмотного подсудимого. При этом, как свидетельствовал о том такой опытный защитник в военных судах, каким был С. П. Ордынский, в то время, как требования закона относительно сроков процессуальных действий суда и прокуратуры игнорировались, закон о том, что заявление подсудимого о выборе защитника и т. д. может быть принято судом лишь тогда, если оно сделано при сообщении обвиняемому обвинительного акта и других сопоставлявших ему документов, соблюдался наистрожайшим образом. На рассмотрении главного военного суда был однажды случай отказа подсудимому в вызове свидетелей за пропуском срока, хотя просьба о том была заявлена до истечения двадцати четырех часов с момента вручения обвинительного акта, а главный военный суд признал такой отказ правильным.

Вручение обвинительного акта подсудимому, заявление подсудимого о назначении ему защитника, о вызове дополнительных свидетелей об отводе судьи или прокурора — все это в совокупности составляет важнейшую процедуру, от которой может зависеть защита справедливых интересов подсудимого. Проводить ее наспех и кое-как нельзя; между тем практика ее соблюдения была еще хуже закона.

Напоминая, что сроки, с соблюдением которых должны были производиться дела о государственных преступлениях, были сроками, установленными для военного времени, С. П. Ордынский следующим картинным образом изображает контраст между темпами, с которыми на практике двигалось дело в суде до вручения обвиняемому копии обвинительного акта, и той стремительностью, которая требовалась от обвиняемого в момент сообщения ему обвинительного акта: «Месяцами, иногда годами тянется предварительное следствие, недели и месяцы лежит дело у прокурора... Не торопится и суд, получив дело от прокурора; над ним не свистят неприятельские снаряды, все спокойно в уютных кабинетах. Но как только появился в канцелярии суда привезенный из каземата обвиняемый, так картина изменяется, словно близко подошел грозный неприятель и надо страшно спешить. Негрмотному обвиняемому помощник секретаря проабрабанит обвинительный акт; грамотные читают сами, передко стоя и не имея возможности хоть сколько-нибудь сосредоточиться».

Особенно тяжелым было положение подсудимых, содержащихся вне места нахождения военно-окружного суда, а таких подсудимых было подавляющее большинство. «Их, — говорил присяжный поверенный Грузенберг перед главным военным судом (следовательно, в полном соответствии с тем, что было в действительности), — никогда не доставляют в суд, никогда суд не читает им обвинительных актов, не разъясняет их прав, не принимает от них словесных заявлений. Никогда! Эта важная установленная законом гарантия

¹ С. П. Ордынский, Производство в военных судах—в отчете общего собрания русской группы международного союза криминалистов в 1910 году (1911 г.), стр. 252.

¹ «Право», 1907 г. № 15, стлб. 1123—1127, № 25, стлб. 1813—1820.

существует только на бумаге; в действительности — она отменена. Все эти обязанности перенесены с суда на чинов тюремной администрации, — перенесены вопреки точного смысла закона»¹.

Как мало сами военные суды придавали значения тем ходатайствам, какие могли быть заявлены обвиняемым при сообщении ему обвинительного акта, видно из того, что в некоторых округах на выездных сессиях повестки посылались свидетелям обвинения раньше вручения подсудимому копии обвинительного акта, как если бы срок судебного заседания ни в какой мере не мог зависеть от тех ходатайств, какие могли быть заявлены обвиняемым, копия же обвинительного акта вручалась подсудимому всего за 2—3 дня до слушания дела, так что и времени не оставалось для вызова дополнительных свидетелей.

Ознакомление обвиняемых с материалами предварительного производства. Едва ли нужно пояснять значение элементарного требования, чтобы обвиняемый своевременно был ознакомлен с собранными против него уликами и с тем, какое и на каком основании предъявляется к нему обвинение. Между тем даже это элементарное требование далеко не всегда соблюдалось. Так, в рижском процессе «36-и» после того, как обвиняемым было объявлено, что дознание против них закончено, они неоднократно просили начальника тюрьмы отвести их для просмотра актов дознания в канцелярию суда; ввиду повторного отказа в этом со стороны начальника тюрьмы они обратились к председателю временного военного суда с просьбой сделать распоряжение о разрешении им ознакомиться с актами дознания. В ответ на это ходатайство последовало сообщение от имени председателя, что на обязанности суда не лежит забота о том, чтобы подсудимые фактически могли осуществить принадлежащее им право ознакомиться с актами дознания.

Этого мало: не все обвиняемые были извещены об окончании дознания; из 26 обвиняемых, которые были потом осуждены, только 12-ти было объявлено об окончании дознания; остальные не знали даже о том, что дознание в отношении их окончено. Наконец, и этого мало: после того, как части обвиняемых было объявлено об окончании дознания, оно фактически еще продолжалось.

Не менее затруднило положение обвиняемых на суде то, что и с обвинительным актом они не были надлежащим образом ознакомлены. Подсудимым были вручены копии обширного обвинительного акта, воспроизведенные настолько неудовлетворительно, что прочесть их целиком представлялось совершенно невозможным. Между тем подсудимые должны были уже в суточный срок по вручении копий обвинительного акта заявить ходатайства о вызове дополнительных свидетелей. Подсудимые просили выдать им удобочитаемые копии обвинительного акта и считать суточный срок с момента выдачи новых копий. Как же отнесясь к этому ходатайству суд? Он признал

затруднительность прочтения копий, в ходатайстве подсудимых все-таки отказал: они-де, содержась под стражей совместно, могли обмениваться копиями и таким образом восстановить полный текст обвинительного акта. Закон при этом и тем уже достаточно грубо нарушался, что суд игнорировал сокращение и без того короткого суточного срока на вызов свидетелей вычетом из этого срока времени, которое каждый из обвиняемых должен был бы затратить на отыскание и получение такого именно экземпляра обвинительного акта, в котором четко было бы воспроизведено все, что его может касаться, но цинизм отказа суда в ходатайстве подсудимых усугублялся еще и тем, что в деле было ходатайство подсудимых, державшихся в одиночном заключении, о переводе их в общую камеру, ввиду вручения им обвинительного акта с резолюцией председательствававшего во временном военном суде генерала Арбузова о желательности продления одиночного заключения (без перерыва) до самого окончания дела. Некоторые из подсудимых — латыши — не знали русского языка, о чем суду было известно, и тем не менее при вручении им обвинительного акта не присутствовал присяжный переводчик, который помог бы им ознакомиться с содержанием обвинительного акта.

Требование предоставления обвиняемым возможности подготовиться к делу было в процессе «36-и» еще более грубо нарушено тем, что уже в самый день судебного заседания им было объявлено о состоявшемся по ходатайству прокурора изменении выводов обвинительного акта, а именно к обвинению в участии в бунтовщическом сообществе теперь было присоединено обвинение не больше, не меньше, как в грабеже, вследствие чего над обвиняемыми, которых в худшем случае ожидала восьмилетняя каторга, нависла угроза смертной казни. Ничего не могло быть более законного, чем ходатайство обвиняемых о предоставлении им суточного срока на подготовку к защите против нового обвинения. Суд отказал.

Состав суда. В составе военного суда, кроме председателя, принимали участие четыре временных члена. Правила о местностях, объявленных на военном положении, требовали, чтобы временные члены военного суда назначались для каждого дела особо. Скрытый смысл этого правила ясен. Законодатель хотел, чтобы для каждого дела назначался наиболее благонадежный состав судей, чтобы судьи, раз не сумевшие справиться с возложенной на них задачей в соответствии с видами правительства, в другой раз не назначались. С точки зрения «видов правительства», правило о назначении нового состава судей для каждого дела особо было, конечно, целесообразно, но до известного предела: пока зараза неблагонадежности не пропикла и в офицерскую среду, и пока дел, передаваемых на рассмотрение судов в порядке военного положения, было немного. Но в 1905—1906 гг. обстоятельства были неблагоприятны для последовательного проведения приведенного правила.

¹ «Право», 1910 г. № 51, стлб. 3147.

² Ордынский, назв. статья, стр. 253.

³ «Право», 1906 г., № 25, стлб. 2239—2240.

Иногда было более удобно, раз отобрав вполне надежных офицеров для выполнения судебных обязанностей и на опыте убедившись в правильности сделанного выбора, сохранить на неопределенное время состав судей, оправдавших доверие начальства. Генерал-губернатор Прибалтийского края так и сделал: в январе 1906 г. он назначил временных членов в состав рижского временного военного суда не специально для данного дела, а вообще, и еще в мае в Риге рассматривалось дело (т. н. рижский процесс «36») все в том же составе временных судей за исключением одного¹. При этом судьи были назначены, как сказано, генерал-губернатором, т. е. гражданской властью, тогда как, по закону, они должны были быть назначены военным начальством — в данном случае командующим войсками военного округа.

Судебное следствие. От качества доказательств естественно зависит исход процесса. Между тем явление, когда материал судебного следствия в военных судах по политическим делам был явно недоброкачественным, было вовсе не редким. Контингент свидетелей едва ли не в большей своей части состоял из агентов охраны и провокаторов. Не брезговало подчас военное правосудие и показаниями заведомых преступников. По нашему времени в свое время делу об убийстве пристава VII участка г. Варшавы Ковальского главный свидетель обвинения Зильберштейн начал свое показание на суде словами: «Я был альфонсом, а теперь стою во главе шайки воров». Он показал, что, проходя по улице и высматривая людей, которых можно было бы обокрасть, он стал невольным свидетелем покушения на убийство пристава и в подсудимых узнает его виновников. Он пояснил, что побудительным мотивом, чтобы дать показание, для него в данном случае послужила ненависть к подсудимым, которые как члены социалистической партии, должны были быть смертельными врагами воров и альфонсов. На основании этого показания и показаний других лиц также с репутацией воров и альфонсов четверо обвиняемых — Шпитальник, Познер, Бонковский и Стахович — были приговорены к повешению и были действительно повешены².

Как мы видели выше, закон 27 июня 1907 г. предоставил военно-окружным судам прочтение показаний неявившихся свидетелей независимо от причины неявки. Эта новелла была как нельзя более на-руку тем полицейским чиновникам и агентам, которые давали свидетельские показания на предварительном следствии, но не рисковали подвергнуть себя неприятности перекрестного допроса на суде или очной ставки с лицами, на которых они ссылались. Как часто такие свидетели бывали на суде загнаны в тупик непримиримых противоречий, а данные ими показания оказывались, хотя и безнаказанным, но для всех очевидным лжесвидетельством! Куда проще было свидетелю, оказавшему своими недобросовест-

ными показаниями услуги обвинению, не явиться в суд, а обвинителю требовать оглашения его показаний. В деле об убийстве генерала Подковникова, о котором мы выше рассказали, свидетель Ковалев, отъявленный мошенник и вымогатель, сочинивший признание обвиняемого Яроцкого, на суд, конечно, не явился, и, хотя защитой было указано место его жительства очень недалеко от суда, суд не подверг его приводу и огласил его показание.

Приговор. Закон¹ возлагал на суд обязанность мотивировать, почему он признал обвиняемого виновным или невиновным в приписанном ему преступлении. Заключение суда о вине или невиновности должно было «прописываться» без указаний его оснований. При этом условии единственной, хотя и недостаточной, гарантией того, что суд вошел в обсуждение обстоятельств дела, оставалось требование, чтобы суд точно обозначил «предметы обвинения», чтобы в случае признания обвиняемого виновным преступление его было описано совершенно конкретными признаками, т. е. не теми более или менее отвлеченными или общими терминами, которыми говорил о преступлении уголовный закон, а путем обозначения совершенно конкретных обстоятельств и действий, из которых слагался состав преступления данного лица в данном случае. Если, например, подсудимый признавался судом виновным в участии в бунтовщическом сообществе, то мало было в приговоре, вторя тексту закона, написать, что он признан судом виновным в участии в сообществе, поставившем себе целью насильственное посягательство на изменение в России установленного основными законами образа правления. Так написать можно было, не только не углубляясь в рассмотрение дела, но даже не ознакомившись с ним, как следует. Поэтому в приведенном примере от суда требовалось, чтобы он указал, в чем, в каких конкретных действиях выразилось участие обвиняемого в сообществе, какими именно средствами оно предполагало действовать. Между тем требование «конкретности» приговора часто не соблюдалось. Как действительно важно было соблюдение этого требования и как суд иногда выдавал явно недостаточное исследование обстоятельств дела именно тем, что предпочитал общие выражения в приговоре конкретным обозначениям, видно на примере дела старшего адъютанта штаба 77 пехотной резервной бригады Мясоедова, который был признан московским военно-окружным судом виновным в том, что состоял членом нижегородского комитета «одной из революционных партий». Уже одно то обстоятельство, что суд, найдя, что Мясоедов был членом партийного комитета, не установил даже того, какую именно местную партийную организацию этот комитет возглавлял, заставляло, по меньшей мере, сомневаться в том, что суд действительно точно установил характер и цели революционной деятельности комитета и Мясоедова как его члена².

¹ «Право», 1906 г., № 25, стлб. 2139.

² «1905 год в очерках и воспоминаниях участников», сб. I (1928 г.), стр. 150.

¹ Ст. 931 военно-суд. устава.

² «Право», 1907 г., № 16—17, стлб. 1238—1240.

Примеров, когда суд ограничивался установлением принадлежности подсудимого неизвестно к какой «революционной» партии, можно было бы привести очень много.

Если не всегда председательствовавший судья-юрист мог как следует написать приговор, то это было уже совсем не по силам членам суда из полковых офицеров. Это открывало возможность давления со стороны председателя на двух других членов суда, когда они были с ним не согласны. При слушании одного дела в варшавском военно-окружном суде, судья-юрист Козелкин заявил судьям-офицерам, отказавшимся подписать смертный приговор: «В таком случае напишите сами приговор». «Что же было делать? — рассказывали позже судьи, — мы таких бумаг редактировать не умеем». Они уступили, смертный приговор был подписан¹.

Если суд выносил оправдательный приговор, произносилась классическая фраза: «Ты кой-то, вы — свободны». Но не всегда эта классическая фраза: «Вы — свободны», сказанная председателем военно-окружного суда, гарантировала от того, что администрация не примет с своей стороны в отношении оправданного своих мер, которые отнимут у него если не всю, то значительную долю свободы.

«Рогожин, вы — свободны», — объявил председатель военно-окружного суда по объявлении приговора по слушавшемуся в 1907 году в Тобольске делу об убийстве начальника тобольской каторжной тюрьмы Богоявленского. Но едва Рогожин вышел из зала суда, как к нему подлетел полицеймейстер с командой городских и объявил, что распоряжением генерал-губернатора Рогожин высылается в Туринск Тобольской губ. и что он его арестует².

Обжалование приговоров. Приговоры военно-окружных судов подлежали кассационному обжалованию. Так как кассационная жалоба есть жалоба на нарушение закона, то она предполагает иногда сложную юридическую аргументацию; между тем для подачи кассационной жалобы был установлен суточный срок.

Поданная кассационная жалоба могла быть не пропущена командующим войсками, если, по его мнению, соображения общественной безопасности требовали немедленного исполнения над подсудимым наказания.

Командующие войсками широко пользовались этим своим правом. Главнокомандующими не только не давалось направления кассационным жалобам, но по распоряжению

главнокомандующих самые жалобы сплошь да рядом не принимались. В Либаве по делу матросов, заслушанному 1 августа 1905 г., не была принята кассационная жалоба их защитника И. Д. Соколова. Матросов расстреляли. Также по делу о беспорядках на броненосце «Георгий Победоносец», слушавшемуся в Одессе, адмиралом Чухниним было запрещено принять от подсудимых кассационные жалобы... Защитником матроса Степанюка, присяжным поверенным Левиссоном, было подано в суд заявление, что главный свидетель обвинения предъявленного Степанюку, после приговора отказался от данных им показаний. Кассационная жалоба Степанюка все-таки не была принята. Он, правда, был помилован. Остальные были расстреляны¹.

В 1906—1908 гг. были военные округа, в которых кассационные жалобы систематически не пропускались.

Утверждение приговоров. По Положению о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия приговоры по делам, переданным на основании этого Положения в военные суды, утверждались генерал-губернаторами, а в местностях, им не подчиненных, — командующим войсками.

Утвердить или не утвердить приговор — это всецело зависело от генерала, которому была предоставлена власть утверждения. Трудно уловить какие-либо общие мотивы, которыми при этом руководились утверждающие приговоры лица, кроме, пожалуй, одного: предатели обыкновенно пользовались снисхождением, если только на суде они не брали своих предательских показаний обратно².

Казалось бы, что при том просторе усмотрения, которым по самому закону пользовались лица, утверждавшие приговоры, уже не было места еще для сверхзаконного произвола. Между тем вот что произошло, по делу кандидата естественных наук (как он подписан под своим письмом в редакцию газеты «Право») Тахчогло. 5 сентября 1905 г. за нанесение при задержании его в г. Екатеринославе легких ран полицейскому приставу он был приговорен к смертной казни, иричем суд постановил ходатайствовать о замене казни каторгой на 15 лет. 30 сентября приговор был представлен на утверждение временно командующего войсками одесского округа генерала Протопопова. Последний заменил казнь не 15-летнею, а 20-летнею каторгою, о чем и уведомил 5 октября телеграммою военного министра. Так как по амнистии от 21 октября назначенные сроки лишения свободы подлежали сокращению на половину, то Тахчогло должен был быть сослан на каторгу на 10 лет. Но главному военному прокурору генералу Павлову этого показалось мало. Воспользовавшись тем, что тем временем на пост командующего войсками одесского округа был назначен новый генерал Каульбарс, он, скрыв или игнорируя уже состоявшееся утверждение приговора генералом

¹ «1905 год в очерках и воспоминаниях участников», сб. I (1928 г.), стр. 148.

² С. Анисимов. Из воспоминаний защитника, «Былое», 1917 г., № 5—6, стр. 40. Сообщение полицеймейстера, правда, не огорчил Рогожина, счастливого сознанием, что петля его миновала. С радостной улыбкой, — вспоминает С. Анисимов, — он ответил: «Хоть на край света, г. полицеймейстер». Но таково, конечно, было только первое впечатление.

¹ В. Беренштам, Смертные казни, «Право», 1905 г., № 38, стлб. 3134.

² «1905 год в очерках и воспоминаниях участников», сб. II (1928 г.), стр. 160.

Протопоповым, телеграфно («за военного министра») уже 7 ноября, т. е. больше чем через месяц после того, как приговор был утвержден Протопоповым, предложил генералу Каульбарсу утвердить смертный приговор с тем, чтобы казнь, на основании той же амнистии от 21 октября, была заменена судом каторгою на 15 лет. И Каульбарс и суд, разумеется, выполнили беззаконное требование генерала Павлова. Суд, однако, смущенный таким исходом дела, сообщил тому же генералу Павлову, что он уже сам в свое время возбуждал ходатайство о замене казни 15-летней каторгою и потому испрашивал, не последует ли ввиду этого новых указаний со стороны генерала Павлова. Последний сообщил, что амнистия применена правильно.

Таким образом, генерал Протопопов произвольно, хотя и в пределах предоставленной ему законом власти, в отступление от мнения суда, разобравшего дело, назначил Тахчогло не 15, а 20 лет каторги, а затем то наказание, которое по амнистии полагалось Тахчогло после утверждения приговора Протопоповым, по требованию генерала Павлова не только произвольно, но и совершенно противозаконно еще раз было увеличено на 5 лет¹.

Такова была царская военная юстиция. Терроризируя одних, она другим раскрывала глаза на природу царского режима. Вместе с полицейскими зверствами она возбуждала народную ненависть, которая должна была, как писал Ленин, найти и нашла себе «выход не в дикой мести, а в борьбе за свободу».

А. ГЕРЦЕНЗОН

Социалистическое уголовное законодательство в период до издания первого советского уголовного кодекса

I

В истории социалистического уголовного законодательства исключительно большое значение имеют декреты и постановления советского правительства, посвященные различным вопросам социалистического строительства и содержащие уголовные диспозиции и карательные санкции в своей заключительной части. Эти уголовно-правовые нормы, содержащиеся в декретах, посвященных хозяйственному, административному, культурному строительству периода 1917—1922 гг., являются по существу предтечей будущих «составов преступлений» Особой части Уголовного кодекса. Разбросанные в различных декретах, эти уголовно-правовые нормы представляют собою некодифицированное уголовное законодательство тех лет, которое с каждым годом роста и укрепления социалистического государства приобретало все более и более законченные формы. Большинство этих законов разрабатывались, редактировались, утверждались при непосредственном участии Ленина—Сталина. Детальное изучение этих законов ясно показывает социалистическое содержание и социалистическую форму нашего уголовного законодательства.

Несмотря на такое исключительное значение изучения, обобщения, систематизации уголовного законодательства и отдельных уголовно-правовых норм периода до издания Уголовного кодекса, в советской литературе нет ни одной работы, посвященной этому вопросу; банда вредителей из кампании Пашуканиса всячески тормозила, срывала подлинно научную исследовательскую работу в области социалистического уголовного законодательства.

Между тем потребность в такого рода работе исключительно велика не только у на-

учных работников, учащихся и т. д., но и у практических работников: для того, чтобы знать действующие законы, необходимо иметь ясное представление об их историческом развитии, необходимо знать предшествующее Уголовному кодексу законодательство.

Лишь в статье Д. И. Курского Новое уголовное право («Пролетарская революция и право», 1919, № 2—4) мы находим единственную попытку обрисовать новое, советское право, показать, как из отдельных уголовно-правовых норм создается постепенно система социалистического уголовного права. Но работа и попытка Д. И. Курского оказалась забытой, его оригинальное и интересное исследование не было позже развито и дополнено, и криминалисты-теоретики, говоря об истории социалистического уголовного права в период до издания УК ред. 1922 года, обычно ограничивались анализом декретов о суде, инструкций революционных трибуналов и «Руководящими началами по уголовному праву РСФСР»; тем самым искусственно изолировались имеющие громадное значение в истории социалистического уголовного законодательства уголовно-правовые нормы, содержащиеся в декретах и постановлениях советского правительства в период 1917—1922 гг. (до издания УК ред. 1922 г.).

По нашему подсчету, не могущему претендовать на исчерпывающую полноту, в период с 8 ноября 1917 г. по 1 июня 1922 г. было издано свыше 400 декретов и постановлений правительства и имевших силу декретов постановлений наркоматов, в которых содержались уголовно-правовые нормы будущей «Особой части».

¹ «Право», № 30, стлб. 2472—2474.

— Ленин, т. IV, стр. 90.

Так, в 1917 г. было опубликовано в СУ 23 таких документа, в 1918 г. — 100, в 1919 г. — 93, в 1930 г. — 98, в 1921 г. — 88 (до 1/VI 1922 г.).

II

Нужно отметить, что вопрос о кодификации уголовно-правовых норм ставился уже в первый период проведения Великой Социалистической революции. точно также, как уже в 1919—1929 гг. уже был поставлен вопрос об издании Уголовного кодекса. Эти вопросы, как известно, были разрешены в законодательном порядке значительно позднее—в Уголовном кодексе редакции 1922 года. В уголовно-правовой же литературе период первоначального развития социалистического уголовного законодательства так и остался до сих пор не изученным, и сами законодательные документы оказались совершенно незаслуженно преданными забвению.

Составленный нами и приводимый ниже хронологический перечень узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР, содержащих уголовно-правовые нормы, охватывает период 8 ноября 1917 г.—1 июня 1922 г. В него вошли ссылки на те декреты и постановления, в которых содержатся уголовные диспозиции и карательные санкции. Так как большинство этих законов по своему содержанию относится, как уже указывалось, к области хозяйственного, административного, культурного строительства и т. д., то в хронологическом перечне нами дано краткое изложение (в виде заголовка) текста уголовно-правовых норм. Так, например, содержащаяся в декрете «О земле» уголовно-правовая норма озаглавлена «Порча конфискуемого имущества, принадлежащего всему народу» и т. д.

Приводимые ниже материалы являются необходимым дополнением к работе, опубликованной в № 11 «Социалистической законности» за 1937 г. и, как мы полагаем, окажутся полезными всякому, кто изучает историю социалистического уголовного права.

Узаконения и распоряжения Рабоче-крестьянского правительства РСФСР, содержащие уголовные диспозиции и карательные санкции в период с 8 ноября 1917 по 1 июня 1922 г. (до издания УК РСФСР ред. 1922 г.).

1917 год.

1. Порча конфискуемого имущества, принадлежащего всему народу.
(СУ, № 1, ст. 1).

2. Нарушение декрета о расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле.
(СУ, № 1, ст. 9).

3. Нарушение декрета о восьмичасовом рабочем дне.
(СУ, № 1, ст. 10).

4. Нарушение государственной монополии на печатные объявления.
(СУ, № 2, ст. 22).

5. Саботаж дела продовольствия армии и препятствие заключению мира, проявляемые буржуазией и ее агентами.
(СУ, № 3, ст. 29).

6. Саботаж высших почтово-телеграфных чиновников.
(СУ, № 3, ст. 30).

7. Спекуляция.
(СУ, № 3, ст. 33).

8. Контрреволюционные и иные особо опасные преступления.
(СУ, № 4, ст. 50).

9. Контрреволюционные восстания.
(СУ, № 4, ст. 53).

10. Контрреволюционные восстания.
(СУ, № 4, ст. 64).

11. Должностные преступления, совершаемые членами особого совещания по обороне.
(СУ, № 4, ст. 66).

12. Контрреволюционная деятельность руководителей партии кадетов.
(СУ, № 5, ст. 70).

13. Воинские преступления.
(СУ, № 5, ст. 87).

14. Саботаж чиновников министерства продовольствия.
(СУ, № 5, ст. 88).

15. Лесопорубки.
(СУ, № 6, ст. 93).

16. Саботаж, проявленный при переходе управления флотами в ведение центральных комитетов флотов.
(СУ, № 6, ст. 96).

17. Нарушение положения о страховании на случай безработицы.
(СУ, № 8, ст. 111).

18. Неисполнение договоров контрагентов по военным продовольственным поставкам.
(СУ, № 8, ст. 119).

19. Незаконное совершение сделок с недвижимостью.
(СУ, № 10, ст. 154).

20. Использование печати с контрреволюционными целями.
(СУ, № 10, ст. 156).

21. Контрреволюционные и иные особо опасные преступления.
(СУ, № 12, ст. 170).

22. Присвоение функций государственной власти с контрреволюционной целью.
(СУ, № 14, ст. 202).

23. Контрабандный провоз предметов роскоши.
(СУ, № 15, ст. 221).

1918 год.

24. Непредставление банковских акций и совершение каких-либо сделок с ними.
(СУ, № 19, ст. 295).

25. Нарушение закона о биржах труда.
(СУ, № 21, ст. 319).

26. Нарушение постановления о комитетах цен.
(СУ, № 23, ст. 326).

27. Отказ от принятия «Займа свободы» как денежного знака.
(СУ, № 24, ст. 331).

28. Невыполнение декрета о централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности.
(СУ, № 30, ст. 395).

29. Самочинный обмен товара на хлеб и неподчинение указаниям Наркомпрода.
(СУ, № 30, ст. 398).

30. Невыполнение постановления о мобилизации землемерных инструментов.
(СУ, № 31, ст. 411).
31. Совершение фиктивных сделок с ценными бумагами.
(СУ, № 32, ст. 420).
32. Нарушение постановления о правовых ограничениях для торговых и промышленных предприятий.
(СУ, № 32, ст. 425).
33. Нарушение декрета о разработке торфа.
(СУ, № 33, ст. 437).
34. Саботаж и иные контрреволюционные выступления реакционной части почтово-телеграфных чиновников.
(СУ, № 33, ст. 439).
35. Уклонение от военного обучения и небрежное выполнение обязанностей по военному обучению.
(СУ, № 33, ст. 443).
36. Самовольное оставление рядов Красной армии.
(СУ, № 33, ст. 445).
37. Нарушение декрета о национализации сахарной промышленности.
(СУ, № 34, ст. 457).
38. Взяточничество.
(СУ, № 35, ст. 467).
39. Несдача излишков хлеба и расточение его на самогонку.
(СУ, № 35, ст. 468).
40. Погромы, взяточничество, подлоги, неправомерное использование советских документов, хулиганство и шпионаж.
(СУ, № 35, ст. 471).
41. Нарушение постановления о лесных заготовках.
(СУ, № 35, ст. 473).
42. Несдача дел фабричными инженерами и горными инженерами.
(СУ, № 36, ст. 474).
43. Препятствование ликвидации Всероссийского мусульманского совета.
(СУ, № 36, ст. 484).
44. Нарушение декрета о собирании пошлин и о регулировании деятельности местных таможенных учреждений.
(СУ, № 39, ст. 506).
45. Нарушение постановления о запрещении купли-продажи и передачи хлопковых предприятий и о регистрации акций и паев этих предприятий.
(СУ, № 39, ст. 510).
46. Сообщение заведомо ложных сведений с целью признания лица душевнобольным.
(СУ, № 40, ст. 515).
47. Право убежища иностранцев, преследуемых за политические и религиозные преступления у себя на родине.
(СУ, № 41, ст. 519).
48. Уклонение от призыва на военную службу.
(СУ, № 43, ст. 529).
49. Уклонение от призыва на военную службу рабочих г. Москвы и пригородов, родившихся в 1896 и 1897 гг.
(СУ, № 44, ст. 534).
50. Нарушение постановления об отмене наказания.
(СУ, № 46, ст. 549).
51. Уклонение от призыва на военную службу рабочих Петрограда и пригородов, родившихся в 1896—1897 гг.
(СУ, № 48, ст. 563).
52. Умышленное несообщение сведений о местонахождении имущества низложенного российского императора.
(СУ, № 52, ст. 583).
53. Нарушение декрета об охране библиотек и книгохранилищ.
(СУ, № 52, ст. 592).
54. Уклонение судей-заседателей от явки к исполнению своих обязанностей и воспрепятствование их явке.
(СУ, № 53, ст. 597).
55. Неявки по призыву в тыловое ополчение, явное сопротивление призыву, а равно содействие или склонение к уклонению от ополченских обязанностей и укрывательство уклоняющихся.
(СУ, № 54, ст. 604).
56. Нарушение правил регистрации населения в связи с зачислением в тыловое ополчение.
(СУ, № 54, ст. 604).
57. Спекуляция.
(СУ, № 54, ст. 605).
58. Нарушение постановления об ограничении совместной службы родственников в советских учреждениях.
(СУ, № 56, ст. 615).
59. Нарушение правил продажи и отпуска аптекарских товаров.
(СУ, № 56, ст. 616).
60. Нарушение правил охраны труда.
(СУ, № 56, ст. 620).
61. Уклонение от призыва на военную службу бывших офицеров, медицинских работников и военных чиновников.
(СУ, № 56, ст. 622).
62. Созыв населения набатным звоном и т. п. способами, совершенный с контрреволюционной целью.
(СУ, № 57, ст. 628).
63. Нарушение декрета о привлечении рабочих организаций к заготовке хлеба.
(СУ, № 57, ст. 633).
64. Преступления по должности членов заградительных реквизиционных продовольственных отрядов.
(СУ, № 57, ст. 634).
65. Нарушение декрета об обязательном товарообмене в хлебных сельских местностях.
(СУ, № 58, ст. 638).
66. Уклонение владельцев предприятий от регистрации предприятий.
(СУ, № 59, ст. 651).
67. Нарушение правил ведения торговых книг.
(СУ, № 59, ст. 652).
68. Нарушение правил о совершении сделок.
(СУ, № 61, ст. 666).
69. Нарушение декрета о сообщении сведений о налоге на торговые предприятия по снабжению населения предметами широкого потребления.
(СУ, № 62, ст. 682).
70. Незаконное пользование имуществом, принадлежащим республике, или умышленная порча имущества, в связи с декретом об отделении церкви от государства.
(СУ, № 62, ст. 685).

71. Нарушение правил учета и распределения металлов.
(СУ, № 63, ст. 689).
72. Белогвардейские организации, заговоры, мятежи и иные особо опасные преступления.
(СУ, № 65, ст. 710).
73. Нарушения порядка открытия кредитных учреждений.
(СУ, № 65, ст. 714).
74. Нарушение правил об учете импортных кож.
(СУ, № 68, ст. 733).
75. Ложное показание при выходе из российского гражданства.
(СУ, № 68, ст. 736).
76. Незаконные кредитные операции, совершенные с учреждениями, находящимися вне РСФСР.
(СУ, № 68, ст. 738).
77. Нарушение правил учета учебных пособий.
(СУ, № 68, ст. 739).
78. Незаконные действия членов рабочих отрядов по картофелезаготовкам.
(СУ, № 69, ст. 743).
79. Незаконный вывоз за границу предметов искусства и старинных.
(СУ, № 69, ст. 751).
80. Незаконная перевозка в виде промысла писем, денег и маловесных посылок.
(СУ, № 70, ст. 759).
81. Незаконный провоз продовольственных продуктов и спекуляция этими продуктами.
(СУ, № 71, ст. 775).
82. Сообщение ложных сведений и несоблюдение сроков регистрации акций и паев текстильных предприятий.
(СУ, № 72, ст. 780).
83. Нарушение правил, об операциях с иностранной валютой.
(СУ, № 72, ст. 781).
84. Уклонение от призыва на военную службу бывших офицеров и военных чиновников в возрасте до 40 лет.
(СУ, № 72, ст. 785).
85. Нарушение декрета о введении трудовых книжек.
(СУ, № 73, ст. 792).
86. Нарушение порядка учета и хранения памятников искусства, находящихся у частных лиц.
(СУ, № 73, ст. 794).
87. Контрреволюционная деятельность, саботаж, дискредитирование власти, подлог, должностные преступления, хулиганство, спекуляция (Известия ВЦИК, № 217 за 1918 год).
88. Невыполнение постановления о «Центро-меди».
(СУ, № 74, ст. 811).
89. Преступления, совершаемые работниками милиции.
(СУ, № 75, ст. 813).
90. Нарушение постановления о мерах к повышению выработки сахара.
(СУ, № 18, ст. 821).
91. Нарушение постановления о переходе в ведение ВСНХ крупнейших национализированных предприятий промышленности.
(СУ, № 78, ст. 825).
92. Нарушение постановления о переходе в ведение ВСНХ некоторых национализированных кожевенных предприятий.
(СУ, № 80, ст. 837).
93. Нарушение декрета о распределении рабочей силы.
(СУ, № 80, ст. 838).
94. Противодействие деятельности ЧК по снабжению Красной Армии или невыполнение ее постановлений.
(СУ, № 81, ст. 860).
95. Нарушение декрета об организации снабжения населения продуктами и предметами личного потребления.
(СУ, № 83, ст. 879).
96. Нарушение постановления о твердых ценах на металлы.
(СУ, № 84, ст. 888).
97. Нарушение Положения о Чрезвычайных военных комиссарах жел. дорог.
(СУ, № 86, ст. 895).
98. Неисполнение распоряжений верховной комиссии телеграфной связи.
(СУ, № 86, ст. 897).
99. Самовольное издание, распространение и публичное исполнение произведений, признанных государственным достоинством.
(СУ, № 86, ст. 900).
100. Нарушение трудового законодательства.
(СУ, № 87—88, ст. 905).
101. Нарушение положения о социальном страховании.
(СУ, № 89, ст. 906).
102. Нарушение постановления о точном соблюдении законов.
(СУ, № 90, ст. 908).
103. Нарушение декрета об охране научных ценностей.
(СУ, № 90, ст. 916).
104. Бюрократизм и волокита.
(СУ, № 90, ст. 929).
105. Нарушение постановления об упорядочении жел.-дор. транспорта.
(СУ, № 93, ст. 930).
106. Невыполнение декрета о сдаче оружия.
(СУ, № 93, ст. 933).
107. Нарушение постановления о складах общего пользования.
(СУ, № 94, ст. 940).
108. Нарушение постановления о твердых ценах на мыло.
(СУ, № 95, ст. 949).
109. Нарушение постановления о государственной монопольной закупке сырья табака.
(СУ, № 95, ст. 954).
110. Нарушение постановления о скидке с твердых цен на махорочные изделия.
(СУ, № 96, ст. 965).
111. Нарушение постановления о скидке с твердых цен на табак.
(СУ, № 96, ст. 972).
112. Нарушение правил о военной цензуре.
(СУ, № 97, ст. 987).
113. Уклонение от всеобщего военного обучения.
(СУ, № 97, ст. 990).
114. Нарушение постановления о национализации предприятий текстильной промышленности.
(СУ, № 98, ст. 998).
115. Нарушение декрета о снабжении армии лошадьми.
(СУ, № 98, ст. 1000).
116. Уклонение от учета технических сил РСФСР.
(СУ, № 98, ст. 1002).

117. Нарушение декрета о запрещении устроительства лотерей.

(СУ, № 98, ст. 1003).

118. Нарушение постановления о твердых ценах на цветные металлы.

(СУ, № 99, ст. 1007).

119. Дезертирство.

(СУ, № 99, ст. 1015).

120. Нарушение постановления о мерах усиления заготовки дров.

(СУ, № 99, ст. 1018).

121. Нарушение правил об учете и торговле хирургическими инструментами и предметами медицинского обслуживания.

(СУ, № 99, ст. 1021).

122. Нарушение декрета об отмене основного государственного промыслового налога.

(СУ, № 99, ст. 1022).

123. Уклонение от призыва на военную службу бывших военных чиновников.

(СУ, № 100, ст. 1028).

1919 год.

124. Несдача сельскими хозяевами хлеба фуража по разверстке.

(СУ, № 1, ст. 10).

125. Превышение предельных цен.

(СУ, № 1, ст. 16).

126. Нарушение декрета о мероприятиях по сыпному тифу.

(СУ, № 2, ст. 24).

127. Преступления членов железнодорожной милиции.

(СУ, № 5, ст. 48).

128. Нарушение обязательных постановлений о безопасности работ на бумагопрядильных фабриках.

(СУ, № 5, ст. 54).

129. Умышленное повреждение и убой лошадей.

(СУ, № 6, ст. 63).

130. Нарушение постановления о национализации предприятий спичечной промышленности.

(СУ, № 6, ст. 64).

131. Нарушение постановления о национализации основной химической промышленности.

(СУ, № 6, ст. 66).

132. Нарушение постановления о национализации автопромышленности.

(СУ, № 6, ст. 67).

133. Нарушение правил о публикации предпрятиями обязательных объявлений.

(СУ, № 6, ст. 69).

134. Нарушение постановления о национализации предприятий полиграфической промышленности.

(СУ, № 7, ст. 72).

135. Нарушение постановления о национализации предприятий текстильной промышленности.

(СУ, № 7, ст. 77).

136. Нарушение правил об учете мельничных машин.

(СУ, № 9, ст. 91).

137. Укрывательство дезертиров и халатность должностных лиц в борьбе с дезертирством.

(СУ, № 9, ст. 94).

138. Подделка государственных знаков 1—3 рублевого достоинства.

(СУ, № 10—11, ст. 102).

139. Несдача в установленный срок льна.

(СУ, № 10—11, ст. 112).

140. Неплатеж чрезвычайного налога и злоупотребления должностных лиц при взыскании чрезвычайного налога.

(СУ, № 12, ст. 121).

141. Побег заключенного из лагерей или с работы.

(СУ, № 12, ст. 124).

142. Халатность должностных лиц при проведении финансовых операций.

(СУ, № 13, ст. 134).

143. Нарушение постановления о мерах содействия кустарной промышленности.

(СУ, № 14, ст. 140).

144. Уклонение от платежа натурального налога.

(СУ, № 14, ст. 142).

145. Нарушение декрета о соблюдении единства кассы.

(СУ, № 14, ст. 152).

146. Нарушение декрета об охране пчеловодства.

(СУ, № 14, ст. 153).

147. Невыполнение законных требований уполномоченных по лесосплаву.

(СУ, № 14, ст. 157).

148. Невыполнение законных распоряжений властей о борьбе с наводнением.

(СУ, № 14, ст. 160).

149. Невыполнение служащими и рабочими угольных предприятий своих обязанностей.

(СУ, № 14, ст. 163).

150. Нарушение постановления о национализации предприятий электротехнической промышленности.

(СУ, № 17, ст. 183).

151. Нарушение постановления о национализации винокуренных заводов.

(СУ, № 17, ст. 189).

152. Нарушение постановления о доставке нефтепродуктов из-за пределов советских владений.

(СУ, № 18, ст. 193).

153. Уклонение от учета сценических и театральных работников.

(СУ, № 18, ст. 198).

154. Уклонение от обязательного опосредования.

(СУ, № 18, ст. 199).

155. Нарушение правил о переходе служащих на другую работу.

(СУ, № 18, ст. 204).

156. Преступления членов речной милиции.

(СУ, № 18, ст. 213).

157. Уклонение от призыва в Красную армию лиц, служивших в артиллерийских, инженерных и технических частях.

(СУ, № 19, ст. 218).

158. Нарушение правил инспекции судостроительства.

(СУ, № 19, ст. 225).

159. Должностные преступления почтово-телеграфных служащих.

(СУ, № 19, ст. 227).

160. Уклонение от призыва на военную службу рабочих Донецкого бассейна, родившихся в 1898—1891 гг.

(СУ, № 19, ст. 228).

161. Уклонение от призыва на военную службу возвращающихся из плена солдат старой армии. (СУ, № 19, ст. 229).

162. Преступления военизированных рабочих и служащих флота и судоремонта.
(СУ, № 20, ст. 249).
163. Уклонение от призыва служащих, оставленных на своих должностях.
(СУ, № 26, ст. 255).
164. Нарушение правил об охоте.
(СУ, № 21, ст. 256).
165. Нарушение правил о распределении бумаги и картона.
(СУ, № 21, ст. 257).
166. Незаконный захват имущества при военных заготовках.
(СУ, № 21, ст. 269).
167. Нарушение правил пользования пассажирскими поездами.
(СУ, № 23, ст. 274).
168. Нарушение руководителями учреждений правил о выдаче пособий по временной нетрудоспособности.
(СУ, № 25, ст. 286).
169. Дезертирство.
(СУ, № 25, ст. 287).
170. Нарушение правил уборки и заготовки сена.
(СУ, № 26, ст. 292).
171. Контрреволюционные и иные особо опасные преступления.
(СУ, № 27, ст. 301).
172. Нарушение правил регистрации бывших офицеров.
(СУ, № 27, ст. 309).
173. Способствование уклонению от призыва на военную службу рабочих и служащих, совершенное руководителями главков, учреждений и предприятий.
(СУ, № 28, ст. 317).
174. Нарушение правил использования топлива.
(СУ, № 30, ст. 320).
175. Незаконное использование товарных знаков РСФСР.
(СУ, № 33, ст. 332).
176. Незаконная реквизиция или переадресовка хлеба, заготовленного крупнейшими рабочими и крестьянскими организациями в порядке самозаготовок.
(СУ, № 34, ст. 336).
177. Нарушение правил проезда по железным дорогам.
(СУ, № 34, ст. 340).
178. Нарушение декрета о национализации телеграфных сообщений.
(СУ, № 35, ст. 344).
179. Преждевременная и самочинная эвакуация.
(СУ, № 35, ст. 352).
180. Нарушение правил о предоставлении отпусков по болезни.
(СУ, № 37, ст. 365).
181. Незаконная выдача разрешений на выезд и въезд в прифронтовой полосе.
(СУ, № 38, ст. 375).
182. Препятствование призыву бывших военных чиновников и писарей.
(СУ, № 41, ст. 386).
183. Нарушение декрета о товарообмене и обязательной сдаче населением продуктов сельского хозяйства и промыслов.
(СУ, № 41, ст. 387).
184. Уклонение от призыва на военную службу граждан 1901 г. рождения.
(СУ, № 41, ст. 386).
185. Задержка и неисполнение распоряжений экспедиции заготовления государственных бумаг и замедление в снабжении экспедиции.
(СУ, № 41, ст. 390).
186. Нарушение постановления о национализации предприятий, производящих и продающих музыкальные инструменты.
(СУ, № 42, ст. 415).
187. Незаконная задержка в пути курьеров.
(СУ, № 42, ст. 417).
188. Нарушение права членом ВЦИК свободного входа во все советские учреждения.
(СУ, № 43, ст. 422).
189. Нарушение права еженедельного отдыха работников зрелищных предприятий.
(СУ, № 44, ст. 434).
190. Нарушение инструкции об управлении совхозами и противодействие управлению совхозами.
(СУ, № 45, ст. 441).
191. Нарушение правил о совместительстве должностей.
(СУ, № 46, ст. 449).
192. Уклонение от обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и ответственных чиновников при царском и буржуазном строях.
(СУ, № 47, ст. 458).
193. Самочинный захват нефтепродуктов.
(СУ, № 47, ст. 462).
194. Нарушение правил набора рабочих.
(СУ, № 47, ст. 464).
195. Противозаконное вступление в члены кооперативов, товариществ, обществ и объединений.
(СУ, № 48, ст. 467).
196. Расхищение мериносовых овец из рассадников.
(СУ, № 48, ст. 469).
197. Несдача лицами и учреждениями при надлежащих им аннулированных ценных бумаг.
(СУ, № 50, ст. 487).
198. Злоумышленное разрушение железнодорожных сооружений.
(СУ, № 50, ст. 488).
199. Подделка расчетных знаков достоинством в 15—60 руб. и кредитных билетов в 5—10.000 рублей.
(СУ, № 52, ст. 506).
200. Спекуляция и хищения.
(СУ, № 53, ст. 507).
201. Незаконная передача товарных операций на комиссионных началах.
(СУ, № 53, ст. 509).
202. Нарушение правил направления на работу.
(СУ, № 54, ст. 517).
203. Нарушение правил для продовольственных агентов по борьбе с мешочничеством.
(СУ, № 54, ст. 523).
204. Умышленное самовольное оставление службы в главках лицами, оставленными на месте службы с объявлением их военнослужашими.
(СУ, № 55, ст. 531).
205. Нарушение постановления о мерах упорядочения работы топливных учреждений.
(СУ, № 56, ст. 536).
206. Нарушение правил пользования прямыми железнодорожными проводами.
(СУ, № 56, ст. 538).

207. Злоупотребление властью и халатность при проведении натуральной, трудовой и гужевой повинности.

(СУ, № 57, ст. 643).

208. Уклонение от учета некоторых категорий военных специалистов, а также сокрытие своего бывшего воинского звания.

(СУ, № 57, ст. 546).

209. Контрреволюционные и иные особо опасные преступления, совершенные военными.

(СУ, № 58, ст. 549).

210. Уклонение от работ, невыполнение работ и саботаж, проявленный при проведении дровяных заготовок.

(СУ, № 59, ст. 554).¹

211. Уклонение подрядчиков и поставщиков от регистрации.

(СУ, № 62, ст. 571).

212. Неплатеж чрезвычайного налога.

(СУ, № 62, ст. 572).

213. Самовольный переход лиц командного состава и адм.-хоз. службы и другие части войск или учреждений, а равно способствование этим лицам со стороны начальствующих лиц и комиссаров.

(СУ, № 63, ст. 575).

214. Непредставление в срок необходимых сведений и несвоевременный отпуск товаров главками и складами.

(СУ, № 63, ст. 577).

215. Нарушение правил о ликвидации неграмотности.

(СУ, № 67, ст. 592).

216. Укрывательство дезертиров.

(СУ, № 67, ст. 594).

1920 год.

217. Нарушение закона о запрещении изготовления, продажи и распития спиртных напитков.

(СУ, № 1—2, ст. 2).

218. Уклонение от призыва на военную службу граждан 1901 г. рождения.

(СУ, № 1—2, ст. 3).

219. Уклонение от призыва на военную службу граждан, родившихся в 1886—88 гг.

(СУ, № 1—2, ст. 4).

220. Волокита.

(СУ, № 1—2, ст. 7).

221. Нарушение декрета о всеобщей трудовой повинности.

(СУ, № 8, ст. 49).

222. Уклонение от трудовой мобилизации на транспорте.

(СУ, № 8, ст. 52).

223. Укрывательство дезертиров.

(СУ, № 9, ст. 58).

224. Нарушение декрета о сахарной промышленности.

(СУ, № 10, ст. 62).

225. Преступления по должности членов сельских советов.

(СУ, № 11, ст. 68).

226. Вооруженный грабеж и разбой.

(СУ, № 11, ст. 71).

227. Невыполнение обязательных поставок коровьего масла.

(СУ, № 13, ст. 81).

228. Невыполнение обязательной поставки яиц.

(СУ, № 13, ст. 82).

229. Подделка рентных знаков.

(СУ, № 15, ст. 89).

230. Сокрытие своего бывшего офицерского звания.

(СУ, № 15, ст. 90).

231. Нарушение постановления о порядке регистрации и использования рабочих закрывающихся предприятий.

(СУ, № 15, ст. 91).

232. Нарушение должностными лицами порядка регистрации и учета служащих.

(СУ, № 16, ст. 96).

233. Уклонение от явки бывших работников транспорта к месту назначения на работу по транспорту.

(СУ, № 17, ст. 98).

234. Нарушения постановления об учете и распределении геодезических маркшейдерских инструментов.

(СУ, № 17, ст. 99).

235. Нарушение декрета о милитаризации предприятий бумажной и полиграфической промышленности.

(СУ, № 18, ст. 101).

236. Нарушение декрета о сборе пеньки.

(СУ, № 13, ст. 102).

237. Невыполнение поставки скота на мясо.

(СУ, № 19, ст. 106).

238. Преступления, совершаемые работниками жел.-дор. транспорта, и иные преступления, совершаемые в полосе отчуждения.

(СУ, № 21, ст. 112).

239. Контрреволюционные и иные особо опасные преступления.

(СУ, № 22—23, ст. 115).

240. Дача неправильных сведений с целью уклониться от трудовой повинности.

(СУ, № 24, ст. 116).

241. Воинские преступления.

(СУ, № 26, ст. 126).

242. Укрывательство и несообщение сведений о состоянии на работе мобилизуемых горнорабочих.

(СУ, № 27, ст. 132).

243. Неисполнение декрета о передаче материалов по жел.-дор. строительству Комитету государственных сооружений.

(СУ, № 28, ст. 141).

244. Нарушение правил утверждения строительства промышленных сооружений.

(СУ, № 29, ст. 144).

245. Нарушение положения о государственной монополии на лесные материалы.

(СУ, № 31, ст. 153).

246. Уклонение от дачи сведений или дача заведомо неверных сведений по переписке.

(СУ, № 32, ст. 154).

247. Нарушение декрета о мерах воздействия за неаккуратное посещение заседаний и совещаний.

(СУ, № 32, ст. 156).

248. Сокрытие прежней службы на водном транспорте и укрывательство лиц, служивших ранее в нем.

(СУ, № 33, ст. 158).

249. Нарушение порядка проезда по водным путям.

(СУ, № 33, ст. 159).

250. Нарушение должностными лицами правил пользования телеграфными сношениями.

(СУ, № 33, ст. 160).

251. Злостное нарушение студентами-медиками трудовой дисциплины при использовании их в качестве вспомогательного медицинского персонала.
(СУ, № 84, ст. 164).
252. Незаконный передел земли.
(СУ, № 35, ст. 170).
253. Неправильная выдача больничных листов и удостоверений.
(СУ, № 36, ст. 172).
254. Спекуляция предметами военного обмундирования.
(СУ, № 39, ст. 179).
255. Неисполнение требований технического инспектора.
(СУ, № 40, 41, ст. 182).
256. Препятствование посевам льна.
(СУ, № 42, ст. 186).
257. Соккрытие запасов книг и иных печатных произведений.
(СУ, № 42, ст. 187).
258. Дезертирство и укрывательство дезертиров.
(СУ, № 43, ст. 193).
259. Контрабанда.
(СУ, № 43, ст. 196).
260. Уход с заседания без уважительных причин.
(СУ, № 44, ст. 197).
261. Нарушение правил о регистрации лиц с высшим юридическим образованием.
(СУ, № 47, ст. 211).
262. Нарушение правил учета статистических сил.
(СУ, № 49, ст. 217).
263. Нарушение правил о санитарно-пропускных пунктах.
(СУ, № 51, ст. 223).
264. Нарушение правил содержания жилищ.
(СУ, № 52, ст. 227).
265. Контрреволюционные и иные особо опасные преступления.
(СУ, № 54, ст. 236).
266. Уклонение от мобилизации на транспорт бывших железнодорожников.
(СУ, № 55, ст. 237).
267. Нарушение правил о премировании труда.
(СУ, № 5, ст. 239).
268. Неисполнение правил о применении сверхурочных работ.
(СУ, № 56, ст. 242).
269. Нарушение правил в автодвижении в Москве и ее окрестностях.
(СУ, № 57, ст. 251).
270. Невыполнение обязательной поставки домашней птицы.
(СУ, № 59, ст. 271).
271. Невыполнение обязательной поставки меда.
(СУ, № 59, ст. 272).
272. Явное нарушение заградительными постами правил реквизиции.
(СУ, № 63, ст. 281).
273. Трудовое дезертирство.
(СУ, № 65, ст. 285).
274. Незаконное пользование знаками Красного креста.
(СУ, № 65, ст. 287).
275. Уклонение от обязательного учета и сдачи мешков.
(СУ, № 66, ст. 293).
276. Нарушение правил схемы.
(СУ, № 66, ст. 297).
277. Уклонение от обмолота и сдачи хлебных излишков.
(СУ, № 66, ст. 298).
278. Нарушение постановления о мерах к улучшению проезда по жел. дорогам.
(СУ, № 66, ст. 301).
279. Нарушение постановления о призыве бывших военных чиновников и писарей.
(СУ, № 67, ст. 303).
280. Злостное нарушение трудовой дисциплины студентами, назначенными ветеринарными работниками.
(СУ, № 67, ст. 304).
281. Нарушение правил о расчетных операциях.
(СУ, № 67, ст. 305).
282. Преступления, совершаемые несовершеннолетними или взрослыми с их участием.
(СУ, № 68, ст. 308).
283. Нарушение постановления о выдаче, хранении огнестрельного оружия и об обращении с ним.
(СУ, № 69, ст. 314).
284. Незаконная выдача отпускных свидетельств.
(СУ, № 69, ст. 316).
285. Нарушение постановления о запрещении вселения учреждений и лиц в помещения, принадлежащие территории заводов и предприятий.
(СУ, № 69, ст. 315).
286. Неправильная выдача отпускных удостоверений.
(СУ, № 69, ст. 316).
287. Нарушение постановления о борьбе с лесными пожарами.
(СУ, № 69, ст. 230).
288. Нарушение учебной дисциплины.
(СУ, № 70, ст. 325).
289. Нарушение постановления о погрузочно-разгрузочных работах.
(СУ, № 71, ст. 329).
290. Соккрытие прежней службы по рыбной промышленности.
(СУ, № 72, ст. 332).
291. Несоблюдение правил об освобождении от воинской повинности в силу религиозных убеждений.
(СУ, № 73, ст. 335).
292. Уклонение от переосвидетельствования и привлечения к трудовой повинности.
(СУ, № 74, ст. 342).
293. Уклонение от явки в учебные заведения лиц призывных возрастов, откомандированных для выполнения учебной повинности.
(СУ, № 75, ст. 346).
294. Нарушение постановления о трудовой мобилизации некоторых категорий рабочих металлпромышленности.
(СУ, № 75, ст. 347).
295. Нарушение постановления о мобилизации лиц, ранее работавших в шерстеобрабатывающей промышленности.
(СУ, № 75, ст. 350).
296. Порча или утеря грузов и багажа на железных дорогах-агентов.
(СУ, № 77, ст. 362).
297. Нарушение правил проезда по железным дорогам.
(СУ, № 77, ст. 363).

298. Уклонение от призыва на военную службу лиц, родившихся в 1886—1888 гг.

(СУ, № 79, ст. 372).

299. Неявка трудовых дезертиров после истечения объявленной льготной недели.

(СУ, № 81, ст. 387).

300. Уклонение от учета машин для выработки торфа.

(СУ, № 81, ст. 391).

301. Незаконная реквизиция и отчуждение помещений, занятых органами борьбы с чумой рогагого скота.

(СУ, № 81, ст. 392).

302. Нарушение постановления об учете и распределении узкоколейного жел.-дор. имущества.

(СУ, № 82, ст. 401).

303. Уголовные преступления (убийства, телесные повреждения, разбой и т. д.).

(СУ, № 83, ст. 407).

304. Нарушение постановления о медицинских учреждениях и пунктах в районе военных действий.

(СУ, № 85, ст. 425).

305. Незаконное распределение предметов личного пользования и домашнего обихода.

(СУ, № 86, ст. 429).

306. Нарушение постановления о мерах охраны труда и здоровья матерей, кормящих грудью.

(СУ, № 89, ст. 456).

307. Незаконный аборт.

(СУ, № 90, ст. 471).

308. Уклонение от мобилизации ветеринарных работников.

(СУ, № 90, ст. 472).

309. Соккрытие прежней службы по электротехнической службе.

(СУ, № 91, ст. 476).

310. Нарушение правил об охране труда беременных и кормящих грудью женщин.

(СУ, № 91, ст. 477).

311. Подделка расчетных знаков.

(СУ, № 92, ст. 496).

312. Нарушение правил о ввозе и вывозе товаров.

(СУ, № 93, ст. 510).

313. Нарушение правил приема, хранения и отпуска импортных и экспортных товаров.

(СУ, № 94, ст. 513).

314. Нарушение постановления о сверхурочных работах несовершеннолетних.

(СУ, № 98, ст. 517).

1921 год.

315. Незаконные распоряжения о провозе грузов.

(СУ, № 3, ст. 28).

316. Нарушение постановления об учете контрагентского персонала.

(СУ, № 3, ст. 28—примечание).

317. Нарушение правил воздушных передвижений.

(СУ, № 6, ст. 40).

318. Дезертирство.

(СУ, № 9, ст. 61).

319. Незаконная выдача предметов продовольствия и широкого потребления.

(СУ, № 11, ст. 73).

320. Нарушение постановления об откоман-

дировании в партийном порядке лиц, занимающих советские должности

(СУ, № 11, ст. 76).

321. Злоупотребления и бездействия, проявленные жел.-дор. агентами.

(СУ, № 15, ст. 96).

322. Нарушение постановления о ведении списков рабочих и служащих.

(СУ, № 16, ст. 100).

323. Должностные преступления.

(СУ, № 20, ст. 122).

324. Соккрытие прежней работы по межевой топографо-геодезической специальности.

(СУ, № 20, ст. 127).

325. Незаконное издание распоряжений и циркуляров.

(СУ, № 22, ст. 136).

326. Незаконное выселение работников жел.-дор. и водного транспорта.

(СУ, № 22, ст. 137).

327. Хищение, порча и перестановка геодезических знаков.

(СУ, № 22, ст. 140).

328. Проступки.

(СУ, № 23—24, ст. 142).

329. Нарушение правил использования инвентаря в целях трудовой взаимопомощи.

(СУ, № 25, ст. 146).

330. Незаконное применение сверхурочных работ.

(СУ, № 32, ст. 176).

331. Нарушение правил о транспортных операциях на внутренних водных путях.

(СУ, № 32, ст. 178).

332. Незаконный проезд на паровозах и тормозных площадках и способствование этому проезду со стороны работников жел.-дор. транспорта.

(СУ, № 34, ст. 184).

333. Невыполнение натурального налога на молочные продукты.

(СУ, № 37, ст. 197).

334. Нарушение постановления о планомерном распределении рабочих-торфяников.

(СУ, № 37, ст. 202).

335. Невыполнение натурального налога на хлеб, картофель и масличные семена.

(СУ, № 38, ст. 204).

336. Невыполнение натурального налога на яйца.

(СУ, № 38, ст. 205).

337. Контрреволюционные и иные преступления, по которым может быть определено судом ограничение прав.

(СУ, № 39, ст. 209).

338. Нарушение постановления о приписке морских судов к порту и о внесении их в судовой реестр.

(СУ, № 43, ст. 222).

339. Нарушение постановления о мобилизации работников просвещения и социалистической культуры.

(СУ, № 45, ст. 225).

340. Нарушение правил перевозки продовольственных грузов.

(СУ, № 46, ст. 226).

341. Трудовое дезертирство.

(СУ, № 46, ст. 227).

342. Нарушение правил о ведении судовых документов.

(СУ, № 47, ст. 233).

343. Незаконный перевоз легковоспламеняющихся и взрывчатых веществ.
(СУ, № 47, ст. 234).
344. Невыполнение натурального налога на шерсть.
(СУ, № 48, ст. 235).
345. Невыполнение натурального налога на сено.
(СУ, № 48, ст. 239).
346. Злостные и заведомо клеветнические жалобы и заявления.
(СУ, № 49, ст. 254).
347. Нарушение порядка поступления продовольственных и сырьевых налогов.
(СУ, № 49, ст. 256).
348. Нарушение постановления о прекращении беспорядочного движения беженцев.
(СУ, № 49, ст. 258).
349. Нарушение правил об охране рыбных и звериных угодий.
(СУ, № 49, ст. 259).
350. Хищения государственного имущества.
(СУ, № 49, ст. 262).
351. Нарушение государственной соляной монополии.
(СУ, № 49, ст. 263).
352. Невыполнение натурального налога на продукты огородничества и бахчеводства.
(СУ, № 49, ст. 264).
353. Нарушение постановления о мобилизации специалистов полиграфического производства.
(СУ, № 50, ст. 267).
354. Обращение заказного участка на покос и использование его для кормовых трав.
(СУ, № 50, ст. 268).
355. Невыполнение натурального налога на продукты пчеловодства.
(СУ, № 50, ст. 271).
356. Нарушение декрета о морском транспорте.
(СУ, № 50, ст. 272).
357. Невыполнение натурального мясного налога.
(СУ, № 51, ст. 281).
358. Нарушение правил приобретения и распределения заграничной литературы.
(СУ, № 51, ст. 285).
359. Подделка расчетных знаков.
(СУ, № 51, ст. 286).
360. Невыполнение натурального налога на льняные и пеньковые волокна.
(СУ, № 51, ст. 291).
361. Нарушение декрета об отмене ограничений денежного обращения и мерах к развитию вкладной и переводной операций.
(СУ, № 52, ст. 301).
362. Нарушение постановления о мобилизации специалистов по сел.-хоз. строительству.
(СУ, № 52, ст. 309).
363. Нарушение декрета об оплате за перевозки по железным дорогам и водным путям.
(СУ, № 54, ст. 329).
364. Нарушение правил о порядке расчетов за перевозки по железнодорожным и водным путям.
(СУ, № 54, ст. 330).
365. Нарушение декрета о коллективной оплате труда служащих в советских учреждениях.
(СУ, № 55, ст. 336).
366. Нарушение декрета о натуральных налогах и об обмене.
(СУ, № 55, ст. 346).
367. Незаконный размен иностранной валюты.
(СУ, № 55, ст. 347).
368. Сбыт и обмен недоброкачественных продуктов и предметов и их фальсификация.
(СУ, № 57, ст. 356).
369. Нарушение декрета об уплотнении центральных и местных учреждений в г. Москве.
(СУ, № 57, ст. 357).
370. Подделка расчетных знаков крупного достоинства.
(СУ, № 58, ст. 381).
371. Нарушение постановления об учете недвижимого имущества и специалистов-водолазов.
(СУ, № 59, ст. 395).
372. Нарушение декрета о предоставлении собственниками некоммунализованных строений права возмездного отчуждения недвижимого имущества.
(СУ, № 60, ст. 410).
373. Невыполнение натурального коженно-сырьевого налога.
(СУ, № 60, ст. 415).
374. Нарушение декрета о разрешении бесплатной пересылки почтовых посылок с продовольствием в местности, охваченные неурожаям.
(СУ, № 60, ст. 416).
375. Взятничество.
(СУ, № 60, ст. 421).
376. Невыполнение натурального налога на пушнину.
(СУ, № 61, ст. 431).
377. Умышленное уклонение судовладельцев от нарядов.
(СУ, № 62, ст. 441).
378. Преступления против соляной монополии.
(СУ, № 62, ст. 444).
379. Хищение грузов во время их перевозок.
(СУ, № 62, ст. 450).
380. Нарушение декрета об обеспечении детских учреждений помещениями.
(СУ, № 64, ст. 470).
381. Преступления и проступки, совершаемые по должности работниками водного транспорта.
(СУ, № 64, ст. 471).
382. Невыполнение поставки домашней птицы в порядке натурального налога.
(СУ, № 64, ст. 478).
383. Подделка срочных беспроцентных обязательств.
(СУ, № 64, ст. 481).
384. Неисполнение приказа о содействии работе Американской администрации помощи.
(СУ, № 66, ст. 500).
385. Нарушение должностными лицами декрета о перевозке пожертвований в местности, охваченные неурожаем.
(СУ, № 66, ст. 510).
386. Нарушение директив по выполнению государственного плана снабжения.
(СУ, № 66, ст. 511).
387. Нарушение декрета о совместительстве.
(СУ, № 67, ст. 515).
388. Нарушение декрета о расчетных операциях.
(СУ, № 68, ст. 530).

389. Нарушение декрета об ответственности за производство, хранение, продажу вин.
(СУ, № 68, ст. 543).
  390. Нарушение декрета о государственных подрядах и поставках.
(СУ, № 69, ст. 549).
  391. Незаконное расходование ценностей.
(СУ, № 69, ст. 551).
  392. Нарушение декретов о натуральных налогах.
(СУ, № 70, ст. 557).
  393. Незаконный въезд в РСФСР.
(СУ, № 70, ст. 559).
  394. Нарушение декрета о порядке реквизиции и конфискации имущества.
(СУ, № 70, ст. 564).
  395. Невыполнение натурального налога на пушнину.
(СУ, № 74, ст. 603).
  396. Незаконный сбыт или приобретение золота и платины в сырье или слитках.
(СУ, № 74, ст. 604).
  397. Неуплата штрафов, пошлин и иных сборов.
(СУ, № 74, ст. 608).
  398. Ложный донос.
(СУ, № 77, ст. 639).
  399. Подделка государственных денежных знаков образца 1922 года.
(СУ, № 77, ст. 643).
  400. Нарушение должностными лицами декрета об операциях Государственного банка.
(СУ, № 77, ст. 644).
  401. Уклонение от выполнения трудгужпоинности.
(СУ, № 78, ст. 658).
  402. Контрабанда.
(СУ, № 79, ст. 674).
  403. Нарушение декрета об операциях с драгоценными металлами и иностранной валютой.
(СУ, № 80, ст. 694).
- 1922 год.**
404. Непредставление руководителями предприятий сведений, требуемых центральными и местными учреждениями.
(СУ, № 1, ст. 4).
  405. Нарушение декрета об убое лошадей на мясо.
(СУ, № 1, ст. 6).
  406. Нарушение постановления об изъятиях и льготах по трудгужналогу.
(СУ, № 1, ст. 9).
  407. Невыполнение трудгужналога.
(СУ, № 5, ст. 53).
  408. Должностные преступления, связанные с заготовкой, хранением и использованием сенового материала.
(СУ, № 5, ст. 54).
  409. Нарушение положения об управлении государственным виноградарством и виноделием.
(СУ, № 6, ст. 61).
  410. Нарушение устава о гербовом сборе.
(СУ, № 9, ст. 89).
  411. Контрабандный вывоз лошадей.
(СУ, № 11, ст. 100).
  412. Нарушение декрета об ответственности за сохранность помещений.
(СУ, № 11, ст. 101).
  413. Нарушение декрета о беспрепятственном передвижении граждан в РСФСР.
(СУ, № 11, ст. 106).
  414. Уклонение бывших работников горного надзора от регистрации.
(СУ, № 13, ст. 123).
  415. Недача налогов, причитающихся с совхозов.
(СУ, № 14, ст. 137).
  416. Нарушение постановления о мерах к обеспечению культурно-просветительных и воспитательных учреждений помещениями.
(СУ, № 16, ст. 158).
  417. Контрреволюционные и иные особо опасные преступления.
(СУ, № 16, ст. 160).
  418. Уничтожение или порча геодезических знаков.
(СУ, № 16, ст. 161).
  419. Контрабандный вывоз лошадей.
(СУ, № 17, ст. 172).
  420. Нарушение порядка найма и увольнения рабочих и служащих.
(СУ, № 17, ст. 179).
  421. Присвоение найденных документов.
(СУ, № 19, ст. 223).
  422. Нарушение декрета о порядке издания учебных пособий.
(СУ, № 22, ст. 231).
  423. Нарушение декрета о порядке найма и увольнения рабочих и служащих.
(СУ, № 22, ст. 236).
  424. Невыполнение натурального налога на молочные продукты и яйца.
(СУ, № 22, ст. 240).
  425. Обращение фондов заработной платы на другие нужды.
(СУ, № 23, ст. 257).
  426. Невыполнение единого натурального налога на сел.-хоз. продукты.
(СУ, № 25, ст. 284).
  427. Незаконная продажа и товарообменные операции с топливом.
(СУ, № 25, ст. 291).
  428. Нарушение правил открытия кожевенных заведений.
(СУ, № 26, ст. 297).
  429. Нарушение декрета об учете специалистов по сельскому хозяйству.
(СУ, № 26, ст. 305).
  430. Нарушение правил пользования лесными сенокосами и пахотными угодьями на приисковых землях.
(СУ, № 28, ст. 315).
  431. Переадресовка и реквизиция грузов заграничных организаций помощи голодающим.
(СУ, № 29, ст. 342).
  432. Подделка срочных беспроцентных обязательств.
(СУ, № 29, ст. 344).
  433. Нарушение постановлений об охране труда.
(СУ, № 30, ст. 369).
  434. Нарушение положения о взимании налогов и сборов.
(СУ, № 34, ст. 397).

Обмен опытом

Об одном убийстве

Слесарь Конотопского механического завода Иван Васильевич Григорьев имел все основания считать, что он достиг полного благополучия в жизни. Двадцать лет работы на заводе не прошли для него даром. Стахановец Григорьев, высококвалифицированный, спокойный, добросовестный и преданный, был примером на заводе. Особенно хорошо стало в стахановские годы. Высокие нормы Григорьева давали материальные результаты. Григорьев купил себе недалеко от завода домик, утопавший в зелени сада, и уже отложил 3000 рублей на покупку коровы и мебели.

Семейная жизнь Ивана Васильевича тоже соответствовала общему подъему. Жена его Анна Алексеевна, друг его рабочей жизни, 10 месяцев назад родила сына и уже три месяца ждала второго ребенка.

Несчастье обрушилось на семью Григорьева неожиданно. 15 июня вечером Анна Алексеевна была убита. Когда рабочие завода узнали об этом убийстве, их возмущению не было границ. Весть об убийстве Анны Алексеевны облетела завод, как молния. У станков, во время перерыва, по дороге домой все только и говорили об этом убийстве.

15 июня 1937 года Иван Васильевич ушел на работу на вторую смену. С ним вместе ушли и его три квартиранта, работавшие на том же заводе. Анна Алексеевна осталась дома одна с грудным ребенком. В квартире все знали, что к вечеру Анна Алексеевна закрывает ставни и двери на запор и открывает, только убедившись, что пришел муж либо один из квартирантов. На незнакомый голос по соображениям «мало ли кто ходит ночью» она не открывала.

Окончив работу, Иван Васильевич пошел домой. По дороге к нему присоединились два его квартиранта, третий квартирант — Костюченко Александр почему-то еще задержался на некоторое время на заводе. Григорьев, как обычно, постучал в окно, а квартиранты тем временем пошли к дверям. Анна Алексеевна не отозвалась на стук в окно. Иван Васильевич еще раз постучал, в третий раз настойчиво постучал, но никто не отзывался. Подходивший в это время Костюченко еще издали стал спрашивать, что случилось, почему не открывают дверей, но в это время те два квартиранта, которые пошли к дверям, крикнули, что двери открыты. С чувством некоторого беспокойства все вошли в квартиру, особенно выказывал свое беспокойство Костюченко.

Ребенок в люльке плакал; на кровати лежала укрытая Анна Алексеевна. Голова гоже была укрыта. Когда Иван Васильевич отвернул одеяло, все ужаснулись: все было в крови, на голове Анны Алексеевны зияли четыре глубоких раны. Она была мертва. Неподалеку от

кровати стоял окровавленный топор, которым, очевидно, были нанесены удары Анне Алексеевне. Шкаф был открыт, деньги похищены.

***

Нарследователь г. Конотопа Рыбкин узнал об этом убийстве и через полчаса уже был на месте происшествия. Рыбкин детально осмотрел место происшествия и сделал для себя ряд выводов.

Входные двери не были взломаны и могли быть открыты только изнутри покойной Анной Алексеевной. Топор, которым была убита Анна Алексеевна, всегда прятался в темных сенях за кадкой, и знать о его местонахождении мог только человек, знакомый с обстановкой. Следовательно пришел к выводу, что убийство совершил кто-то из живущих в доме.

Подозрение пало на Костюченко. Слишком уж он волновался, сокрушался. Следователь Рыбкин тут же через рабочих завода установил, что Костюченко отлучался с работы между 10 и 12 часами вечера, т. е. как раз в то время, на какое падает убийство Григорьевой. Костюченко на первом допросе отрицал свою причастность к убийству.

Тем временем на сцену выступает новый свидетель. По соседству с домом Григорьевых живет семья Зимовец. Сын его — 10-летний Андрей, притесняемый мачехой, ночевал в ночь убийства в саду, граничащем с садом Григорьевых. Андрей лег спать под деревом, как только стемнело. Ночью (он не знает в котором часу) его разбудил разговор двух человек, которые, как он заключил, выходили из дома Григорьевых. Кто были эти люди и о чем они говорили, он не знает, единственно, что он отчетливо слышал — это то, что один спросил другого: «А як дитина, а як дитина?» Он затем опять уснул и только утром, узнав об убийстве, вспомнил о ночном разговоре двух неизвестных.

Показания этого свидетеля натолкнули следователя Рыбкина на мысль, что в убийстве принимали участие двое. Начались допросы Костюченко. Он категорически отрицал свою причастность к убийству. Он отрицал все, даже и то, что никакого отношения к его избитию не имел. Опытного Рыбкина это отгульное отрицание все более убеждало в том, что Костюченко говорит неправду.

На третьем допросе Костюченко наконец сознался, что он виновен в убийстве Григорьевой. Следователь Рыбкин ему тут же прочитал показания 10-летнего Зимовца и в упор поставил вопрос: кто же был вторым участником убийства? Костюченко задумался. Прокурор г. Конотопа Ястребов, присутствовавший в это время допроса, ясно читал в глазах Костюченко борьбу — выдать или не выдать соучастника. Наконец Костюченко начал рассказывать.

Он, оказавшись, давно говорил с рабочим завода Завгородним Петром убить Григорьеву. Как квартирант Григорьевых, он знал, что в шкафу у них хранится около 3000 рублей. И они решили совершить это убийство и забрать деньги. По заранее разработанному плану, Костюченко 15 июня отлучился со второй смены в 10 часов вечера и у дома Григорьевых встретился с Завгородним. Вместе они подошли к дому, причем постучал в двери Костюченко. Ему открыла Анна Алексеевна и сейчас же ушла к себе в комнату. Войдя в сени, Костюченко достал из-за кадки топор и вручил его Завгороднему, затем они вместе направились в комнату, где лежала Григорьева, Завгородний нанес ей два удара топором по голове. Костюченко после этого вышел на улицу, а Завгородний, добыв Григорьеву, взял из шкафа деньги и тоже вышел. Из забранных денег Завгородний дал Костюченко только 65 рублей, а остальные забрал себе. Костюченко немедленно после этого вернулся на завод.

После этого признания следователь арестовал Завгороднего.

При обыске у Костюченко было действительно обнаружено 65 рублей, а при осмотре одежды были выявлены пятна, похожие на кровь. На одежде Завгороднего были тоже выявлены подозрительные на кровь пятна. Одежда как первого, так и второго была отправлена для исследования в Институт научно-судебной экспертизы.

На допросе Завгородний категорически отрицал свое участие в убийстве Григорьевой, при этом он сослался на ряд свидетелей, которые должны были удостоверять, что он в момент убийства был вместе с этими свидетелями на своей квартире и никуда из квартиры до утра не выходил. Следователь допросил двух свидетелей, и они действительно подтвердили, что они были в одной комнате с Завгородним с вечера 15 до утра 16 июня. Эти свидетели — родственники и знакомые Завгороднего, и поэтому следователь не поверил их показаниям и привлек по делу в качестве обвиняемых Костюченко и Завгороднего.

Следователь исходил из того, что Костюченко не мог оговорить Завгороднего хотя бы потому, что они односельчане и все время были в близких приятельских отношениях.

Обвинительное заключение по делу утвердил прокурор Ястребов. Виновность Завгороднего и Костюченко в налете и убийстве Григорьевой была так ясна, что Ястребов даже не пожелал ждать результатов исследования одежды обвиняемых.

Дело слушалось в Кондотпе выездной сессией Черниговского облсуда. Председательствовал член суда Денисенко. На суде опять возник вопрос об алиби Завгороднего. Суд, однако, не поверил показаниям свидетелей Завгороднего, признал виновными его и Костюченко в убийстве Григорьевой и осудил их обоих.

Насколько убедительно суд обосновал свое недоверие к показаниям свидетелей, которых выставил Завгородний в подтверждение того, что в момент убийства он был в другом месте, свидетельствует следующая запись в приговоре: «ці свідчення не можуть служити як доказом, бо вони один одному противоречиві;

в деяких частинах помітно явно кривосвідчення, так, наприклад: Баран Степан стверджує, що вечеряли в 12 годин пампушки, а Завгородній П. додає — ще й молоко; інші свідки, як Завгородній Семен, стверджують, що їли м'ясо, а Баран Олексій твердить, що їли якусь юшку чи борщ».

Защитник Завгороднего ЧКЗ Шульженко ходатайствовал о вызове еще одного свидетеля для подтверждения, что в момент убийства Григорьевой Завгородний был с ним у себя на квартире.

Суд отклонил это ходатайство. Больше того, суд совершенно неосновательно узрел в этом ходатайстве желание защитника оттянуть разрешение дела и возбудил против него дисциплинарное преследование.

Дело с кассационными жалобами осужденных было направлено в Верховный суд, а оттуда — на заключение в Прокуратуру республики.

Проверял это дело в порядке надзора прокурор уголовно-судебного отдела Прокуратуры УССР тов. Горилловский. В кабинете у прокурора республики он долго докладывал это дело, высказывая ряд своих сомнений. К обсуждению этого дела были привлечены еще и другие прокуроры. Сомнения группировались вокруг таких вопросов: точка зрения о том, что Костюченко не имел никакой цели и выгоды оговорить Завгороднего, опровергалась тем, что по показаниям Костюченко основным исполнителем убийства является Завгородний, а он выступает как пособник, лицо, так сказать, второстепенное; показания свидетелей, устанавливающих алиби Завгороднего, тоже нельзя было сбросить со счетов только потому, что один из них сказал «пампушки», а другой добавил «еще й молоко». Станным казалось, что Костюченко из ограбленных 2815 рублей получил только 65 рублей. Наконец, закончивший к тому времени исследование пятен на одежде Костюченко и Завгороднего Киевский институт научно-судебной экспертизы недвусмысленно заявил: на одежде Костюченко выявлены следы человеческой крови; на одежде Завгороднего — пятна не кровавого происхождения.

Прокурор республики дал распоряжение тов. Горилловскому выехать в Конотоп и проинвестировать дополнительное расследование.

Сначала пришлось заехать в Чернигов, чтобы побеседовать с находившимися в тюрьме Завгородним и Костюченко. В беседе с арестованными, которые сидели в одной камере с Завгородним и Костюченко, было установлено, что Завгородний не переставая плачет и заявляет, что никакого участия в налете не принимал, и все спрашивает Костюченко, за что он его оговорил. Прокурор Горилловский решил поговорить с Костюченко.

Костюченко не долго записался. «Раз вы приехали из Киева, я вам расскажу всю правду». И он спокойно и уверенно, как будто освободившись от чего-то тяжелого, рассказал, что убийство совершил он один и что Завгородний к этому убийству совершенно непричастен. На мысль оговорить Завгороднего натолкнул его... следователь Рыбкин, когда он ему прочитал показания 10-летнего Андрея Зимовца, который действительно слышал разговор и вопросы «а як дитина?», но это было

уже значительно позже, после того как люди сбежались, узнав об убийстве. Оговорил он Завгороднего, считая, что, отводя ему основную роль в этом преступлении, он этим самым значительно облегчит свою участь. Работа на заводе его мало интересовала, выпивать хотелось каждый день, а денег не было. Еще за неделю до убийства он для себя разработал точный план и его выполнил. В 10 часов вечера он ушел с завода. Стараясь, чтобы не заметили его ухода, он прошел не через заводскую будку, а перелез через амбар и направился домой. Двери открыла Анна Алексеевна и сейчас же пошла и улеглась спать. Он пошел в свою комнату и сделал вид, что тоже лег спать. Когда он убедился в том, что Анна Алексеевна спит, он тихо пошел в сени, достал из-за кадки топор и, подкравшись к спавшей Анне Алексеевне, нанес ей четыре удара острием топора, затем он взял деньги из шкафа и вышел на улицу. Из взятых денег он оставил себе 65 рублей, а остальные он сунул под крышу дома Григорьевых.

С этими показаниями прокурор Горюловский спешно выехал в Конотоп. У дома Григорьевых собралась группа рабочих, принесли лестницу, прокурор Горюловский взобрался по лестнице и достал из-под крыши пачку денег — там оказалось 2750 рублей.

Через два дня по телеграмме прокурора республики Петр Завгородний был освобожден из тюрьмы.

***

Какие выводы напрашиваются из этого дела? Как могла случиться такая судебная ошибка, которая чуть не оказалась роковой для ни в чем неповинного человека?

Советский уголовный процесс прямо предупреждает от того, чтобы строить обвинение на одних показаниях обвиняемого. Наш процесс требует всестороннего, вполне объективного и полного анализа всех без исключения обстоятельств, сопровождавших преступление, во всей их совокупности, и только после этого можно делать выводы.

Все лица, которые занимались этим делом, обошли эти основные принципы нашего процесса.

Следователь Рыбкин, создав версию о том, что в убийстве принимало участие двое, шел до конца на поводу у этой версии, бесцеремонно отметая все то, что с этой версией не клеилось. По его же пути пошел прокурор Ястребов. По этому же пути пошел и суд.

Это дело является еще одним подтверждением того, как точно и неуклонно надо выполнять требования нашего уголовного процесса. Оно, с другой стороны, ярко подтверждает и то, что в стране Советов осуждение невиновного исключается.

С. Коган

О недостатках прокурорской работы по делам о спекуляции

Закон от 22 августа 1932 г. сыграл громадную положительную роль в борьбе со спекуляцией. Большую работу в связи с этим законом проделали органы прокуратуры, предварительного расследования и суда. В результате пятилетнего применения закона от 22 августа

вскрыто, разоблачено и наказано не мало паразитических элементов, пытавшихся наживаться за счет трудящихся.

Однако, борьба со спекуляцией все еще остается одним из актуальных участков борьбы с преступностью, поскольку и в настоящее время имеются еще паразитические элементы, которые стараются приспособиться к новой обстановке в смысле изобретения новых форм и методов спекуляции.

Для того, чтобы обеспечить наиболее эффективное применение закона от 22 августа 1932 г., необходимо устранить ряд серьезных недостатков, которые продолжают иметь место в практике судебной и прокурорской работы по делам о спекуляции.

Остановимся на некоторых из этих недостатков, которые касаются прокурорской работы и о которых сигнализируют материалы судебных дел.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что по многим районам за весь 1936 г. не возбуждено ни одного дела о спекуляции. Так, например, обстоит в Иссык-кульском, Джетый-бгузовском и многих других районах Киргизской ССР, а также в ряде районов других союзных республик.

Если бы отсутствие дел было результатом полного искоренения спекуляции, то, разумеется, об отсутствии дел ни в какой мере не пришлось бы сожалеть. Но в действительности во многих из этих районов спекулянты орудовали, о них сигнализировала печать, и при таких условиях отсутствие дел свидетельствует лишь о неумении разоблачить спекулянтов.

Обращает на себя внимание и следующее обстоятельство. В числе привлекаемых и осуждаемых за спекуляцию лиц ничтожен процент (а иногда и вовсе отсутствует) пособников спекулянтов из работников товаропроводящей сети, снабжающих спекулянтов товарами. Это опять-таки показатель недостаточного умения разоблачать и выявлять наиболее опасных, причастных к спекуляции лиц.

Удивляет, что во многих районах прокуроры совершенно не участвуют в подготовительных и судебных заседаниях по делам о спекуляции. Из 27 дел, изученных по народному суду г. Фрунзе, ни по одному не выступил прокурор. Такое самоустранение прокуроров особенно недопустимо потому, что работа судов по делам о спекуляции находится не на высоте и требует пристального внимания прокуроров, их своевременного «вмешательства» в форме протестов и т. д. Вместо этого, прокуроры в ряде районов совершенно оторваны от судебной практики по делам о спекуляции. Они не замечают, например, того, что подготовительные заседания судов в ряде случаев проводятся исключительно формально, не обеспечивая никакого мало-мальски серьезного контроля за правильностью предания суду. В Казахской ССР за 1936 г. только 46,6% дел о спекуляции прошли через подготовительные заседания. По БССР за период июль — октябрь прошлого года мы имели большой процент оправдательных приговоров в результате неудовлетворительной работы как органов предварительного расследования и прокуратуры, так и подготовительных заседаний.

Во многих районах прокуроры буквально прошли мимо серьезнейших извращений кара-

тельной политики, несмотря на то, что извращения имели значительное распространение и совершались тут же, под боком у прокурора. Закон обязывает применять к спекулянтам лишение свободы на срок не ниже 5 лет с применением конфискации имущества. Ряд судов, вопреки закону, применяет наказания, или вовсе не связанные с лишением свободы, или лишение свободы на сроки ниже 5 лет, не давая себе труда даже мотивировать, в силу каких причин или исключительных обстоятельств они назначают наказание ниже низшего предела, установленного законом. А прокуроры, вместо того, чтобы своевременно опротестовать такого рода либеральные приговоры, вместо того, чтобы ставить перед соответствующими органами со всей остротой вопрос о выпрямлении карательной политики, — часто продают мимо этих фактов и не приносят протестов. Вот несколько конкретных фактов такого рода извращений. Народный суд 1-го района гор. Днепропетровска присуждает гражданина, изобличенного в систематической спекуляции мануфактурой, к одному году исправительно-трудовых работ. Народный суд Чаусского р-на прекращает дела о спекуляции по мотивам «нецелесообразности» вызова обвиняемых из Ленинграда.

Народный суд 158 участка Узбекской ССР выносит оправдательный приговор лицу, изобличенному в систематической спекуляции, на том основании, что обвиняемый к физическому и умственному труду не способен.

Народный суд г. Кривой Рог (УССР) оправдывает гр-ку Данилович, изобличенную в систематической спекуляции мануфактурой, по тем мотивам, что она не успела продать мануфактуру. Народный суд 3-го уч. г. Витебска применяет условное наказание по отношению к гражданке, изобличенной в систематической спекуляции.

Что такие извращения носят далеко не единственный характер, свидетельствует высокий процент применения за спекуляцию наказаний, по своей мягкости не соответствующих требованиям закона от 22 августа 1932 г. Так, в БССР за 4-й квартал 1936 г. к таким наказаниям приговорены были 36,2% осужденных за спекуляцию. В УССР за 1936 г. 29,7% осужденных за спекуляцию приговорены были к наказаниям, не связанным с лишением свободы, а 31,2% приговорены были к лишению свободы на сроки до 5 лет и ниже.

При таких условиях совершенно незначительное число прокурорских протестов на приговоры судов по делам о спекуляции, а местами полное отсутствие этих протестов, свидетельствует не о благополучии с карательной политикой судов, — оно свидетельствует о недовлестворительности в ряде мест прокурорского надзора за правильностью карательной политики.

Наряду с этим мы имеем также факты совершенно неправильного осуждения как спекулянтов людей, в действиях которых нет признаков спекуляции, а иногда даже нет признаков вообще какого-либо преступления. Ответственность за такого рода извращения, за такого рода грубейшие нарушения прав советских граждан несут также и соответствующие прокуроры, которые санкционировали

неправильное предание суду людей и утверждали обвинительные заключения.

Так, например, по Таласскому р-ну Киргизской ССР были преданы суду по ст. 107 УК колхозники Акылбеков и Аденов. Суть дела заключается в том, что первый продал за 600 руб. свою лошадь и впоследствии на эти деньги купил себе другую лошадь, а Аденов продал трех своих баранов и купил себе лошадь. И вот за это органы расследования и прокуратуры Таласского р-на нашли возможным предать людей суду по ст. 107 УК! Или вот другое дело по тому же району по обвинению Нуралиева по ст. 107 УК. Вся вина последнего заключалась в том, что у него при задержании обнаружили 3700 руб. денег. Никаких фактов перепродажи или скупки чего-либо органами следствия не установлено. Тем не менее человека предали суду по ст. 107 УК. Правда, в обоих этих случаях народный суд вынес оправдательные приговоры. Но ведь не секрет, что во многих случаях народные суды проявляют менее критическое отношение к материалам предварительного расследования и прокуратуры и повторяют в своих приговорах те ошибки, которые сделали последние. Так например, народный суд Петро-Маринского р-на Донецкой области приговаривает по ст. 127 УК УССР к 5 годам лишения свободы гр-на Иващенко за продажу последним своей собственной землянки. Раймиллия Красногвардейского р-на г. Днепропетровска привлекает к ответственности лучшего стахановца завода Скачко за то, что он продал на базаре свой поношенный костюм. Народный суд Беловодского р-на (Киргизия) приговорил к 5 годам лишения свободы по ст. 107 УК гр-ку Благовещенскую за то, что она, собрав с своего сада урожай яблок, повезла их продавать.

Эти и подобные им факты сигнализируют о том, что руководство прокуроров по многим делам отсутствует не только в самом процессе расследования, но даже в момент, когда дело поступает прокурору для утверждения обвинительного заключения и когда он обязан самым тщательным образом проверить качество произведенного расследования. Волокиту с расследованием ряда дел о спекуляции также нужно отнести за счет отсутствия действительного контроля за своевременным расследованием этих дел. Так же следует расценивать факты исключительно небрежного безответственного определения органами расследования в ряде случаев социального лица обвиняемого, когда (как это, например, констатирует НКЮ Киргизской ССР) обвиняемые в спекуляции причисляются к той социальной прослойке, которую они сами пожелают избрать для себя, или когда социальное положение определяется такими ничего не говорящими фразами, как «хлебороб» и т. п.

Немедленное устранение этих и других имеющихся недостатков в работе прокуроров по делам о спекуляции является лучшим ознаменованием 5-й годовщины закона от 22 августа 1932 г., призванного всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов, пытавшихся нажиться за счет рабочих и крестьян.

Н. Лаговнер

Тов. Вышинский в своей речи на учебной конференции следователей в декабре 1936 г. правильно указал, что «следователю в работе нужно иметь горячее сердце плюс холодный рассудок».

Нужно помнить, что эффективность в следствии достигается при условии внимательно продуманного плана действий. Чутье и сознание своего долга должны не оставлять следователя в его повседневной работе.

В эпоху Великой Сталинской Конституции работники прокуратуры и следствия должны в своей работе особо помнить, что, работая над конкретным делом, нужно вдумчиво относиться к работе, не допуская брака в работе.

Два примера из следственной практики, которыми я намерен поделиться, характеризуют и положительные и отрицательные стороны в работе нашего следователя.

**

В Гуляйпольском районе Днепропетровской области на протяжении мая месяца 1937 г. от «неизвестных» причин скончалась целая семья: мать, мальчик 3 лет и двое грудных детей. Так как врачи, ничего не подозревая, поверили заявлению отца этой семьи Ш.—ответственного работника района, то четыре трупа были погребены.

13 июня 1937 г. в камеру народного следователя явилась родственница умершей семьи Ш. и высказала подозрение по поводу внезапной, скорострительной смерти ее родственников. После беседы с ней и второй близкой родственницей следователь убедился в основательности высказанных ему подозрений.

Тогда следователь начинает проявлять интерес к личной жизни Ш. и устанавливает его интимную связь с молодой девушкой С. Эта связь в дальнейшем получила подтверждение в изытой корреспонденции.

Затем следователь устанавливает, что гр-ка С., работая в аптеке, отпустила Ш. без рецепта грамм мышьяка, который был ему якобы нужен для экспериментального протравливания зерна.

Судебно-медицинское вскрытие трупов жены и 3-летнего сына показало наличие отравления.

Акт лабораторного исследования двух жертв показал наличие во внутренностях обоих трупов мышьяка.

Ш. арестован и заключен в тюрьму, но он не признает своей вины, он всячески изворачивается. Однако очная ставка с С. окончательно изобличает его, и бандит в ближайшее время предстанет перед судом.

Второе дело возникло в г. Днепропетровске. Некий гражданин заявил районной прокуратуре, что 15-летний мальчик по имени Виктор в присутствии несовершеннолетнего Коли толкнул с железнодорожного моста в Днепр его 11-летнего сына Леню.

Коля рассказывал, что он, Леня и мальчик Виктор по предложению последнего поехали трамваем на Амурский мост с целью «рвать птичий гнездо». Прибыв на место, Виктор приказал Лене встать на бак с водой и посмотре-

реть вниз, нет ли птичьих гнезд. Приказание было выполнено, и на бак с водой встал также и Виктор. В то время, когда Леня нагнулся посмотреть, есть ли птичьи гнезда, Виктор коленом толкнул Леню, и он с высоты упал в Днепр и утонул. Увидев это, Коля пустился бежать, но Виктор нагнал его и угрозами и посулами дать деньги получил его обещание молчать.

При этом Виктор якобы объяснил свой поступок тем, что Леня рассказал своему отцу о краже Виктором курицы.

Для проверки правдоподобности показаний Коли следователь несколько раз выезжал вместе с ним на мост. В результате следователь пришел к выводу, что Виктор — убийца.

Виктор был арестован, ему было предъявлено тяжелое обвинение в убийстве на почве мести, но Виктор виновным себя не признавал.

Когда дело поступило в областную прокуратуру для получения санкции на предание суду, оказалось, что в деле нет очень серьезного документа — протокола, свидетельствующего об обнаружении трупа Лени. Вот почему областная прокуратура высказала сомнение, имел ли вообще место убийство.

Дело было возвращено следователю с конкретными предложениями разыскать Леню «живого или мертвого» и уточнить еще одну важную деталь: был ли вообще знаком «убийца» Виктор с «очевидцем» Колей.

К выполнению наших указаний следователь приступил немедленно и через некоторое время обнаружил Леню живым. Оказалось, что мальчик Леня, будучи безнадзорным, просто уехал из дому «свет повидать» и в результате попал в детский дом, а показания Коли были просто детской фантазией, которой следователь придал слишком большое значение.

Должные выводы из этой ошибки должен для себя сделать следователь.

Нужно глубоко и внимательно оценивать доказательства, критически относиться к показаниям, а особенно к показаниям несовершеннолетних, быть последовательным в своих действиях, и тогда можно будет обойтись без «роковых» ошибок.

Орловский

К вопросу о судебно-бухгалтерской экспертизе¹

В № 7 журнала «Социалистическая законность» помещена статья т. Бранецкого «Вопросы судебно-бухгалтерской экспертизы».

В этой статье тов. Бранецкий пишет: «...приходится констатировать, что вопросами бухгалтерской экспертизы наши следователи, как правило, не интересуются... предполагать «судебную бухгалтерию» или просто основы счетоводства для юристов никто и нигде не собирается».

Совершенно точно установлено, что значительная часть дел о должностных и хозяйственных преступлениях, находящихся в производстве органов следствия и суда, связана с бухгалтерией, и мы не можем согласиться

¹ В порядке обсуждения.

оценке значения овладения (хотя бы элементарного) техникой учета с комментаторами дореволюционного царского устава уголовного судопроизводства, которые по этому вопросу писали, что «обязывать следователя присутствовать при бухгалтерских расчетах и исчислениях нет законного основания, так как при совершении оных они вынуждены были бы играть роль немых зрителей (разрядка моя—В. Л.) выкладок, очень часто совершенно непонятных для наблюдающего со стороны, и, следовательно, непроизводительно теряли бы время»¹.

Такое отношение к бухгалтерии было понятно в дореволюционном суде, где следователь, являясь «немым зрителем» в вопросах бухгалтерии, не мог (даже если бы он и захотел), расследовать достаточно полно преступление, связанное с бухгалтерским учетом, чем облегчалось проведение классовой политики на следствии и суде, где обвиняемыми и подсудимыми по этим делам могли быть преимущественно эксплуататоры (фальсификация и вуалирование балансов, подлоги в счетных записях и т. д.).

Совсем не так обстоит дело в наших условиях. Являясь заинтересованными в максимальном повышении качества расследования, всемерно улучшая вообще качество работы органов юстиции, учреждения, ведающие подготовкой кадров работников юстиции, не упустили из виду необходимость для последних овладения основами бухгалтерского учета, как одного из элементов повышения квалификации.

В № 7 журнала «Социалистическая законность» на стр. 112—113 напечатан циркуляр Прокурора СССР от 21 мая т. г. за № 33/6 о повышении квалификации райпрокуроров, в котором приводится примерный типовой план (программа) учебной конференции райпрокуроров и где в теме 6-й говорится об обязательности лекции о процессуальном значении экспертизы, а далее, уточняя эту 6-ю тему, указывается на крайнюю целесообразность добавить практические занятия по отдельным видам экспертизы, «прежде всего бухгалтерской».

Далее. В методическом письме Института уголовной политики об организации и проведении судебно-бухгалтерской экспертизы, утвержденной Прокурором Союза 10 июня 1935 г., дословно говорится следующее: «Знание следователем, прокурором и судьей основных начал бухгалтерии необходимо для того, чтобы сознательно разбираться в материалах сложных дел и посягательствах на социалистическую собственность и во многих других должностных и хозяйственных преступлениях, для того чтобы иметь возможность оценить выводы судебно-бухгалтерской экспертизы» (Организация и проведение судебно-бухгалтерской экспертизы, стр. 6, «Советское законодательство», Москва, 1935 г.).

Там же особо отмечается, что «...организация специальных семинаров и групповых занятий для прокурорско-следственных и судебных работников по вопросам учета является в дан-

ный момент одним из крайне полезных мероприятий для повышения качества расследования и всего судебного процесса вообще».

Странно, что тов. Бранецкий не знает о том, что с 1931 года во всех юридических институтах студенты—будущие юристы—по утвержденному учебному плану проходят как обязательный предмет основы учета и балансирования (60 часов).

Тов. Бранецкий не прав, утверждая, что вопросами бухгалтерской экспертизы у нас юристы не занимаются.

Можно согласиться с тов. Бранецким в другом. Не каждый бухгалтер может и должен быть бухгалтером-экспертом.

Бухгалтеры-эксперты должны проходить специальную судебно-бухгалтерскую подготовку.

Очевидно, что в последнем случае дело за Центральным бюро судебно-бухгалтерской экспертизы, которое разработало и разослало на места еще 23 января этого года программу курсов по методике производства судебно-бухгалтерских экспертиз и бухгалтерских ревизий для бухгалтеров-экспертов и бухгалтеров-ревизоров.

Работа с бухгалтерами-экспертами в большинстве мест не проводится, как это видно из статьи тов. Бранецкого, а между тем качество экспертиз и подготовка бухгалтеров-экспертов заставляют желать много лучшего.

Слишком часто суды и органы следствия в своей работе встречают курьезные, а иногда и совершенно безграмотные заключения бухгалтеров-экспертов. Так, например, в распоряжении пишущего эти строки имеется заключение оренбургского бухгалтера-эксперта Ф., дававшего по наряду бюро СБЭ Оренбургской облпрокуратуры от 27 декабря 1935 г. № 55 заключение о состоянии бухгалтерии Оренбургского горторга, в котором он пишет, что указанная бухгалтерия отстает на 146 лет.

Речь идет о том, что бухгалтерия применяет очень старую форму учета, по мнению эксперта, не пригодную для работы горторга.

В этом заключении много других «шедевров». В разделе «Вопросы, заданные эксперту» буквально записано следующее: «Наследователем тов. Болотовой предложено экспертизу произвести ревизию в кустах №№ 73 и 85, целью выявить растратчиков».

Ясно, что в данном случае ни эксперт, ни следователь не представляли себе различий между экспертизой и ревизией и нуждались, а быть может, нуждаются и сейчас в разъяснении им этого различия и в ознакомлении вообще с приказом Прокуратуры СССР от 7 октября 1936 г. за № 61/19 о судебно-следственных экспертизах.

В частности, для эксперта-бухгалтера оставка, очевидно, за тем, чтобы программа занятий с экспертами, разработанная ЦБ СБЭ, была претворена в жизнь, чтобы по ней бухгалтеры-эксперты проработали необходимый материал.

Мы считаем уместным и своевременным поставить на очередь и другой вопрос.

Существующие программы по курсу основ учета и балансоведения, по которым эта дисциплина прорабатывается в юридических вузах,

¹ Устав уголовного судопроизводства, систематический комментарий, в. 3, стр. 705, изд. М. Зива, 1914 г.

носит слишком общий характер и не может полностью удовлетворить потребности юридической работы.

При проработке этого курса студенты юридических вузов знакомятся и усваивают только основные счетные понятия, общие принципы бухгалтерии.

Для них остаются совершенно неизвестными специфические черты колхозного счетоводства (а в укреплении последнего и проявлении внимания к нему органы юстиции не могут не принять необходимого участия). При этом надо принять во внимание, что большей части юридических работников, оканчивающих вузы, приходится работать в районе, где они с колхозным счетоводством несомненно встретятся.

Кроме того, совершенно необходимо преобразовать читающийся в настоящее время в юридических вузах курс основ учета и балансоведения в ту «судебную бухгалтерию», о которой говорит тов. Бранецкий в своей статье.

Что должна включать в себя новая дисциплина?

Условно можно разделить ее на две части. В первой, общей части должны быть:

- 1) основы общей бухгалтерии и анализ балансов,
- 2) основы колхозного счетоводства и
- 3) основы бюджетного счетоводства.

Общая часть должна способствовать овладению необходимым минимумом счетных знаний, должна обеспечить общую счетную грамотность и понимание некоторых специфических видов учета (колхозное и бюджетное счетоводство), поскольку для их усвоения недостаточно знания принципов общей бухгалтерии.

Дела, связанные с колхозным учетом и бюджетным счетоводством, встречаются в работе судебных и следственных органов достаточно часто.

Вторая, особенная часть должна включить в себя следующие разделы:

- 1) счетное законодательство,
- 2) бухгалтерская экспертиза и ревизия и
- 3) уголовная техника по делам, связанным с бухгалтерией (способы совершения преступлений с использованием бухгалтерии и методы их раскрытия).

Естественно, что для правильной ориентации работников юстиции в делах, связанных с учетом, недостаточно только знание технических бухгалтерских приемов: они должны отчетливо представлять себе законодательные правила бухгалтерского учета и правила составления баланса, законодательство о списании естественной убыли товаров, права и обязанности счетных работников и т. д. При этом следует иметь в виду, что все эти вопросы в других курсах, читаемых в юридических вузах (гражданское право, трудовое право и проч.), или совершенно не освещаются или освещаются недостаточно.

Овладение специальным счетным законодательством внесет ясность для будущего судьи или следователя во многих случаях, когда ему придется встретиться по делам с вопросами учета.

Имея дело с ревизионными актами, судья и следователь должны знать принципы и технические приемы ревизии. Это обеспечит пра-

вильную и своевременную оценку отдельных недостатков по имеющимся у них ревизионным актам и принятие мер к их устранению, а, следовательно, к предотвращению в будущем по этим делам волокиты в расследовании.

Изучение бухгалтерской экспертизы должно предполагать углубленное детализированное ознакомление с особенностями судебно-бухгалтерской экспертизы, поскольку вопросы, связанные с экспертизой, вообще освещаются по курсу уголовного процесса.

К этим особенностям можно отнести: в исторической части своеобразие оценки роли бухгалтеров-экспертов как не научных, а справочных свидетелей, т. е. экспертов «второго сорта», со стороны буржуазных процессуалистов (проф. Владимирова); установление стадии следствия, в которой следует производить судебно-бухгалтерскую экспертизу; подготовку следователя к судебно-бухгалтерской экспертизе; отграничение экспертизы от ревизии; круг лиц, не могущих быть бухгалтерами-экспертами; методы судебно-бухгалтерской экспертизы, проработка конкретных заключений бухгалтеров-экспертов и т. д.

Методы раскрытия преступлений изучаются в юридических вузах по курсу криминалистики, причем ни в одном из пособий по этой дисциплине, да и в самой программе по криминалистике наряду с изучением способов раскрытия самых различных преступлений (кражи, ограбления, убийства и т. д.) совершенно не выделяются способы раскрытия преступлений с использованием бухгалтерии.

Пособия по криминалистике часто приводят методику расследования дел о растратах, но они никогда не указывают специальных счетных приемов, с помощью которых совершенные растраты и хищения могут быть вскрыты. А такие приемы и счетные записи имели место по большому количеству следственных и судебных дел.

В данном случае очень полезно будет для будущего судебного или следственного работника овладение уголовной техникой по делам, связанным с бухгалтерией.

Приведенная схема программы по курсу судебной бухгалтерии не исчерпывает вопроса, но в основном этот курс должен быть таким.

Особенно важно отметить, что при проведении такого курса не потребуются значительного увеличения количества учебных часов, отведенных в юридических вузах на «Основы учета и балансоведения». На проведение курса по указанной схеме должно явиться достаточным примерно 80—100 учебных часов.

Конечно, следует иметь в виду, что основы колхозного учета и бюджетного счетоводства должны быть даны в чрезвычайно сжатом виде: они должны содержать только изложение характерных специфических особенностей, присущих им.

Проведение такого специального курса по учету для судебных и следственных работников будет полностью соответствовать особому значению учета в наших условиях и в связи с этим исключительной значимости судебно-бухгалтерской экспертизы по делам, связанным с учетом

В. Любкин.

О ведомственном „законодательном“ творчестве¹

Как известно, у нас издаем акты, обязательных для населения, занимается чересчур много организаций и учреждений. Об этом докладывалось на 4-й сессии Центрального исполнительного комитета СССР VII созыва. Теперь с «законодательным» творчеством объявлена борьба. Им занимаются не только местные органы, а также учреждения и организации, от которых нельзя отнять функций разъяснительного порядка. Народные комиссариаты, естественно, издают циркуляры, разъяснения и постановления в развитие действующих законов, которые по сути дела иногда являются теми конкретными законами, которые практически проводятся в жизнь.

Но если это разъяснительное и уточняющее законодательство проводится в увязке с другим законодательством и удовлетворяет основным требованиям в смысле понятности и простоты, то против этого не приходится возражать — это в значительной степени неизбежно. Плохо то, что иногда это ведомственное законодательство отличается такой поспешностью и неряшливостью, которые создают затруднения на практике и которые просто не должны быть терпимы.

Если отдельные наркоматы издают инструкции, касающиеся их ведомств, то Всесоюзному центральному совету профессиональных союзов предоставлено право издавать постановления и разъяснения, которые касаются основных прав каждого советского гражданина: это право на труд и право на отдых, утвержденные Сталинской Конституцией. Это, несомненно, одни из самых ценных и самых основных прав советского гражданина, и поэтому какая-либо неряшливость в редактировании и составлении этого ведомственного законодательства особенно нетерпима.

Между тем она имеется налицо. Мы сегодня остановимся на одном примере, который является достаточно характерным.

2 февраля 1936 г. секретариат ВЦСПС принял постановление об исчислении среднего заработка для оплаты отпуска и выплаты компенсации за неиспользованный отпуск. Это постановление опубликовано в Бюллетене ВЦСПС № 2 за 1936 год и в № 7 Бюллетеня Финансового и Хозяйственного Законодательства за тот же год. Исчисление среднего заработка для оплаты отпуска имеет ближайшее отношение к конституционному праву на отдых, потому что право на отдых может быть фактически реализовано только в том случае, если заинтересованному лицу выплачивается его действительная заработная плата.

В п. «з» ст. 2 указанного постановления говорится, что при исчислении среднего заработка штатным литературным работникам принимается во внимание весь их литературный гонорар, получаемый от данного нанимателя не по договору. Этим совершенно ясно подчеркивается, что литературный гонорар, получаемый по договору, регулируется законами об авторском праве, а прочий литературный приработок является одним из ви-

дов заработной платы литературного работника, работающего в данной редакции.

Этот порядок находится в полном соответствии с общим принципом, с тем, что при исчислении средней заработной платы принимаются во внимание все виды заработка, получаемого сотрудником в данном учреждении или предприятии. Однако «законодатель» — секретариат ВЦСПС испортил весь смысл своего постановления, употребив совершенно неизвестный нашему основному трудовому законодательству (Кодексу законов о труде) термин «штатный». Во взаимоотношениях трудящегося с нанимателем секретариат ВЦСПС вносит совершенно новое, не имеющее отношения к существу вопроса, понятие штатности. В самом деле, наше трудовое законодательство знает постоянных и временных работников, сезонных, нанятых на срок, нанятых на неопределенное время и т. д. «Штатных» и «нештатных» наше законодательство о труде никогда не различало.

К чему это лишнее словечко привело на практике? На практике оно привело к тому, что лица, работающие в основном в данной редакции и получающие там, с одной стороны, зарплату за литературные работы редакционного, и вообще несамостоятельного характера и одновременно получающие систематический литературный гонорар за выполненные ими авторские работы не по договору, т. е. не защищаемые авторским правом, при исчислении среднего заработка лишены права получить свой средний заработок по авторскому гонорару, если только они не входят в штат.

По условиям работы издательств, на которых здесь останавливаться нет возможности, таких нештатных работников, постоянно работающих в данной редакции, имеется довольно значительное число. Они — работники постоянные и имеют стабильную заработную плату как по линии редакционной, так и по линии авторской работы. Но лишнее слово «штатный» в п. «з» ст. 2 постановления секретариата ВЦСПС от 2 февраля 1936 г. лишает их права — по крайней мере по точному смыслу постановления — на получение действительного среднего заработка.

Входило ли это в намерения законодателя? Не входило и не могло входить. Это ясно из того, что в постановлении упоминается о невключении литературного заработка, получаемого по авторскому договору. Заработок по авторскому договору отличается несколькими особенностями:

- 1) он предусматривает получение аванса;
- 2) авторский договор предусматривает повышенную оплату постольку, поскольку на авторе лежит риск неудовлетворения заказчика;
- 3) зато оплата по авторскому договору должна иметь место независимо от того, будет ли использован договорный материал заказчиком или нет. Для этого нужно только, чтобы материал был принят или не был отвергнут в установленный договором срок. Вообще, авторский договор имеет в виду оплату не самого труда автора, а продукции, чем он существенно отличается от договора найма.

Литературные работы, оплачиваемые не по договору, обладают не всеми этими особенностями; в частности, они не подлежат оплате

¹ В порядке обсуждения.

авансом и оплачиваются вообще лишь после их использования.

Невключение литературного приработка постоянных, хотя бы и нештатных, литературных работников редакции является ничем не оправданным отступлением и от общего духа нашего законодательства и от основного принципа права на отдых. Причем можно быть убежденным в том, что это произошло не вследствие противодействия авторов постановления правильному исчислению среднего заработка литературных работников: произошло это потому, что в каждой редакции имеются случайные, эпизодические авторы, доставляющие материал не по авторскому договору; желанием устранить возможность претензий со стороны таких авторов на получение отпускных или компенсационных и объясняется употребление не свойственного нашему трудовому законодательству выражения «штатные» работники вместо «постоянные» работники.

В результате этой неряшливости и неувязанности постановления хотя бы с общей терминологией нашего трудового законодательства суд не вправе присуждать литературному работнику, не числящемуся в штате данной редакции, компенсацию за отпуск из расчета фактического среднего заработка, несмотря на то, что его литературный заработок по данной редакции является систематическим и в течение длительного промежутка времени держится примерно на одном уровне.

Разумеется, эта неточность может быть легко исправлена, но самое допущение ее является одним из ярких примеров поспешности «ведомственного» законодательства, которое должно вообще быть взято под какой-то единый контроль для увязки со всем законодательством не только в смысле содержания, но и в смысле применяемой терминологии. Терминология не должна создавать никакой двусмысленности и не должна вводить в заблуждение тех работников государственного аппарата, которым приходится пользоваться в повседневной практической деятельности директивным материалом тех или иных ведомственных органов.

А. Кирзнер

Ценный почин

Великая забота о человеке нашла свое отражение и в большом внимании, которое уделяется технике безопасности на наших социалистических предприятиях.

Вопросам охраны труда партия и правительство уделяют очень много внимания. Ни в одной капиталистической, даже самой «демократической» стране нет и не может быть таких условий труда, как у нас, которые в максимальной степени гарантируют интересы трудящегося.

Только в стране социализма, где самым ценным капиталом является человек, право каждого гражданина на отдых, на труд, на социальное обеспечение в случае утраты трудоспособности является конституционным правом.

Враги народа, троцкистско-бухаринские убийцы, шпионы и диверсанты, как это точно было установлено на процессе антисоветского троцкистского центра, «старались бить и били по самым чувствительным и опасным местам пролетарской революции и советского социалистического строительства»¹. Под видом «несчастных случаев» эти предатели организовывали взрывы на шахтах и на заводах, крушения железнодорожных поездов, отравления рабочих, причем старались действовать так, чтобы их диверсионные акты приводили к возможно большему количеству человеческих жертв.

Вспомним организованные Пятаковым, Ратаячаком и другими мерзавцами взрывы на азотно-туковом заводе в Горловке, на шахте «Центральная», катастрофы на Прокопьевских рудниках, Кемеровское дело и многие др., которые стоили многих человеческих жертв.

Вредители, троцкистско-бухаринские убийцы старались представить все эти катастрофы, как следствие нарушения правил техники безопасности. Естественно возникает вопрос, почему диверсанты и вредители смогли довольно долгое время прикрывать свои чудовищные преступления под видом нарушений правил техники безопасности?

На этот вопрос дан ответ в обвинительной речи Прокурора СССР тов. А. Я. Вышинского на процессе антисоветского троцкистского центра: «Эти преступления были возможны потому, — говорит тов. Вышинский, — что они совершались под прикрытием тех, кто должен был первым поднять тревогу, дать сигнал и броситься в борьбу не на жизнь, а на смерть против подобных преступлений».

Троцкистско-бухаринские вредители использовали идиллическую беззаботность и благодушие многих хозяйственников, которые считали «мелочью» нарушения техники безопасности, для того, чтобы в дальнейшем под прикрытием этих нарушений совершать свои гнусные диверсионные акты. При этом вредители, шпионы и диверсанты избегали ответственности, пользуясь в ряде случаев неумением наших органов расследования проанализировать до конца причины катастрофы или несчастного случая.

Прокуратура Союза неоднократно указывала на необходимость самого тщательного расследования любого нарушения правил техники безопасности, выяснения действительных причин этих нарушений, особенно, если в результате нарушений правил технической безопасности происходила катастрофа.

Прокуратура Союза неоднократно подчеркивала, что следователь обязан детально, с привлечением авторитетной технической экспертизы, установить, какие имели место нарушения правил технической безопасности, кто являлся действительным виновником этих нарушений, почему нарушались правила технической безопасности: не является ли нарушение

¹ Из обвинительной речи Прокурора СССР А. Я. Вышинского на процессе антисоветского троцкистского центра.

ние этих правил результатом диверсионной деятельности троцкистско-бухаринских фашистских агентов.

Эта задача не легка. Она требует от следователя не только знания техники расследования преступлений этого рода, но и извештанных технических знаний. Успешная борьба органов прокуратуры с нарушением правил технической безопасности и охраны труда рабочих будет сильно затруднена, если рабочая и инженерно-техническая общественность, в первую очередь стахановцы наших предприятий не окажут нашим органам реальной повседневной помощи в этом деле.

В этом отношении заслуживает внимания почин прокурора г. Магнитогорска т. Сорокина. Тов. Сорокин пытается построить всю свою работу по борьбе с нарушением правил по технике безопасности на основе широкого привлечения рабочей, инженерно-технической общественности, перед которой он отчитывается в своей работе.

Так, в конце августа с. г. т. Сорокин сделал в секции революционной законности горсовета доклад о состоянии техники безопасности на заводах и стройках Магнитогорска и о судебной-прокурорской работе по борьбе с нарушениями этих правил. На заседании секции присутствовало 55 человек, в том числе технические и правовые инспектора, работники профсоюзов, главные инженеры, судебные и прокурорские работники.

В результате обмена мнений секция признала совершенно неудовлетворительным состояние техники безопасности на предприятиях города. Она указала на ряд существенных недочетов и в работе органов прокуратуры и суда г. Магнитогорска и наметила ряд мероприятий, обеспечивающих действительную борьбу органов прокуратуры и суда с нарушением правил по охране труда рабочих и техники безопасности. В частности секция признала необходимым провести инструктивное совещание со следователями по этой категории дел, предварительно изучив все дела, возвращенные судом, проверить с участием секционеров и инспекторов судебные и следственные дела, по которым вынесены оправдательные приговоры, снижена мера наказания. В то же время решено обсудить на рабочих собраниях приговоры по делам о промышленном травматизме, обеспечив освещение печатью судебных процессов по делам о нарушениях техники безопасности. Секция наметила провести общезаводские совещания начальников цехов, инженерно-технических работников, стахановцев, инспектуры с участием судебного-прокурорских работников по вопросу о борьбе с промышленным травматизмом.

Несомненно, что подобный интерес широкой заводской и профсоюзной общественности к работе органов прокуратуры и суда должен дать весьма положительный эффект.

Вот почему магнитогорский почин нужно всячески приветствовать, а нашим прокурорам следует взять себе за правило отчитываться перед широкой общественностью в работе по

борьбе с нарушениями техники безопасности и правил по охране труда рабочих, вовлекая тем самым эту общественность в свою работу.

Л. Чернов

Ненужные графики

В работе Свердловской областной прокуратуры имеется ряд крупных недостатков по руководству следствием: отсутствие живого инструктажа следователей по конкретным вопросам и делам, нет обмена опытом работы, отсутствует работа с районными прокурорами по руководству следствием.

Правда, в мае с. г. облпрокуратура послала всем следователям тетради с расчетом на каждый месяц так называемые «ежедневные графики» по следственной работе нарследователя; по этой тетради следователь ежедневно должен учитывать свою работу, отмечая каждый день, что им сделано за день, и в конце месяца эта тетрадь вместе с копиями обвинительных заключений по оконченным за месяц делам должна направляться в облпрокуратуру. Очевидно, облпрокуратура хочет по этим графикам изучить деятельность следователя: не бездействовал ли следователь, не сделал ли, он лишнего шага и т. д.?

Мне кажется, что по этим графикам облпрокуратура нужных ей сведений о работе следователей не получит, так как, по-моему, это не есть форма руководства, а бюрократическое извращение этого руководства.

Ежемесячно в область будет поступать более сотни этих тетрадей с приложениями копий обвинительных заключений по оконченным делам. Когда и кто будет эти материалы читать и давать по ним районам нужные выводы?

Своим циркуляром № 4 от 8 января 1937 г. облпрокуратура обязала районных прокуроров представлять в область копии постановлений и обвинительных заключений по делам, по которым обвиняемые содержатся под стражей, и делам, идущим на санкцию облпрокурора, по остальным же делам представления копий этих документов не требовалось. Сейчас же в связи с изданием «графика» требуется представление копий обвинительных заключений по всем делам, что очень затрудняет работу тех прокуратур, где нет пишущих машинок и весь штат состоит из одного секретаря.

Мне кажется, что руководство следствием облпрокуратуре нужно было бы начать не с этого, а прежде всего с живого руководства, с изучения работников не по «графикам», а по их делам, что вполне возможно сделать путем изучения проходящих через облпрокуратуру дел.

Кроме этого, Свердловской облпрокуратуре следовало бы позаботиться о снабжении следователей бланками протоколов допроса и др. следственных действий, а то ведь в каждом районе пишут по-своему, на клочках бумаги, иногда найденной бумаги.

Казаков

Куйбышевская областная конференция союза работников суда и прокуратуры

С 20 по 24 июля в Куйбышеве проходила областная конференция союза работников суда и прокуратуры.

На конференции присутствовало 79 делегатов от общего числа членов союза 2500 человек.

В развернувшихся прениях по отчетному докладу оргбюро и уполномоченного ЦК союза были вскрыты большие недочеты в работе профорганизаций, оргбюро и уполномоченного ЦК союза по Куйбышевской области.

В прениях особо отмечалось, что уполномоченный ЦК союза в течение почти трех лет работал без плана, не организовал контроля исполнения, не сумел мобилизовать в помощь себе актив, не обеспечил живого руководства низовыми профорганизациями, а ограничился только бумажным руководством, что привело к отрыву руководства от профсоюзной массы.

Резкое недовольство было высказано делегатами по поводу обслуживания членов союза путевками в дома отдыха и санатории.

Оказалось, что большинство путевок в дома отдыха и санатории осели среди работников облсуда и прокуратуры, составляющих лишь 10% к общему числу членов союза. Таким образом члены союза, работающие в более тяжелых условиях района, гораздо реже попадают в дома отдыха и на курорты, чем работники областного центра.

Особо отмечалась слабая организация профруководством стахановского движения и соревнования, недостаточное участие в разрешении производственных вопросов, отсутствие заботы об улучшении условий труда.

Делегат Николаевского района говорил, что у них в канцелярии прокуратуры в одной комнатухе находятся: машинистка, секретарь и тут же живет уборщица с матерью-старушкой и ребенком.

Посетитель, отворив дверь, долго не решается переступить порог, недоумевая, что это за учреждение.

В некоторых народных судах города Куйбышева можно провалиться под пол и сломать

ногу, крысы не стесняясь разгуливают по суддебным делам.

В районах спецодежда уборщицам и машинисткам не выдается, работа проводится и в выходные дни, сверхурочная работа без оплаты допускается и в отношении работников с нормированным трудом.

В Куйбышевском облсуде и облпрокуратуре существует весьма странное правило: при уходе в очередной отпуск районных судей и прокуроров им выдается зарплата за время отпуска вперед; уходящим же в очередной отпуск техническим работникам зарплата вперед не выдается.

Со стороны отдельных работников суда и прокуратуры приводились факты пренебрежительного, наплевательского отношения к профработе и быту работников. Так, приводился случай, когда прокурор, обязанный провести выборное собрание членов союза, сорвал это собрание и уехал в район. Народный судья сорвал экскурсию членов союза в выходной день, заставив сотрудников суда разбирать архив. Многие судьи и прокуроры считают до сих пор работу профорганизации второстепенной работой. Такая недооценка профработы со стороны отдельных судей и прокуроров была резко осуждена конференцией.

В незавидной роли присутствовал и выступал на конференции представитель ЦК союза суда и прокуратуры т. Бренкул.

Из его выступления на второй день конференции делегаты узнали только, что в 1936 г. был I пленум ЦК союза, а в 1937 г. были II и III пленумы. До этого на местах об этих пленумах никто ничего не знал, ибо на места решения этих пленумов не рассылались.

Так выглядит руководство работой низовых профорганизаций со стороны ЦК союза. И много горьких истин пришлось выслушать представителю ЦК союза от рядовых делегатов.

В общем конференция прошла весьма активно.

Тайным голосованием конференция избрала новый состав областного комитета союза из 13 человек, которому дан подробный наказ по всем вопросам профсоюзной работы.

М. Тимонин

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЗАЩИТЫ

Два собрания

11—17 сентября 1937 г. происходило общее собрание Московской городской коллегии защитников, посвященное отчету о деятельности президиума и ревизионной комиссии и пере-выборам последних.

Казалось бы, что собрание столичной адвокатуры — этого передового отряда советской интеллигенции, должно было проходить под знаком тех требований, которые можно предъявить к правовым работникам высокого авторитета и культуры.

К сожалению, собрание удовлетворить эти требования полностью не смогло.

Началось собрание с прямого нарушения советской демократии тов. Александровым при выборах президиума собрания, проведенных им «чохом», без постановки отдельных кандидатур на голосование.

Самый процесс голосования происходил в обстановке беспорядка и шума.

Когда собрание перешло к заслушанию доклада председателя Московской городской коллегии защитников, стало не лучше.

Доклад тов. Александрова оказался по существу докладом не президиума Московской городской коллегии защитников, а докладом самого тов. Александрова о своей деятельности.

Тов. Александров не смог в своем докладе подняться на высоту стоящих перед советской адвокатурой в свете Великой Сталинской Конституции ответственных задач и рассказать о том, как эти задачи разрешались в возглавлявшемся тов. Александровым президиуме.

Доклад тов. Александрова не был самокритичным, пошел по пути освещения мелких повседневных вопросов, смазывая наиболее серьезные проблемы в работе московской адвокатуры (состояние кадров, прием и выдвижение молодых кадров, состояние качества работы и борьба за ее улучшение).

Не сумев подняться на необходимую политическую и принципиальную высоту в освещении работы московской адвокатуры, тов. Александров не сумел показать и положительные стороны в работе московской адвокатуры, хотя располагал для этого нужными фактическими материалами.

Доклад тов. Александрова получил суровую, вполне заслуженную, отрицательную оценку на страницах ЦО «Правда».

Надо сказать также, что и самая форма доклада, легкомысленная, носившая характер балагурства, вполне соответствовала содержанию доклада.

Не удивительно поэтому, что выступавшие в прениях отдельные члены президиума (Комодов, Брауде, Оцеп) поспешили отмежеваться от Александрова, не отказываясь от лежащей на них самих ответственности за работу президиума в целом.

Лишь оказанная на ходу «Правдой» помощь дала возможность прениям по докладу пойти по пути самокритики.

Ряд высказавшихся в прениях товарищей указывал на неправильную политику президиума в вопросе о приеме новых членов и выдвижении молодых кадров (Склярская, Кудрявцев), оторванность президиума от адвокатской массы (Голубовский, Грязнов), отсутствие контроля за проведением своих же решений в жизнь, на недостаточную защиту интересов адвокатуры как части судебной системы, при разрешении имевших место у отдельных адвокатов конфликтов (Левин А. М.).

Наряду с здоровой самокритикой у отдельных выступавших в прениях адвокатов были обывательские и политически близорукие попытки «защитнуть» тов. Александрова и всячески замазать недостатки в работе президиума.

Двое (Ривлин и Огнев) побили в этом отношении «рекорд» полного непонимания своего общественного долга.

С усердием, лишенным всякого разумного содержания, Ривлин и Огнев очень много разглагольствовали о мнимых заслугах Александрова и пытались политически безграмотно полемизировать с изложенными в «Правде» материалами, вместо критики деятельности президиума выдвигали такие пошлые аргументы в его защиту, что один из работников в прежнем президиуме вынужден был от них отмахнуться словами: «за такие похвалы спасибо не скажешь».

Два эти политически безграмотных и вредных выступления не встретили никакого сочувствия у большинства участников собрания, но получили недостаточную отповедь у выступавших впоследствии товарищей.

Нарком юстиции тов. Н. В. Крыленко в своей речи подверг критике деятельность президиума в плоскости выполнения им стоящих перед руководством московской адвокатуры задач и пришел к выводу о том, что работа президиума не была на должной политической и качественной высоте.

К сожалению, ни тов. Крыленко, ни выступивший после него нач. отдела судебной защиты НКЮ СССР тов. Кожевников ничего не ответили по поводу указанных в прениях ошибок и недостатков в работе НКЮ, выявившихся в том, что Московская городская коллегия защитников не была привлечена к работе актива НКЮ после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б), в том, что руководство со стороны отдела судебной защиты сопровождалось бюрократическими извращениями и оторванностью от адвокатской массы.

В такой же мере недостаточным оказалось выступление и пред. МГС тов. Смирнова, который ничего не сказал собранию по поводу ряда случаев неосновательных судебных определений о привлечении к дисциплинарной ответственности членов коллегии защитников и по поводу ряда случаев недопустимого отношения к адвокатам со стороны отдельных судебных работников.

Очень тепло было встречено выступление секретаря Дзержинского райкома ВКП(б) тов. Быкова.

Тов. Быков в порядке самокритики указал на недостатки в работе партийной организации коллегии, выразившиеся в некоторой изолированности партийных товарищей от основной массы адвокатуры, и призвал собрание к тому, чтобы при будущем президиуме была налажена самая тесная связь между партийной большевистской организацией и всем коллективом адвокатуры.

С огромным вниманием и удовлетворением собрание выслушало выступление представителя Прокуратуры Союза ССР тов. М. С. Строговича.

Тов. Строгович подверг весьма обоснованной критике деятельность президиума Московской городской коллегии защитников и Наркомата юстиции, в особенности в области проекта Положения об адвокатуре, который был выработан в отрыве от адвокатских масс и содержит в себе недопустимые ошибки («адвокаты являются помощниками в деле борьбы с преступностью», «Наркомост выдает патент на право занятия адвокатской деятельностью»).

Тов. Строгович указал на три условия, которыми надо обладать, чтобы руководить адвокатурой: во-первых, понимать и знать это дело, во-вторых, это дело любить и в-третьих — уметь руководить.

То обстоятельство, что в среде московской адвокатуры остались еще люди, которые не понимают политической заостренности наших задач, сказалось в следующем:

Когда тов. Кудрявцев говорил о необходимости проявления адвокатурой революционной бдительности, о возможности того, что в адвокатской среде укрылись шпионы, диверсанты и другие враги народа, речь его была встречена шумом со стороны некоторой части собрания.

Явление это свидетельствует о том, что необходимость всему советскому народу «быть на-чеку» (Сталин) усвоена, к сожалению, далеко не всеми московскими адвокатами.

Тайным голосованием собрание избрало в новый президиум тт. Левашева, Трайнина, Казначеева, Коммодова, Тагера, Оцепа, Воробьева, Самарина, Миловидова, Ключанскую, Винавера, Денике, Динесмана, Васильева и в ревизионную комиссию тт. Хотинского, Таубкина, Пинеса, Мееровича.

Собрание приняло с учетом прений развернутый политический и деловой наказ вновь избранному президиуму.

***

Более организованно и на большей политической высоте происходило 16—18 октября 1937 г. общее собрание членов Московской областной коллегии защитников.

Председатель Московской областной коллегии защитников тов. Фейгельсон построил свой доклад под углом политических требований, которые предъявляются к адвокатуре, и наглядно показал, как стоящие перед адвокатурой области задачи были практически разрешены.

Тов. Фейгельсон указал на руководящее всеми гражданами нашей великой социалистической родины чувство воинствующей бди-

тельности и подчеркнул роль адвоката в воспитании нового человека — решающей силы в социалистическом обществе.

Осуществление гражданами при помощи адвокатуры своего конституционного права на защиту является источником того величайшего внимания, которое должно уделяться адвокатурой в организации своей работы.

Адвокат как активный участник социалистического строительства, как работник, помогающий претворить в жизнь программу коммунистической партии, передового авангарда трудящихся, должен обладать высоким качеством работы.

Высокое качество работы зависит от высококачественности личного состава.

Разрешение вопроса о кадрах требовало прежде всего изучения наличных кадров, изучения на месте их работы. Из 32 коллективов были изучены 23. Хотя это является недостаточным, но все же принесло огромную пользу как работникам на местах, так и руководству.

Была налажена общественно-массовая работа и обследовано ее состояние. Областная коллегия установила, что в ряде коллективов прекрасно налажена общественная работа по обслуживанию колхозов и колхозников, но этого нельзя сказать о всех коллективах по области.

Прием и выдвижение молодых кадров проводились планомерно (было принято 36 молодых товарищей, окончивших советские вузы, увеличена партийная и рабочая прослойка). Эти достижения нельзя признать исчерпывающими.

Созывалось за год четыре областных совещания уполномоченных коллективов с активом и заслушивались доклады по коренным вопросам нашей политической жизни и вопросам судебной политики.

Уделялось внимание и культурно-бытовому обслуживанию адвокатов.

Выступавшие в прениях товарищи подвергли деятельность президиума Московской областной коллегии защитников здоровой самокритике, указывая на ряд недостатков в его работе (Коробков, Шнейдер).

Деятельность президиума Московской областной коллегии защитников признана общим собранием удовлетворительной.

Тайным голосованием избран новый президиум в составе: тт. Фейгельсона, Гуськова, Блоха, Михайловского, Заботкина, Силапцева и рев. комиссия в составе тт. Ариштейна, Гинзбурга и Лебединского.

Общее собрание Московской областной коллегии защитников приняло наказ вновь избранному президиуму.

В наказе отмечается необходимость поднять на высокую ступень соцсоревнование и ударничество среди областной адвокатуры, поднять на высокую ступень политическую и профессиональную культуру адвоката, улучшить условия работы адвоката в суде, расширить юридическую помощь колхозам и колхозникам, шире развернуть культурную помощь всему трудящемуся населению, поставить вопрос об издании совместно с Московской городской коллегией защитников журнала «Советский адвокат».

К. Л.

«Достижения» отдела судебной защиты НКЮ СССР

В последнее время журнал «Советская юстиция» почти из номера в номер помещает статьи т. Кожевникова, посвященные советской защите.

Смысл и цель этих статей — показать достижения отдела судебной защиты НКЮ СССР в деле организации и руководства советской адвокатурой в соответствии с тем значением, которое приобрела защита в свете Сталинской Конституции.

В № 14 «Советской юстиции» т. Кожевников сообщает, что НКЮ СССР разработал «с участием некоторых членов Московской коллегии защитников проект положения об адвокатуре».

Излагая далее своими словами некоторые статьи проекта, автор говорит, что «опубликование содержания проекта даст возможность нашей широкой общественности ознакомиться с теми принципами, на которых Наркомюстом Союза построен проект нового положения об адвокатуре, и высказать по нему свое суждение через нашу печать».

Опубликование такого обнадеживающего заявления заставило предполагать, что наконец-то этот таинственный проект, известный до сих пор только «некоторым членам Московской коллегии защитников», станет достоянием нашей широкой общественности, действительно заинтересованной в правильном и разумном построении советской адвокатуры.

Но ровно через месяц от того же т. Кожевникова узнаем, что проект об адвокатуре уже внесен НКЮОм на рассмотрение в законодательные органы (№ 15 «Советской юстиции»).

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Вот уж действительно «хозяева» своему слову сидят в Наркомюсте: 5 августа обещают опубликовать проект и «дать возможность широкой общественности высказать по нем свое суждение», а 5 сентября обещание берется обратно, очевидно, предполагая, что широкая общественность «не должна сметь свое суждение иметь».

В самом деле, к чему там «широкая общественность»? Довольно и «некоторых членов Московской коллегии защитников».

Надо сознаться, что в Наркомюсте понимают демократию весьма своеобразно.

В то время когда действительная демократия проникает во все поры нашей жизни, Наркомюст считает возможным внести в законодательные органы проект об адвокатуре, который не был опубликован даже в специальной печати.

А ведь вопросами адвокатуры занималась не только специальная печать и не один т. Кожевников.

НКЮ Союза должен понимать, что новое Положение об адвокатуре будет существовать много лет.

Ведь «стабильность наших законов нам нужна теперь более, чем когда бы то ни было», — сказал товарищ Сталин в своем

историческом докладе о проекте новой Конституции на Чрезвычайном VIII съезде советов.

И, несмотря на все это, широкая общественность на сегодняшний день знает о проекте только по пересказу т. Кожевникова.

Уж так отдел защиты НКЮ СССР хорошо руководит, так руководит, что «недаром члены коллегии защитников на своих собраниях неоднократно говорят, что лишь теперь, с организацией отделов защиты, окончилась их «бездзорность» (№ 17 «Советской юстиции»).

Интересно знать, кто именно на этих собраниях пел «осанну» отделу судебной защиты?

Мы опасаемся, что запевалами этого словословия могут оказаться как раз те «прямые враги народа, люди, политически и юридически безграмотные и просто жулики», которые по авторитетному свидетельству т. Кожевникова выявляются среди членов коллегии защитников.

История недавнего прошлого показала, что хор аллилуйщиков обычно состоит из таких именно «солистов».

Казалось бы, что для оздоровления института защиты надо было бы открыть широкий доступ в нее для людей проверенных, дисциплинированных, политически и юридически грамотных.

Оказывается — нет.

По мнению авторов проекта, в советском государстве есть особая группа людей, которая ни в коем случае не может быть допущена в адвокатуру.

Это юрисконсульты.

Пусть они будут дважды проверены и трижды политически и юридически грамотны, но они не будут заниматься адвокатурой «как профессией», и по этой причине доступ им в адвокатуру закрыт.

По мнению Наркомюста, пусть лучше занимаются адвокатурой «как профессией» жулики.

Бедные юрисконсульты!

Наркомюст считает юрисконсультов, которым государство доверяет защиту своих интересов, недостойными защищать интересы частных лиц.

Не может быть в советском государстве людей, которым бы запрещалось заниматься адвокатурой, если они удовлетворяют всем элементарным условиям приема, т. е. имеют специальное образование и являются политически и юридически грамотными.

Такое запрещение может последовать только в результате судебного приговора.

Что значит заниматься адвокатурой «как профессией»?

Позвольте мне самому решить, что меня больше устраивает: отдавать себя на все 24 часа занятию адвокатурой или же уделять ей меньшее время.

Свободный гражданин самого свободного государства в мире не нуждается в такой «надзорности» со стороны отдела судебной защиты.

Разве штатный врач какого-либо учреждения не может работать по своей специальности и в амбулатории или заниматься практикой на дому?

А ведь адвокат тот же врач *suī generis*, который зачастую лечит заболевания тяжелой формы.

Мероприятия Наркомюста отстают от жизни, не созвучны эпохе.

Сейчас, после введения в жизнь Сталинской Конституции, накануне всеобщих выборов в Верховный Совет, этот проект является анахронизмом.

Надо надеяться, что законодательные органы внесут в этот проект поправки, соответствующие требованиям нашей великой эпохи, и освободят этот проект от всех его печальных ошибок и извращений.

С. Бронштейн

О проекте нового положения об адвокатуре¹

Наконец-то нам поведали содержание словесного проекта нового Положения об адвокатуре. В номере 15 журнала «Советская юстиция» заведующий отделом судебной защиты НКЮ СССР М. Кожевников приоткрыл завесу над этим тайным документом, существующим в природе около полугода, но почему-то тщательно скрывавшимся от юридической общественности.

Правда, содержание проекта положения рассказано автором «своими словами», поэтому, хотя автор и предлагает «высказать по нему свое суждение через нашу печать», данных для этого все-таки недостаточно, поскольку полный текст этого проекта до нас не доведен.

Однако и того, что сообщает т. М. Кожевников, совершенно достаточно, чтобы признать отдельные — и как раз наиболее принципиальные — пункты проекта крайне неудачными. Особую тревогу вызывает ст. 6, в которой, если верить т. Кожевникову, записано, что «адвокаты, являясь помощниками суда в деле борьбы с преступностью и при разрешении гражданских споров, не могут под страхом немедленного отчисления из адвокатуры и привлечения к уголовной ответственности утверждать перед судом заведомо неверные факты, пытаясь тем самым ввести суд в заблуждение».

Стыло ли Наркомюсту так долго держать адвокатуру на задворках судебной системы, как это отмечалось газетой «Правда», для того, чтобы, разрешившись, наконец, от бремени проектом реформы адвокатуры, устанавливать для адвокатов специальный режим и заранее объявлять их людьми не вполне полноценными и нуждающимися в особо строгом просмотре?! И не послужит ли ст. 6 проекта неким сигналом для некоторых судей попрежнему держать адвокатов «в страхе божьем», подвергая любое высказывание адвоката в суде особому «испытанию на разрыв» и суровой оценке степени его правдивости?!

В конце концов предметом судебного разбирательства далеко не всегда бывают факты очевидные; сплошь и рядом речь идет об оценке улик. В этих условиях совершенно искреннее оспаривание со стороны защитника того или иного не вполне установленного на суде факта, служащего уликой против его подзащитного, легко можно повернуть против защитника, изобразив его выступление как попытку «вести суд в заблуждение». А ведь последствия этого нового и не предусмотренного Уголовным кодексом преступления для попавшего в беду адвоката, согласно проекту, весьма плачевны: во-первых, ему грозит «немедленное отчисление из адвокатуры» и, во-вторых, «привлечение к уголовной ответственности».

Не вдаваясь в догадки о том, кем же именно и в каком именно порядке будет совершено это «немедленное отчисление», как именно при такой непонятной поспешности можно будет установить наличие со стороны адвоката злого и нежелания ввести суд в заблуждение, — ограничусь лишь указанием, что попытка проекта изобразить всех советских адвокатов как потенциальных злых людей является явной клеветой. С другой же стороны, попытка проекта поставить советских адвокатов в условия, исключающие возможность нормальной работы, желание выделить их из среды всех остальных советских граждан как категорию лиц, для коих устанавливается специальный правовой режим, является явным нарушением Сталинской Конституции.

За ложные показания перед судом уголовную ответственность, по действующему законодательству, несут лишь эксперты и свидетели, адвокаты же дают перед судом не показания, а лишь оценку судебного материала; эта оценка должна быть совершенно свободна, и над адвокатом не должен висеть дамоклов меч внезапного превращения из защитника в подсудимого.

Из этого, конечно, не следует, что советский защитник может позволить себе заведомо ложные утверждения перед судом и прочие виды попыток понудить суд вынести неверный приговор (кстати сказать, термин проекта — или М. Кожевникова — «неправосудный приговор» неудачен: неправосудным приговором мы называем такой неправильный приговор, который постановлен судьей, действующим злоумышленно, а не по заблуждению). За эти неэтические поступки защитник, допускающий их, несомненно, должен ответить по всей строгости, но эту ответственность он несет перед советской общественностью в целом и перед советом адвокатуры в частности. В отдельных случаях, и в зависимости от тяжести содеянного (а вовсе не автоматически, как этого требует проект, да и притом еще «нсмеленно»), адвокат может быть подвергнут на время или полному исключению из адвокатуры, но, как правило, здесь нет места для уголовной ответственности.

Не меньшее недоумение вызывает запрещение юрисконсультам состоять в адвокатуре. М. Кожевников аргументирует это запрещение ссылкой на неучастие юрисконсультов в адво-

¹ В порядке обсуждения.

катской работе. Само собой разумеется, что те юрисконсульты — как, впрочем, и все другие лица, состоящие в адвокатуре, — которые не могут или не хотят вести адвокатской работы, не должны и состоять в адвокатуре. Однако совершенно непонятно, почему М. Кожевников заранее считает, что ни один юрисконсульт не может вести профессиональной работы адвоката.

Есть не мало товарищей, которые, будучи весьма опытными советскими юристами, занимают должности юрисконсультов в неопытных государственных организациях или предприятиях, где от них требуют 1—2 часов работы в день, да и то не ежедневно. Запрещение такому юрисконсульту занятия адвокатурой, по видимому, повлечет за собой отказ многих и многих юрисконсультов от юрисконсультской работы, что на практике лишит многие хозорганы авторитетных и способных юрисконсультов.

Нельзя забывать, что пока — и в значительной степени по вине Наркомюста, где долгое время орудовали враги народа Пашуканис и другие, — новых правовых кадров у нас немного, и это в одинаковой мере чувствуется как на фронте адвокатуры, так и по линии укомплектования учреждений полноценными юрисконсультантами. Не следует поэтому так небрежно обращаться с юрисконсультской частью советских юристов и закрывать им доступ в адвокатуру. Тем более не следует, что, имея часто значительный опыт советской работы, юрисконсульты несомненно принесут в адвокатуре не мало пользы.

Поэтому мы стоим на той точке зрения, что огульное запрещение всем юрисконсультам работать и в адвокатуре является в корне неверным и что вопрос в каждом отдельном случае должен решаться с учетом особенностей работы каждого претендента.

В проекте лимитируется размер отчислений из заработка адвокатов: не менее 70% заработка адвокатов должно поступать в фонд оплаты их труда. Это, конечно, очень хорошо, что Наркомюст наконец-то вспомнил о тех безобразно высоких отчислениях, которые существуют до нынешнего дня в коллективах защитников, достигая сплошь и рядом 50 и больше процентов их заработка. Но плохо другое: плохо то, что Наркомюст стыдливо умалчивает о существующей и, конечно, уже совершенно незаконной практике «сверхотчислений» от заработка членов коллектива в форме отнесения на счет каждого выплат в соцстрах и на декретный отпуск.

На сегодняшний день мы имеем такое положение вещей, когда на свое же собственное соцстрахование защитник платит из собственного же кармана, как равно и на свой месячный отпуск. Неужели М. Кожевников не видит или не хочет видеть в этом последнем грубейшее нарушение ст. 119 Сталинской Конституции, провозглашающей право на отдых?!

Никто из трудящихся в СССР не отдыхает в положенное им по Кодексу о труде время «за собственный счет», никто... кроме адвокатов.

Неужели Наркомюст не находит возможным хотя бы теперь поломать эту возмутительную практику?

А. Шамкович

Из одной крайности в другую

В «Советской юстиции» № 7 за 1937 год помещена статья тов. М. Равича «Советская защита». Анализируя роль и задачи защиты в советском суде, автор правильно ставит вопрос об отличии советской защиты от буржуазной адвокатуры, приводя, как яркие образцы буржуазно-адвокатской мысли, высказывания дореволюционных русских и иностранных процессуалистов. Но, критикуя взгляды буржуазных юристов, ставивших частные интересы клиента выше всего на свете и рекомендовавших (в лице Брума) адвокату идти, ради пользы клиента, на страдания, мучения и гибель других, не останавливаясь даже перед изменой, тов. Равич впадает сам в другую крайность.

Конечно, не может быть ни малейшего сомнения в том, что у советского защитника, как у каждого советского гражданина, долг перед социалистической родиной — высший. В этой части тов. Равич совершенно прав. Но отсюда никак не следует, что защиту можно полностью отождествить с прокуратурой, как это делает тов. Равич. Он говорит: «У нас и прокурор и защитник, оба — представители советского государства, оба действуют от его имени и в его интересах».

Против этой формулировки тов. Равича приходится возразить со всей категоричностью. И в самом деле. Если с известной натяжкой можно назвать представителем государства защитника, назначаемого подсудимому по требованию суда в деле, где участвует прокурор и обвиняемый не избрал сам себе защитника, когда вознаграждение защитника присуждалось до последнего времени с того же судимого, а не выплачивалось из средств суда, то ни в коем случае нельзя назвать представителями государства тех защитников, которые выступают в подавляющей массе уголовных дел по соглашению с клиентом.

Да и что это вообще за «огосударствление» защиты, проведенное одним росчерком пера тов. Равича? После того, как товарищи, возглавлявшие огосударствить защиту, сломали свои копы и сдали их в архив, мы уже в течение нескольких лет твердо уверены в том, что институт советской защиты, по общему мнению, представляет из себя публично-правовые объединения лиц, посвятивших себя адвокатскому труду. Эти объединения — коллегии и коллективы защитников — ни на каком государственном или местном бюджете не состоят. Стало быть, даже в лупу нельзя разглядеть здесь элементов государственной организации, то есть, как раз тех элементов, которые имеются у прокуратуры, являющейся подлинным органом государства.

Тов. Равич следующим образом формулирует свой взгляд на советскую защиту: «Социалистическое государство заинтересовано в борьбе с преступностью, но оно не менее кровно заинтересовано¹ в том, чтобы невинный не был осужден, а виновный не получил свыше того, чего требуют справедливость и целесообразность. И в качестве одной из гарантий

этого своего интереса, государство посылает на суд защитника. Защищая подсудимого, советский защитник ни на минуту не должен забывать, что он — не его представитель...» (подчеркнуто мною — А. Л.). Правильен ли этот взгляд?

Тов. Равич опять-таки прав только в первой части своего положения. Правильно, что советское государство заинтересовано в защите интересов обвиняемого. Но неправильно делать отсюда вывод, что государство посылает защитника. Оно защитника предусматривает в системе суда, но не более. Каждый обвиняемый волен в выборе защитника, даже в том случае, когда защита назначается ему судом. Обвиняемый может и вовсе отказаться от защиты. От прокурора же он не может «отказаться». При слушании дела с участием сторон, прокурор остается и в том случае, когда обвиняемый от защиты отказался. А по тов. Равичу прокурор и защитник — два одинаковых представителя государства.

Ссылается еще тов. Равич и на тов. Вышинского. Но из цитаты, приведенной тов. Равичем, нельзя усмотреть, что тов. Вышинский считает защитника представителем государства. Кстати, тут же тов. Равич, ссылаясь (в скобках) на тов. Вышинского, говорит, что защита у нас — общественное служение. Но общественное служение — отнюдь не представительство государства.

Интересно было бы знать, о каком представительстве государства тов. Равич может говорить в отношении гражданских дел, где адвокат, если так можно выразиться, выступает в чистом виде, как представитель частных интересов отдельного советского гражданина, и нередко предъявляет от его имени требования к органам государства (советским учреждениям и предприятиям)? Представителями ли государства являются два защитника, отстаивающие в одном гражданском деле противоречивые интересы двух частных лиц? Думается, что в этих случаях и тов. Равич не найдет возможным именовать защитников представителями государства.

Наконец, и практические выводы, которые делает тов. Равич из своей концепции, в некоторых случаях противоречивы и неверны. Он говорит, например, что защита должна пользоваться «доверием подсудимого, чтобы он спокойно доверял ей свою тайну, чтобы он не ждал от нее удара в спину». А через один абзац тов. Равич, приводя случай с английским адвокатом Филиппсом, защищавшим ла-

кея-убийцу и, по совету судьи Парке, отстаивавшим своего подзащитного до конца как невиновного, несмотря на то, что он сознался Филиппсу в своей виновности, — говорит: «Советская защита не могла бы согласиться с советом Парке». Значит, советский защитник должен в подобном случае раскрыть суду виновность своего подзащитного. Но что же тогда станет с принципом тов. Равича о сохранении тайны подсудимого, который не должен ждать удара в спину от своей защиты?.. Казалось бы, правильное решение вопроса должно заключаться в отказе от защиты, если защитник не может и не должен держаться на суде одной версии с подсудимым. Но тут мы опять натываемся на рога тов. Равича, который утверждает: «Буржуазная адвокатура, построенная на частном начале, создала популярную «теорию разборчивости» в отношении принятия дел. Советская защита по уголовным делам не может принять такой теории. Право подсудимого на защиту обеспечено у нас Конституцией. Вопрос для советского защитника сводится не к тому, кого защищать, а к тому, как защищать: политически правильно, честно и правдиво».

Ясное дело, защищать надо политически правильно, честно и правдиво. Но, если мы должны отвергнуть «теорию разборчивости», как детище буржуазной адвокатуры, построенной на частном начале, тогда защитник должен брать любое дело, независимо от того, что он не согласен с обвиняемым, а следовательно, должен выдать суду тайну обвиняемого. Получается заколдованный круг...

К слову сказать, поскольку речь зашла о «частном начале», позволительно будет спросить у тов. Равича, будет ли он настаивать на присвоении звания представителя государства и лично-практикующим защитникам, которых теперь у нас предполагает узаконить проект Положения об адвокатуре?

Формула тов. Равича «защитник — представитель государства» явно неправильна. Но как же определить положение защитника в советском суде? Нам представляется, что правильное определение может быть выработано коллективными усилиями теоретической мысли наших правовых работников. Но в общих чертах защитник является, по нашему мнению, представителем интересов частного лица, но согласующим свою деятельность с интересами советского государства и действующим в таких пределах, чтобы ни в малейшей степени не нарушить интересов дорогого ему социалистического отечества.

А. Либерман

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

ПРАВО Б. ЖЕНЫ НА ПЛОЩАДЬ НЕ ДАЕТ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ВСЕЛЕНИЯ ЕЕ В КОМ- НАТУ, ЗАНИМАЕМУЮ Б. МУЖЕМ С ДРУ- ГОЙ СЕМЬЕЙ

Народный суд 2-го участка Железнодорожного района г. Москвы вынес решение, которым удовлетворил иск гр. Крыловой В. М. к гр. Жигурову М. А. и постановил вселить Крылову в комнату, полученную Жигуровым в РЖСКТ по Русаковской ул., закрепив за ней 8 кв. м площади.

Гражданская кассационная коллегия Московского городского суда оставила жалобу Жигурова без последствий.

Прокуратура Союза ССР опротестовала решение народного суда и определение кассационной коллегии Московского горсуда по следующим основаниям: Жигуров получил в РЖСКТ комнату размером 23 кв. м. и проживает в ней с женой, с которой зарегистрировал брак в мае 1936 г., и с дочерью. Ранее он состоял в фактическом браке с Крыловой. Взносы в РЖСКТ были сделаны в тот период, когда Жигуров проживал совместно с Крыловой; поэтому народный суд признал за Крыловой право на часть комнаты.

Гр. Крылова проживает в Загорске, в доме фабрики имени Красной армии.

Решение народного суда о том, что Крылова имеет право на часть площади, которую получил Жигуров в РЖСКТ, правильно. Однако оно не может служить основанием к тому, чтобы вселять Крылову в комнату к ее б. мужу, живущему с другой женой.

Такое вселение не может привести ни к чему другому, кроме неприятностей, склоки и, быть может, нового судебного спора.

Народному суду следовало вынести решение не о вселении Крыловой в комнату к Жигурову с семьей, а об обязанности Жигурова обменять комнату, полученную в РЖСКТ, на две комнаты, с тем, чтобы Крылова получила одну из них.

При этом следовало поставить вопрос о том, что и ныне занимаемая Крыловой комната в Загорске может стать объектом обмена, так как из дела видно, что дом в Загорске принадлежал тетке Крыловой, а затем был продан фабрике. Крылова жила в доме еще до этой продажи, а потому фабрика не может требовать выселения Крыловой, и последняя вправе обменять площадь в этом доме на другую.

Ввиду этого Прокуратура СССР находила необходимым отменить решение народного суда Железнодорожного района от 22 июня с. г. и определение ГKK от 14 июля и передать дело на новое рассмотрение.

Президиум Московского горсуда отклонил протест Прокуратуры Союза.

Протест был принесен в Гражданскую коллегия Верховного суда РСФСР, которая 23 сентября с. г. определила: решение народного суда 2-го уч. Железнодорожного района г. Москвы, определение Кассационной коллегии Московского горсуда и постановление президиума Московского горсуда по настоящему делу отменить и дело возвратить в народный суд для нового рассмотрения.

ОБЯЗАННОСТЬ КОЛХОЗА ВОЗМЕСТИТЬ ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРИ ЭКСПЛУАТА- ЦИИ ИМ ЛОШАДИ НЕЧЛЕНА КОЛХОЗА

20 мая 1936 года у гражданки деревни Антифьево Тутовского сельсовета Даниловой в качестве меры воздействия за неплатеж налога сельсоветом временно была взята лошадь и передана для работы первоначально в колхоз «Волгарь» на 4 дня и «Красный Октябрь» на 7 дней. Вследствие невнимательного отношения к лошади у нее образовался намин, и после возврата ее истце лошадь 14 дней не могла работать и находилась под наблюдением ветврача.

Гр. Данилова предъявила иск к колхозам «Волгарь» и «Красный Октябрь» в сумме 590 рублей из расчета возмещения суммы, вырученной колхозами за время работы лошади в колхозе, и суммы упущенной выгоды за время болезни лошади.

19 июля 1936 г. народный суд 3-го участка Тутовского района Ярославской области иск гр. Даниловой удовлетворил в размере 390 рублей.

10 августа 1936 г. Гражданская кассационная коллегия областного суда решение народного суда отменила, отказав гр. Даниловой в иске на том основании, что нельзя искать предполагавшуюся прибыль от эксплуатации лошади.

Прокуратура Союза, считая решение народного суда неправильным, опротестовала определение Кассационной коллегии Ярославского областного суда по следующим основаниям:

Совершенно неправильно Кассационная коллегия областного суда считает доходы от эксплуатации лошади в крестьянском хозяйстве прибылью.

Иск гр. Даниловой вытекает из причинения ущерба, и так как установлено, что колхозы «Волгарь» и «Красный Октябрь» работали на лошади Даниловой и вследствие ненадлежащего ухода лошадь заболела и по возвращении Даниловой не работала, колхозы обязаны возместить причиненный вред на основании ст. 403 Гражданского кодекса.

Ответчики обязаны также уплатить Даниловой и за время пользования лошадью на работах в колхозах.

Размер присужденной народным судом суммы не является преувеличенным.

Президиум Ярославского областного суда 10 июня 1937 г. постановил определение ГKK областного суда от 10 августа 1936 г. отменить, оставив в силе решение народного суда от 19 июля 1936 г.

РАСЧЕТЫ С РАБОТНИКОМ УЧРЕЖДЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ДРУГОЙ ГОРОД

В июле 1935 года, на основании распоряжения Полярного райисполкома Мурманского округа, согласованного с зав. Мурманской окрсберкассой, гр. Петров был переведен из села Полярного в город Мурманск, ввиду перемещения туда районной сберкассы, которой заведывал гр. Петров.

При переезде окрсберкасса гр. Петрову ни подъемных, ни фактических расходов по переезду не оплатила, ссылаясь на то, что вопрос об организации райсберкасс не решен и Полярный рик в Мурманск находится временно, а гр. Петров от окрсберкасы распоряжения о переезде в Мурманск не получал. В августе 1935 г. Петров предъявил иск к сберкассе и Полярному рiku о возмещении фактических расходов по переезду и причитающихся ему подъемных.

Народный суд г. Мурманска решением от 21 августа 1935 г. обязал Мурманскую окрсберкассу уплатить гр. Петрову подъемное пособие на себя и на семью в сумме 1878 р. 57 к. По кассационной жалобе областного управления гострудсберкасс и госкредита Гражданская кассационная коллегия Мурманского окружного суда 4 октября 1935 г. определила решение народного суда оставить в силе, а жалобу кассаторов без последствий. В частном определении ГKK указала о сообщении копии данного определения окрпрофсовету для отмены незаконного решения РКК от 10 августа 1935 года об отказе гр. Петрову в выплате подъемных.

Пленум Мурманского окружного суда от 9 октября 1935 года по протесту окружного прокурора постановил определение ГKK окрсуда от 4 октября 1935 года отменить, так как перевод Петрова в Мурманск имел место без разрешения окрсберкасы, а дело дальнейшим производством прекратить за отсутствием у истца права на иск.

По переезде гр. Петрова в Мурманск ему был предоставлен отпуск, при увольнении же с него было удержано за 2 недели отпуска, причем ни выходного, ни единовременного пособия ему выплачено не было.

Прокуратура СССР, считая постановление пленума Мурманского Окружного суда неправильным, опротестовала это постановление по следующим основаниям:

Перемещение райсберкасы из села Полярного в г. Мурманск фактически состоялось. Оговорка зав. Мурманской окрсберкассой Поселова о несогласии оплаты подъемных никакого значения не имеет, так как согласно ст. 82 КЗоТ подъемные уплачиваются во всех случаях перевода работников на работу в другие местности (кроме перевода по собственной

просьбе), но ни в коем случае не по соглашению работника с администрацией:

Переезд гр. Петрова был произведен на основании распоряжения Полярного рика с уведомлением окрсберкасы, которая никаких возражений по поводу перемещения сберкасы не принесла, а следовательно, само перемещение произошло с ее ведома.

Петров имеет право на получение подъемных независимо от того, являлся ли он заведующим районной или приписной сберкассой, ибо законом таких ограничений не установлено; поэтому вопрос о том, была ли в селе Полярном районная сберкасса, не может являться для дела существенным.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, нашла, что пленум окрсуда исходил из того факта, что приказа окрскасы о переводе гр. Петрова в Мурманск не было. Однако это обстоятельство не имеет значения, поскольку окрсберкасса была поставлена в известность райисполкомом о переводе райсберкасы, с перенесением районного центра Полярного рика из села Полярного в г. Мурманск, и переезд гр. Петрова в Мурманск, где ему предоставили квартиру. Окрсберкасса не возражала против этого и никаких противоположных приказов в отношении гр. Петрова не издавала. Бездействие окрсберкасы при фактически состоявшемся по требованию рика переводе райсберкасы и переезде зав. райсберкассой гр. Петрова не лишает его права на получение компенсаций (подъемных и расходов по переезду), так как переезд состоялся, окрсберкасса против него не возражала и, наоборот, выразила согласие принять на себя оплату расходов по переезду.

Возражение зав. окрсберкассой против оплаты подъемных не имеет значения, так как вопрос этот решается не соглашением сторон, а ст. 82 КЗоТ.

Несущественным для дела является также и вопрос о том, какая сберкасса была в с. Полярном: районная или приписная, так как закон никаких изъятий для работников приписных касс не устанавливает.

Вследствие изложенного Гражданская коллегия определила отменить постановление пленума Мурманского окрсуда и все состоявшиеся судебные решения по настоящему делу и передать последнее для нового разрешения в нарсуд г. Мурманска.

РАБОТНИК, ПОСЕЛЕННЫЙ НА ЗАБРОНИРОВАННОЙ ПЛОЩАДИ, НЕ ВПРАВЕ ТРЕБОВАТЬ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЭТОЙ ПЛОЩАДИ ЗА СОБОЙ В СЛУЧАЕ УВОЛЬНЕНИЯ, ХОТЯ БЫ И ПО СОКРАЩЕНИЮ ШТАТОВ.

Гр-н Рафиков в 1932 г. выехал на работу за границу по командировке Наркомвнешторга. Квартира его в г. Ленинграде в доме ЖАКТА за ним забронирована сроком до 1 февраля 1933 г. Наркомвнешторг на это время поселил в квартире своего сотрудника Воробьева.

В 1934 г. Наркомвнешторг предъявил иск о выселении Воробьева, потерявшего трудовую связь с НКВТ.

4 мая 1935 г. народный суд отказал НКВторгу в иске на том основании, что броня, выданная Рафикову, не была продлена, а потому ЖАКТ правильно открыл лицевой счет Воробьеву и закрепил за ним квартиру.

Кассколлегия Леноблсуда решение суда отменила и решила Воробьева выселить.

Президиум Ленинградского областного суда 16 августа 1935 г. изменил определение Кассационной коллегии, обязав НКВТ предоставить выселяемому Воробьеву годную для жилья площадь на том основании, что Воробьев уволен был из НКВТорга по сокращению штатов. Решение не было приведено в исполнение.

В 1937 г. Рафиков приехал из Китая и потребовал освобождения площади.

Прокуратура Союза опротестовала решение нарсуда, определение кассколлегии и постановление президиума облсуда по следующим основаниям:

Наркомвнешторг представил в суд 3 охранных свидетельства, выданных им Рафикову сроком до 1 октября 1935 г. Таким образом в момент вынесения решения об отказе в выселении Воробьева на площадь Рафикова имелась броня. Но даже если бы брони и не было, это не лишало бы Рафикова права на сохранение за ним права на площадь на весь период его работы за границей, согласно постановлению СНК РСФСР от 24 марта 1928 г., так как право на сохранение площади создается для отъезжающих в командировку за границу не броней, а законом, охраняющим это право.

ЖАКТ не имел права открывать на эту площадь лицевой счет Воробьеву.

Кассколлегия Леноблсуда правильно решила выселить Воробьева. Президиум Леноблсуда неосновательно обязал НКВТорг предоставить Воробьеву жилплощадь, так как Воробьев получил не площадь в ведомственном доме, а площадь Рафикова, временно свободную и во всяком случае подлежащую освобождению по приезде Рафикова из-за границы. Поэтому никакого значения мотивы увольнения Воробьева (сокращение штатов) не имеют. Это могло бы иметь значение в том случае, если бы Воробьев получил площадь в ведомственном доме в связи с работой. В данном же случае площадь Воробьевым была получена ввиду отъезда Рафикова и лишь на время отсутствия последнего.

Поэтому Президиум Леноблсуда неосновательно обязал НКВТорг предоставить Воробьеву площадь.

Гражданская коллегия Верховного суда СССР 27 сентября с. г. вынесла следующее определение: Воробьев П. Н., сотрудник НКВТ, получил в ЖАКТе площадь, принадлежавшую гр. Рафикову и находившуюся во временном распоряжении истца ввиду отъезда Рафикова за границу. Выселялся Воробьев по причине окончанияграничной командировки Рафикова. Поскольку гр. Воробьев квартиру получил временно и принадлежащую частному лицу, а не нанимателю, — у президиума облсуда не было никаких оснований, предусмотренных законом, обязывать нанимателей предоставить ему другую площадь только потому, что он уволен по сокращению штатов.

Гр. Воробьев, как вселенный на заброниро-

ванную площадь, считается временным жильцом, и права на площадь не приобретает.

По изложенным основаниям Гражданская кассационная коллегия Верховного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза и руководствуясь ст. 246 Гражданского процессуального кодекса, определила решение нарсуда и постановление президиума облсуда отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе.

СУД НЕ ВПРАВЕ ОТКАЗАТЬ В РАЗДЕЛЕ ДОМА МЕЖДУ СУПРУГАМИ ПО СООБРАЖЕНИЯМ «НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ДРОБЛЕНИЯ ПОСТРОЙКИ»

В сентябре 1934 г. гр. Мазохина обратилась в народный суд Вязниковского района Ивановской области с иском к б. мужу о разделе дома и другого имущества, приобретенного во время совместной жизни супругов. Имущество было оценено в 4600 руб.

Решением от 22 октября 1934 г. народный суд постановил выделить гр. Мазохиной комнату и часть имущества.

По жалобе ответчика Кассационная коллегия Ивановского областного суда определением от 10 ноября 1934 г. отменила решение народного суда и передала дело на новое рассмотрение.

При вторичном рассмотрении дела по существу народный суд 14 декабря 1934 г. постановил выделить истце часть имущества на сумму 965 руб., но отказал в разделе дома.

Определением Кассационной коллегии облсуда от 25 апреля 1935 г. решение народного суда было оставлено в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала решение народного суда от 14 декабря 1934 г. и определение Кассационной коллегии областного суда от 25 апреля 1935 г. по следующим основаниям:

Народный суд совершенно неправильно и без достаточных к тому оснований в этом деле о разделе имущества между супругами произвел зачет сумм, которые Мазохин якобы переплатил своей бывшей жене на содержание.

Необоснованным является отказ суда в разделе дома за невозможностью дробления дома. Речь идет не о дроблении дома, а о признании за гр. Мазохиной права общей собственности (ст. 61 Гражданского кодекса). Следовательно, у суда не было оснований требовать гр. Мазохиной о признании права на дом компенсировать деньгами. Мазохина утверждает, что нуждается в жилплощади. Поэтому, если дом является имуществом, нажитым в течение брака, она вправе требовать признания за ней права на часть дома, без выделения ее в натуре, и права пользоваться жилплощадью в этом доме (ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке).

В деле имеется акт дарения дома гр. Душиной ответчику по настоящему делу от 12 июля 1929 г. Это обстоятельство не лишает истцу права требовать признания за ней права на часть дома, поскольку дом этот, хотя бы и подаренный ответчику, является также имуществом, нажитым в течение брака (ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке).

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР 8 октября 1937 г., рассмотрев протест Прокуратуры Союза, руководствуясь ст. 246 Гражданского процессуального кодекса, определяет: решение народного суда отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

ПОДСУДНОСТЬ ИСКОВ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ИСКЛЮЧЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРОМЫСЛОВЫХ АРТЕЛЕЙ

Прокуратура Союза ССР направила в Верховный суд РСФСР жалобу гр. Агафонова на отказ народного суда г. Шахты принять иски о восстановлении в членах промышленной артели. Прокуратура Союза просила предложить нарсуду рассмотреть дело.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР 3 сентября 1937 г. вынесла следующее определение: суд неправильно отказал гр. Агафонову в приеме от него искового заявления о восстановлении его в членах промартели, так как по разъяснению пленума Верховсуда РСФСР от 16 мая 1930 г. такого рода иски рассматриваются в судебных органах, а потому Гражданская коллегия определяет настоящее дело передать в нарсуд 2 уч. г. Шахты для рассмотрения по существу.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНА ОТ 7 АВГУСТА 1932 г.

Приговором Верховного суда Узбекской ССР были осуждены по закону от 7 августа 1932 г. к высшей мере наказания Томилин Алексей Михайлович, Лившиц Лев Абрамович, Коротько Афанасий Степанович к 10 годам лишения свободы и Миноваров Махмуд Мусагирович по ст. 140 ч. 1 и 108 УК УзССР к 8 годам лишения свободы.

Постановлением Президиума Верховного суда УзССР расстрел Томилину был заменен 10 годами лишения свободы с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет. Томилин, будучи в период 1933—1935 гг. уполномоченным нескольких предприятий г. Свердловска по заготовкам сельхозпродуктов, совершил ряд злоупотреблений.

По договоренности с осужденным Лившицем Томилин незаконно получил банковский кредит в сумме 181 000 руб. и использовал эти деньги не по назначению.

Имея разрешение Узбекского конвенционного бюро на закупку через Узкоопплодоовощь 150 тонн бахчевых овощей и фруктов, Томилин заготовил 485 991 кг у разных организаций, совхозов и колхозов УзССР. Из заготовленной продукции он 5,9% направил свердловским организациям, а остальную часть перепродал различным организациям Урала, Сибири и др. по повышенным ценам, обратив полученную разницу в свою личную пользу.

Производя заготовки в Кибрайском районе, Томилин вовлек в свои злоупотребления зам. зав. Кибрайским заготпунктом Коротько Афанасия и бухгалтера этого пункта Миноварова. Закупая овощи и фрукты у совхозов и колхозов, Томилин заготовил эти продукты через Кибрайский заготпункт, составив при помощи

Коротько и Миноварова фиктивные счета с преувеличением стоимости заготовленных продуктов.

В 1935 г. Томилин при помощи кокандских торговцев Файзуллина и других организовал в Новосибирске и Иркутске торговлю овощами под вывеской колхозной торговли. В действительности это предприятие являлось частной торговлей Томилиной и других участников.

В 1933 г. Томилин приобрел в районе 128 разъезда дом за 25 000 руб., перепродав его впоследствии за 85 000 руб. Полученную разницу присвоил.

Несмотря на то, что свердловский завод «Металлист» аннулировал выданные Томилину полномочия еще в декабре 1934 г., Томилин от имени этого завода организовал подсобное хозяйство в Пахта-Аральском районе Казахстана, арендовав для этой цели колхозную землю.

Судом было установлено, что в результате злоупотреблений Томилиной свердловским организациям причинен ущерб в размере 229 346 руб. 96 коп., из которых присвоенными оказались 166 922 руб. 67 коп.

Лившиц, будучи в 1934—1935 гг. уполномоченным свердловского пицеторга в г. Ташкенте, совместно с Томилиным незаконно получил и использовал 181 000 руб. банковского кредита; присвоил из имевшихся у него подотчетных сумм 18 070 руб.; из имевшихся у него товаров, предназначавшихся для стимулирования заготовок, приобрел в свою пользу на сумму 2072 руб. 93 коп.; не имея разрешения на заготовки в Ташкентской зоне, заготовил в этой зоне яблок на сумму 73 308 руб., оформив эти заготовки фиктивными счетами; присвоил себе звание члена партии, выдавал себя также за делегата XVII партийного съезда, красного партизана, награжденного оружием. Незаконно носил форму НКВД и хранил оружие системы «Браунинг» без соответствующего разрешения.

Коротько и Миноваров, будучи вовлеченными Томилиным в его преступную деятельность, систематически оформляли незаконные заготовки Томилиной в Кибрайском районе, составляя для этой цели фиктивные счета с иревышением цен.

Коротько и Миноваров по поручению Томилиной проводили ряд незаконных заготовок.

В целях облегчения деятельности Томилиной, Коротько и Миноваровым была нарушена кредитная реформа—допущено перечисление сумм для Томилиной через кассу заготпункта и передано таким порядком Томилину наличными 179 456 руб.

За все эти «услуги» Коротько получил от Томилиной 2 000 руб. и Миноваров 1 500 руб.

Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Коротько и Миноварова по следующим основаниям: суд неправильно применил к Коротько закон от 7 августа 1932 г., так как по данному делу не установлено участие Коротько в хищениях. Коротько способствовал преступной деятельности Томилиной, составлял фиктивные преувеличенные счета для него, производил незаконные заготовки, а также перечислял деньги через заготпункт и предоставил Томилину большую сумму наличными. Эти действия являются злоупотреблением служебным положением в корыстных целях (поскольку Коротько получил от Томилиной

2000 руб.) и должны быть квалифицированы по ст. 140 ч. 1 УК УзССР.

Неправильно также применение к Миноварову ст. 148 УК УзССР (растрата), так как по данному делу не установлено ни одного случая присвоения или растраты со стороны Миноварова; он точно так же, как и Коротько, путем злоупотреблений способствовал преступной деятельности Томилиа. Поэтому действия Миноварова должны быть квалифицированы только по 1 ч. ст. 140 УК УзССР.

Коротько и Миноваров совершили преступление впервые, будучи вовлечены в него Томилиным.

Учитывая это обстоятельство, а также то, что Коротько и Миноваров в хищениях Томилиа участия не принимали, наказание, установленное им судом, по своей суровости, не соответствует совершенному ими преступлению.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила преступление Афанасия Коротько и Махмуда Миноварова переqualифицировать на ст. 140 ч. 1 УК УзССР и определенную им меру наказания снизить до 5 лет лишения свободы каждому.

***

Линейный суд Московско-Курской железной дороги 27 февраля 1933 г. в числе других лиц признал виновным заведующего магазином ТПО Дагаева в том, что он вместе с другими служащими магазина (всего 9 человек) допустил ряд злоупотреблений по службе, а именно: продавал один сорт хлеба за другой и присваивал разницу; брал себе и давал знакомым больше хлеба, чем полагалось по норме; позволял продавцам делать то же самое.

Преступлениями всех осужденных был причинен и материальный ущерб государству в сумме 5025 руб. 24 коп., в том числе лично Дагаевым 2565 руб.

За это преступление Дагаев был по закону 7 августа 1932 г. приговорен к 10 годам лишения свободы.

Обвинительное заключение было составлено с квалификацией преступления Дагаева по ст. 109 УК и лишь резолюцией прокурора дороги было переqualифицировано по закону 7 августа 1932 г.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР 21 марта 1933 г. приговор оставила в силе, но Дагаеву без изменения квалификации снизила срок лишения свободы до 5 лет, а остальным до исправительно-трудовых работ на разные сроки.

Дагаев был арестован 26 августа 1932 г. и в мае 1934 г. из лагерей бежал, скрывался и работал в разных местах.

В апреле 1937 г. Дагаев, в связи со статьями в центральной печати о явке с повинной, из Ашхабада приехал в Москву и явился в Московский уголовный розыск с повинной.

Дагаеву был выдан годичный паспорт и его прописали в Царицыно-Дачное. По справке уголовного розыска Дагаев после побега из лагерей преступлений не совершал.

Принимая во внимание вышеизложенное и учитывая, что закон 7 августа 1932 г. был к Дагаеву применен неправильно, так как его преступление предусмотрено ст. 109 УК, Про-

куратура Союза опротестовала приговор в отношении Дагаева.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила снизить меру наказания, определенную Дагаеву, до 2 лет лишения свободы, считая эту меру наказания условной, с испытательным сроком в 2 года.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА МЯГКОСТЬЮ

Линейный суд Ленинской железной дороги 27 мая 1937 г. приговорил по ст. 59^а п. «в» ч. 1 УК РСФСР Дьяконова И. Т. к 2 годам лишения свободы условно.

11 июня Коллегия по транспортным делам Верховного суда Союза ССР приговор линейного суда утвердила.

Дьяконов был признан виновным в том, что, будучи механиком на сортировочной горке ст. Перово, неоднократно допускал аварии и порчу моторов в машинном отделении механизированной горки.

Так, 19 октября 1936 г. Дьяконов пустил компрессор без достаточного охлаждения; опасность вывода из строя агрегата была предотвращена начальником горки Ефремовым.

29 октября сжег реостат и скрыл это при сдаче дежурства, вследствие чего при пуске мотора произошла вспышка и мотор выбыл из строя.

В ночь с 1 на 2 ноября 1936 г. подлил в компрессор, вместо компрессорного, машинное масло, отчего могла произойти авария.

Допускал неправильную чистку контактов, что вызывало неправильную работу механизированных стрел.

Вывод, который делает в своем приговоре суд, что указанные действия Дьяконова являются результатом его неопытности, противоречат показаниям самого обвиняемого на суде, указывающего, что после окончания учебы он в течение двух лет работал на практической работе.

Кроме того при вынесении приговора суд не учел целого ряда моментов, характеризующих личность обвиняемого с отрицательной стороны.

В дипломе об окончании учебного заведения Дьяконов учинил подлог, сделав не соответствующую действительности приписку, характеризующую его, как ударника по учебе.

Не имея специального разрешения, он изготовил себе ключ, при помощи которого мог проникать в компрессорное отделение, в фидер высокого напряжения и в релейное отделение и, наконец, без разрешения скопировал для себя схему релейного управления.

Принимая во внимание изложенное, в отношении Дьяконова должно быть применено наказание — безусловное лишение свободы. По этим соображениям Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение Транспортной коллегии в части применения условного наказания к Дьяконову.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор линейного суда и определение Транспортной Коллегии Верховного суда СССР по делу Дьяконова отменить и дело вернуть на новое рассмотрение в тот же линейный суд.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОСУЖДЕНИЕ

9—10 июня 1937 г. линейный суд железной дороги им. Кирова приговорил по ст. 59^{3б} ч. 1 УК РСФСР Гришину Клавдию Михайловну к 2 годам лишения свободы, Борихину Павлину Семеновну к 4 годам лишения свободы и Попова Александра Александровича к 3 годам лишения свободы.

1 июля 1937 г. Транспортная коллегия Верховного Суда СССР приговор линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение Транспортной коллегии Верховного суда в отношении Гришиной и Борихиной по следующим основаниям.

13 мая 1937 г. в 3 ч. 47 мин. на ст. Волховстрой жел. дороги имени Кирова поезд № 63 был принят на первый путь, занятый поездом № 79. Крушение было предотвращено машинистом поезда № 63 Корниловым.

Выводы линейного суда, что основными виновниками приема поезда № 63 на занятый путь являются старший стрелочник Гришина и младший стрелочник Борихина, находятся в противоречии с фактическими обстоятельствами дела.

Обстановка, предшествовавшая приему поезда № 63 на занятый путь, была такова:

В 3 ч. 27 мин на ст. Волховстрой-2 прибыл поезд № 79, который был принят на первый путь. Дежурный по станции Попов, зная что поезд хвостовой частью остановился на стрелке № 87 и тем самым загородил проход на второй путь, не принял мер для установки поезда в пределах контрольного столбика первого пути и к освобождению прохода на второй путь.

До прибытия на станцию поездов №№ 908 и 63 Попов без особой необходимости дал несколько распоряжений стрелочным постам о приготовлении маршрутов после прибытия поездов №№ 908 и 63.

Таким образом, Попов своими действиями создал путаницу в работе и тем самым дезориентировал работников станции, лишив их возможности четко выполнять полученные ими распоряжения. В частности, в таком положении оказалась Гришина — старший стрелочник.

Перед прибытием поезда № 63, когда семафор был ему уже открыт, Гришина, имея задание от Попова о приготовлении маршрута для другого поезда, дала распоряжение неопытному младшему стрелочнику Борихиной (работает на транспорте с 23 апреля 1937 г.) после прибытия поезда № 63 подготовить маршрут на выход с 5-го пути к поезду, идущему на ст. Волховстрой-2, и передала ей ключи от стрелки №№ 1 и 3, а сама пошла выполнять другие задания: встречать поезд № 908 и пропускать паровоз с контрольного поста на 16-й путь.

Борихина, не дождавшись прибытия поезда № 63, перевела стрелку № 1, вследствие чего поезд № 63 был принят вместо второго пути на первый путь, занятый поездом № 79.

Так как Попов своими неправильными действиями поставил Гришину в чрезвычайно тяжелые условия работы, вследствие чего она не имела возможности правильно выполнить порученное ей задание и руководить работой младшего стрелочника Борихиной, то нет достаточных оснований для признания ее главным виновником приема поезда № 63 на занятый путь.

Что касается Борихиной, то из материалов дела видно, что она назначена на должность младшего стрелочника 23 апреля 1937 г., т. е. за 20 дней до этого случая. При назначении на работу Борихина выдержала испытание по ПТЭ посредственно.

Служебно-надзорная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила считать меру наказания, определенную Гришиной и Борихиной, условной, с испытательным сроком 2 года.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ОСУЖДЕНИЕ

Линейный суд Юго-Восточной железной дороги 28 ноября 1936 г. приговорил по ст. 59^{3б} Колесникова Василия Васильевича к двум годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховного Суда СССР своим определением от 13 декабря 1936 года приговор этот оставила в силе.

По содержанию приговора виновность Колесникова заключалась в том, что он, следуя в качестве паровозного машиниста с поездом № 951, 31 октября 1936 г. проехал закрытый входной семафор, в результате чего поезд въехал в улавливающий тупик и потерпел крушение.

В результате крушения было разбито 16 и повреждено 8 вагонов. Убит главный кондуктор Панов, а убыток транспорту причинен в сумме 93 900 руб.

Материалами предварительного и судебного следствия было установлено, что крушение произошло в 3 часа 35 мин. в темную ночь, при сильном тумане.

Согласно § 277 ПТЭ, в ночное время, при сильном тумане, дежурный по станции обязан был оградить входной семафор петардами на расстоянии тормозного пути.

В данном случае ДСП Галкин, осужденный по этому же делу, семафор петардами не ограждал.

Произведенной проверкой видимости семафора 31 октября 1936 г. в 5 час. 40 мин., т. е. через два часа после крушения, было установлено, что семафор был виден лишь за 160 метров, а расстояние от семафора до конца тупика равнялось 207 метрам. Таким образом машинист Колесников с места видимости закрытого семафора имел тормозной путь всего лишь 367 метров, вместо 800 установленных ПТЭ (§ 343).

Кроме этого материалами дела было установлено также, что и входной семафор поста 301 км имел вместо линзы простое стекло, а вместо 14-линейной — 10-линейную лампу. Такое неправильное оборудование семафора в значительной степени понижало его видимость. Входные же стрелки поста 301 км вопреки

требованиям ПТЭ не были оборудованы желтым стеклом, а имели старое зеленое стекло.

В ночное время, при плохой видимости, зеленые огни стрелок могли ввести в заблуждение и паровозную бригаду.

Показания свидетелей Бирюкова (смазчика), Шевелева (пом. машиниста) и Козленко (кочегара) подтверждают, что машинист Колесников принял зеленый огонь стрелки за открытый семафор и что закрытый семафор был виден лишь на расстоянии 15—20 вагонов; что, заметив проезд семафора, Колесников принял все меры к остановке поезда, но ввиду короткого расстояния остановить поезд не смог.

Причиной крушения поезда № 951, как это бесспорно установлено материалами дела, послужило неограждение закрытого семафора пертардами.

За это грубое нарушение ПТЭ, повлекшее крушение поезда, правильно был осужден ДСП Галкин к 10 годам лишения свободы, а для привлечения к судебной ответственности машиниста Колесникова не было достаточных оснований.

Из документов, приложенных к делу, видно, что Колесников был стахановцем. В 1936 году за хорошую работу был премирован курортной путевкой и домашней обстановкой.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение Транспортной коллегии Верховного суда СССР в отношении машиниста Колесникова как неправильные.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линейного суда Юго-Восточной ж. д. от 28 ноября 1936 г. и определение Транспортной коллегии Верховного суда СССР от 13 декабря 1936 г. в отношении Колесникова Василия Васильевича отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЛА НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

19—20 июня 1937 г. линейный суд Калининской ж. д. приговорил Харитонову Прокофия Павловича по ст. 111 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы.

11 августа 1937 г. Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор линейного суда отменила и дело направила на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Прокуратура Союза опротестовала определение Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям:

14 февраля 1937 г. в родильное отделение Ржевской ж.-д. больницы была помещена роженица — стахановка Прасковья Лескова. После родов акушерка Яковлева обнаружила у Лесковой сильные разрывы родовых путей.

Врач-акушер Харитонов (начальник родильного отделения) отнесся к лечению больной бездушно-бюрократически. На пятый день после родов у больной начали обнаруживаться признаки эндометриального сепсиса и экзогенного психоза. Не созвав консилиума врачей и не исследовав больную, Харитонов отдал распоряжение отправить ее в Бурашевскую психическую больницу.

Лескова была отправлена в указанную больницу без документов (история болезни) и в явно антисанитарных условиях. Несмотря на сильный холод, она была отправлена в одной смиренной рубашке, без постельных принадлежностей, в жестком вагоне и без продуктов питания. 1 марта 1937 г. Лескова от эндометриального сепсиса умерла.

Кроме этого случая, следствием установлено, что по вине Харитонova в сентябре 1936 г. несвоевременно была сделана операция гр. Виноградовой, вследствие чего Виноградова умерла.

Транспортная коллегия предложила точно выяснить функции врача Харитонova как администратора и удовлетворить его ходатайство о вызове в судебное заседание эксперта.

Ходатайство Харитонova о вызове в судебное заседание эксперта Лаухина было удовлетворено и эксперт Лаухин был допрошен в суде.

В отношении второго предложения Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР «точно выявить функции врача Харитонova как администратора», то совершенно непонятно, что этим хотела сказать Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР.

Материалами дела в полной мере выявлены функции врача Харитонova и установлена его преступная халатность в лечении больных.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение Транспортной коллегии Верховного суда СССР от 11 августа 1937 г. по делу Харитонova отменить и дело о нем передать на новое кассационное рассмотрение в ту же коллегия в ином составе.

Травы процесс судостроительств в капиталистических странах

Старые и новая „оговорки“ в Голландской конституции

Ленин, как известно, писал: «Нет ни одного хотя бы самого демократического государства, где бы не было лазеек или оговорок в конституциях, обеспечивающих буржуазии возможность двинуть войска против рабочих, ввести военное положение и т. п. «в случаях нарушения порядка», — на деле в случае «нарушения» эксплуатируемым классом своего рабочего положения и попыток вести себя не по-рабски»¹.

Разумеется, такие оговорки содержатся и в голландской конституции.

В Голландии действует конституция 1887 г. под именем «Основного закона Нидерландского королевства»². В то время как конституция 1848 г., бывшая отголоском пронесшегося по Европе революционного шторма, не содержала в себе никаких постановлений об исключительном положении, конституция 1887 г. имеет статью 189, которая гласит:

«В целях поддержания внешней или внутренней безопасности каждая часть территории королевства может быть объявлена королем или его именем на военном или на осадном положении. Закон определяет форму и случаи этого объявления и регулирует его последствия.

В этих случаях может быть решено, что конституционные правомочия гражданской власти в отношении полицейского порядка и полицейских мер переходят полностью или частично к военной власти и что гражданские власти подчиняются военным властям.

Кроме того могут делаться отступления от статей 7, 9, 159 и 160 конституции.

В случае войны могут также делаться отступления от раздела 1 статьи 157.

Для того, чтобы судить, как широко допускаемые при военном или осадном положении отступления от общих конституционных норм, гарантирующих гражданам их основные права, следует привести и те статьи конституции, на которые сделаны ссылки в ст. 189.

Ст. 7. «Никто не нуждается в каком-либо предварительном разрешении для опубликования путем печати своих мыслей или своих мнений, но каждый ответственен за них по закону».

Ст. 9. «Право объединяться и собираться признается за жителями королевства. Закон определяет и ограничивает пользование этим правом в интересах общественного порядка».

Ст. 159. «Не разрешается проникать в жилище против воли его обитателя иначе, как в предусмотренных законом случаях и в силу

особого или общего полномочия со стороны указанной законом власти. Закон определяет порядок осуществления этого права».

Ст. 160. «Тайна писем, доверенных почте или всякой другой пересылочной службе, ненарушима, поскольку нет на то полномочия судьи в случаях, точно указанных законом».

Ст. 157, ч. 1. «Никто не может быть изъят против своей воли из подсудности тому судье, который указан ему законом».

В силу 4 части 189 статьи отступления от нормальной подсудности могут делаться в случае войны. Уже при обсуждении проекта ст. 189 конституции возник вопрос, подходит ли под понятие войны также гражданская война. Правительство в своей мемории дало ответ: «С правовой точки зрения война имеет место тогда, когда противостоящие друг другу вооруженные силы признаны, как ведущие войну стороны».

1 часть ст. 189 требует издания особого закона, который определил бы форму и случаи объявления военного или осадного положения и нормировал бы его последствия. Это было выполнено изданием закона 23 мая 1899 г., который вступил в силу 1 мая 1901 г.

Специфическую особенность голландского закона о военном положении, находящую себе объяснение в местных географических условиях, составляют специальные постановления, направленные к охране водных сооружений, торфяных болот и польдеров¹.

Недавний опыт показал, что оговорка конституции о военном положении используется именно для того, чтобы двинуть войска против рабочих, когда они не хотят вести себя по-рабски.

После того, как было объявлено о снижении пособий по безработице, 4 июля 1934 г. во многих кварталах Амстердама были организованы, под руководством КП Голландии и комитетов безработных, демонстрации протеста. Эти демонстрации, а также организованная в тот же вечер в рабочем квартале, Индише Буурт, антифашистская демонстрация привели к столкновениям с полицией. 5 июля компартия

¹ Польдерами в Голландии называются равные и болотистые по своей природе пространства, в большей сырой части лежащие ниже уровня моря, обращенные в сочные пастбища и тучные нивы. Как известно, тот по истине грандиозный труд, который затратили голландцы для того, чтобы отвоевать землю у моря и превратить топи в цветущие пашни, внушил Гете следующие строки в «Фаусте»: «Стоит болото, горы затопляя. И труд оно сгубить готово мой. Я устраню гнилой воды застой, вот мысль моя последняя, святая. Пусть миллионы здесь людей живут и на земле свободный труд да процветает». Трудовой народ Голландии показал, на какие подлинные чудеса он способен, но труд в Голландии не стал свободным.

¹ Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, т. XXIII, стр. 347.

² Русский перев. см. в сборн. «Конституции буржуазных стран», т. II, 1935 г., стр. 496—530.

и революционная профопозиция призвали рабочих к стачке протеста. 6 июля значительная часть амстердамских грузчиков и строительных рабочих уже бастовала.

На борьбу с движением безработных были мобилизованы не только полиция, но и специальные воинские части (жандармерия и военизированная полиция) и бронированные автомобили. Амстердамский бургомистр отдал приказ стрелять без предупреждения в каждого, кто в неуказанное время покажется на улицах рабочего квартала. 7 июля глава правительства Коллин, прибывший в Амстердам в сопровождении военного министра, взял на себя личное руководство карательными действиями против рабочих.

Демонстрации продолжались вплоть до 9 июля. При этом оказалось шесть рабочих убитых и много рабочих раненых. Множество рабочих было арестовано и приговорено к тяжелым наказаниям. Полиция захватила типографию коммунистического органа «Трибуне», причем были разобраны типографские машины. 19 июля был издан закон, направленный против революционной печати¹.

Закон 19 июля 1934 г. называется законом об охране «общественного порядка». Он обширен, несмотря на то, что речь идет в нем только о распространении, опубликовании и выставлении сочинений или изображений и об устных публичных выступлениях.

Он предусматривает призыв к преступлению или к насильственным действиям против публичных властей, предложение сообщить сведения или предоставить подходящие условия или средства для совершения преступления, выражение оскорбительного мнения о властях или о публичноправовом институте, о той или другой части населения или о группе лиц, принадлежащих к определенной части населения страны.

Закон, кроме того, изменяет редакцию ряда статей уголовного кодекса (повышая их репрессивность) об оскорблении членов королевского дома или лица, представляющего иностранную державу, о выражении мнения, оскорбляющего религиозные чувства. Чрезвычайно детально разработанные постановления закона рассчитаны на то, чтобы никто из лиц, причастных к предусмотренным в нем преступлениям, не ушел от ответственности.

Предусматривая наказание тюремным заключением до двух лет за выражение оскорбительного по форме мнения не только об органах власти, но даже о публичноправовом институте, закон не много оставляет от провозглашенной конституцией свободы слова. Такие, например, выражения, как «проклятое иго капиталистической собственности» или «правительство — раболопный приказчик буржуазии», публично сказанные или нашедшие место в произведении печати, уже заключают в себе состав преступления.

Голландский профессор Помпе совершенно справедливо считает существеннейшим новшеством в законе 1934 г. то, что осведомленность виновного относительно содержания произведения печати этот закон уже не вводит в число необходимых признаков наказуемого

распространения произведений печати с преступным содержанием; он удовлетворяется наличием «серьезных оснований» для подозрений, которые обвиняемый должен был иметь относительно содержания произведений печати¹.

После событий в июле 1934 г. правительство направило курс на подготовку установления фашистской диктатуры. Несмотря на некоторые показательные меры против фашистов, правительство пошло навстречу фашистскому движению, возглавляемому Муссертом².

Фашистское движение в Голландии поддерживается материально промышленниками, которые связаны экономическими интересами с тяжелой промышленностью Германии. Победа Гитлера в начале 1933 г. вызвала большое торжество среди голландских фашистов. После германских событий 30 июня 1934 г. германские фашисты сочли себя вынужденными изменить ориентацию. Государством, которое нашло путь спасения из обрушившегося на Европу кризиса, была объявлена Италия, но когда война с Абиссинией и приемы, пущенные Италией в ход в этой войне, вызвали негодование в широких слоях голландского населения, фашисты из опасения потерять базу, на которую они могли бы опираться, снова «повернулись лицом» к Гитлеру. Конечно, при этом фашистское движение в Голландии все время характеризовалось как «чисто голландское», хотя вся его программа насквозь проникнута духом Гитлера — Розенберга — Геббельса, с тем отличием, что лозунг: «Германия для немцев» должен был уступить место лозунгу: «Голландия для голландцев», да и это отличие руководители голландской фашистской группировки национал-социалистов (N. S. B.) постарались смягчить открытием, что Голландия в старых хрониках называлась «Dietschland»³.

Между правительством Коллина и руководимым Муссертом фашистским движением существует расхождение в вопросах о темпах фашизации и внешнеполитической ориентации Голландии. Последнее расхождение объясняется тем, что правительство опирается на те влиятельные группы голландской буржуазии, которые тяготеют к Англии. В вопросе же о направлении внутренней политики между правительством и открытым фашизмом в сущности нет расхождения. Правительство объявило о своем намерении провести конституционную реформу, в основу которой должны быть положены: 1) устранение из парламента «революционных» представителей народа и 2) упразднение свободы печати и введение предварительной цензуры⁴.

В результате парламентских выборов, имевших место в мае 1936 г., фашисты потерпели поражение: многие группировки из тех слоев

¹ Zeitschr. f. die Strafrechtswiss., 1936, 56 т., стр. 617.

² Икс, Уроки движения безработных в Голландии, «Ком. интернационал» 1934 г., № 26—27, стр. 64—66. Об июльских событиях см. также «Barricaden in Amsterdam» в «Rundschau» 1934 г., № 40.

³ Германия называется «Deutschland».

⁴ Neter. Le danger fasciste en Hollande. La correspondance internationale 1935 г., № 116—117.

¹ Annuaire de l'Institut international de droit public, 1935, изд. 1936 г., стр. 759—765.

мелкой буржуазии, которые их раньше поддерживали, напуганные германской агрессией, отказали им в своих голосах. Однако реакция, представленная антиреволюционной партией, клерикальной и римско-католической государственной партией, все же одержала победу благодаря тому, что правые вожди социалдемократии сделали все от них зависящее, чтобы помешать сплочению рабочих¹. Характерной иллюстрацией к избирательной механике буржуазных стран является то, что после выборов коммунисты потеряли в парламенте одно место, хотя число голосов за коммунистов увеличилось с 118 236 в 1933 г. до 177 070².

После выборов правительство приступило к осуществлению своей угрозы провести реформу конституции.

Из «Бюллетеня Международного юридического института» мы узнаем, что уже к июлю 1936 г. генеральными штатами (парламентом) был принят проект изменений в конституции. Одно из этих изменений допускает лишение полномочий тех членов законодательных палат, которые высказывают мнения, клонящиеся к ниспровержению незаконными способами установленного политического порядка. О лишении полномочий члена парламента должна постановлять особая комиссия, состоящая из членов, назначаемых королем³.

Что остается после этого от парламентского иммунитета, от того, считающегося, неотъемлемой принадлежностью демократического режима, положения, согласно которому контроль над высказываниями членов парламента может принадлежать только самому парламенту? Классовая природа самодержавия когда-то одно из ранних выражений явилась в афоризме «und der König absolut, wenn er unsern Willen thut» — «и король царить свободен, если нам во всем угоден», причем «нам» сначала значило: иезуитам, а потом — крупнопоместному дворянству. Пришедшая к власти буржуазия воле короля противопоставила волю парламента, а теперь та же буржуазия на последнем этапе ее развития (этапе загнивающего капитализма) сама создает такое положение, при котором старый афоризм требует лишь незначительной перефразировки: члены парламента свободны высказывать свои мнения, если они не кажутся опасными королю и его комиссии.

Н. Полянский.

Буржуазие „правосудие“ в борьбе с детской преступностью

Колоссальный рост детской преступности в капиталистических странах является настолько очевидным и угрожающим фактом, что его уже не в силах скрывать ни буржуазная пресса, ни официальная буржуазная печать. Этот факт вызывает огромную тревогу в рядах буржуазии, которая через свой аппарат государственного принуждения (полицию, суд, тюрьму)

обрушивается всей тяжестью репрессии на юных правонарушителей.

Правда, идеологи буржуазии, говоря о борьбе с детской преступностью, любят обычно много распространяться на тему о гуманности правосудия, о широких воспитательных мероприятиях, осуществляемых реформаториями и другими исправительными учреждениями для несовершеннолетних преступников, о благотельной роли патронажа и т. д.

Но все эти утверждения являются не чем иным, как обычной вуалировкой, за которой скрывается безграничная жестокость репрессии и методов ее применения, сплошь и рядомходящих до прямого издевательства и попрания человеческого достоинства.

Достаточно сказать, что основными мерами судебного воздействия в отношении несовершеннолетних являются арест и лишение свободы, отбываемые осужденными в условиях жестокой эксплуатации их труда и сурового тюремного режима. Характерными чертами этого режима являются: запрещение прогулок, разговоров, игр и песен, применение за малейшие провинности порки, карцера, лишения пищи и т. д. При этом лишение свободы зачастую назначается на весьма длительные сроки.

Так, например, по данным проф. Сендерс (США) несовершеннолетние правонарушители, осужденные к тюремному заключению на сроки от 5 до 20 лет, составляют 23,2%, то есть почти $\frac{1}{4}$ часть всех несовершеннолетних, подвергнутых лишению свободы. В отношении же детей негров процент осужденных к указанным срокам доходит до 27,7%.

Далеко не редки случаи, когда несовершеннолетние приговариваются к заключению на 50 лет и выше.

Общезвестным фактом является осуждение американским судом штата Алабама одного из узников Скоттсборо, негритянского юноши Паттерсона, к 75 годам тюремного заключения.

Такая судебная практика в области борьбы с преступностью несовершеннолетних в США целиком вытекает из общего духа американского уголовного законодательства. Типичную черту последнего при всей его пестроты, текучести и декларировании ряда мероприятий либерального характера (школьно-педагогические, семейно-оздоровительные, психические, гигиенические и т. п. меры), составляет жестокая репрессия в борьбе с детской преступностью.

Та же самая жестокость наказаний, применяемых к несовершеннолетним, является характерной и для английского законодательства.

Новый закон о малолетних и несовершеннолетних, изданный в 1933 году (The Children Young Persons Act, 1933), признавая абсолютно неизменяемыми лишь детей в возрасте до 8 лет, устанавливает для правонарушителей от 14 до 17 лет наказание в виде заключения в месте, какое будет указано министром внутренних дел, «до тех пор, пока королю будет угодно», т. е. на неопределенный срок.

Кроме того, в отношении лиц, достигших 16-летнего возраста, наряду с указанным новым законом, сохраняют до сих пор силу закон о детях, изданный в 1908 году (Children Act, 1908).

¹ К. Скалнер, Итоги парламентских выборов в Голландии, «Комм. интернационал» 1937 г., № 6.

² La Correspondance internationale, 1937, № 24.

³ Bulletin de l'Institut juridique international, 1937, стр. 72.

Для того чтобы наглядно убедиться в жестокости этого закона, достаточно ознакомиться хотя бы со следующими его статьями:

Статья 103. «Приговор о смертной казни не может быть произнесен или подписан в отношении малолетнего или несовершеннолетнего, вместо этого суд должен приговорить малолетнего или несовершеннолетнего к содержанию его в заключении на срок, пока это его величеству угодно будет, и, будучи так приговорен, малолетний или несовершеннолетний должен независимо от каких-либо иных указаний этого закона содержаться в таком месте и на таких условиях, как это будет предписано государственным секретарем, и в течение такого заключения считается содержащимся под стражей».

Ст. 104. «Если малолетний или несовершеннолетний приговорен по обвинительному акту за покушение, за убийство или за смертоубийство или за нанесение тяжких ран и суд приходит к убеждению, что ни одно из наказаний, которое возможно наложить по указаниям этого закона, не будет достаточным, то суд может приговорить преступника к заключению на такой срок, который будет указан в приговоре, и если такой приговор состоится, то малолетний или несовершеннолетний должен, в течение этого срока, независимо от каких-либо иных указаний этого закона, быть содержим в таком месте и на таких условиях, какие предпишет государственный секретарь, и пока так содержится, должен считаться под стражей».

Содержание этих статей показывает, что в отношении несовершеннолетних не только допускается вынесение абсолютно неопределенных приговоров, но что к ним могут быть применены любые меры по усмотрению суда, не считаясь с уголовными санкциями, предусмотренными соответствующими законами. Иными словами, эти законодательные постановления, как и целый ряд других, обрекают несовершеннолетних правонарушителей на произвол судебных и административных властей.

Французское законодательство о борьбе с детской преступностью, в основе которого лежит закон от 22 июля 1922 года (Loi sur les tribunaux pour enfants et adolescents et sur la liberté surveillée), частично дополненный и измененный в 1921 году, устанавливает уголовную ответственность несовершеннолетних, достигших 16 лет и выше, на общих основаниях со взрослыми, допуская лишь некоторые смягчения для детей от 13 до 16-летнего возраста.

Статья 67 указанного выше закона гласит: «Если будет признано, что несовершеннолетний в возрасте от 13 до 16 лет действовал с разумением, то наказания назначаются так: «Если он подлежал бы смертной казни, каторжным работам без срока или ссылке, то он приговаривается к заключению в исправительной колонии на срок от 10 до 12 лет».

Если он подлежал бы каторжным работам на срок, заточению или заключению в исправительном доме, то он приговаривается к заключению в исправительной колонии на срок не менее трети и не более тех сроков, каким он подлежал бы при одном из указанных наказаний».

Во всех случаях ему может быть воспрещено право проживания в местностях, ему объявленных правительством, в течение срока от 5 до 10 лет.

Если он подлежал бы лишению прав состояния и изгнанию, то он подлежит заключению в исправительной колонии на срок от 1 года до 5 лет».

Из содержания этой статьи совершенно ясно, что принципиального, качественного различия в применении репрессии к несовершеннолетним правонарушителям и взрослым преступникам французское законодательство не проводит, особенно если учесть лишенный элементарных условий воспитательного воздействия суровый режим так называемых «исправительных» колоний для несовершеннолетних.

Не менее суровым является режим в существующих во Франции в силу закона 1912 года частных домах для малолетних правонарушителей. Эти дома, официально считающиеся благотворительными, в действительности представляют собою коммерческие предприятия, преследующие цель извлечения прибыли путем жестокой эксплуатации содержащихся в них детей.

Вот как характеризует один из очевидцев режим этих «благотворительных» заведений: «Единственная разница между этой категорией для малолетних, где можно встретить, как это случилось со мной, преступников 4½ лет, и домами терпимости — та, что проститутки могут получить свободу, когда им захочется, и в случае опасности, угрожающей их жизни, имеют право позвать на помощь полицию. На частной же каторге, находящейся всегда в пустынной местности за городом, можно кого угодно задушить и изнасиловать, как на большой дороге»¹.

По бельгийскому закону от 15 мая 1912 г. «об охране малолетних» (Loi sur la protection de l'enfance), детским судам подсудны все дела о несовершеннолетних правонарушителях в возрасте до 16 лет, а также дела о лицах до 18-летнего возраста, если они обвиняются в нищенстве, бродяжничестве и по жалобам родителей и опекунов. Во всех иных случаях несовершеннолетние от 16 до 18 лет подсудны так же, как и по французскому законодательству, общим судам.

Что касается мер наказания, то последние применяются в весьма широких пределах.

Так, согласно ст. 22 бельгийского закона от 15 мая 1912 года, несовершеннолетние, совершившие тяжкие преступления, а также признанные судом «морально развращенными» и поэтому не подлежащими помещению в исправительные заведения, передаются в «распоряжение правительства для помещения в государственное дисциплинарное заведение» на срок до 10 лет. В тех же случаях, когда за соответствующее преступление законом предусматривается смертная казнь или каторжные работы, несовершеннолетние подвергаются заключению в этих заведениях на срок до 20 лет, считая со времени наступления совершеннолетия.

Это означает, что осужденный, войдя в тюремные ворота ребенком, может из них выйти пожилым, сорокалетним человеком.

¹ «За рубежом» № 36, 1934 г., стр. 9.

В Германии борьба с преступностью несовершеннолетних официально регулируется законом о судах для юношества, принятым 27 февраля 1923 года.

К ведению этих судов относятся дела о несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет. Наряду с применением к несовершеннолетним правонарушителям таких мер, как отдача под попечительный надзор, помещение в закрытые учреждения, наложение специальных обязательств в виде возмещения ущерба, воздержания от алкоголя и т. д. — закон предусматривает широкое применение тюремного заключения и осуждения в крепость.

Согласно § 9 указанного закона, заключение несовершеннолетних в тюрьму и крепость может назначаться на срок до 10 лет. Но если формально закон от 27 февраля 1923 года говорит не только о карательных, но и о предупредительно-воспитательных мерах воздействия в отношении несовершеннолетних, то фактически в условиях фашистской Германии применяются почти исключительно карательные меры.

Общезвестно, что уголовное право третьей империи представляет собой террористическую систему карательной политики фашистской диктатуры.

Беря из разнообразных направлений уголовноправовой мысли все самое реакционное, широко используя пропаганду шовинизма и расового неравенства в целях социальной демагогии, фашизм осуществляет жестокую расправу над широчайшими массами трудящихся.

Отсюда не случайно то обстоятельство, что в основе так называемого волевого уголовного права германского фашизма лежит заимствованная из арсенала социологической школы реакционнейшая теория опасного состояния личности.

«Секрет» заключается в том, что согласно указанной теории, предлагается определять карательную репрессию, исходя исключительно из «опасности личности» (читай: классовой опасности) правонарушителя, независимо от содержания и характера совершенного преступного действия.

Тем самым открываются широчайшие возможности для беспощадного подавления всякого сопротивления и неповиновения господствующим классам со стороны трудящихся.

Эти характерные черты фашистской уголовной политики находят свое полное выражение и в борьбе с несовершеннолетними правонарушителями.

Исключительное законодательство гитлеровской Германии, как известно, не делает разграничения в отношении уголовной ответственности взрослых и несовершеннолетних, в особенности по политическим делам.

Тем самым на несовершеннолетних обрушиваются со всей жестокостью меры судебной и еще в более сильной степени внесудебной расправы.

Показателем «заботы» о молодежи в Италии может служить прежде всего ряд постановлений, содержащихся в итальянском фашистском уголовном кодексе. В силу статей 571 и 572 этого кодекса, истязания детей, воспитанников или учеников влекут применение наказания только тогда, когда эти меры вызвали опасность телесной или душевной болезни. Но и

в этих последних случаях наказания ограничиваются исправительным домом на срок до 6 месяцев. Если в результате истязания малолетних им были причинены телесные повреждения, то обычная санкция за телесные повреждения сокращается на ½.

Точно таким же варварским отношением к несовершеннолетним характеризуется и введенный 20 июля 1934 г. специальный закон о судах для несовершеннолетних правонарушителей, полностью закрепляющий практику фашистского террора, широко применяемого как в судебной, так и во внесудебной форме в борьбе с детской преступностью¹.

Это явствует уже из того, что, устанавливая подсудность детским судам лиц в возрасте до 18 лет, закон одновременно допускает два весьма существенных изъятия из этого правила.

Во-первых, прокурору предоставлено право в ряде случаев передавать дела о несовершеннолетних на разрешение претора, то есть единоличного судьи. Во-вторых, когда несовершеннолетние привлекаются к ответственности вместе со взрослыми, они подсудны общим судам, а также специальным трибуналам для защиты государства.

Совершенно очевидно, что изъятия открывают широчайший простор для применения к юным правонарушителям беспощадной репрессии по всем более или менее тяжким преступлениям, и в первую очередь по политическим делам.

Статья 11 закона является выражением социальной демагогии, столь присущей вообще фашистскому законодательству.

Эта статья требует при разрешении дел о несовершеннолетних выяснения личных и семейных обстоятельств «с точки зрения физических, психических, моральных моментов и влияния среды». По всем этим обстоятельствам судьи и прокуроры должны собирать необходимые сведения, «не будучи связаны никакими формальностями».

На деле все эти сведения они черпают, прежде всего, от полиции и фашистских организаций молодежи, чем и определяется классовая, политическая направленность судебных приговоров и определяемых в них мер наказания.

Не менее показательно и то, что в силу требований закона подлежат помещению в исправительный реформаторий и могут там содержаться до достижения 21 года несовершеннолетние, не совершившие никакого преступления, но являющиеся безнадзорными, а также признанные «сбившимися с пути» или «имеющими дурную славу».

Ясно, что под эту рубрику подводятся, в первую очередь, все несовершеннолетние, являющиеся политически неблагонадежными с точки зрения фашистских судебных и полицейских властей.

Но если дело обстоит таким образом в отношении лиц, которым не предъявляется каких-либо конкретных обвинений, то в несравненно более тяжелые условия ставятся несо-

¹ Подробно об этом законе см. «Бюллетень иностранной информации», 1935 г., № 2—3, стр. 21—28.

вершеннолетние, осужденные за те или иные преступления.

Долголетнее тюремное заключение, непосильная работа, казенная обстановка, атмосфера религиозного дурмана — вот что с неизбежностью ожидает этих несовершеннолетних.

Те же самые черты присущи и японскому закону о судах для несовершеннолетних, изданному 1 января 1923 г.

Эти суды разбирают не только дела о лицах, совершивших преступления, но и о лицах, которые «обнаружили преступные наклонности».

Хотя минимальный возраст подростков, дела которых подлежат ведению детских судов, определен в 14 лет, однако, по особым требованиям эти суды могут принимать к рассмотрению дела о детях, и не достигших 14 лет. Все политические дела, как и вообще дела о преступлениях, за которые уголовными законами предусмотрены меры наказания в виде смертной казни, пожизненных каторжных работ или заключения на 3 года и выше, — из ведения детских судов изъяты и подлежат рассмотрению на общих основаниях.

Таковы на деле «гуманность» и «беспристрастие» капиталистического правосудия.

Из всего сказанного выше с несомненностью вытекает, что в практике капиталистических судебных и исправительных учреждений для несовершеннолетних отсутствуют воспитательные мероприятия. Так называемые воспитательные учреждения для несовершеннолетних действуют на основе палочной дисциплины и являются на деле не чем иным, как тюрьмами.

Все они, как вполне правильно указывает А. Я. Вышинский, в конечном итоге приспособлены к разрешению основной задачи буржуазной пенитенциарной системы — «донять» преступника причинением ему моральных и физических страданий, через которые, по утверждению буржуазных пенитенциаристов, и особенно нынешнего фашистского толка, лежит путь к борьбе с преступностью.

Не случайно XI международный тюремный конгресс (Берлин, 1935 г.) публично провозгласил в своей программе работ этот принцип, заявляя, что сущность наказания заключается в причинении страданий.

Один из авторов следующим образом описывает режим воспитательного учреждения для несовершеннолетних преступников во Франции: «Дух его характеризуется тем, что власти стремятся достичь подчинения малолетних преступников путем внушения им страха перед наказаниями и путем железной дисциплины, перед которой воспитанники должны склоняться беспрекословно; наказания попрежнему рассматриваются как наиболее действительное оружие поддержания порядка и успеха перевоспитания. Благодаря этому духу воспитательные учреждения сохраняют в своем существе характер карательного учреждения»¹.

Как сообщает один из журналистов, во французской детской тюрьме «Бель-Иль» дети подвергаются чудовищным пыткам, порка является обычной формой наказания. Детей сажают за малейшие провинности на продолжительные сроки в тесный карцер, где нельзя

ни лечь, ни даже сесть. Их изнуряют голодом и жаждой, заставляют пить собственную мочу, подвергают изощренным истязаниям и т. д.

Подобный режим существует в большинстве детских тюрем Франции.

Насколько далеко идут попытки властей терроризировать несовершеннолетних угрозой тяжких наказаний, может свидетельствовать следующий факт, приведенный «Нью-Йорк Таймс» от 12 мая 1935 г. Совет по борьбе с детской преступностью в Нью-Йорке организовал весной 1935 г. для школьников в возрасте от 12 до 15 лет цикл лекций, в которых пропагандировалась идея о неизбежности раскрытия всех совершаемых преступлений и неизбежности суровой кары за них. Для большей «убедительности» преподносимого слушателям материала советом были организованы своеобразные «практические занятия». На школьников были надеты ручные кандалы и они были отведены в полицейском фургоне в тюрьму, где их разместили по камерам и продержали несколько часов, после чего отпустили по домам.

Основная задача этого эксперимента заключалась в том, чтобы психически воздействовать на детей, запугивать их тягостной обстановкой тюремного заключения.

Наряду с запугиванием, применяемым, так сказать, в «профилактических целях», буржуазная юстиция прибегает в широких размерах к прямому издевательству в отношении лиц, совершивших те или иные правонарушения.

Характерным в этом отношении является эпизод, сообщенный «Нью-Йорк Таймс» от 28 января 1935 г.: шестнадцатилетний Эдуард Фостер, семья которого состоит из отца, потерявшего работоспособность, матери и пятерых детей, совершил совместно с двумя старшими братьями кражу из продовольственного магазина.

Два брата были направлены в реформаторий, а Эдуарду судья предложил выбор между реформаторием и ежедневной 30 километровой прогулкой в соседний поселок с грузом на спине, весящим столько же, сколько весили украденные им товары, около 9 кг.

Сколько бешеной классовой ненависти и звериной злобы в этом чудовищном по всей бессмысленности приговоре!

Совершенно исключительную картину по своей суровости и дикому глумлению над несовершеннолетними правонарушителями представляет собой режим воспитательных учреждений в фашистских странах.

В Германии юные правонарушители, отданные целиком на произвол своих «воспитателей», подвергаются моральному угнетению и религиозному насилию, их принуждают выполнять совершенно непосильную для них работу, приучают к ханжеству и лицемерию.

В Польше, где отсутствуют специальные места лишения свободы для несовершеннолетних правонарушителей, последние содержатся совместно со взрослыми преступниками, в том числе с преступниками-профессионалами и рецидивистами. О какой-либо воспитательной работе среди несовершеннолетних здесь не может быть и речи.

¹ Сборник по детской преступности в капиталистических странах, стр. 75.

¹ «Правда» от 5 ноября 1934 г.

Вследствие тяжелого тюремного режима и антисанитарных условий заключения, смертность среди юных правонарушителей необычайно высока.

Как указывает д-р Лоос, на 100 исполненных смертных приговоров надо прибавить 60 смертей несовершеннолетних заключенных от болезней дыхательных путей и туберкулеза¹.

Для преобладающего большинства буржуазных государств универсальным средством в борьбе с детской преступностью является применение розог и иных телесных наказаний.

Насколько широко распространены эти виды наказаний, видно из того, что даже кодекс Норвегии, расцениваемый буржуазными учеными как воплощение либеральных идей в законодательстве предусматривает порку в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста.

Следует отметить, что из числа буржуазно-демократических стран особенно значительных размеров достигает применение телесных наказаний в Англии.

Об этом можно судить уже по тому, что за период с 1913 по 1927 гг. по данным уголовной статистики был подвергнут сечению розгами 26 901 юный нарушитель. Показательно, что за тот же период английскими детскими судами было приговорено к помещению в индивидуальные школы открытого типа всего лишь 14 962 несовершеннолетних, то есть почти в два раза меньше².

В последующие годы применение телесных наказаний не только не сократилось, но, наоборот, сильно возросло.

По последним официальным данным, до 10% всех лиц, проходящих через специальные детские суды, приговариваются к розгам.

В абсолютном выражении количество осужденных к розгам доходит до 5 000 в год.

Несомненно, усиленное применение телесных наказаний связано с большим ростом преступности среди детей и молодежи. Обеспокоенная этим ростом преступности английская буржуазия не придумала ничего другого, как усилить репрессию и, в частности, значительно расширить применение телесных наказаний.

Весьма характерно, что в 1935 году инспектор английской полиции полковник Аллан выступил публично с требованием более энергичного и широкого назначения розог несовершеннолетним правонарушителям, причем это требование единодушно поддержали английские административные власти³.

Не нужно доказывать, что в странах фашизма кнут, плеть и розга пользуются особенным почетом.

В целях популяризации этих мер, под них подводятся даже теоретические обоснования. Так, например, польский фашист проф. Кржижский, ратуя за необходимость широкого применения телесных наказаний к несовершеннолетним правонарушителям, аргументирует это тем, что «судья, наказывая несовершеннолет-

него розгой, действует больше в интересах общей превенции, чем наказывая его как взрослого».

Ряд других профессоров от фашизма с ученым видом заявляет: «Только твердое воздействие сильной руки сможет преградить польским детям путь к преступлениям, по которому все увеличивающееся число их катится с ужасающей быстротой»⁴.

И мы знаем, что это «воздействие сильной руки» не только в переносном, но и в буквальном смысле слова, находит свое проявление в повседневной кошмарной практике польской политики суда и тюремного застенка.

Та же самая картина имеет место в третьей империи, где телесные наказания, применяемые судом на «законном основании», составляют самое обычное явление.

Более того, германское правосудие всемерно поощряет применение телесных наказаний по отношению к детям, идущее по линии административного воздействия, в частности со стороны учителей по отношению к школьникам.

Яркой иллюстрацией этого может служить следующий пример. В Остероде школьный учитель подверг телесному наказанию 10-летнюю девочку за проступок, совершенный ею вне школы.

Родители пострадавшей передали дело в суд. Считая, что учитель вправе наказывать учеников как в школе, так и вне ее и что телесные наказания, поскольку на теле не осталось ни багровых пятен, ни кровоподтеков, вполне допустимы, — суд оправдал учителя.

Все сказанное выше достаточно ярко характеризует картину дикого глумления и жесточайшего произвола, чинимых в отношении несовершеннолетних правонарушителей в странах капитализма.

Ю. Позан, Т. Мошкович.

Федеральные суды США и жилищное законодательство эпохи Рузвельта

1

Проект реформы Верховного суда, предложенный Рузвельтом, отклонен сенатом. Таким образом, Рузвельт в деле реформы судебного надзора за конституционностью в политическом строе США не оказался счастливее своих предшественников (Джефферсона и др.)². Между тем в политической системе США федеральные органы судебного надзора, особенно Верховный суд, имеют колоссальное значение: в сущности именно этот последний является носителем верховной власти, хотя и осуществляет ее в своеобразной форме, — в

¹ Сборник по детской преступности в капиталистических странах, стр. 93.

² Об этих попытках см. Брайс, «Американская республика», русск. перевод 1899 г., т. I, стр. 256. Джефферсон считал, что пожизненное исполнение функций судьи противоречит принципам демократии, и предлагал установить срок работы судьи в 4—5 лет. Важ-

¹ Сборник по детской преступности в капиталистических странах, стр. 100.

² Большая советская энциклопедия, т. XXI, стр. 414.

³ «Правда» от 2 марта 1935 г.

форме судебных решений по отдельным конкретным случаям¹: «Мы подчинены конституции,—говорит член Верховного суда Хьюгс (Hughes).—но конституция есть то, что думают о ней судьи»². Правда, американский госу-

отметить, что по Конституции СССР Верховные суды Союза и союзных республик избираются сроком на 5 лет (ст. ст. 105—106). В США фактически члены Верховного суда в среднем остаются в своей должности долгие сроки. Так, со времени основания Верховного суда только 24 судьи служили меньше 10 лет, 16 больше 10 лет и меньше 20, 10 больше 20 лет и меньше 25, 6 больше 25 лет и меньше 30, и наконец 8 больше 30 (United States Law Review, 1936, s. 1); средний возраст члена Верховного суда—55—58 лет. В современном составе 6 судей из 9 имеют больше 70 лет.

¹ Надзор за конституционностью законов, изданных Конгрессом и законодательными собраниями штатов в США, вверен системе федеральных судов. Из них только высшая инстанция, Верховный суд, непосредственно предусмотрен в конституции. Низшие инстанции—окружные суды—84 суда на территории США и апелляционные—10 судов (по числу апелляционных округов) созданы специальными законами. Окружные суды состоят по крайней мере из одного судьи (число судей может быть увеличено до 8). Апелляционные суды состоят из 65 судей. Верховный суд из 9 судей. Судьи назначаются президентом и сенатом и являются несменяемыми. Верховный суд заседает ежегодно по сессиям. Решения принимаются большинством голосов, подробно мотивируются и печатаются, как и особые мнения отдельных судей, оставшихся в меньшинстве, в Reports of Supreme Court decisions. Есть и частные сборники, ср. цитируемый ниже сборник Nanchin.

² Ламбер, Lambert—Le gouvernement des Juges et la lutte contre la législation sociale aux Etats Unis, 1921, стр. 8, называет правительство США «правительством судей». Гейн свою книгу посвятил «Американской доктрине верховенства суда» Charles Haine, The American Doctrine of Judicial Suprematie, 1914 г. Гильберт говорит о «судебной олигархии» в США (Gilbert, Our Judicial Oligarchie, 1922. Ср. примечание на стр. 14). Судебные решения играют действительно чрезвычайно важную роль при применении конституции в США. «Конституция содержит около 35 сотен слов. Для того чтобы ее прочитать, нужно 20 минут времени. Но едва ли 2% этой фразеологии имеют реальное значение для применения конституции. В громадном большинстве дел по конституционности законов из основного источника остаются 3—4 положения: статья о процессе, установленном законом (Due Process of Law), статья о торговле (Commerce clause) и статья о свободе договора».

«Движущей силой» при рассмотрении дел являются «спекулятивные размышления о при-
явлении и целях конституции и интересы, толкающие к такого рода размышлениям» (Cotwin, the Twilight of Supreme Court, N. Y., 1935). Ш. Ламберт в цитированной выше работе основными орудиями толкования, которыми владеет американский суд, считает прин-

дарствовед Огг стремится доказать, что политическая роль Верховного суда часто преувеличивается¹. По приведенным им данным из 24 000 законов, принятых Конгрессом за 146 лет с 1789 по 1935 гг., Верховный суд признал недействительным и отменил только 60 законов, то есть одну четвертую часть процента. Но эти суммарные цифры мало доказательны. Они не обнаруживают ни того, что количество отменяемых дел с каждым десятилетием возрастает, ни того, что громадное большинство отмененных законов относится именно к области социального законодательства, имеющего такое громадное значение для трудящихся классов. По словам Карпентера «бояня законов с каждым годом работает все энергичнее». С 1920 г. 30% законов, поступивших на рассмотрение Верховного суда, были отмене-

ции установленного процесса, запрещение посягательств на свободу, собственность и свободу договора». Исключительно важную роль в толковании играет принцип Due Process of Law. Вскоре после утверждения XIV поправки конституции, установившей, что ни один штат не может лишать кого-либо жизни, свободы или собственности без применения «процесса, установленного законом», суды широко стали пользоваться этой формулой для отмены законов, по их мнению не конституционных (на этом основании было отменено больше законов, чем на каком-либо другом). Особенно выросли полномочия суда с тех пор, как суд стал толковать указанную формулу не только в процессуальном, но и в материальном смысле. Таким образом, было найдено формальное основание для отмены как законов штатов особенно в области регулирования общественной санитарии, общественной морали, жилищного строительства, планировки и других вопросов, охватываемых общим понятием «политики благосостояния», так и законов Федерации. Среди юристов США до сих пор борются два взгляда на понимание этой формулы. Одни видят в ней указание на необходимость соблюдения установленного судебного процесса, другие до бесконечности расширяют ее смысл, считая, что «всякое нарушение естественного права» будет нарушением требований этой формулы (Charles Orave Haines, The Revival of Natural Law Concept, 1930, стр. 160). Именно неопределенность этого понятия Due Process of Law и привела к тому, что, говоря словами Карпентера, «персональные взгляды, предрассудки и социальные мировоззрения судей получили громадное влияние на решения судов». Для Муррея эта формула (как и формулы о поражении торговли и «требования разумности» решения) представляет собой просто «удобное клише, которое лишено всякого значения и имеет своей задачей отвлечь внимание от реальной проблемы». Еще категоричнее высказываются Ред Поуэль и Корвин. Первый думает, что «должный процесс» это то, что Верховный суд считает таковым». Red Powell, The Supreme Court and Constitution. Political Science Quarter 14. December. 1920. По мнению Корвина «судебный контроль благодаря развитию судебного усмотрения погряз своего прародителя—конституционный закон».

¹ Ogg T. and Ray O.—Eventials of American Government № 7. 1936. 2-d Edition.

ны как противоречие установленному порядку создания законов (Due Process of Law)¹.

По исчислениям проф. Франкфурта за период с 1906 по 1929 гг. суды признали не конституционными законы в 36% дел, переданных на их рассмотрение. К 1924 г. только по этому основанию было отменено 375 законов отдельных штатов². За полтора года (1935—1936) Верховный суд отменил 5 важнейших законов, созданных по инициативе Рузвельта и составляющих костяк «Нового дела», как в Америке называют реформу Рузвельта.

Даже только одно ознакомление с перечнем отмененных законов показывает, что Верховный суд в классовой борьбе становится на сторону владеющих классов. Так он признал не конституционными: законы об ограничении числа часов работы булочников десятью часами в день, закон о минимуме заработной платы, о запрещении детского труда, об ограничении работы женщин, об установлении стандартного веса хлеба (в целях гарантии покупателя от обмана и торговцев от недобросовестной конкуренции) и т. д. и т. д.³.

Значение постановления суда не ограничивается данным конкретным делом, а распространяется на все аналогичные случаи. Так признание не конституционным закона дистрикта Колумбия о минимуме заработной платы для женщин практически означало признание не конституционности таких же законов в 18 других штатах и, естественно, воспрепятствовало развитию социального законодательства в этом направлении. Отмена «закона о восстановлении промышленности» в одном частном случае привела к крушению всей организации промышленности, задуманной Рузвельтом, и к отмене всех кодексов, регулирующих взаимоотношения предпринимателей и рабочих. Таким образом очевидно, что политическое значение Верховного суда очень велико.

Признание классового характера за отдельными постановлениями Верховного суда и даже за отдельными течениями его деятельности отнюдь не означает принципиального отрицания судебного контроля как элемента политической организации федерального государства (последний как форма координации суверенитета федерации и составляющих ее государств по мнению крупнейших буржуазных государствоведов (Брайс, Дэйси) соответствует природе федерального строя). Оно только несовместимо с концепцией судебного контроля как неизбежного логического вывода из тео-

рии разделения властей (Брайс), будто бы превратившего американскую демократию из «правительства людей» (Government of men) с их страстями, социальными предрассудками, классовыми интересами в «безличное» правительство законов (Government of Law), согласно известной формуле Локка, воспринятой американской политической доктриной. Борьба Рузвельта с Верховным судом немалодостигала падению этого «великого фетиша» американского публичного права и показала, что Верховный суд — обычное политическое учреждение, коллегия из «9 старых людей», по характерному выражению журнала United States Review (1936, № 1, стр. 1), — глубоко связанное своими корнями с социальной почвой, на которой оно выросло (см. стр. 14), и подчиненное общим законам общественного развития.

В политической системе США судебный контроль хотя бы над деятельностью законодательных собраний штатов является безусловной необходимостью при настоящем уровне политической и общей культуры провинциальных американских законодателей. Отказаться от судебного контроля как гарантии прав граждан нельзя, пока в отдельных штатах могут издаваться такие законы, как законы о принудительном прекращении прений в государственных собраниях или об ограничении свободы печати или свободы слова или законы, направленные против рабочих союзов или запрещающие употребление немецкого языка, или, наконец, законы, направленные против элементарных прав негров (например, исключающие их из списков присяжных заседателей или лишаящие их избирательных прав). Особенно тяжелое впечатление производят законы против избирательных прав негров, одновременно пропитанные расовыми предрассудками и классовой ненавистью⁴. «Негры, — говорит Огг в своих «Основах конституционного права в США», — неграмотны и к тому же бедны. Этими признаками воспользовались законодательные органы южных штатов, чтобы лишить негров гарантированных конституцией прав». Дорогу показал штат Миссисипи, установивший, во-первых, трехгодичный ценз оседлости для получения избирательного права, фактически лишавший избирательных прав многие категории негров, кочующих с одной плантации на другую, и, во-вторых, потребовавший как условие занесения в избирательные списки, умения читать и «разумно» толковать конституцию. Если негр, свидетельствует Огг, даже и грамотный, хоть на иоту уклонится в ответе на вопросы по конституции от истины, как ее понимает контролер — белый чиновник, он теряет избирательное право уже как виновник в лжесвидетельстве (Perjury). Впрочем, практика знает примеры и более сурового поражения прав негров. Например, допущение процессуальным законодательством штатов пытки. В штате Алабама

¹ Русские переводчики и в старом переводе Брайса и в новом переводе («Конституции буржуазных государств», т. I, стр. 37) передают выражение Due Process Law как «надлежащее судопроизводство», «закононое судебное разбирательство», но такой перевод вряд ли верно передает основной смысл указанной формулы, которая именно потому, что она носит более общий характер, и дает возможность, как мы видели в предшествующем примечании, для противоречивых толкований.

² Mangoldt H. Geschriebene Verfassung in den Vereinigten Staaten von America, 1934, стр. 126.

³ Charpentier, The President and the Court, U. S. Law Review, 1937, March, стр. 147. См. также цитированную выше работу Ламбера.

⁴ О систематическом исключении негров из списков присяжных заседателей см. дело Скотт-сборо в Columbia Law Review, 1935 г., стр. 776. Другие примеры заимствованы из цитированной работы Огга. См. также Columbia Law Review, 1935 г., стр. 608.

три негра были приговорены к смертной казни по обвинению в убийстве белого плантатора; единственной уликой против них явилось признание, данное ими, как это официально удостоверено, под пыткой¹.

Даже в той области, которая нас специально интересует, в области жилищного законодательства, имеются примеры отрицания за неграми самого элементарного права — равенства перед законами. Один крупный город принял постановление, запрещающее вселение негров в кварталы, заселенные белыми, и обратно. В этих и аналогичных случаях Верховный суд выступал против законов штатов.

Но нужно, впрочем, оговориться: и в этой области Верховный суд не всегда выдерживал раз принятое направление. Изучая его постановления, нельзя не прийти к выводу, что наряду с постановлениями, отменяющими законы штатов, незаконно ограничивающие политическую свободу, можно найти решения противоположного характера. Верховным судом были отменены закон штата Миннесота, ограничивающий свободу печати² и закон о «красном флаге» в штате Калифорния, запрещавший вывешивание красного флага в публичном месте. Обстоятельства дела, давшие повод к отмене этого последнего закона, не лишены принципиального интереса. Гражданка Иетта Штротберг, руководительница детского сада в Калифорнии, обвинялась в том, что ежедневно развешивала красный флаг СССР и коммунистической партии и тем самым нарушила закон штата Калифорнии, объявлявший преступным вывешивание в публичном месте красного флага как «содействие пропаганде бунта и приглашение к анархическим действиям». Верховный суд признал самый закон о «красном флаге» нарушающим свободу, гарантированную 14-й поправкой конституции, не конституционным³. В то же самое время Верховный суд отказался рассмотреть, в сущности, совершенно аналогичную жалобу лиц, осужденных калифорнийскими судами за празднование 9-й годовщины Социалистической революции в России в частной квартире к долговременному тюремному заключению и большим денежным штрафам. Мотив отказа — «отсутствие существенного вопроса федерального права»⁴. Точно так же по формальным основаниям Верховный суд отказался рассматривать дело японца Кенн-Мотзу, приговоренного к высылке за участие в демонстрации с лозунгами «Конференция Гувера — мобилизация империалистической войны», «За семичасовой рабочий день», «Превратите империалистическую войну

в гражданскую», «Боритесь против империалистических войн, защищайте СССР»¹.

Последнее время, буквально последние месяцы суд изменил свою позицию и в вопросах социального законодательства. Так решением 29 марта 1937 г. (по делу *West Coast Hotel v. Parrish*) Верховный суд признал конституционным закон штата Вашингтон о минимуме заработной платы. В решении 12 апреля 1937 г. он признал, что социальное законодательство входит в компетенцию федеральной власти².

Нельзя, разумеется, утверждать, говоря словами Матвея Арнольда, что сейчас происходит «революция путем изменения порядка законодательства» (*A. revolution by due cours of Law*), но наличие некоторого поворота в деятельности Верховного суда, как будто бы, несомненно. Впрочем и американские юристы не решаются видеть пока в новых решениях Верховного суда признаков отказа от старой политики: основная тенденция громадного большинства решений Верховного суда — отрицательное отношение к социальному законодательству³.

Для характеристики взаимоотношений между законодательным творчеством руководящих органов США и федеральным судом мы оста-

¹ Специальные журналы, приветствуя изменение направления в деятельности Верховного суда, ищут логического обоснования этой перемены направления. Но вряд ли нужно сомневаться, что такое объяснение лежит за пределами формальной логики. Его нужно искать в воздействии общественного мнения, оказавшего сильную поддержку социальному законодательству Рузвельта. В этом отношении очень показательна телеграмма ТАСС от 28 мая 1937 г., в которой приводятся данные о поддержке Рузвельта широкими слоями американского населения.

«Рабочий класс, — заявил секретарь Коммунистической партии США Браудер, — фермеры и трудящиеся средние классы, представляющие огромное большинство населения, поддерживают предложение Рузвельта о реформе Верховного суда. Не разделяя иллюзий относительно действительности рузвельтовской политики в деле коренного разрешения политических и экономических проблем США, Коммунистическая партия США, однако, считает, что в этой борьбе силы реакции, фашизма и войны сосредоточиваются все более и более против рузвельтовского предложения, в то время как силы демократии, особенно рабочий класс, поддерживают это предложение. В этой борьбе Компартия будет идти во главе трудящихся». («Известия» от 29 мая 1937 г.).

Характеристику общественных течений в США см. в статье Э. Браудер «Значение борьбы за реформу Верховного суда в США», «Большевик», 1937 г., № 16, стр. 75—76. См. также *labor v. Murray G. Lee. The Supreme Court Catches up with the Nation, United States Law Review*, 1937, стр. 308.

² Решения приводятся и анализируются в апрельской книжке журнала *United States Law Review*.

³ Нижние инстанции федеральной системы судов, как правило, идут в фарватере Верховного суда.

¹ Верховный суд штата Миссисипи признал, что хотя штатам предоставлено установление порядка судопроизводства, но введение пыток противоречит 14-й поправке конституции (см. текст решения в журнале «*Columbia Law Review*», 1936, стр. 832. Журнал констатирует «сравнительную многочисленность» таких случаев (стр. 833).

² Gregory and Charlotte Hankin, *Progress of the Law in the U. S. Supreme Court* (сборник решений за 1930—1931, стр. 445—452).

³ Ibidem, стр. 454—455.

⁴ Цит. раб., решения за 1929—1930.

новимся в нашей работе на специальной области социального законодательства, на жилищном законодательстве, и постараемся выяснить как те новые принципы, которые оно вносит в американское право, так и реакцию на них со стороны американских федеральных судов.

II

Жилищная проблема — сложная проблема, в которой переплетаются нормы гражданского и публичного права, и анализ жилищного законодательства и практики федеральных судов по жилищному вопросу открывает нам возможность остановиться на важнейших принципиальных вопросах современного права США (особенно публичного).

До Рузвельта в жилищной политике США безраздельно господствовал принцип невмешательства. В 1921 г. специальная комиссия сената официально признала государственное регулирование жилищного строительства не соответствующим национальному характеру Америки. Единственный выход из жилищного кризиса она видела только в удешевлении строительства путем его механизации и стандартизации. Таким путем и шла Америка в течение всей своей истории; отдельные попытки организации удешевленного строительства при содействии строительных обществ с ограниченным дивидендом (полукоммерческого-полублаготворительного характера) совершенно не меняют картины.

Единственная сколько-нибудь серьезная попытка организовать удешевленное жилищное строительство на государственные счет относится к эпохе империалистической войны, когда было организовано специальное общество для постройки жилищ для рабочих военного морского ведомства в целях повышения производительности их труда. Им действительно было построено около 20 000 квартир (что составляет ничтожный процент общего числа жилищ США, равного приблизительно 30 млн. жилищ).

Но не только правительственные сферы отнеслись безучастно к жилищному вопросу. По удостоверению официального издания жилищного департамента управления строительных работ «Urban Housing» (1936), «жилищная проблема была совершенно чужда американскому обществу», а по словам Е. Бауер, несколько уточняющим характеристику общественных отношений в США в этой области, средний американец видел единственный способ решения жилищного вопроса в «превращении в домовладельца».

Под давлением экономического кризиса Рузвельт был вынужден порвать с традицией невмешательства. Он пытался организовать не только косвенное содействие жилищному строительству (путем реконструкции и рационализации его финансирования)¹, но даже, правда

в малой мере, непосредственное строительство дешевых жилищ государством¹.

В основу американского жилищного законодательства эпохи Рузвельта положены новые для США принципы: 1) вмешательство публичной власти в экономические отношения в области жилищного вопроса; 2) чрезвычайное расширение полномочий главы исполнительной власти — президента, в частности представление ему широких нормативных (по содержанию законодательных) функций. Главнейшие законы по жилищному вопросу 1933—1935 гг. ограничиваются только общими принципиальными указаниями администрации США, только директивами, осуществление которых предоставляется власти президента. В этих законах стереотипно повторяется, что президенту предоставляется создавать административные органы, не считаясь с существующими положениями, распределять между ними функции, упол-

ния заемщиков; The Emergency Appropriation Act 1935, закон о финансировании мер борьбы с кризисом; Home owners Loan Act 1933, закон об организации льготного кредита домовладельцам, имеющий узко групповое значение; the Federal Home Loan Bank Act 1932, закон об организации системы ипотечного кредита, объединивший 12 банков.

¹ Источники: National Industrial Recovery Act 1933, закон о восстановлении промышленности; Tennessee Valley Authority Act 1933, закон о строительстве в долине Теннесси. George Hanley Act — закон Генлея, представляющий собой поправку к закону о восстановлении промышленности. Текст законов см. в американском своде законов The Code of the Laws of the United States of America, of a General and permanent character in for. Jan. 1935. Вспомогательное значение имеют законы отдельных штатов. До 1932 г. только 2 штата (Нью-Йорк и Порторико) имели специальные законы по регулированию жилищного строительства. Начиная с 1932 г. под влиянием федерального центра, обещающего финансовое содействие штатам, пробуждается местная инициатива. В штатах создается 31 закон (некоторые штаты имеют по 2 закона), организующие или собственные государственные органы по жилищному строительству или позволяющие создавать таковые местному самоуправлению всецело или по его усмотрению, или только в городах с населением больше определенного минимума, колеблющегося в значительных пределах (от 20 до 500 тысяч). Основной целью этих законов является организация удешевленного строительства, в целях получения субсидии от федерации. Законы штатов собраны в работе M. Schoenfeld. State Housing Legislation in the End of 1936. Monthly Labor Review, February, 1937, 386—396. В 1934 г. частная национальная ассоциация по жилищному строительству — National Association for Housing officials — выпустила типовой закон публичного жилищного строительства, руководство по проектированию жилищных законов штатами — State Laws for Public Housing, a Memorandum on the Drafting of Enabling Acts for Public Housing Agencies, Chicago, 1934.

¹ Основные источники: National Housing Act 1934, национальный жилищный закон, по содержанию гораздо более узкий, чем по названию. Его содержание сводится к обеспечению возврата ссуд под заложенные на жилищное строительство путем организации взаимного страхова-

номочивать их на издание обязательных постановлений, нарушение которых карается штрафом до 1000 долларов или заключением в тюрьму до 1 года. Таким образом, президенту предоставляются исключительно важные организационные права; 3) расширение полномочий федеральной власти на область, которая до последнего времени рассматривалась как сфера исключительно ведения штатов.

Во всяком случае нападение на законодательство Рузвельта идет по этим трем направлениям. В частности, постановления судов резко противопоставляют жилищному законодательству принцип неприкосновенности собственности, с которым, по их мнению, несовместимо законодательство Рузвельта о восстановлении промышленности и реконструкции жилищного строительства. В своем стремлении установить пределы ограничения права собственности в публичном интересе суды поставили на очередь основные вопросы публичного права США — вопросы о значении разделения властей как гарантии права собственности, о содержании самого понятия «публичный интерес», о границах национального суверенитета в федеральном государстве (в частности о финансовом суверенитете) и об отношении национального суверенитета к автономии штатов (принцип двойного федерализма). Но центральное положение, объединяющее все эти проблемы публичного права США, все же занимает проблема о взаимоотношении права собственности и публичной власти.

III

Охрана частной собственности составляет основное содержание, основной лейтмотив конституции США. Конституция США была созданием нарождающейся буржуазии, и естественно, что последняя поставила во главу угла государственного порядка неприкосновенное право частной собственности (на землю и на орудия производства). Принцип неприкосновенности частной собственности провозглашен и федеральной конституцией (поправка 5-я конституции) и в более детальной форме — конституциями штатов.

Созданная судами доктрина «приобретенных» прав (*vested Right*) также в сущности свелась к доктрине неприкосновенности права частной собственности и стала оплотом владеющих классов (а Верховный суд ее верным хранителем). За всю историю США федеральные суды только в сравнительно редких случаях вступались за индивидуальные права граждан, за свободу в политическом понимании этого термина, а решений судов, в которых охраняется право частной собственности, даже в ущерб всей системе субъективных публичных прав американского гражданина, можно насчитать очень много.

Даже основной принцип конституции США, принцип подчинения органов законодательной власти судебному контролю, не может быть понят вне связи американского публичного права с институтом частной собственности. Недавно появившаяся книга Эдварда Корвина (*Edward Corwin, The Twilight of the Supreme Court*, № 1, 1935) показывает, что этот чисто отвлеченный принцип имеет конкретное социальное

содержание — является своеобразным методом охраны права частной собственности. Только с этой точки зрения, — утверждает Эдвард Корвин, — можно понять характеристику конституции США, нередко встречающуюся в литературе, «как реакционного документа». Приводимые цитируемым автором данные действительно дают своеобразное объяснение происхождению принципа судебного контроля. Как он доказывает, основоположники конституции США именно потому и верили Верховному суду такие исключительные полномочия по надзору за деятельностью всех руководящих органов американской демократии, что видели в малочисленном составе коллегии Верховного суда, вдобавок назначаемой сверху и поэтому удаленной от всякого соприкосновения с народными массами, большую гарантию неприкосновенности прав частной собственности, чем в законодательных собраниях, избираемых и потому в неизмеримо большей степени поддающихся влиянию общественного мнения. Так в недрах американской демократии создавался своеобразный класс судебной аристократии, очень консервативно настроенный и очень влиятельный¹.

Опираясь на предоставленные ему полномочия по охране конституции, Верховный суд действительно оправдал возлагаемые на него надежды по охране интересов господствующих классов и, прежде всего, права частной собственности.

В толковании судов право частной собственности является «божественным установлением», предназначенным для улучшения морального и социального состояния человечества и охраняемым естественным правом, общественным договором и республиканским режимом. «Из трех основных принципов, лежащих в основе государственного бытия: охраны жизни, свободы и собственности, — говорится, например, в постановлении колумбийского Верховного суда об отмене закона о минимуме заработной платы, — основной — охрана собственности». Наиболее яркое выражение эта доктрина нашла в работе американского юриста Эльмера Марка: «Для цивилизованного человека право собственности выше, чем право на жизнь» (*Dr. Paul Elmer Mark—Rationals Bases of Legals Institutions*, № 1, 1923).

¹ «Создавая Верховный суд, Учредительное собрание верило ему полномочия, которые в соединении с тем, что эта судебная коллегия была удалена от заразы соприкосновения с ежедневными заблуждениями общественного мнения, была гениально рассчитана на создание между членами коллегии корпоративного духа и своеобразного инстинкта власти. Коллегия мала, представляет собой сливки (правда, не очень жирные сливки) профессии, в которой бьется сильно политический пульс, с членами несменяемыми и обеспеченными. — пока не обесценена валюта, — комфортабельными условиями жизни. Обсуждение дел она ведет не публично, можно сказать, тайно. Ее постановления, согласно духу XVIII века, когда безраздельно господствовала доктрина естественного права, носят на себе отпечаток велений самой безличной судьбы». Эдвард Корвин, цит. соч., стр. 53—54.

О принципе неприкосновенности права частной собственности разбилось и законодательство Рузвельта, правда, не посягавшее на самый принцип, но все же пытавшееся ограничить произвол собственников и предпринимателей, по крайней мере, в некоторых направлениях, особенно не совместимых с интересами трудящихся классов. Вместе с законодательными актами, составлявшими в общем «Новое дело», погиб и закон «о восстановлении промышленности», являющийся центром, или, как говорит Огг, сердцем всей реформы Рузвельта и, в частности, составляющий основу непосредственного регулирования жилищного строительства федеральной властью.

Постановлением Верховного суда от 25 мая 1935 г. этот последний закон (National Industrial Recovery Act 1933 г.) был признан не конституционным, во-первых, потому что он делегирует главе исполнительной власти — президенту полномочия по существу законодательного характера и, таким образом, нарушает принцип разделения властей, и, во-вторых, потому что он выходит за пределы полномочий федеральной власти в области регулирования экономических отношений («так как пытаясь распространить ее компетенцию на регулирование заработной платы, рабочего дня и другие вопросы, не имеющие «прямого отношения» к торговле между штатами»¹, подчиненной по самой конституции федеральной власти) (ст. 1, п. 8, абз. 3).

¹ Приводим точную выдержку из цитированного постановления Верховного суда. Закон о восстановлении промышленности нарушает конституцию, делегируя президенту законодательную власть; акт, содержание кодексов (которые по этому закону регулируют отношения между рабочим и предпринимателями и утверждаются президентом) точно не определено в № 3 закона; власть президента по утверждению кодексов не определена точными предположениями. Кроме того, нормы их, относящиеся к минимуму заработной платы, к максимальному числу часов рабочего дня..., не имеют прямого отношения к торговле между штатами (Schechter Poultry Corp et al. vers. United States 55 Supp. 1935. Цитировано по Columbia Law Review Decisions 1935, т. 6, стр. 934).

В литературе встречаются указания (см. работу Ira Robbins, The Use of Eminent Domain for Housing Purposes in Housing officials Yearbook, 116—127) на слишком общий характер определений и жилищного законодательства. Так, по мнению противников Рузвельта формулы, даваемые жилищным законодательством, не содержат никаких норм, которые могли бы служить руководством для администрации. Они не указывают точных фактов, которые обусловили бы деятельность администрации, не дают определений основных понятий («очистка трущоб, удешевленное строительство») и, наконец, не устанавливают территории, в которой должны быть применяемы проекты. Вряд ли эта критика, очень характерная для юридического мышления представителей публичного права США, правительна. В публичном праве всего мира определение понятий, устанавливаемых законом в общей форме, сплошь да рядом предоставляется административной и судебно-административной

Напрасно, однако, было бы рассматривать мотивы этого постановления в свете формальной логики. Даже правильность утверждения, что закон нарушает принцип разделения властей (точнее, разграничения функций законодательной и исполнительной власти), вызывает сомнение у американских юристов. Даже те из них, кто приветствует политику Верховного суда по ограничению полномочий президента, должны признать, что точное разграничение допустимого расширения полномочий исполнительной власти и недопустимой делегации власти законодательной органам администрации — не осуществимо (Якоби в цит. работе). Действительно, в течение ряда лет Верховный суд систематически расширял нормативные функции президента, непосредственно вытекающие из предоставленного ему конституцией руководства администрацией. В частности, во время войны полномочия президента достигли особенного развития (право регулирования транспорта, распределения питания, фиксации цен, объявления эмбарго и перегруппировки административных служб). В конечном результате конституционная теория дает президенту широкие полномочия, веря ему одному всю полноту свободного усмотрения внесудебного характера, какую только разрешает закон или конституция. При таком положении дела протест Верховного суда против традиционного расширения полномочий президента как раз в тот момент, когда эти расширенные полномочия были использованы Рузвельтом в интересах широких трудящихся масс, — не может быть объяснен иначе, как тем, что Верховный суд охраняет интересы эксплуататорских классов.

Точно также с точки зрения формальной логики трудно понять второй мотив отмены закона «о восстановлении промышленности» — нарушение «автономии» штатов в области регулирования экономических отношений («торговля между штатами»). Дело в том, что понятие «торговли» давно уже трактуется расширительно. Уже в 20-х годах прошлого века один из крупнейших юридических авторитетов США Маршалл заявлял, что США во многих и весьма важных отношениях, в том числе и в сфере регулирования торговли, образуют единую нацию. «Во время войны мы действовали как единый народ, во время мира мы единый народ, в торговле мы тоже единый народ». Эта точка зрения нашла свое отражение в ряде решений Верховного суда, постепенно расширявшего понятие торговли и содействовавшего таким образом организации народного хозяйства на национальной основе. В частности,

в практике. Вообще, говоря словами Якоби, резюмирующими его работы о делегации законодательной власти, «опыт показывает, что аксиома, препятствующая делегации (нормативных полномочий исполнительной власти) или допускающая такую делегацию только в умеренных пределах, систематически теряет свое значение и исчезает из законодательной практики Европы. Несомненно, что позиция европейских судов, отличная в этой области от американской, очень показательна для намечающихся тенденций». Sidney Jacoby. Delegation of Powers and Judicial Review. Columbia Law Review, 1936, Vol. XXXVI, стр. 208.

как указывает комментарий приведенного выше постановления Верховного суда, по господствующей теории достаточно уже того факта, что в течение 24 часов вещи (как это и было в рассматриваемом Верховным судом случае) не поступали в мелочную торговлю, для признания их оборота находящимся в сфере «торговли между штатами» и, следовательно, подчинения их контролю федеральной власти.

Объяснение ограничительному толкованию Верховным судом понятия «регулирования торговли» нужно искать не в законах логики, а в буржуазной идеологии: начиная с 80-х годов XIX века в воззрениях членов Верховного суда проникает доктрина экономического либерализма, в принципе враждебная публичной власти, в экономические отношения (теория *laisser faire, laisser passer*) и получающая в толковании судов характер бесспорного морального метаюридического принципа (см. стр. 151). В свете такой доктрины ярко бросается в глаза классово эксплуататорский характер и последнего мотива признания противным конституции закона «о восстановлении промышленности», — «отсутствии прямой связи» между длиной рабочего дня, минимумом заработной платы и полномочиями федеральной власти на регулирование экономических отношений («торговли между штатами»). Впрочем, в апреле текущего 1937 г. сам Верховный суд опроверг свою прежнюю точку зрения. В решении по делу *National Relations Board v. Stoll Corp Jones & Laughlin* он признал, что, поскольку промышленность организована в национальном масштабе, она не может не прибегать к «торговле между штатами» и поэтому не может не подлежать контролю федеральной власти. Таким образом, победила точка зрения, уже раньше сформулированная в апелляционном суде судьей Леман: «Географические границы между штатами устанавливают пределы суверенитета, но не образуют барьера и могут быть совершенно игнорированы в делах торговли и промышленности». В марте 1937 г. Верховный суд — тоже в полном противоречии со своим старым постановлением 1926 г. — признал закон о минимуме заработной платы не противоречащим конституции (*West Coast Hotel Co v. Passich* 29 м. 1937 г.).

Американские юристы (см. статью Murrey G. Lee. *The Supreme Court coutech up with the Nation* в последней (апрельской) книжке журнала *United States Law Review*) немало иронизируют по поводу неожиданного изменения логики суда (некоторые судьи одинаково убежденно принимали диаметрально противоположные решения). Но это только еще раз подтверждает, что решения суда диктуются не только законами логического мышления, но и «персональными взглядами, предрассудками (*susceptibilities*) и социальным мировоззрением судей (Карпентер).

IV

Нормы закона о «восстановлении промышленности» (*National Industrial Recovery Act*), NIRA, которые служат основой полномочий федеральной власти в деле жилищного строительства, не были непосредственно затронуты вышецитированными постановлениями Верхов-

ного суда. Поэтому созданный на их основании федеральный аппарат регулирования жилищного строительства сохранил свое значение и после отмены закона в целом. Но в самом важном пункте его деятельность была парализована постановлениями местных судов, которые в свою очередь в своей сфере и своими методами выступили на защиту индивидуальной собственности на землю.

Местные суды не признали за федеральным управлением права на принудительное отчуждение участков и тем самым поставили публичную власть в беспомощное положение по отношению к землевладельцам. 4 января 1935 г. федеральный окружной суд признал, что жилищное строительство выходит за границы публичного интереса (*public use*) и на этом основании отказался признать за федеральной властью право на принудительное отчуждение¹.

По американскому законодательству принудительное отчуждение может иметь место только по специальному полномочию закона и при наличии публичного интереса. Этот принцип проведен и федеральной конституцией (5-я поправка) и громадным большинством конституций отдельных штатов. Таким образом, вопрос о содержании понятия «публичный интерес» — проблема чрезвычайно важная в теории права, — приобретает непосредственное практическое значение.

Понятие публичного интереса (в частности, как условия отчуждения) не является выясненным ни в теории американского публичного права, ни в практике судов. Верховный суд избегает дать точное его определение. В судебной практике борются два определения этого понятия: более узкое признает общественным пользованием (общественным интересом) только непосредственное физическое использование территории для общественных целей (например, для устройства улицы, непосредственно для устройства общественных сооружений); более широкое толкование влагает в это понятие и момент моральной ценности, включая в понятие общественного интереса и достижения, выгодные для общества, хотя бы в том или другом конкретном случае принудительное отчуждение не вело к непосредственному физическому использованию терри-

¹ Текст решения см. в *Columbia Law Review* Decisions, 1935, стр. 284. Хегеман в своей недавно вышедшей книге довольно образно и с большой иронией характеризует противоречия между широкими планами федерального управления в его борьбе с трущобами и политикой американских судов. Так, он цитирует речь «первой леди США мистрисс Рузвельт» 9 марта 1931 г., в которой рисуется гибельное влияние предположенного к сносу трущобного квартала на финансовое и материальное положение города (Детройта) и затем добавляет: «Быть может, в тот же самый момент, когда мистрисс Рузвельт дала платком знак к разрушению первого предназначенного к сносу здания, судья Тетль по жалобе заинтересованных собственников вынес постановление о прекращении работ по сносу антисанитарного квартала». Hегeman, *City planning and Housing*, № 1, 1936, стр. 127.

тории, и отождествляет, таким образом, понятие public use и понятие general welfare¹.

Однако Верховный суд да и вообще суды штатов склонны придерживаться более узкого толкования, допуская более широкое только в исключительных случаях, вызываемых местными условиями². Впрочем, в интересующем нас случае апелляционный суд в Цинцинати (куда Луисвилльское дело перешло по жалобе федерального управления) отказался признать за этим последним право на отчуждение земли не только в силу узкого толкования общественного интереса, но и по тому соображению, что федеральная власть уполномочена применять принудительное отчуждение в пределах штата только для осуществления «правительственных» целей, к которым, по мнению суда, не относится жилищное строительство.

Таким образом, в этом случае апелляционный суд в Цинцинати стал на почву так на-

зываемого двойного федерализма, с точки зрения которого вся власть принадлежит штатам, а федерация имеет только те полномочия, которые ей непосредственно предоставлены конституцией. Но и теория двойного федерализма не является бесспорной и также допускает более широкое и более узкое толкование. Наряду с утверждением, что конституция не допускает расширенного толкования полномочий федеральной власти, точно перечисленных в ней, в последние годы все чаще высказывается мысль о необходимости более гибкого ее приспособления ко все расширяющимся и возрастающим потребностям федерального целого. Последняя точка зрения встречает некоторую поддержку в широком толковании финансовой власти федерации: по абзацу первому пункта 8-го статьи 1 конституции, «конгресс может устанавливать пошлины, акцизы и принимать меры для защиты и общего благосостояния США». Из этой статьи бесспорно вытекает право на законодательное творчество конгресса в широкой области «общего блага», но в вопросе о пределах финансовой власти в области внутреннего управления борются две противоположные точки зрения. Являются ли эти финансовые полномочия только средством для осуществления прав, уже предоставленных конгрессу конституцией, или они имеют самостоятельное значение и дополняют перечень полномочий конгресса новыми полномочиями (финансового характера), таким образом, открывая возможность расширительно толковать полномочия федерации в области внутреннего управления?

История США, повидимому, оправдывает вторую точку зрения: широкое развитие субвенций открыло для федеральной власти возможность всестороннего регулирования «местного управления» в области народного образования, общественного здоровья, дорожного дела; затем в условиях высокоразвитой индустриализации страны финансовая власть сама по себе является мощным фактором внутреннего управления и самостоятельности федеральной власти. Корвин даже думает, что именно прерогативы финансовой власти должны освободить федеральную власть от «пут» судебного контроля. «Что может противопоставить,—говорит он,—судебный контроль, задуманный как средство охраны собственности и определенного типа индустриальной организации, современному национальному правительству, с его правом производить расход на всякую цель без ограничения, с правом оказывать кредит частным предприятиям, и, следовательно, их контролировать. Наконец, с правом выпуска денег до безграничных пределов?»

Как конечный вывод расширенного толкования полномочий федеральной власти следует признать, что ей бесспорно принадлежит и право на регулирование жилищных отношений, в частности право на принудительное отчуждение земли для жилищного строительства. В самом деле, в современных условиях нельзя не признать за жилищной проблемой значения национальной проблемы. После работы Энгельса, в которой ясно доказана связь между жилищным вопросом и положением рабочего класса на известной ступени индустриализации страны, после ряда специальных ис-

¹ Теория давно склоняется к более широкому толкованию. См. Layer, *Principen des Enteignungsrechts*, 1902, стр. 259—261.

² Суды начали борьбу с применением принудительного отчуждения с момента издания первого закона о принудительном отчуждении (штатом Нью-Йорк в 1812), отмененного Верховным судом штата. Особенной известностью пользуется дело *Barkway Case of Pensylvania Mutual Assurance Co versus Philadelphia*, которое дало повод к отмене закона штата Пенсильвании об отчуждении при устройстве парков и парковых дорог примыкающей к ним на расстоянии двух футов по обеим сторонам полосы земли «в целях охраны перспективы, красоты, света, воздуха, также и в целях использования участков, бесполезных для застройки». Суд нашел, что расширение права отчуждения на примыкающие к общественным сооружениям участки выходит за пределы общественного интереса, и отменил на этом основании закон. Таким образом, попытки штатов (аналогичные законы были отменены и в других штатах) расширить применение отчуждения на целый комплекс связанных между собой участков, занятых общественными сооружениями и прилегающих к ним частновладельческих участков, не удалось, хотя в Западной Европе эта цель достигается более или менее законодательством о принудительном отчуждении, так называемым «отчуждением по посямам». А когда в целях борьбы с судами штатов законодательные собрания 9 штатов по примеру Массачусетса ввели соответственные изменения в свои конституции, то они встретились с новыми преградами, поставленными Верховным судом. Последний отменил обязательное постановление, изданное на основании этого изменения конституции в городе Цинцинати, и, таким образом, использовал весь свой авторитет для того, чтобы ослабить публичную власть в ее борьбе с собственниками. См. сборник решений *Progress of the Law in the U. S. Supreme Court*, Gregory and Charlotte Hankin, W., 1930. Решения судов по вопросу о применении принудительного отчуждения в городах США собраны в статье *Jewels Cass Philipp, Excess Condemnation for City Country Township in «The Journal of Land and Public Utility Economics»*, 1934, March.

следований¹ по жилищному вопросу в США (Е. Бауер, Е. Вуд), которые устанавливают бесспорную связь между жилищной нуждой и вырождением населения, наконец, после недавнего заявления Рузвельта, что здоровое жилище является одним из существенных элементов национального процветания, нельзя отрицать за жилищным вопросом значения национальной проблемы, и, следовательно, нельзя не признать за федеральной властью права на его регулирование. Одновременно надо подчеркнуть, что отрицательное решение и этого вопроса федеральными судами продиктовано не требованиями логики, а социальными (буржуазными) предассудками, уходящими своими корнями в классовые интересы эксплуататорского меньшинства.

Между тем опыт применения законодательства Рузвельта показывает, что без принудительного отчуждения невозможно самое элементарное оздоровление городов¹.

Разумеется, было бы наивно думать, что признание за федеральной властью права на отчуждение явилось бы решением жилищного вопроса или хотя бы даже приближением к этому решению. Хотя, по мнению даже представителей буржуазной юриспруденции, (Jhering) без принудительного отчуждения институт собственности «не жизнеспособен», «без него собственность вырождается в проклятие», но в капиталистических городах отчуждение в размерах, необходимых для сколько-нибудь радикального решения жилищного вопроса, невозможно как по политическим, так и по экономическим причинам (даже если бы оно и было допустимо формально). Уплата полного вознаграждения собственнику является необходимым конститутивным элементом института отчуждения по буржуазному праву. Между тем опыт показывает, что ни одно государство не может выдержать того финансового напряжения, которое понадобилось бы для возмещения собственникам (даже только трущобных кварталов) земли по ее полной стоимости. Даже в Англии, где от принципа полного вознаграждения сделаны некоторые, правда, не очень существенные отступления отчуждения в целях перепланировки и санирования старых кварталов является скорее премией домовладению, чем основой реконструкции города. А

в США, где Верховный суд рассматривает отчуждение без вознаграждения как нарушение конституции (нарушение принципа due Process of Law), необходимость уплаты за отчуждаемую землю вознаграждения по полной (рыночной) стоимости (fair market value, по общепринятому в американской теории и практике выражению), является несомненно непреодолимым препятствием для решения жилищного вопроса. При таких условиях жилищная проблема вырастает в проблему социальную, и неудивительно, что некоторые специалисты по планировке городов и жилищному строительству ищут выхода из тесных рамок, поставленных буржуазным законодательством. Так, известный планировщик Хегеман ставит в своей недавней работе «City planning and Housing» вопрос, не являются ли единственным средством решения жилищной проблемы принудительные методы (forcible Methodes), рекомендуемые Лениным¹. Другая специалистка, Е. Бауер, высказывает мнение, что решение жилищного вопроса вне социалистической концепции социальной реформы невозможно (Modern Housing, 1933).

Примирение таких «радикальных» взглядов, которые начинают, как будто бы, завоевывать общественное сочувствие широких масс США, с консервативными принципами решений Верховного суда нужно искать не на путях «формальной логики», а — как показывает даже наша краткая характеристика эволюции Верховного суда в последние годы, — в воздействии организованного общественного мнения трудящихся (см. прим. на стр. 8).

Нельзя, однако, забывать, что реальное, продолжительное решение жилищной проблемы невозможно в условиях капиталистического строя, что такое решение возможно лишь в условиях «экспроприации экспроприаторов», лишь в результате победоносной пролетарской революции, установления советского строя и пролетарской диктатуры.

¹ По словам Хегемана, «угрожающая позиция Ленина имеет более американский характер (is more american), чем это думает большинство американцев. Его вера в необходимость принудительной реформы (как в Англии, так и в США) как единственного действительного средства для преодоления эгоизма собственников и для содействия свободному распределению благ. — эта вера ставит Ленина в одну группу с Джеферсоном и Линкольном» (Хегеман, цитированная работа, стр. 106).

М. Загряцков.

¹ Непризнание за федеральным жилищным управлением права на принудительное отчуждение (даже антисанитарных) зданий вынудило его отказаться от перестройки трущобных кварталов (slums) — основной задачи по оздоровлению буржуазного города.

Обсуждаем наши учебные пособия¹

Криминалистика

Спрос на учебник криминалистики удовлетворен. Такой учебник — «Криминалистика. Книга 1. Техника и тактика расследования преступлений» (Огиз, 1935 г., стр. 250) — вышел в свет.

Коллективная разработка учебника в Всесоюзном институте юридических наук и назначение его для слушателей правовых вузов дают право предъявлять к нему особенно высокие требования. Поэтому далеко не лишним будет сразу же обратить внимание на те отдельные упущения, которые имеются в книге и которые должны быть исправлены при втором издании.

Прежде всего о методе подачи материала. Книга делится на три части: 1. Основные принципы криминалистики. 2. Уголовная техника. 3. Уголовная тактика.

Приведенные заголовки не совсем соответствуют помещенному под ними материалу. Так, содержание «Основных принципов криминалистики» (разрядка всюду моя.— П. М.) следующее:

1. Введение.
2. История развития криминалистики:
  - а) уголовная регистрация,
  - б) исследование документов,
  - в) учение о следах,
  - г) допрос.

Но история регистрации и иных криминалистических институтов никогда не может быть не только основным принципом, но это вообще не вопрос принципа.

Такие же, казалось, основные принципы советской криминалистики, как участие в расследовании широкой общественности, как вопрос открытого следствия, роль печати и т. д. — все это в «Основных принципах» даже не затронуто. Поданы же замечания исторического порядка, но тогда незачем было называть это основными принципами.

Кстати, здесь же надо заметить, что и история грешит большими пропусками и, главным образом, в наиболее интересных и важных для нашего студента моментах: не освещен вопрос, как развивалась криминалистика в дореволюционной России и как она развивается в Советском Союзе. Нет, например, сведений об организации техники расследования в сыскных отделениях дореволюционной России, нет данных о первых научно-технических кабинетах при прокурорах судебных палат Москвы, Петербурга, Киева, Одессы и Варшавы. Обойден молчанием и вопрос о современном развитии научно-технических отделений советской милиции, ни слова нет об институтах научно-судебной экспертизы в Киеве, Одессе, Харькове и Минске, ничего не сказано о сети судебно-химических лабораторий, о судебно-ветеринарной лаборатории Наркомзема на Украине и т. д. История получилась несколько куцая, между тем путь пройден порядочный.

Следующие две части книги это: «Уголовная техника» и «Уголовная тактика».

Здесь авторы отдали дань не совсем пра-

вильному, хотя и принятому некоторыми криминалистами принципу деления: уголовная техника — это способы использования естественных наук, уголовная тактика — проведение отдельных следственных действий: допросы, осмотры, выемки и т. д.

Однако и допрос, и осмотр, и выемка могут и должны быть изучаемы как с точки зрения техники их проведения — совокупность технических приемов, так и с точки зрения тактики — выбор тех технических приемов, средств и порядка их проведения, которые наиболее эффективны в условиях обстановки данного преступления, по отношению к данным свидетелям, потерпевшим, обвиняемым.

Поэтому методически более правильным было бы сказать:

1. О технике исследования отдельных видов следов, выделяя здесь непосредственную работу следователя, давая указания о постановке заданий экспертам и знакомя, наконец, следователя с методами работы экспертов над каждым видом следов и научными возможностями для тех или иных выводов.

2. О технике и тактике отдельных следственных действий: обыск, выемка, осмотр, экспертиза, допрос.

Причем к технике осмотра следует отнести общие указания, охватывающие следы в их совокупности, как это и бывает на месте совершения преступления. В разделе же об экспертизе дать общие указания о самом порядке постановки ее и проведении всякой экспертизы вообще.

Принятый же авторами учебника метод группировки материала привел к постоянным скреживаниям, распыленности и даже неясности. Так, в разделе «Уголовная тактика» мы находим главы не только о «Технических способах оформления осмотра» (§ 13), но и о таких узко технических вопросах, как «Фотографическая съемка» (§ 15), «Съемка плана местности» (§ 16), «Составление и использование карточек» (§ 34) и даже «Составление обвинительного заключения» (§ 35). Увидеть во всем этом хоть что-нибудь тактическое невозможно.

Во введении авторы обещают методику расследования отдельных видов преступлений изложить в следующей книге. Но в главе «Доказательства о пожарах» они почему-то отступают от указанного принципа, и мы находим здесь параграфы: «Техника расследования» (стр. 94) и «Производство экспертизы» (стр. 96). *Principium divisionis* здесь не выдержан.

В части 2-й — «Техника» — речь идет об исследовании следов одежды, обуви, мелких вещей и т. д., в части 3-й — «Тактика» — мы снова возвращаемся к осмотру одежды, обуви, мелких вещей и т. д., хотя термин тактика по отношению к вещам не применим.

Избранное авторами распределение материала приводит, например, к следующему: определение роста по длине стопы (мои собственные заключения, основанные на исследовании 4000 случаев, эту возможность вообще опровергают, но сейчас я не могу на этом останавливаться) отнесено к технике (стр.

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

64), а определение размера стопы по следу от обуви к тактике (стр. 182). Об оковке обуви говорится и в технике (стр. 65) и в тактике (стр. 183). А о значении формы среза подметки или формы каблука ни слова не сказано.

Параграф об осмотре места совершения преступления мы находим в «Технике» только в главе об огнестрельных повреждениях (стр. 76). «Фиксирование и экспертиза следов взлома» — в «Технике» (стр. 86), а «Осмотр орудий преступления» — в «Тактике» (стр. 179). «Следы одежды» — в «Технике» (стр. 91), а «Осмотр одежды» — в «Тактике» (стр. 179). О волосах речь идет и в § 10 (стр. 62) и в § 11 (стр. 74), хотя и всего-то для них выделена 1 страничка.

Такая разбросанность материала приводит и к противоречиям. В «Технике» длина шага взрослого мужчины среднего роста 70—78 см (стр. 63), в «Тактике» же 75 см — это длина шага мужчины высокого роста (стр. 174), для человека же среднего роста длина шага уменьшается до 67 см или до 70 см (стр. 187), в зависимости от способа перевода шагов в метры. Между тем надо категорически требовать от следователей оставлять в актах размеры в тех единицах, в которых они были произведены на месте, даже в шагах. Это необходимо во избежание вычислительных ошибок.

Вообще при каком-либо целевом задании учащемуся, несмотря на небольшой объем учебника, очень трудно в нем ориентироваться. Так, если учащийся хочет знать, как ему поступить со следами ног, он найдет в «Технике» соответствующий § 11, однако, надо догадаться, что следует прочитать и предыдущий параграф — «Собирание вещественных доказательств». И именно здесь он прочтает, что следы, во избежание порчи, надо покрыть ящиком, корытом, чугуном или, наконец, доской, положенной на кирпичи (стр. 60). Но беда учащемуся, если он ограничится только этим. Нет, он еще должен порыться в «Тактике» (?), чтобы на стр. 174 натолкнуться на указание, что для накрытия следов нельзя пользоваться предметами, издающими резкие запахи (рогожа из-под кожи, ящик из-под мыла и т. д.), так как это мешает в дальнейшем применению служебно-розыскных собак.

Напрасно, однако, вдумчивый студент станет искать что-либо о возможностях использования таких собак. В учебнике об этом больше ни слова.

На аналогичные явления мы наталкиваемся и в других случаях. Если учащийся интересуется вопросом о стертых карандашных надписях, то он должен искать ответ и в параграфе «Бумага» (стр. 103) и в главе «Стертое карандашное письмо» (стр. 109). В сущности же здесь одно и то же продолжающееся исследование: вначале устанавливают признаки стертости, а потом восстанавливают текст.

Указанные повторения, а их довольно много при чрезмерной сжатости учебника (разделу об исследовании вещественных доказательств выделено всего 38 страниц), прямо-таки вредны.

Необходимо также остановиться на ряде общих мест, ничего не дающих ни студенту, ни следователю.

«По следу босой ноги можно в некоторых случаях (в каких же именно, с полным на это правом захочет узнать студент. — П. М.) определить рост шедшего (почему не стоящего? — П. М.) человека» (стр. 64). «Во всех случаях исследований документов применяется тот или иной метод фотографии» (стр. 101), но ведь студент вуза и практик-следователь должны знать точно, какие же это методы и в чем их суть. «Жидкие вещества, подлежащие химическому, химико-микроскопическому, биологическому или бактериологическому исследованию, помещаются в чистых стеклянных банках» (стр. 62). Но напрасно будет студент перелистывать учебник, чтобы найти хоть строчку о сущности этих исследований, когда и в каких случаях к ним надо прибегать, как необходимо отбирать пробу.

«Жидкий светофильтр состоит из раствора медного купороса с добавлением аммиака» (стр. 109). Кому это надо? Для эксперта — слишком обще; для студента — вообще непонятно, так как в учебнике не разъяснено как общее значение светофильтров, так и частные отличия сухих от жидких.

Отдельные советы не всегда обоснованы и часто не одинаковы в различных местах учебника. На стр. 59 на расцветку кровяных пятен влияет «высокая температура», а на стр. 73 — уже просто «температура воздуха». На стр. 183 правильно указано, что на коже обуви следы папиляров сохраняются в том случае, если она лакирована, а на стр. 69 рекомендуется искать окровавленные следы папиляров на лице, шее и т. д. жертвы. Практического же случая подобного рода использования следов не приведено.

Отказавшись от изложения судебной медицины (стр. 7), авторы учебника напрасно уделили полстраницы пятнам спермы (стр. 74). Этот параграф изложен так, как будто следователь должен разыскивать эти пятна на теле без судебного медика, о котором в «Уголовной технике» вообще нигде не упоминается. См. также ссылку на семенные пятна на стр. 60.

Вполне понятно, что и раздел о следах крови, не увязанный с разделом о характере повреждений на теле, ни в коем случае не может быть полным и методически правильным. Ведь перед следователем всегда при обнаружении ран или пятен крови, или того и другого должен стоять вопрос о соответствии ран и следов крови по виду, характеру, месту, времени происхождения и т. д. И именно об этом в учебнике ни слова. Только при механистическом подходе к исследованию можно допустить такое раздельное изучение телесных повреждений и следов крови.

На стр. 179 рекомендуется при производстве осмотра места совершения преступления сравнивать орудия взлома с повреждениями на предметах: ломик-фомка со следами на косяке взломанной двери, стреляную гильзу с пулей и т. д. Такое сравнение на месте осмотра, не в лаборатории и не специалистами, недопустимо, оно ничего не дает и приводит часто к уничтожению важнейших деталей на сравниваемых предметах.

Вообще по характеру подачи материала в учебнике невозможно провести линию, отгра-

ничающую работу следователя от исследований эксперта.

В разделе о высокоблестящем письме (стр. 109) указано на возможность восстановления текста проведением по документу горячего утюга. Рекомендовать такой прием никак нельзя, так как на этой же странице учебника, но в разделе «Вытравленное письмо» правильно указано: «Нагревание утюгом делает вытравленный текст невосстановимым ни этим, ни другими способами».

В «Основных принципах» читаем, что Бертильон предложил особый, так называемый метрический способ фотографирования (стр. 24). В «Тактике» находим главу—«Фотографическая съемка», где сказано: «Если есть возможность, всегда лучше произвести съемку места преступления специальным фотографическим метрическим аппаратом Бертильона» (стр. 190). Однако техническая сторона метрического фотографирования не описана. Трудности ее весьма значительны, и совсем не лишним было бы привести пример конкретного использования метрической фотографии в практике.

Особо надо остановиться на плане расследования. Характерной особенностью учебника является отсутствие казуистики вообще и в частности из собственной практики авторов.

В книге приведено всего 3—5 примеров. Поэтому, очевидно, план расследования взят не из какого-либо реального дела, а составлен к надуманному примеру (стр. 144—145). Отсюда и все качества. По данным примера вдова убитого и Иванов уже допрошены. В примере дважды сказано: «по показаниям вдовы» и по одному разу: «по мнению вдовы» и «по показаниям Иванова». Через десяток строк авторы плана об этом забывают и предлагают повторить допросы. При такой наблюдательности вообще нельзя браться за расследование.

Сам план составлен так, «чтобы он обеспечивал проверку всех намеченных следователем версий одновременно, параллельно одна за другой» (стр. 144). Это вообще неточность; нельзя — одновременно и одна за другой: или одно или другое.

Указанные в плане следственные действия распределены так, что они ни в коем случае не могут удовлетворить требованиям тактики расследования. (Я уже указывал, что авторы вообще неправильно рассматривают тактику.)

По условиям примера 10 января Сидоров и Мельникова обнаружили труп убитого. По предлагаемому плану намечено произвести ряд допросов 12 января. Допрос же Сидорова и Мельниковой отнесен к 13 января. Это ни в коем случае недопустимо. И Сидоров и Мельникова должны быть допрошены первыми: почему и как попали они на место убийства, как вошли в квартиру (были ли заперты двери и окна—вопрос, на котором несмотря на его простоту спотыкаются следователи), что увидели свидетели в помещении, что они трогали, что изменили и вообще что узнали о преступлении. Ведь это — начало расследования по данному делу. Следовательно ясно, что допрос этих свидетелей должен быть запланирован на 12 января.

Вдова убитого в ночь убийства ночевала не дома, а почему-то уходила к своей матери.

В плане технически правильно намечается необходимость выяснить причину ухода вдовы убитого к матери и для этого запланировывается допрос вдовы 12 января и допрос матери 15 января. Тактически это недопустимо. Уголовная тактика требует такой организации и распределения допроса, который обеспечил бы следователю возможность контролировать показания всех допрашиваемых. Поэтому и вдова и ее мать должны быть допрошены непосредственно одна за другой. Только таким путем следователь может избежать корректирования вдовой после своего допроса показаний матери. Допрашивать вдову 12 января, мать—15 января, а 14 января заниматься изучением записок убитого, с точки зрения уголовной тактики, значит окончательно погубить дело.

Технически неправильно было исключить допрос вдовы по версии террористического акта. Ведь именно родственники убитого в большинстве случаев знают, с кем убитый сталкивался, кто ему угрожал мстостью и т. д.

Неправильно также ограничивать допрос домработницы только версией убийства с целью грабежа, как это намечено по плану. Показания ее могут быть ценны не только для каждой из четырех намеченных в плане версий, но, как я покажу далее, и для ряда иных возможных предположений.

Грубой технической ошибкой составителей плана является отсутствие указаний на необходимость установления, где же именно и как провел последний день и последние часы жизни убитый, кто его видел, где, в какой обстановке. Непростительным промахом в плане расследования является пропуск допроса соседей убитого, могущих заметить что-либо подозрительное, слышать крики, шум, видеть кого-либо проходящим и т. д.

План не надуманный, а поданный из конкретного дела с рядом замечаний технического и тактического порядка показал бы следователю, как действительно надо планировать работу и вести следствие. Данный надуманный пример далеко не безукоризнен и с технической и, главным образом, с тактической точек зрения. Пользы от него мало: он дает голую схему и не учит правильному криминалистическому подходу к расследованию на основании имеющегося материала.

Может быть, этим объясняется и то обстоятельство, что «планировщики» забыли осмотреть место убийства.

Методически более правильно рекомендовать следователю начинать планирование, а следовательно и работу не с надумывания версий, а с установления необходимого минимума обязательных фактов.

Данные примера настолько общи и недостаточны, что фантазирующий следователь мог к четырем предложенным версиям придумать более многочисленный ряд иных.

Например:

- 1) председатель убит родственниками, с которыми у него шел спор о наследстве;
- 2) убит женщиной, с которой он был близок;
- 3) убит своими сослуживцами, которых он собирался уличить в растрате;

4) покончить самоубийством из-за ревности, так как заметил благосклонность своей жены к соседу, и т. д. и т. д.

Версия — не фантазия, а достаточно правдоподобное, обязательно обоснованное, хотя еще и недоказанное, но возможное по обстоятельствам дела предположение. Таких версий, конечно, может быть и несколько, но с ними никогда не следует спешить в серьезной следственной работе.

Даже по данным приведенного авторами придела деловой план следствия следовало составлять так:

Первоначальный план:

- 1) осмотр места совершения преступления;
- 2) допрос лиц, обнаруживших труп;
- 3) допрос вдовы убитого и ее матери;
- 4) допрос домработницы;
- 5) допросы соседей и лиц, находившихся вблизи места совершения преступления;
- 6) обыск и допрос К., а также лиц, на которых он сошлется (алиби);
- 7) допрос начальника политотдела и ближайших сослуживцев убитого.

Все указанные следственные действия должны быть произведены в один, максимум два дня при выезде следователя в село, где было совершено убийство. Только после производства этих следственных действий, обязательных при любой из версий, следователь может построить одну или несколько обоснованных версий и наметить дальнейший план с обязательным виссением в него всего того, что может подтверждать или опровергать выставляемые версии, и, наконец, того, что может указать на источник для построения совершенно новых версий.

Что касается полноты научного материала в учебнике, то и здесь не все благополучно. В

вопросе, например, метрического фотографирования для авторов последнее слово техники — Бертильон. За границей от Бертильона уже далеко ушли. Это известно, между прочим, и по материалам Всесоюзного института юридических наук («Советская юстиция» № 32 за 1935 г.), а также по работам Украинского института изучения преступности (протокол заседания криминалистической секции № 6 от 26 ноября 1933 г.). О повреждениях стекла от огнестрельного оружия описаны методы, известные еще по Гроссу, но обойденные молчанием более совершенные методы Д. Матвеева, описанные в нашей и заграничной литературе. Вообще авторами учебника совершенно не использован большой криминалистический материал Украины и судебно-медицинских организаций Союза ССР.

Приведенные в учебнике ссылки на литературу случайны, не полны и далеко не удовлетворительны. Например, авторы ссылаются на «Словесный портрет» Рейсса издания 1911 г., между тем мы имели в 1924 г. «Справочный подручный альбом словесного портрета» проф. Бокариуса.

Переходя к оценке учебника в целом, необходимо признать, что выпущенная книга полностью не разрешает проблемы создания советского учебника криминалистики.

Необходима более глубокая проработка материала, необходим более правильный метод подачи этого материала, необходимо широко использовать современный казуистический материал (например, в вопросе установления роста по размерам оставленной одежды). Следователя можно и надо учить на практических примерах расследования, а не на надуманных случаях.

П. Момот.

Официальный отдел

О САМООБЛОЖЕНИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

11 сентября 1937 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О самообложении сельского населения» (опубликовано в «Известиях ЦИК СССР» от 12 сентября 1937 г.).

Краевым и областным прокурорам, а также прокурорам республик, не имеющих областного деления, предлагаю дать срочные указания прокурорам районов о систематическом наблюдении за строгим проведением в жизнь указанного выше закона, с немедленным опротестованием постановлений общих собраний граждан, сельсоветов или райисполкомов, нарушающих порядок самообложения, установленный этим законом.

Особенное внимание должно быть обращено на борьбу с незаконным расходованием средств, собранных в порядке самообложения. виновных в этом должностных лиц следует привлекать к дисциплинарной, а в наиболее серьезных случаях к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР (и соответствующим статьям УК других союзных республик).

О всех случаях грубого нарушения закона или носящих систематический характер сообщайте в Прокуратуру Союза ССР спецдонесениями.

Прокурор Союза ССР — А. ВЫШИНСКИЙ

13 сентября 1937 г.

№ 71/24.

О ЦЕНАХ И КОНДИЦИЯХ НА СОРТОВОЕ ЗЕРНО

Ввиду ошибок, допущенных по вине Комитета заготовок и Наркомзема СССР в постановлении СНК СССР от 29 июля с. г. «О ценах и кондициях на сортовое зерно из урожая 1937 г.», Совет народных комиссаров Союза ССР 13 августа с. г. отменил указанное постановление СНК СССР от 29 июля 1937 г. и принял его в новой редакции.

Поскольку в нашем циркуляре от 19 августа с. г. № 62/1 имеются ссылки на постановление СНК СССР от 29 июля с. г., которое в настоящее время отменено, направляю вам для сведения и руководства новую редакцию нашего циркуляра от 19 августа с. г. № 62/1 взамен ранее разосланного.

Прокурор Союза ССР — А. ВЫШИНСКИЙ
9 сентября 1937 г.
№ 62/1.

О ПОРЯДКЕ ПРИЕМКИ СОРТОВОГО ЗЕРНА

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 августа с. г. отменен приказ наркома земледелия СССР и председателя Комитета заготовок от 3 июля 1937 г. № 539/1472 «О порядке приемки сортового зерна в кампанию 1937—1938 гг. и порядке складирования сортового зерна на складах «Госсортфонда» в связи с тем, что в этом приказе повторена прошлая вредительская практика обезличивания и смешивания различных сортов семян под видом так называемого «товарно-сортового зерна».

СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязали Наркомзем и Комзаг СНК СССР в деле заготовки и хранения сортовых семян точно руководствоваться:

а) постановлением СНК СССР от 29 июня с. г. «О мерах по улучшению семян зерновых культур»;

б) постановлением СНК СССР от 13 августа 1937 г. «О ценах и кондициях на сортовое зерно из урожая 1937 г.» и

в) постановлением СНК СССР от 31 июля с. г. «О порядке организации приемки сортового зерна», приняв все необходимые меры, чтобы не допускать смешения на складах «Заготзерна» и «Госсортфонда» различных сортов зерна, снабженных сортовыми удостоверениями, а также смешения сортового зерна с несортовым.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) также обязали председателей СНК союзных республик, краевых и областных исполкомов, а также секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов проверить ход выполнения органами Комитета заготовок и Наркомзема перечисленных выше постановлений СНК СССР об улучшении семян зерновых культур, сообщив о результатах в СНК СССР и ЦК ВКП(б).

Наконец, указанное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 августа с. г. предусматривает привлечение виновных в смешении сортового зерна к уголовной ответственности с сообщением каждый раз об этом в СНК СССР.

Обращая ваше внимание на исключительное значение постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 7 августа с. г. для дела улучшения семян зерновых культур, предлагаю обеспечить срочное расследование всех сигналов и сообщений о смешивании зерна различных сортов на складах «Заготзерна» и «Госсортфонда». При расследовании этих дел вы должны принимать все меры к тому, чтобы установить, не стоит ли за спиной преступника какая-либо вредительская контрреволюционная группировка, нет ли у преступника связей с враждебными нам элементами, для того, чтобы

разоблачить и предать суду не только исполнителей, но также организаторов, вдохновителей и подстрекателей этих преступлений.

О каждом выявленном вами факте смешения сортового зерна немедленно информируйте меня спецдонесением.

Прокурор Союза ССР — А. ВЫШИНСКИЙ

О БОРЬБЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ О ЗАПОВЕДНИКАХ

По сообщению Комитета по заповедникам при ВЦИК РСФСР местные органы прокуратуры не проявляют необходимой энергии в борьбе с нарушениями правил о заповедниках, с браконьерством, с самовольными порубками и т. п.

Так, например, нарсуд Абзелинского района Башкирской АССР оставил без рассмотрения в течение полугода дело о вооруженном нападении гр. деревни Хаметьево Габдуллина Хибета на работника охраны заповедника. Переданное вслед за тем тому же нарсуду дело о вторичном браконьерстве того же Габдуллина было прекращено за отсутствием состава преступления. Райпрокурор никак не реагировал на эти явно неправильные действия нарсуда. Несмотря на то, что Комитет по заповедникам еще 14 марта с. г. обратился к прокурору Башкирской АССР с просьбой принять меры к организации действительной борьбы с нарушителями правил о заповедниках, никакой реальной борьбы с этими нарушениями в Башкирской АССР не ведется.

Даже по такому серьезному делу, как убийство наблюдателя охраны Башкирского заповедника Макарова, органы расследования приступили к следствию только на третий день после убийства.

Предлагаю:

1. Всем органам прокуратуры обеспечить срочное расследование дел о нарушениях правил охраны государственных заповедников и установить наблюдение за разрешением этих дел в суде.

2. Прокурору Башкирской АССР представить мне разъяснения о том, какие меры были им приняты в связи с упомянутым выше обращением к нему Комитета по заповедникам и в каком положении находятся в настоящий момент уголовные дела, возбужденные органами охраны Башкирского государственного заповедника.

Прокурор Союза ССР — А. ВЫШИНСКИЙ

17 октября 1937 г.

№ 75/4.

ОБ ОБЛАСТНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СВОДКАХ О НАРУШЕНИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ

Харьковская областная прокуратура ввел в практику составление и рассылку районным прокурорам сводок о выявленных органами прокуратуры фактах нарушения революционной законности по области.

Сводки эти составляются по материалам, поступающим в облпрокуратуру (жалобы, протесты районных прокуроров, акты проверки райпрокуратур и пр.), и имеют своей целью обратить внимание районных прокуроров на

наиболее распространенные и злостные виды нарушений социалистической законности для того, чтобы усилить борьбу с ними.

Считая, что это начинание Харьковской областной прокуратуры может принести значительную пользу в работе районных прокуроров по общему надзору, рекомендую провести это мероприятие во всех республиканских, краевых и областных прокуратурах.

Необходимо, однако, учесть, что указанные сводки дадут положительный результат только в том случае, если будет обеспечено высокое качество этих сводок и достигнута оперативность в их составлении и рассылке. В частности, нельзя допускать, чтобы сводки ограничивались одним перечислением нарушений, надо, чтобы из этих нарушений делались обобщенные выводы и давались указания о способах борьбы с ними. В соответствии с этим работа по составлению сводок должна быть поручена только работникам с достаточной деловой квалификацией и политическим опытом.

О ваших мероприятиях по этому вопросу сообщите в Прокуратуру Союза ССР.

Прокурор Союза ССР — **А. ВЫШИНСКИЙ**

20 октября 1937 г.

№ 76/24.

*НКЮ союзных и автономных республик
Председателям краевых и областных судов*

ПОПРАВКИ К ПОСТАНОВЛЕНИЯМ ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ НКЮ СССР ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

В разосланные постановления Всесоюзного совещания при НКЮ СССР по гражданским делам внести следующие поправки.

1. Пункт 11 постановления о практике применения закона от 27 июня 1936 г. по гражданским алиментным делам изложить:

«При поступлении на одного ответчика нескольких исполнительных листов, превышающих в итоге установленный законом лимит взыскания в 50% зарплаты ответчика, строго соблюдать установленную законом первоочередность удовлетворения алиментных взысканий».

(Предусмотренный пунктом в старой редакции порядок разрешения вопроса о распределении сумм между взыскателями по закону 27 июня 1936 г. будет установлен специальной инструкцией. Впредь до издания инструкции распределение в этих случаях производить применительно к порядку, установленному пунктом «г» ст. 266 ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик.)

2. Пункт 11 постановления об исполнении судебных решений изложить:

«Совещание обращает особое внимание всех судов и НКЮ республик на большое политическое и практическое значение вовлечения общественности в работу по исполнению решений путем создания на крупных предприятиях контрольных постов по наблюдению за исполнением решений (удержание алиментов), создания при каждом суде актива из народных заседателей для помощи в деле исполнения решений и т. п.».

Народный Комиссар Юстиции Союза ССР
Н. КРЫЛЕНКО.

9 февраля 1937 г.

№ А-4-22.

СВОДКА ВАЖНЕЙШИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР ЗА АВГУСТ И СЕНТЯБРЬ 1937 г.

1. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. О разделении Народного комиссариата тяжелой промышленности — пост. ЦИК и СНК СССР от 22/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 57, ст. 239).

2. О выделении из состава Народного комиссариата тяжелой промышленности машиностроительной промышленности и организации Народного комиссариата машиностроения — пост. ЦИК СССР от 29/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г., № 58, ст. 248).

3. Об изменении постановления ЦИК и СНК СССР от 17 июля 1935 года «О въезде и проживании в пограничных полосах» — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 59, ст. 251).

4. О преобразовании Комитета резервов в Управление государственных резервов при СНК СССР — пост. СНК СССР от 29/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 59, ст. 255).

5. Об учреждении и организациях, непосредственно подчиненных Всесоюзному комитету по делам искусств при СНК Союза

ССР — пост. СНК СССР от 3/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 59, ст. 256).

6. Об изменении структуры Госплана Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 62, ст. 270).

7. Об организации в Народном комиссариате зерновых и животноводческих совхозов Союза ССР Отдела ветеринарной службы — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 62, ст. 271).

2. Военное и морское дело

3. О дополнении постановления ЦИК и СНК СССР от 22 сентября 1935 года «О введении персональных военных званий начальствующего состава РККА и об утверждении Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» — пост. ЦИК и СНК СССР от 5/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 51, ст. 219).

9. О дополнении постановлений СНК Союза ССР о форме одежды и знаках различия командного и начальствующего состава сухопутных, воздушных и морских сил РККА — пост. СНК СССР от 5/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 51, ст. 220).

10. Об утверждении Положения о военных комиссарах Рабоче-крестьянской красной армии—пост. ЦИК и СНК СССР от 15/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 55, ст. 233).

11. Об изменении положения о Военном совете округа (флота, армии) Рабоче-крестьянской красной армии—пост. ЦИК и СНК СССР от 14/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 55, ст. 234).

3. Здравоохранение

12. О порядке проведения медицинских операций—пост. СНК СССР от 15/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 62, ст. 274).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

13. О порядке ликвидации имущества и расчетов законченных строителств—пост. СНК СССР от 4/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г., № 50, ст. 213).

14. Об организации Главного управления подсобных предприятий текстильной промышленности Наркомлегла СССР—пост. СНК СССР от 11/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 55, ст. 236).

15. О котлонадзоре—пост. СНК СССР от 21/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 56, ст. 238).

16. О реорганизации спиртовой и водочной промышленности—пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 59, ст. 252).

17. О порядке утверждения видов топлива для вновь строящихся и реконструируемых предприятий—пост. СНК СССР от 17/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 61, ст. 268).

2. Земля и сельское хозяйство

18. Об изменении ставок натуроплаты за работы МТС в колхозах по льну-кудряшу, сафлору, озимому рапсу и колъзе и о снижении ставок натуроплаты по горчице—пост. СНК СССР от 4/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 50, ст. 210).

19. О плане зяблевой пахоты под яровые посевы 1938 года—пост. СНК СССР от 11/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 53, ст. 223).

20. О сельскохозяйственных продуктах совхозов, отпускаемых на общественное питание рабочих и служащих—пост. СНК СССР от 7/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г., № 53, ст. 228).

21. О порядке взыскания с колхозов не сданной в срок натуроплаты работ машино-тракторных станций—пост. СНК СССР от 14/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 54, ст. 230).

22. Об освобождении колхозов от возврата государству натурой из урожая 1937 года семян зерновых культур, семян многолетних трав и от обязательных поставок зерна с площадей, переданных колхозам совхозами и другими подсобными хозяйствами, в случае полной гибели посевов на этих площадях—пост. СНК СССР от 14/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г., № 54, ст. 231).

23. О порядке применения пункта «в» ст. 11 примерного устава сельскохозяйственной артели—пост. СНК СССР от 13/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 54, ст. 232).

24. О ценах и кондициях на торговое зерно из урожая 1937 года—пост. СНК СССР от 13/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 57, ст. 243).

25. О льготах хозяйствам голыдов, тазов и нанайцев, переходящих на оседлость в районах Дальне-Восточного края—пост. СНК

СССР от 19/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 57, ст. 245).

26. О порядке отнесения колхозов к той или иной группе по размерам урожайности технических культур для определения ставок натуроплаты работ МТС—пост. СНК СССР от 3/IX 1937 г. (С. З., 1937 г. № 58, ст. 249).

27. О мероприятиях по улучшению племенного дела—пост. СНК СССР от 1/IX 1937 г. (С. З. 1937 г., № 59, ст. 253).

28. Об отмене вредительских стандартов на сортовые и рядовые семена—пост. СНК СССР от 13/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 60, ст. 261).

29. Об инструкции Главного управления лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР от 25 апреля 1937 г.—пост. СНК СССР от 10/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 60, ст. 265).

30. О порядке материально-технического снабжения трестов пригородных хозяйств—пост. СНК СССР от 15/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 61, ст. 269).

III. ФИНАНСЫ

31. Об изменении постановления СНК Союза ССР от 19 июля 1934 года «Об обязательном окладном страховании в сельских местностях и городах»—пост. СНК СССР от 4/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 50, ст. 211).

32. Об изменении «Положения о сельскохозяйственном налоге»—пост. ЦИК и СНК СССР от 7/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 51, ст. 216).

33. О ликвидации фондов помощи лицам, пострадавшим от кулацкого насилия—пост. ЦИК и СНК СССР от 7/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 51, ст. 217).

34. Об отмене постановлений об отчислении из средств колхозов в сельский бюджет—пост. ЦИК и СНК СССР от 27/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 57, ст. 241).

35. О порядке финансирования агрозоомероприятий по коневодству—пост. ЦИК и СНК СССР от 17/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 57, ст. 242).

36. О затратах по строительству, производимому вне плана капитальных работ—пост. СНК СССР от 26/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 57, ст. 246).

37. О порядке расчетов по внутригородскому товарообороту—пост. СНК СССР от 31/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 58, ст. 247).

38. Об изменении «Положения о подоходном налоге с предприятий обществленного оборота»—пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IX 1937 г. (С. З. 1937 г., № 59, ст. 250).

39. О самообложении сельского населения—пост. ЦИК и СНК СССР от 11/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 60, ст. 258).

40. Об изменении ст. 11 «Положения о взимании налогов и неналоговых платежей»—пост. ЦИК и СНК СССР от 14/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 60, ст. 259).

41. О размере пени за просрочку платежей хозорганов—пост. СНК СССР от 14/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 60, ст. 260).

42. Об изменении постановления ЦИК СНК СССР от 17 сентября 1936 года «Об отмене некоторых льгот по налогу с оборотов и налогу с нетоварных операций»—пост. ЦИК и СНК СССР от 17/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 62, ст. 272).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

43. Положение об инспекторах по обязательным поставкам при районных уполномоченных Комитета заготовок — пост. СНК СССР от 21/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 63, ст. 277).

V. КОММУНАЛЬНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

44. О взимании с предприятий платы за спуск сточных неочищенных вод — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 53, ст. 222).

45. О распространении на дома, принадлежащие пограничным и внутренним войскам НКВД, постановления ЦИК и СНК СССР от 17 августа 1931 года «О выселении из домов, принадлежащих органам Народного комиссариата по военным и морским делам, лиц, не состоящих в рядах РККА» — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 62, ст. 273).

VI. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

46. Об отпусках для санаторно-курортного лечения — пост. СНК СССР от 9/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 53, ст. 225).

47. О заработной плате председателям сельских потребительских обществ — пост. СНК СССР от 9/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 53, ст. 226).

48. О рабочем дне конструкторов — пост. СНК СССР от 8/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 53, ст. 227).

49. Об утверждении инструкции ВЦСПС и Наркомздрава СССР «О порядке выдачи застрахованным больничных листов» — пост. СНК СССР от 14/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 54, ст. 229).

50. О ставках заработной платы нотариусам районных нотариальных контор и заведующих нотариальными столами в народных судах — пост. СНК СССР от 11/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 55, ст. 235).

51. О повышении нормы оплаты суточных и квартирных при служебных командировках — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 56, ст. 237).

52. О нормах выработки и об оплате шоферов, работающих на вывозке свеклы — пост. СНК СССР от 8/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 59, ст. 254).

VII. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

53. О порядке рассмотрения исков об оплате трактористов — пост. СНК СССР от 5/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 50, ст. 214).

54. О порядке взыскания с государственных учреждений, состоящих на государственном и местном бюджете, по исполнительным документам, выданным государственным, кооперативным и общественным организациям, и по заработной плате — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 51, ст. 218).

55. О введении в действие Положения о переводном и простом векселе — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 52, ст. 221).

56. О порядке взыскания с колхозов не сданной в срок патуроплаты работ машино-тракторных станций — пост. СНК СССР от 14/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 54, ст. 230).

57. Об изменении подсудности имущественных споров колхозов между собой и с государственными и кооперативными организациями — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 57, ст. 240).

58. О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик — пост. ЦИК СССР от 14/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 61, ст. 266).

VIII. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

59. О сокращении перечня форм первичного учета в сельских советах — пост. СНК СССР от 11/VIII 1937 г. (С. З. 1937 г. № 53, ст. 224).

60. О разделении Азово-Черноморского края на Краснодарский край и Ростовскую область — пост. ЦИК СССР от 13/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 61, ст. 267).

61. О разделении Харьковской области на Харьковскую и Полтавскую, Киевской — на Киевскую и Житомирскую, Винницкой — на Винницкую и Каменец-Подольскую и Одесской — на Одесскую и Николаевскую области — пост. ЦИК СССР от 22/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 63, ст. 275).

62. О разделении Северной области на Вологодскую и Архангельскую области — пост. ЦИК СССР от 23/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 63, ст. 276).

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая — 12 декабря	1
К 20-летию Октябрьской революции (доклад В. М. Молотова на торжественном заседании в Большом театре 6 ноября 1937 г.)	4
Открытое письмо окружным избирательным комиссиям	12
И. Крастин — Избирательное право гражданина	13
Меньшагин — Преступные посягательства на избирательную систему социалистического государства	20
С. А. — Социалистическая демократия и советы	26
Б. Борисов — Гражданский процесс за 20 лет революции	30
Е. Домбровский — Право застройки	37
С. Голунский — О прекращении уголовных дел	48
А. Елисеев — Пыль и грязь как улика	56
В. Дубиновский — Нужен ли коренной пересмотр авторского права	60
Н. Полянский — «Законность» в царских военных судах	64
А. Герцензон — Социалистическое уголовное законодательство в период до издания первого советского уголовного кодекса	75

ОБМЕН ОПЫТОМ

Об одном убийстве	86
О недостатках прокурорской работы по делам о спекуляции	88
Заметки прокурора	90
К вопросу о судебно-бухгалтерской экспертизе	90
О ведомственном «законодательном» творчестве	93
Ценный почин	94
Ненужные графики	95
Куйбышевская областная конференция союза работников суда и прокуратуры	96

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЗАЩИТЫ

Два собрания	97
«Достижения» отдела судебной защиты НКЮ СССР	99
О проекте нового положения об адвокатуре	100
Из одной крайности в другую	101

СУДЕБНО-НАДЗОРНАЯ ПРАКТИКА ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА

ПРАВО, ПРОЦЕСС И СУДОУСТРОЙСТВО В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Старые и новейшая «оговорки» в голландской конституции	110
Буржуазное «правосудие» в борьбе с детской преступностью	112
Федеральные суды США и жилищное законодательство эпохи Рузвельта	116

ОБСУЖДАЕМ НАШИ УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

СВОДКА ВАЖНЕЙШИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

126
129
131

Поправка к № 11 журнала «Социалистическая законность»

Страница	Колонка	Строка	Напечатано	Следует читать
16	правая	5—6 снизу	предупредило	предопределило

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Технический редактор Н. Рушковский

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК СССР, пом. 28.

Рукопись поступила в издательство 16/XI 1937 г. Подписано к печати 23/XI 1937 г.

Сдано в производство 16/XI 1937 г. 8½ п. л. 21,78 авт. листа. В одном бум. листе 216 000 зн.

Формат 72×108

Ю—4п.

№ 795

Уполном. Главлита Б—31074.

Зак. № 1612

Тираж 20500 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, Мал. Дмитровка, 18.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1938 ГОД

СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ И РАСПОРЯЖЕНИЙ РАБОЧЕ- КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Издается на языках союзных республик. Выходит по мере поступления законодательных материалов с приложением по окончании года алфавитного указателя.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. — 10 р.
на 6 мес. — 5 р.

СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ И РАСПОРЯЖЕНИЙ РАБОЧЕ- КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР

ВТОРОЙ ОТДЕЛ

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Опубликовываются международные договоры, конвенции и соглашения, постановления о награждении орденами, уставы юридических лиц, утвержденные правительством Союза ССР, и назначения руководящего состава высших правительственных учреждений Союза ССР. Выходит по мере поступления законодательных материалов с приложением по окончании года алфавитного указателя.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. — 12 р.
на 6 мес. — 6 р.

СОБРАНИЕ УЗАКОНЕНИЙ И РАСПОРЯЖЕНИЙ РАБОЧЕ- КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Выходит по мере поступления законодательных материалов с приложением по окончании года алфавитного указателя.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. — 8 р.
на 4 мес. — 4 р.

СОКРАЩЕННОЕ СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ СОЮЗА ССР и РСФСР ДЛЯ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ

Выходит два раза в месяц

ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. — 6 р.
на 6 мес. — 3 р.

Подписка принимается Торговым отделом Юридического издательства НКЮ СССР, Москва, Красная площадь, здание ЦИК СССР, пом. 28. Расчетный счет № 150304 в Московской городской конторе Госбанка. Подписка также принимается всеми отделениями и райбюро Союзпечати и всюду на почте.

СДАВАЙТЕ ПОДПИСКУ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ СССР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1938 ГОД

НА ЖУРНАЛЫ:

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ,

орган Прокуратуры Союза ССР

ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Выходит один раз в месяц

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес.—18 р.
на 6 мес.— 9 р.

СОВЕТСКАЯ ЮСТИЦИЯ,

орган Народного Комиссариата Юстиции Союза ССР, Верховного суда СССР,
Народного Комиссариата Юстиции РСФСР, Верховного суда РСФСР

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Выходит два раза в месяц

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес.—28 р. 80 к.
на 6 мес.—14 р. 40 к.

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО,

орган Института государственного права Академии наук Союза ССР

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Выходит шесть раз в год

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес.—18 р.
на 6 мес.— 9 р.

АРБИТРАЖ,

орган Госарбитража при Совнаркоме СССР

СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Выходит два раза в месяц

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес.—16 р. 80 к.
на 6 мес.— 8 р. 40 к.

Подписка принимается Торговым отделом Юридического издательства НКЮ СССР, Москва, Красная площадь, здание ЦИК СССР, пом. 28. Расчетный счет № 150304 в Московской городской конторе Госбанка. Подписка также принимается всеми отделениями и райбюро Союзпечати и всюду на почте.

СДАВАЙТЕ ПОДПИСКУ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Из писем и заявлений с мест, полученных Издательством, видно, что некоторые из судов, прокуратур, коллегий защитников, нотариальных контор остались в 1937 г. без журналов и Собраний законов и Узаконений.

Во многих случаях неполучение изданий Юридического издательства произошло по вине самих организаций, своевременно не подписавшихся на эти издания.

Организацию подписки на 1938 г. ведет Торговый отдел Юридического издательства.

В связи с открытием приема подписки на 1938 г., Юридическое издательство НКЮ СССР обращается ко всем судебным учреждениям, прокуратурам, коллегиям защитников, нотариальным конторам, юрисконсультам, юридическим институтам, школам и отдельным работникам с просьбой своевременно сдать подписку на журналы и Собрания законов и Узаконений.

Подписку и деньги следует направлять по адресу: Москва, Красная площ., здание ЦИК СССР, пом. 28, Юридическому издательству НКЮ СССР, или перечислять на его расчетный счет № 150304 в Московской городской конторе Госбанка.

Подписка принимается также уполномоченными издательства, снабженными специальными удостоверениями, всеми отделениями и киосками КОГИЗа, райотделениями Союзпечати и повсеместно на почте.